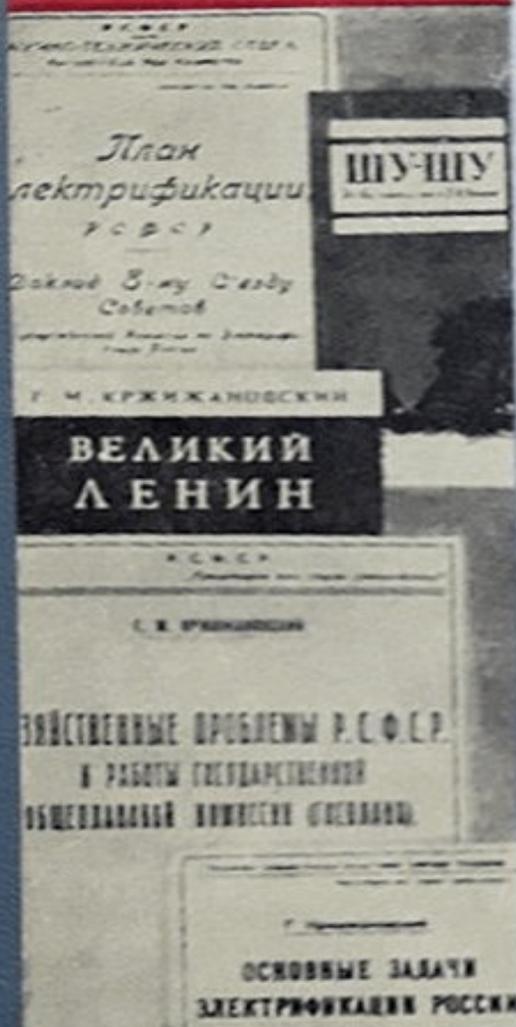
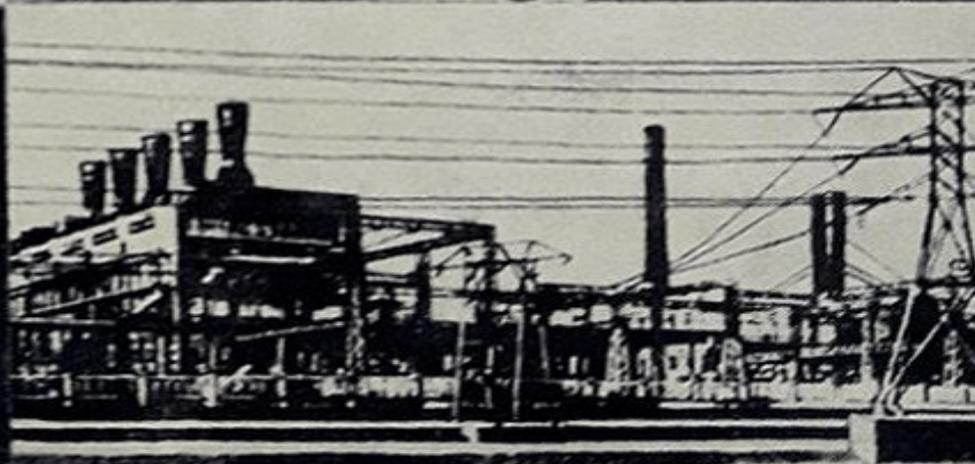

КРЖИЖАНОВСКИЙ

Вл. Карцев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Среди тех, кто рядом с Лениным прошел весь путь борьбы, ссылки и революции, был его ближайший друг Глеб Максимилианович Кржижановский. Инженер по образованию и поэт в душе, автор «Варшавянки», после победы Октября Г. М. Кржижановский весь пыл революционера, знания и талант отдал созданию единого Государственного плана развития страны. В осуществлении плана ГОЭЛРО, «второй программы партии», весь мир впервые зримо увидел социализм. Став вице-президентом Академии наук СССР, Г. М. Кржижановский активно боролся за то чтобы повернуть академию лицом к жизни, промышленности, сельскому хозяйству, к построению нового общества.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

-
- [Вл. Карцев](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [СЫН ВОЛГИ](#)
 - [РОДИТЕЛИ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ПЕЧАЛЬНОЙ ЛЮБВИ](#)
 - [«САМАРСКОЙ РЕКИ УТОПЛЕННИК»](#)
 - [ЦАРЕВЩИНСКИЕ ВЕЧЕРА](#)
 - [ПОЭТ, ИЛИ ЛЮБИМЕЦ ГУБЕРНАТОРА](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [«ТЕХНОЛОЖКА»](#)
 - [БРУСНЕВЦЫ](#)
 - [ГРОЗОВОЙ РАЗРЯД,](#)
 - [ЗЕМСКИЙ ТЕХНИК](#)
 - [ОПЯТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ](#)
 - [ТРАКТ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ,](#)

- В ДОМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
- Часть третья
 - ДОРОГА
 - ГЛЕБ И ЗИНАИДА
 - ПРОТЕСТ СЕМНАДЦАТИ
- Часть четвертая
 - СТАНЦИЯ ТАЙГА
 - МЮНХЕН, 1901 ГОД
 - СНОВА В САМАРЕ
 - «ЛЕТУЧИЙ ОТРЯД»
 - НА СВИДАНИЕ К «АЛЕКСАНДРУ»
 - ПЕРЕЕЗД
 - КИЕВ
 - ВО ГЛАВЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЗАБАСТОВКИ
- Часть пятая
 - НА НЕЛЕГАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ
 - СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ТРЕТЬЯ И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ
 - «ОБЩЕСТВО ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ 1886 ГОДА»
 - ГОД 1912-й
 - «ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧА»
 - РЕВОЛЮЦИЯ
 - ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ
 - НА ПОДСТУПАХ К ГОЭЛРО
- Часть шестая
 - РАЗГОВОР В КРЕМЛЕ
 - ВЫСОКАЯ ПРОЗА
 - САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ
 - ХРОНИКА ВРЕМЕН ПЕРВОГО ГОСПЛАНА
 - ДРУЗЬЯ УХОДЯТ...
- Часть седьмая
 - ПЯТИЛЕТКА
 - НАУКА ПЛЮС ПРАКТИКА
 - В ШТАБЕ НАУКИ
 - НАУКА — ФРОНТУ
 - ПОСЛЕДНЕЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
 -

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
-

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 9

(605)

Вл. Карцев

КРЖИЖАНОВСКИЙ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

© Издательство «Молодая гвардия», 1980 г.

J. K. Schulz

Часть первая

САМАРА

*Тому, кто здесь рожден,
не оторваться
от этих милых сердцу берегов...*

*Г. М. Кржижановский Из юношеских
стихотворений*

СЫН ВОЛГИ

...Волга до такой степени пронизывала глубины его существа, его сознание, что иногда, вспоминая ранние годы, он отсчитывал их с того момента, когда отец впервые вытащил его из Большой Реки. Он забыл, как его окунали в Волгу, но прекрасно помнил, как вознесся из воды, барахтаясь, смеясь, радуясь солнцу, воздуху, держащим его крепким рукам.

Читая о Реке Времени, о Лете, о Стиксе, он никогда не воссоздавал в своем воображении мрачных вод в гулких сырых подземельях, черных смоленых лодок на непроницаемой для света зеленоватой воде, печальных людей с чадящими факелами. Его Река Времени, его Большая Река была просто Волгой, знакомой с болезненных и бедных детских лет, она всегда разливалась в памяти в ее конкретных живых красках, плеске, движении, рыбных запахах. Он представлял себе, как когда-нибудь должен будет, как все смертные, завершив круговорот жизни, вновь погрузиться в воды, откуда вышел, но не вздрагивал от ужаса холодной неизвестности. Лета — этот образ забвения и смерти — вовсе не пугала его, принимая обличие Реки вечной жизни, Реки истории, Реки детства.

...В детстве его мучила загадка прозрачной вечности воды. В этой плотной, живой, убегающей, разбрызгивающейся прохладной радуге, проливающейся сквозь пальцы, он узнал символ вечного, но всегда ускользающего времени.

Он глядел сквозь воду на чистые, желтые камни дна, на пригревшихся ленивых рыб, на зеленые извивающиеся волосы водорослей и думал о том, что все проходит, но и все остается. Что более жива: мелькнувшая тень или вечная скала, разбивающая упругий поток? Целые дни, щуплый и большеглазый, проводил он, стоя где-нибудь под крутым бережком с прогретой солнцем травой, на неустойчивом плотике, по щиколотки в воде, с удочкой в руках. Глядя на вечное движение у его ног, он размышлял, грезил о неясном, только просыпающемся.

Но вот всплеск, бешеное верченье, удар о плотик, что-то живое, сильное, с блестящей чешуей заглохило и краснокрылого кузнечика, и крючок, и лесу, утянуло удилице в водоворот — редкая добыча, невозможно упустить! И Глеб, безрассудный, не умеющий плавать, бросается в погоню за чудовищем в воду, в камыши, забыв о том, каков он и какова добыча по размерам и силе. Он нахлебался воды, сознание его помутилось, все стало происходить гораздо медленней, чем в жизни, —

видимо, ослабла тугая пружина загадочного времени...

...Сойдя с теплых травяных берегов в глубокий прохладный поток, он понесся в нем, в струях чистых и прозрачных, погрузив в воду раскаленное лицо. Открывая теперь глаза, он мог наблюдать мелькающие световые пятна, рождаемые колышущейся водой на каменистом дне, и видеть там собственную тень, живую и таинственную, еще полную жизни, иногда тонкую и длинноногую, принадлежащую, видимо, краснокрылому кузнечику, а иногда широкою и расплывчатую тень плотика, скользящую по неподвижным тупоносым рыбам, чуть шевелящим в потоке толстыми длинными усами, поворачивающим вуалетки хвостов сообразно колебаниям струй.

И вот тень его, с раскинутыми руками и рыбьим хвостом, непрерывно изменяющаяся, заскользила над россыпями речных золотоносных песков, и сияющие крупинки, поднятые маленькими водоворотами струй вокруг его тела, шевелились и тяжело противостояли ласковой силе потока, собираясь в желобках, вылизанных в толще скалистого русла мягким языком воды. Нет страха, нет отчаяния, нет сожаления ни о чем в этих переплетающихся струях вечности, в шевелящихся водорослях, в быстрых и ласковых потоках, имеющих одно направление — гибель...

Тут водоворот развернул его глазами вверх, в голубое весеннее небо, где проплывали летящие в никуда армады белых пухлых рыб, и Глеб встрепенулся; он слабо и беспорядочно зашлепал руками, и Большая Река заботливо подхватила его, вынесла, расцарапанного, на песок...

Что это было? Видел ли он то, что бывает после смерти? Если так, то это оказалось совсем не так страшно. С тех пор он никогда не боялся сойти в воды Большой Реки. Большая Река была рекой его жизни.

...Приключение возвратило его к действительности, к реальному городку Самаре, без сомнения, тоже рожденному Волгой, ее просторами и неторопливым течением. Он там жил.

«Моя родина Самара, — писал академик Кржижановский много-много лет спустя в своей так и неоконченной автобиографии, — была в те времена весьма скромным губернским городком с населением каких-нибудь 60 тысяч жителей. Летом в этом городе столбом стояла несусветная пыль от грубых мостовых из волжского известняка. А зимой этот известняк покрывался густым снежным покровом, который почему-то под копытами лошадей получал своеобразную волновую поверхность. Едешь, бывало, на примитивных саночных полозьях, а покачиваешься, как на морских волнах...»

Когда зима кончалась, вдоль улиц, вдоль спусков в обе стороны — к

Самарке и к Волге бежали ручьи. Они проливались сквозь молодые деревья Струковского сада, как через пальцы, прозрачной вечной материей, возникшей из чистого снега, не потревоженного дымом заводов.

Вода текла весной, во время таяния снегов, и летом, во время теплых гроз. Она журчала вдоль самарских улиц, и те превращались в реки, и дома превращались в берега. А плоские плиты мостовых превращались в речные камни, промытые, чистые, как создания девственной природы, а не человека. И за ногами голыми — водовороты, и в воздухе — ароматы проснувшейся Большой Реки. И проснувшегося его сознания.

Вода текла и осенью под холодным непрекращающимся дождем. Вода, все время меняющая форму, превращающаяся в дождь, ручей, снег, была вечной спутницей самарской жизни. С водой уходило меж деревьев, меж домов, меж пальцев таинственное время.

...Роды у его матери принимала молодая неопытная акушерка с неловкими руками и ранимым сердцем. Когда крик младенца — это был мальчик — наконец огласил унылые стены родильного заведения для бедняков, она тихо произнесла:

— Боже мой, зачем они это делают? Плодят таких ате несчастных...

— Он будет еще несчастней, чем ты думаешь, — отозвалась вторая, обмывавшая мальчика, — он еще и незаконнорожденный.

...Юная мать с усилием открыла глаза, не в силах пошевелиться, внимательно всматривалась в маленькое незнакомое личико.

Это произошло в Самаре 12 января 1872 года по старому стилю.

РОДИТЕЛИ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ПЕЧАЛЬНОЙ ЛЮБВИ

К несчастью, все то, о чем говорилось в родовспомогательном заведении, было правдой. Мальчик, которого назвали старинным родовитым именем Глеб, родился хилым, бедным и незаконнорожденным. Фамилию ему дали по крестному отцу — Кржижановский. Он же был и истинным отцом, любящим и заботливым. Никакие жизненные препятствия не могли его озадачить, сбить тот уверенный и веселый настрой, в котором жил он сам и которым сумел заразить свою маленькую счастливую семью.

— Смотри, Глебушок, на птиц небесных, — приговаривал он ласково, а сам что-то чинил, клеил, мастерил, — смотри, Глебушок, и учись. Птицы, Глеб... — А тот уже ждал этих слов, громко и радостно отзывался, как зачарованный глядя на отца:

— Не сеют, не жнут, а гнезда вьют!

— И гнезда вьют и сыты бывают. Так и мы, Глебушок, с тобой и с мамой.

Сын тихо восхищался им.

Отец, Максимилиан Николаевич Кржижановский, был родом из Сибири, из Тобольска, как и брат его Александр. Там жил их отец, сильно обрусевший поляк, сгорающий от ненависти к русскому царю и пожинаящий плоды ответного чувства.

Максимилиан подавал с детства большие надежды: у него с возрастом обнаружили золотые руки, светлая голова и неотразимая внешность.

Казанский университет, о котором он мечтал, был покорен с первого натиска. Максимилиан начал изучать физику, но разрывался между десятками манивших его новых увлечений. Одно время он склонялся к химии, потом — к юриспруденции. Его студенческое дело полно просьб об отсрочке экзаменов. Он тем не менее, написав удостоенную золотой медали кандидатскую диссертацию «Об определении удельной плотности паров», закончил университет и мог приступить к практической работе или же идти преподавать. Ни то, ни другое не соответствовало стремлениям и темпераменту Максимилиана.

В этот момент в его жизнь вмешивается тайна. Он внезапно покидает Казань, в тот же самый день, когда из Сибири исчезает его брат Александр. Зачем, почему?

Но, видимо, серьезны были причины для бегства, для исчезновения Максимилиана из Казани и появления его в Оренбурге. Он оказался здесь без денег, без работы, без видов на будущее. Теплая весна спасала его от забот об одежде, а жизнерадостный нрав — от отчаяния.

На одной из улиц русской части города, с ее неосновательными претензиями на чистоту и благоустройство, он увидел немецкую аптеку Розенберга, а в ней девушку, дочь аптекаря Эльвиру. И понял, что она — та самая, единственная. Была весна, потом лето, и яркие южные звезды часто заставляли их в пропахшей полынью степи. Они виделись каждый день, он жил случайными заработками, ночевал на базаре с узбеками.

Их связь была раскрыта, и отец проклял Эльвиру. Уже назавтра они бежали из Оренбурга. Куда? Они плохо представляли это, садясь в третий класс поезда, идущего на север, в глубь России, от надворного советника Эрнеста Христиановича Розенберга, его дома, аптеки и многочисленной родни.

Денег хватило до Самары. Тут и решили остановиться, обосноваться, зажить оседло и счастливо. Ночь с поезда проходили по Самаре, прижавшись друг к другу, спасаясь от холодного взгляда Волги.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, чем бы завершилось печальным, если бы не их счастье встретить того единственного, может быть, в Самаре человека, который мог тогда помочь. Прямо по Николаевской навстречу им шла с полными ведрами Надежда Васильевна Васильева, добрейшей души женщина, известная всей Самаре тем, что нуждающимся и страждущим, не раздумывая, протягивала руку помощи. Сразу разглядела и молодые лица, и трепаную одежонку, и начинавший уже округляться живот Эльвиры. Она поняла, что за пара движется ей навстречу, опустила коромысло и начала расспросы. Все оказалось примерно так, как она и предполагала: влюблены, невенчаны, разлучит только смерть и нет ни копейки денег.

Она привела их в свой дом, обычный рубленый самарский дом с наличниками, петухом на крыше, большим двором, поросшим кустами и высоченной некошеной травой.

Вышел и хозяин, собравшийся с утра на службу, хмурился на утреннем солнце. С виду он походил на мелкого чиновника, каковым и оказался. Он работал канцеляристом в полицейском участке. С сомнением посмотрел Константин Прохорович на новых жильцов, вздохнул, перекрестился и пошел вон. Он никогда не мешал жене, понимая, что ее руками бог творит добрые дела на земле. Многие в Самаре знали, как она вошла в горящую избу и, сама обгорая, вынесла оттуда женщину.

— А звать-то вас как, величать как? — спросили молодые.

— Надеждой, — вдруг застеснявшись, промолвила она и скрылась в горнице.

Надеждой!

Это было доброе предзнаменование — Надежда вошла в их только что начавшуюся жизнь.

Хозяйка открыла им почти безнадежный кредит, и они начали здесь, на Николаевской улице, новый этап своей теперь уже семейной жизни. Максимилиан уже был женат, и они не могли узаконить своих отношений и, признаться, мало заботились об этом, пока у них не родился первый ребенок — сын, которого решили назвать Глебом. Здесь им пришлось изрядно покрючкотворствовать, чтобы дать сыну фамилию отца, и милейший Константин Прохорович подсказал им решение: родному отцу выступать на крестинах крестным отцом и дать таким образом сыну свое имя.

Мать плакала при рождении сына не столько от боли, сколько от предчувствия тех испытаний, которые должны выпасть на его долю. Максимилиан, напротив, был настроен оптимистически и смог внушить это чувство своей избраннице.

Отец был высок, красив, черноволос, умелец на все руки. В поисках заработка он перепробовал десятки профессий. Чинил самовары, потом клеил из белого толстого картона сложные геометрические фигуры для школ, преподавать в которых теперь из-за предосудительного своего поведения не имел возможности, если бы и захотел. Иногда он делал фигуры из папье-маше — они могли принимать любую форму, поддаваясь умелым рукам отца. Одна из таких фигур имела волшебное название: «пентагональный додекаэдр». Он был красив и дорого стоил.

Маски для маскарадов стоили дешевле, но делать их было так весело, раскрашивать так приятно! Из-под рук отца выходили белые клееные заготовки, а мама обрезала их, красила, лакировала. На долю Глеба оставалось смотреть, удивляться и завидовать. Он обычно занимался этим, сидя на письменном столе. За послушное поведение и восхищенные глаза отец как-то выклеил Глебу много белых кубиков, на которых мама написала цветные буквы.

— Это, Глебушок, — «глаголь», это — «люди», это — «есть», это — «буки». Вместе — «Глеб». Понимаешь?

Глеб пугающе быстро постиг эту хитрую механику, увидев за миром кубиков, за миром написанных на них букв, за миром обозначающих их слов другой мир, раскрывающийся перед ним, — мир чтения. К четырем

годам он читал уже довольно бегло.

Кубики скоро стали ненужными. Отец тоже быстро охладел к своим сложно-простым фигурам, к маскам — это казалось ему слишком однообразным. Его друзья — Горнич и Аргентов о чем-то все время спорили с ним, в чем-то убеждали. Горнич был врачом, он лечил совершенно новым способом — кумысом, и, что удивительнее всего, его больные быстро выздоравливали; его слава росла и переходила даже границы России. Прошлого его было ужасно и романтично: он участвовал в восстании поляков в 1863 году. Ему были приготовлены виселица, палач, веревка, повязка на глаза — она уже надета. И только в этот страшный момент прискакал фельдъегерь, привез повеление заменить казнь ссылкой. Одна могила, видно, могла избавить Горнича от крамольных мыслей. Горнич и отец были связаны какой-то тайной. Часто в дом приходили незнакомцы. Уходили они снабженные деньгами Максимилиана, изъятыми из более чем скромного семейного бюджета, одежкой с собственного его плеча. Эльвира Эрнестовна молча наблюдала за всем, но на немой вопрос отец отвечал с неизменной улыбкой:

— Не пекись об утре, Эльвира. Утро само печется о нас...

Аргентов, напротив, не был изгнанником, он был уважаемым самарским адвокатом. Беседы с Максимилианом позволили ему увидеть в Кржижановском незаурядного логика, знатока сложных российских законов и, наконец, человека, много страдавшего и потому справедливого. Неожиданно Аргентов предложил отцу стать «вольным» адвокатом, адвокатом без образования, но все же в после-реформенном суде фигурой вполне законной, хоть и не слишком хорошо оплачиваемой. На этой стезе Максимилиан внезапно ощутил себя на месте, его жизнь обрела смысл и значение. Он находил себе дела безнадежные, не сулящие заработка, связанные с защитой оскорбленных и униженных. По вечерам он листал казенные бумаги, читал юридические трактаты, Белинского и Чернышевского.

— Лучший судья — это совесть, — говорил он, задумчиво глядя на Глебушка, уставившегося на него своими громадными глазами. Он подходил к Глебу, гладил его и приговаривал:

— Глебушок, Глебушок, золотой гребешок.

Потом переходил к соседней кровати и говорил:

— Тоник, Тоник, наш маленький слоник.

У Глеба появилась сестренка Антонина, на два года моложе его.

Одно из дел, за которое взялся отец, было связано с поездкой в страшную глухомань, где небольшая, затерянная в глубине приволжских

степей крестьянская община подвергалась жестоким издевательствам со стороны крепкого хозяйством и разбойного мужика.

Максимилиан выехал зимой, в санях, запряженных лошадей старой и неразумной. Она не почуяла опасности в прогибавшемся льду переправы через небольшую речку, сани провалились, отец насквозь промок и на снежном ветру схватил жесточайшую простуду.

Приехав, никак не мог согреться. Затопил пожарче печь. Отца била дрожь. Назавтра он слег, через неделю Горнич опознал воспаление легких, пробовал лечить кумысом. Еще через несколько дней у Максимилиана Николаевича появились яркий румянец, слабость, свет в глазах. Начиналась скоротечная чахотка. Отец кашлял, худел и неотвратно подталкивался тайными силами болезни к неминуемой смерти. Когда исход был уже ясен, Горнич велел привести детей. Глеб Максимилианович не смог забыть печальных глаз отца и через восемьдесят лет: «...Отчетливо припоминается то душевное смятение и тот ужас, которые охватывали мою младенческую душу, когда меня с двухлетней сестрой Тонечкой привели прощаться к смертному одру отца. Помню его бледное лицо и огромные, чего-то ищущие глаза. А когда меня через несколько часов подвели к той же кровати, на которой лежал отец, но уже с закрытыми медными пятаками глазами, я поднял такой крик отчаяния, что меня на руках пришлось унести из комнаты...»

Отца похоронили над Волгой. Одинокая унылая песня и тяжелый звон колокола известили о его слиянии с Большой Рекой.

Потеряв отца, Глеб все свои чувства отдал матери. Он помнил себя охваченным той особой любовью, при которой все его «бытие казалось лишь частицей бытия другого, высшего существа». Для него, как он вспоминал много позже, стало «невыразимым мучением всякое отсутствие матери, ее минутные даже отлучки». Он стремился не отходить от нее ни на шаг, опасаясь, что в момент отсутствия с ней может случиться что-то тяжкое, как это было с отцом.

Он впоследствии плохо помнил ее молодой. Золотая корона, уложенной на голове косы, голубые добрые глаза... все остальное взмутил бег прожитых лет.

После смерти отца мать осталась без всяких средств к существованию. Пробовала, как отец, делать маски — не получалось. В порыве отчаяния, распрощавшись с Надеждой Васильевной, она собрала детей и пожитки, села на поезд и вернулась домой, в Оренбург.

Отец принял беглую дочь, но решил дать ей испытать до дна горькую чашку искупления и раскаянья. Она была помещена к прислуге. Там на

жесткой скамье спали они втроем, укрываясь лишь верхним платьем.

Оренбург поразил Глеба своим восточным пестроцветьем, дворцами из сказок, речкой Сакмарой в изумрудных берегах, верблюдами, важно вышагивающими, надув нижнюю губу, по пыльным оренбургским улицам. Ему нравилось в Оренбурге, и он с удовольствием бы там остался.

Надворный советник, добропорядочный волжский немец, был, однако, другого мнения. Он боялся за свою репутацию. Дочь его тоже не могла переломить своей гордости. Окончилось разрывом. Эльвира Эрнестовна выехала с детьми обратно в Самару, подкрепленная отступной суммой отца и обещанием брата отсылать ей двадцать рублей ежемесячно.

Глеб помнил: когда они отъезжали из Оренбурга, все небо позади было охвачено заревом.

— Это горят мосты, — тихо сказала мать и заплакала, по Глеб ее не понял.

Начались новые мытарства, поиски опоры, надежных средств к существованию. Теперь они поселились на окраине Самары, у свалок и казарм, где все было дешево и не нужно было испытывать доброту отзывчивой Надежды Васильевны. Эльвира Эрнестовна, прослышав где-то о выгодности собственного «дела», на те немногие деньги, которые получила, завела бакалейную мелочную лавчонку для солдат и пробовала торговать в ней. Солдаты охотно посещали лавку, убегая с расположенного неподалеку плаца. Они брали махорку, ландринки, мыло, сахар, подсолнечное масло, но просили о кредите. И Эльвира Эрнестовна, познавшая нужду и сочувствующая ей, открывала все новые и новые страницы своей кредитной тетради, которая вскоре оказалась заполненной, в то время как кошелек совсем опустел. Она обанкротилась. Солдаты долгов не возвращали, их жизнь была подвержена секретным законам перемещений, они уезжали куда-то, возвращались, потом снова уезжали, потом появлялись другие, а первые исчезали навсегда, втайне радуясь маленькой удаче невозвращенного долга.

Бакалейная лавочка вскоре была продана с молотка. Эльвира Эрнестовна, однако, отличалась столь редким сочетанием неувыдаемого оптимизма и трудолюбия, что даже в таких беспросветных условиях не пала духом, памятуя, что лишь напряжение всех сил, но не пассивное отчаяние — единственный выход из страшного положения.

Следующая ее затея, также, впрочем, потерпевшая фиаско, — карьера домашней учительницы немецкого языка. Эльвира Эрнестовна, разумеется, прекрасно знала немецкий язык. Теперь она решила извлечь доход из этого семейного наследства. Но и новый этап поисков финансовой опоры

оказался неудачным. Принять невенчанную учительницу в приличный дом? С двумя детьми, прижитыми в так называемом гражданском браке? Это было выше понимания самарских толстосумов, — они и близко не желали подпускать такую учительницу к своим детям.

Перебирая все «богатства», которыми обладала, все, что умела и чем могла зарабатывать на хлеб, Эльвира Эрнестовна наткнулась однажды на счастливую идею: она должна использовать свое умение вкусно готовить!. Эта идея позволяла пустить в ход все: и свой домик, и свои руки, и свое умение — для получения заработка. Она решила сдавать внаем комнаты и готовить дешевые домашние обеды для учеников, приезжавших в Самару из далеких деревень губернии. Глеб и Тоня окрестили их неблагодарно «нахлебниками», забывая о том, что деньги этих ребят, не умевших «сидеть за столом», держать нож и вилку, стали основным источником дохода небольшой семьи.

Обеспечив за счет тощего заработка с «нахлебников» возможность скромного существования, Эльвира Эрнестовна занялась воспитанием детей. Сначала это были многочисленные книги. Под влиянием чтения Глеб уже к пяти годам стал порядочным, как он сам выражался, «начетчиком», свято веруя во все то, что воспроизведено на бумаге при помощи типографской машины. Книжная правда была для него высшей правдой жизни. От «Волшебных сказок» Гофмана он перешел к «Истории» Иловайского, где отразились свежие впечатления последней войны России с турками на Балканах за освобождение славянских народов. В пять лет он мог повторить без запинки фамилии всех генералов — героев Плевны. Особенно ему нравился генерал, внезапным ударом проникший через Троянский проход в самое сердце турецкой армии и разгромивший ее. Подвиг русских воинов на поле Куликовом наполнял его сердце гордостью. Глеб ненавидел несправедливость, захватничество, угнетение.

...Глебу восемь лет. Его ведут в начальное городское училище. Он идет по коридору, полы в шахматную клетку, рядом шагают новые товарищи — еще вчера он не подозревал об их существовании! Сердце маленького Глеба переполнялось нежностью ко всем этим мальчикам, которых судьба подарила ему в друзья.

Его они, однако, подарком не сочли. Когда парадный обход училища был окончен, ученики распущены, и Глеб двинулся было вверх по улице, его окружила толпа.

Придаться было не к чему, разве что к небольшому росту да очкам. Один из краснощеких снял фуражку, засучил рукава куртки, заложил одну руку за спину.

— Бью тебя одной рукой, — сказал он довольно миролюбиво.

Поединок получался не в пользу Глеба, и ему оставалось лишь продемонстрировать то мужество, с которым он перекошил тумачи — и здоровые!

Прошла больная и шумная вечность, все замерли. Видно, ждали чьего-то слова, и оно не замедлило.

— Хватит лупцевать этого цыпленка. Видать, он мужчина храбрый. Беру под защиту.

Это был атаман, верзила Шашакин. Глеб и сам не раз после этого был молчаливым и пассивным участником ритуала посвяжительного избиения.

Городское училище не оставило ярких воспоминаний — одни тумачи и зубрежка. Впрочем, однажды была в училище силами учителей и учеников разучена и поставлена оперетка «Иванов Павел», которая прошла с беспрецедентным успехом. Соль произведения заключалась в том, что некий Иванов Павел, лентяй и оболтус, готовится к экзаменам, а когда их пора приходит, не может ответить на простейшие вопросы преподавателей:

Учитель математики: «Ну, Иванов, начинайте, не робейте, отвечайте, расскажите наудачу нам по алгебре задачу. Сколько ведер из бассейна можно выкачать портвейна?»

Подхватывает историк: «И в конце какого века был основан город Мекка? И какие папирасы курил Фридрих Барбаросса?»

Географ: «Как проехать нам из мрака, не заехав в Тропик Рака?»

Венцом всех ужасов был преподаватель русского языка, который задавал «вопрос извечный, вопрос извечный, вопрос извечный: ведь неудобно же, конечно, писать «собаку» через «ять»!»

Тут вступал хор, и Глеб старался больше всех, выводя тоненьким голоском:

«Кто не знает буквы «ять», буквы «ять», буквы «ять», где и как ее писать, да, писать, да. Гнезда, седла, звезды, цвел, звезды цвел, звезды цвел, цвел, надеван, приобрел, приобрел, да!»

Кончалась оперетка тем, что на сцену выносили громадный дневник, куда захлопывали непутевого ученика. Потом дневник открывали, и там был уже только отпечаток Павла Иванова. Это приводило всех в неопишуемый восторг, особенно Глеба, который узнавал в герое оперетки многих своих товарищей по классу.

Глеб окончил училище первым учеником, что очень обрадовало мать еще и потому, что освобождало от платы за обучение в следующем учебном заведении — Самарском реальном училище.

«САМАРСКОЙ РЕКИ УТОПЛЕННИК»

Когда кончается детство? Знает ли кто-нибудь умудренный? Оно так плавно переходит в другие возрасты жизни, что не уследить, не поймать его милого хвостика, а иногда он волочитя, длиннющий, всю жизнь. Детство Глеба Кржижановского плавно перешло в отрочество и сразу — в зрелость, не покидая его совсем. Когда реальное образование было предпочтено классическому, древние языки — физике и математике, тогда календарь лет сказал: настала пора прощаться с тем, что ушло навсегда.

Угловой дом с высокими окнами, с надписью «Самарское реальное училище имени Александра I Благословенного» распахивал двери отрочества перед мелким не по годам, глазастым мальчиком, одетым в форму, при фуражке, на которой написаны были чуть не золотом три огненные буквы: СРУ.

Реальное училище потрясло Глеба своим невиданным размахом и великолепием. Храм. Кабинет директора с диковинным прибором «Озонэйр» из Лондона. Чугунный Пушкин работы Опекушина. Письменный прибор с черепом и костями. Свечи. Счеты. Печь. Окно. Два кресла. Портрет Петра Великого. Часы под стеклянным колпаком.

Актовый зал. Полукруглый свод — как не падает? Ложи. Бюсты каких-то великих. Портрет Александра I во весь рост. *Двести кресел.*

Естественно-исторический кабинет! Скелет орла. Громаднейший, куда больше Глеба, глобус на полу, с таинственными рычагами, кругами, указателями, стрелками, нерусскими красивыми письменами. Шкафы со стрелчатými стеклянными дверцами. Электрические диски со щеточками — электрофорная машина: большая ценность. Физический кабинет — но не он поразил воображение Глеба, не он овладел его помыслами.

Первым предметом, на который, используя уроки прошлого, подналег Глеб, первым по важности для него предметом стада физическая подготовка. Он не покидал прекрасного гимнастического зала, выполняя хитроумные упражнения на шведской стенке, перекладине, брусьях. Он приходил в зал до уроков, оставался в его гулком одиночестве после того, как уроки кончались. Вскоре у него появились маленькие мускулы, потом они округлились и окрепли. Никогда не нападая, он научился прекрасно обороняться. Кличка «цыпленок», пришедшая с ним из начального училища вместе с Шашакиным и другими теперешними реалистами, не закрепилась. Его стали звать уважительно «профессор», иногда — «крыж»,

а иногда и «Глебася».

Училище имело явный технический уклон. В токарных, слесарных, переплетных мастерских Глеб впервые с удовлетворением узнал силу своих рук и в ином смысле. В конце концов он увлекся физикой. Его восхищало величие ума ученых, сумевших разгадать то, что для других было покрыто тайной. Это восхищение поддерживал у реалистов Павел Александрович Ососков, передовой по тому времени педагог. Не ограничиваясь физикой, он пояснял законы всеобщего развития примерами дарвинизма. Он ездил с ребятами на парходике вдоль Жигулей, показывая на отложениях геологических слоев, в каких из них может быть древний обуглившийся лес, в каких — останки доисторических животных, где искать следы исчезнувших морей. Ососков не боялся поспорить даже с авторитетами учебников истории.

Учитель немецкого, Иван Федорович Иерг, обрусевший немец, превосходно знал классиков и привил эту любовь Глебу. Романтический Шиллер, раздумчивый Гёте, злоязычный Гейне на несколько лет стали его друзьями и советчиками. Он однажды обнаружил у себя прекрасную память и пользовался ею в свое удовольствие. Выучивал наизусть «Разбойников», «Эгмонта», «Дон-Карлоса», «Вильгельма Телля», Особенно ему нравились строки:

*Боишься жизнью рисковать —
Тебе успеха в ней не знать.*

Иерг поражался необыкновенным способностям Глеба и, желая получить от своей работы хотя бы немного удовольствия, просил его читать вслух. Глеб читал иногда подряд целый урок, за что был любим и преподавателем, и не выучившими очередной немецкий текст учениками, да и сам собой немного любовался. Глеб с детства прекрасно освоил немецкий язык.

Другие предметы давались ему тоже легко, только не рисование. Старания Глебу было не занимать, но он никак не мог найти правильного соотношения формы предмета и его изображения на плоскости. Пока дело ограничивалось перерисовкой орнаментов и иллюстраций из книг, он был почти недосыгаем. Он до старости помнил удавшуюся ему пятнистую коровку на зеленом лужку, воспроизведенную из хрестоматии. Когда же задания стали усложняться и однажды на высокий трехногий табурет в классе рисования водружено было алебастровое чудо — голова Аполлона,

Глеб понял: его художественной карьере приходит конец. Так оно и получилось.

— Рафаэля из тебя не выйдет, — сказал ему без печали в глазах учитель рисования, чахоточный народник Егоров. Постепенно отлетели и растаяли возможности стать и мастеровым человеком — вообще, по-видимому, руки слушались Глеба не так хорошо, как голова.

Кржижановский почувствовал тогда неизъяснимое тяготение к невзрачному, гонимому учителю русского языка и литературы Василию Николаевичу Николаеву. Именно он познакомил учеников с книгами Виктора Гюго, Толстого, Достоевского, Короленко.

Господин Николаев проверял своих учеников на сочинениях. В одном из них, на тему о героизме, Глеб Кржижановский, перечисляя героев разных времен, упомянул... Шарлотту Корде, заколовшую Марата.

Николаев не знал, как вести разговор.

— Понимаешь, Глеб, — он решил начать с универсального «понимаешь», — ты, по-видимому, с чужих слов говоришь о героическом подвиге Шарлотты Корде. В чем же ее героизм? В убийстве? В том, что она убила героя революции? Может быть, ты считаешь Шарлотту Корде борцом за свободу, избавителем народа от тирании революции? Тогда тебе нужно разобраться, где правда, где ложь, самому. Почитай историю и, если будешь внимателен, увидишь, что Марат был другом народа, беспощадным к его врагам. Когда Марата нашли окровавленного в ванне, народ плакал, а враги революции веселились. Выходит, та, которая убила Марата, была врагом народа. Неужели ты думаешь, что враг народа может быть героем?

Глеб краснел все сильнее и сильнее. Как мог он не понять столь очевидной вещи? Слова «народ», «революция», «герой» приобретали совсем другое, торжественное звучание, и иным должно было стать отделение подвига от подлости. Критерий этого отделения был и прост и сложен.

Николаев начал присматриваться к первому ученику. Наступил момент, когда он рассказал классу о писателях-демократах — это уже было прямое нарушение программы! Но он шел и дальше, пытаясь объяснить, почему так несправедливо устроен мир.

Николаев дружил с преподавателем математики Вламиром Александровичем Ламаном, и тот дал Глебу книги, которые просил никому не показывать: Чернышевского, Герцена, Лассалья. Лассаль быстро сделался героем Глеба, начавшего мечтать о революции, но весьма плохо представлявшего себе о какой.

Николаев открыл Глебу поэзию. Рифмованные строки никогда

особенно не привлекали Глеба. Он видел в них лишь смысловую суть, которую, как он считал, можно гораздо точнее выразить прозой. Но Пушкин, Лермонтов, Некрасов говорили — это не только мысль, это нечто большее, это образ, загадочный и романтический, это таинственная музыка стиха. Глеб стал пробовать силы в поэзии. Сначала его больше поразили Лермонтов с его необычными героями; солнечный Пушкин радовал его, но Глебу в нем не хватало бунтарства, Некрасов вызывал непрошенные слезы...

*И куда бы меня ни загнала судьба,
Всюду вижу просторы родные:
Пенье птиц на заре, темный лес на горе
И в долине туманы седые... —*

декламировал Глеб на уроках литературы свои стихи, ловя восхищенные взгляды реалистов. Николаев же, хваля его, обязательно добавлял:

— Работать надо, Глеб, работать надо. Поэзия — сложная штука. Ее нужно выстрадать.

Этого Глебу пока не суждено было понять. Но благодарное чувство к человеку, открывшему ему поэзию и революцию, было неистребимым — до смерти Николаева он переписывался с ним, иногда высылал деньги — тот после отставки страшно обеднел, да и никогда раньше особенно богатым не был.

Глеб совершенно не помнил того очень важного в его жизни момента, когда он превратился из одинокого и непонятого в часть силы, может быть и небольшой, но важной в пределах того мира, в котором он постоянно находился. Слабый и близорукий, он не выглядел сильным бойцом, но мог оказать серьезное сопротивление. Его никогда не приглашали на те торжественные события в жизни самарской «реалки», когда ученики гурьбой устремлялись на лед, к реке, где поджидали их такие же рыцари, в тех же доспехах, да не тех цветов: другой тон курток, другой околыш, другие предметы в ученье, словом, «причин» для драки доставало. Это были учащиеся самарской классической гимназии, и там, где у наших были три золотые буквы: СРУ, у них было всего две: СГ — самарская гимназия.

Ряды сближались, и в стенках были лишь самые достойные, самые сильные.

Стоявшие ближе к берегу зрители подбадривали бойцов тем, что расшифровывали аббревиатуры кокард противной стороны:

«Синяя говядина» или
«Самарской реки утопленники»!

Роль Глеба в поединке была скорее пассивной и состояла в самозабвенных криках «синяя говядина», которые, впрочем, получались совсем нестрашными, хотя и обидными для чувствительных душ. Но однажды... Но однажды Глеб, увидев среди гимназистов соседей, которые при встрече с ним не раз его бивали, не выдержал и, сопровождаемый завистливыми, восхищенными, недоумевающими взглядами, равно как и взглядами, выражающими сожаление о напрасной жертве, ринулся на лед, сбрасывая на ходу тулупчик. Друзья раздвинулись, и вот он уже, деловито сопя, дерется с гимназистами и даже, кажется, имеет успех!

После драки, которая, впрочем, носила не злобный, а скорее ритуальный характер, стороны мирно разошлись, а Глеб впервые почувствовал, как прекрасно это — быть вместе, бить вместе и даже быть битым вместе. Он становится заводилой, любителем поруководить, он перестал прятаться за спины товарищей, они стали ценить его помощь и гораздо больше, чем раньше, уважать его — как извилисты пути к признанию! Теперь и Глеб ходил по самарским улицам во главе шумной ватаги молодых людей, интересных каждый по-своему. Он разделял с ними неясные грезы юности. Вместе они ходили над Большой Рекой, вместе любили потолкаться на шумном городском базаре.

Путь с базара к реке лежал через училище. На его крыльце неизменно сидел директор Алексей Петрович Херувимов, бородатый красивый старик по прозвищу «Извозчик».

Он ласково подзывал всех, оглядывал, кому поправлял волосы, кому форму, размышлял вслух, глядя на Волгу:

— Хорошие вы, господа, хорошие. Одна беда — нет на вас управы. Пороть некому. Когда я учился, — тут он гордо вставал во весь рост, — когда я учился, — повторял он уже с печалью, но торжественной, — меня драли каждую субботу.

ЦАРЕВЩИНСКИЕ ВЕЧЕРА

Глеб давно уже познал и радость и тяжесть труда. С 13 лет, то есть с третьего класса, он, чтобы помочь надрывающейся матери, весь день Стиравшей, готовившей, убиравшей (когда она успевала читать?), стал давать платные уроки. Его репутация круглого отличника была лучшей рекомендацией, искупавшей недостаток солидности, и Глеб с радостным ужасом приносил матери мятые рубли цвета спелой пшеницы и зеленоватые трешки — колоссальные для троих деньги! Иногда он получал до двадцати рублей в месяц. Деньги тут же помещались в банк с целью обеспечить Глебу с Тоней дальнейшее образование. На первую «получку» Глеб купил матери очень красивые и дорогие перчатки.

Летом, когда «нахлебники», которыми занималась Эльвира Эрнестовна, и «кормильцы», которыми занимался Глеб, разъезжались на каникулы, Глеб безусловно уже входивший в семейный совет, вместе с матерью решал, что нужно податься куда-нибудь в деревню, где жить будет и дешевле и приятней. Было два любимых места — приволжские села Большая Царевщина и Моркваши. Моркваши были подальше по Волге, добираться туда труднее и дороже, так что более популярна долгое время была Царевщина.

Добирались пароходом. Первые сведения по технике! Сиплый свисток вызывает резонанс тонких душевных струн! Динамичная жизнь неустанных поршней!

Пароход появлялся в их жизни тогда, когда ночью цвел папоротник и полыхали через траву спрятанные ведунами клады, когда веселые ведра выливали воду (хрусталь, лед, дождь) на пугливых прохожих. Июнь, Купала! И само появление парохода в его каникулярной жизни было торжеством, волшебной игрой лета!

Это был не баркас-трясучка, доплывавший до Жигулей, это был *настоящий грузо-пассажирский пароход*. Он назывался, конечно, «Мечта» или «Судьба». Пароход был выкрашен светло-розовой краской и сильно кренился на правый борт, что придавало ему залихватский вид. Корабль судьбу. Ладья Харона. Плот «Медузы». Жертва коварства англичан? Вероломства испанцев?

Двигатель «Судьбы» — в машинном отделении (как попал туда? просьба, хитрость, доброта капитана), под кожей палубы, под костями шпангоута — стальное корабельное сердце. Мелькают огромные рычаги,

неустанные, беспрекословные. Они мощно сгибаются в шарнирах, вращают оси, на них насажены колеса — шлеп, шлеп плечами по воде. С чавканьем поднимаются из грубой черной оболочки идеально отполированные поршни, круглые, блестящие, на них продольные полосы коричневого масла. Черный промасленный машинист; пламя играет на лице, машет красным флагом, зовут его как? Гермес? Вулкан? Вот он, подлинный хозяин, сжавший в кулаке пучки молний, узду стихий, властелин мира. Везде, где есть машина, где есть сильные руки, тяжкие вздыхающие механизмы, везде есть он — истинный хозяин. Все в его руках, и, потянув за кольцо, он приоткрывает нечто, освобождая силу, и из трубы сначала быстрый пар, потом, отставая, сиплый гудок. Приехали! Царевщина!

Там были речные заводы, ивы, тихий сельский быт, зелень травы и голубой цвет неба, занимавшего почти всю природу, а не часть ее, как в городе.

О, эта была не случайность, не совпадение, а перст судьбы — Царевщина! Воздух Царевщины всегда был пропитан неповиновением, бунтом, крамолой. Здесь, с Царева кургана, насыпанного, по преданию, несметной ратью какого-то завоевателя, а может быть, бывшего просто известняковой пробкой, заткнувшей трещину древней Земли, приятно было обозревать Волгу и окрестные горы, и далекие равнины, замышлять нападение, обдумывать защиту. Глеб иногда находил на осыпях в волжском песке острые куски кремня, напоминающие каменные топоры, а наконечники стрел находили десятками, сотнями — жаркие бывали здесь схватки! Могилы свидетельствовали об этом — странные могилы с костяными седоками внутри.

Говорят, царь Петр оглядывал с Царева кургана Жигулевские горы, прикидывая: что стоят богатства их? Много, наверное, скрывали они и золота, и серебра, и яшмы, и малахита, и оникса, и углей железных, и самого железа. Да не добрались до этой кладовой — больно далека и хорошо припрятана.

Только и построили, здесь, у подножия гигантского зеленого холма, известного многим ушедшим поколениям, винокурню на двадцать кубов, да барскую усадьбу, да храм во имя рождества Христова, да казенный питейный дом, да мельничку на плотине, перегораживающей Курумыч.

Сиживал здесь, на вершине кургана, в беседке, для него построенной, Степан Разин. Оставил после себя песни, удаль, смелость народную, гордость, не зря прошел здесь с войском, не зря привезен в клетке к Кремлю на позорную казнь.

Проходил здесь и Емельян Пугачев, шел из Ставрополя, от Морквашей в Самару, тоже стоял там, на срезанной вершине кургана, иногда прикрываемой тревожными облаками, думал о чем-то тяжком — о доле своей — умереть, раскачав трон российский.

Живой легендой, песней, игрой воображения, смутной тенью на холме восставали далекие бунтари перед царевщинцами, звали к себе, манили сладкими словами свободы. Однажды на огороде нашли бронзовую медаль, принадлежавшую, говорят, декабристу А. В. Веденяпину, который здесь и умер.

Далеко в глубь веков уходит царевщинская вольность, и сам волжский воздух зовет к ней, овеивает нежно лицо речной прохладой.

Великая реформа прошла, обещанья земли обернулись выкупом: плати! А денег не было, неурожаи, животы к спине присыхали, ребра трескались — и мужики царевщинские пошли на открытое непослушание, с земель не уходили, выкупа не платили, усмиряли их долго. Прибывали в село солдаты, полицейские сотники. Поняли царевщинцы, что правды не сыскать. Пришлось забитым, замордованным крестьянам после девятилетней борьбы сдаться: согласились просить четверть надела у помещика и уплатить недоимку в 25 тысяч рублей серебром за 15 лет.

Полностью усмирить крестьян, однако, не удалось — волжский ветер манит, тени неясные зовут с холмов, кто свободней свободного? Тот, у кого нет ничего. А кто храбрее всех? Тот, кому терять нечего.

Опасным, подозрительным местом была Царевщина, и как магнитом тянуло сюда Глеба, поговорить со сверстниками, послушать их отцов. Он сошелся с ребятами постарше его — Солдатовым, Князевым, Кичаевым. Да и другие — все эти Бакунины, Бирюковы, Богомазовы, Горбачевы, Савенковы, Скорокосовы, Цибаревы — были такие же, какой, но немного другие: в них было больше свободы, сознания своей силы, своей власти, своего умения, хотя оно заключалось в нырке, беге, рыбных успехах, заработке мизерном на каменоломнях в Крестовом овраге, на самом Царевом кургане. Глеб уже давно понял счастье и прелесть быть вместе, иметь товарищей, друзей, соратников. Он был принят, был им благодарен, они многому научили его, когда ходили охотиться, рыбачить в Жигули, на лодке — на другую сторону.

Были на Царевщине и бурлаки. Они медленно шли вдоль берега, сопровождаемые неясными звуками (стоном? песней? сказкой? рассказом жалобным?), раскачиваясь в каком-то одним им ведомом странном внутреннем ритме. Шли по песку, по мелкой гальке, поднимались на горочки, спускались в омутки, вброд переходили малые ручьи — притоки

Большой Реки — ступни грубые в желтой прозрачной воде, речка покрупнее по пути — идут в нее, спускаются, как по лестнице, один ниже другого, и нижний кричит тонко: «Под табак!» — значит, глубоко. Кисет с табаком на шее намокнет. А сзади, за лямками, за канатом пеньковым, — баржонка с известняком, прицеплена за мачту, а они, бурлаки, — гусеница — живой пароход.

Говорят, одного из них, царевщинских бурлаков, писал Репин. Канин была его фамилия, он выступал первым в этой печальной, но грозной процессии, налегая грудью на лямку, повиснув, опустив руки.

Бурлаков было много — весь берег истоптан лаптями, и плотная тропинка петляет рядом с кромкой воды... Его новые знакомые рассказали ему, что на Волге несколько тысяч судов ходят на лямках и парусах, для большого судна нужно не менее сотни пар рук, для среднего — тридцать-сорок, для малого уж никак не менее пяти человек. Кого только не встретишь среди них — и русские, и мордва, и татары, крестьяне беглые... А поговори поди с ними, сколько услышишь невозможного о, нашей Россиюшке, о нашем царе-батюшке...

В Царевщине Глеб познакомился и с девушкой — она была на несколько лет старше его, курсистка, отдыхавшая здесь и не жалеющая времени для просвещения крестьян, оказания им помощи, приучения к культуре, воспитания у них патриотических, но никак не монархических чувств. Она была народницей, Оля Федоровская; призывая крестьян, хотя и без особого успеха, к политической борьбе, она чувствовала себя Жанной д'Арк, говорила о «постоянном народном правительстве», «передаче земли народу», она искала сочувствия — и находила его. Она, ограничиваясь поиском сочувствия, не искала у крестьян активной поддержки — и не получала ее. Ее уважали, ее соратники поплатились жизнями и мучениями за свои убеждения, террором они до смерти запугали царя, и он жестоко мстил им. Несколько лет назад, в 1881 году, был убит Александр II. Его преемник Александр III разгромил «Народную волю». Ольга была членом какой-то чудом выжившей, страшно законспирированной и подчиняющейся жесткому единоличному руководству организации. Она не делала особенных попыток вовлечь кого-либо в свои исполненные благородства и безрассудства, отчаянные планы.

Ольга не выпускала из рук книжки Прудона и была довольно подкована теоретически. К вечеру, когда розовел солнечный диск, когда откуда-то вылетали строем немногочисленные комары, и тихие птицы начинали быструю охоту над еще теплой, парной Волгой, за Ольгой увязывалась обычно целая компания. Там был Порфирий Солдатов и еще

несколько местных крестьян. Ночью подходили совсем незнакомые Глебу люди. Ольга представляла им Глеба как своего «нового друга», и он долго слушал их странные разговоры — о необходимости дать народу свободу, землю — крестьянам, фабрики — рабочим, всем — справедливое народное правительство, царям же — смерть! Для Глеба все это было так необычно, непривычно, интересно — он понимал, что говорят эти люди много верного: мир устроен крайне несправедливо — купцы, богатеи, купеческие жирные и здоровые сынки думают только о собственных деньгах и удовольствиях, а крестьяне должны трудиться целые дни на полях, оставаясь такими же бедными: да и труд бурлака — разве приведет он, тяжелейший и унижительный, к мало-мальски достойной и приличной жизни? Почему у Шихобаловых, Курлиных, Субботиных и дом богатый, и выезд роскошный, а другие с малолетства должны зарабатывать на хлеб, чтобы только с голоду не умереть?

Почему священники все время обещают счастье на небе, а сами не прочь вольготно пожить здесь, на земле? Он возвращался домой искушенный комарами и истерзанный сомнениями, раздвоенностью, которые приводили его постепенно к неизбежным выводам: «...Скоро перед моим умственным взором четко обрисовались два мира — **эксплуататоров и эксплуатируемых**. Тогдашние самарские воротилы — все эти Курлины, Шихобаловы, Субботины, Дунаевы и Аржановы — зажившие купцы-бандиты, отцы-губернаторы с их полицейской сворой, удельное ведомство царя-батюшки с окружными надзирателями, тогдашние предводители дворянства с холеными и прожившимися бездельниками-дворянчиками, «смирennemудрые» батюшки, внушавшие нам, что весь смысл пятой заповеди — повиновение властям предержащим; наконец, и весь хвост прихлебателей этой компании — с одной стороны. А с другой — горемычная городская беднота, перебивавшаяся со дня на день неведомыми путями (а среди них — моя матушка, вечно дрожащая за судьбу завтрашнего дня); беспризорная городская молодежь — жертва тогдашнего дикого времени; задавленные непосильным трудом и нищенской платой рабочие, бурлаки и босяки Волги. И самый обездоленный — крестьянский мир, находившийся под тройным прессом царя-феодала, помещика и кулака. И загорелось мое юное сердце тревогой и ненавистью...» — писал Г. М. Кржижановский о тех временах полвека спустя.

ПОЭТ, ИЛИ ЛЮБИМЕЦ ГУБЕРНАТОРА

Ночные беседы на волжском берегу не только поставили Глеба в определенный лагерь, но и позволили думать о ранее запретном, расковали его ум. Он вел с крестьянами смелые разговоры.

Задумывался ли он над тем, кто были его слушатели? Отдавал ли отчет в свирепости и безжалостности той громадной бюрократической, полицейской и военной машины, под которую подкапывался уже внешне безобидными словами о каких-то там моллюсках, которые противоречат Библии, о дарвинизме, который ей также противоречит? Заметил ли среди слушателей того, у кого улыбка походила на оскал волка? Зеленый нитяной узор силка? В глазах корысти власть? Не заметил беспечный, пятнадцатилетний, дружил, загорал, купался рядом с ним, подставлял ладонь для рукопожатия, когда прощались под осень.

...Много стихов, посвященных Волге, привез Глеб из Царевщины. Повзрослевший, окрепший телесно и — духовно. Он увидел уже другими своих друзей-реалистов, тоже похорошевших, возмужавших, загорелых, но в чем-то более беспомощных, чем раньше, более уязвимых, более тонких, более восприимчивых... Драки и совместные посещения базара и Волги продолжались, но перестали занимать в их жизни прежнее место. И вот Глеб решил почитать сверстникам стихи, написанные летом. Первой жертвой он наметил веселого, жизнерадостного приятеля, соседа и друга, еще не подозревавшего пока о своем избрании и счастье, — Василия Ильина. Как-то Глеб, возвращаясь вместе с ним из «реалки», сказал:

— Василий, хочешь, я почитаю тебе стихи?

— Ну валяй.

— Слушай. — Глеб счел за лучшее пропустить пока небрежное Васькино «валяй». — Слушай.

*Есть в мире два закона неизменных,
Они всегда твою судьбу решают.
Один из них: всегда презретен
Тот, кто корысти страсти подчиняет.
Другой гласит: пускай ты одарен,
По-фарисейски не кичись судьбою.
Ты, как все люди, женщиной рожден,
Всего превыше — счастье земное.*

— Ну как? — спросил Глеб тихо, искоса поглядывая на друга.

— А кто это? Поваресейский? — спросил Василий невинно. — Это небось кто-нибудь из царевщинских твоих дружков новых?

— Ты что, не помнишь притчу о мытаре и фарисее? — Потом, подумав, что с Библией кончено, со всеми ее сказками, горько усмехнулся: Василий прав и, возможно, сказал эти слова не напрасно, а издеваясь над его непоследовательностью. Сам Василий давно был известен как убежденный атеист.

— Ну хорошо, я прочту другое стихотворение, оно посвящается тебе, — сказал Глеб с волнением и дрожью в голосе.

*Вдохнови же меня — ты, о Родина-мать!
Одари меня чувством свободным,
Чтобы в сердце людском мне сочувствие сыскать —
И поэтом быть чисто народным.
Чтобы горе, несчастье, страданья твои
Вплотить мне в могучее слово,
Чтобы сердце любому они потрясли
И врагов поразили сурово!*

Чтобы радостной вестью оно для бойцов Правды, чести, любви послужило — И на время хоть боль от терновых венков Им любовью и лаской смягчило.

Это стихотворение понравилось Василию несказанно, он просил прочесть его несколько раз, пытаясь заучить. Потребовал переписать непременно с посвящением и, более того, рассказал о Глебовых опытах в поэзии Василию Николаевичу Николаеву. Тот — директору Херувимову. Глеб стал выступать на ученических вечерах и даже благодаря давнему знакомству Херувимова с губернатором несколько раз выступал с чтением своих стихов перед высшим самарским обществом.

— А сейчас выступит юный наш пиит, отличник реального училища имени Александра Первого Благословенного Глеб Кржижановский, — так объявляли его, и постепенно он стал считаться записным поэтом. И действительно, его поэтическое творчество стало расти, крепнуть с необычайной быстротой — он исписывал альбомы знакомых гимназисток, не смущаясь соседством прилежно выписанного сердца с густо оперенной

стрелой, пронзающей его в том месте, откуда обильно сочится красная кровь. Его стихи вполне отражали его романтическое восприятие мира, в котором есть простор героям и подвигам, в котором есть враги — царь, его лакеи, где он — это и Шенье, и Бомарше, и Эжен Потье.

— А ты слышал когда-нибудь о Марксе? — спросил Глеба однажды один из «нахлебников», наслушавшийся стихов.

— Нет, не слышал. А что? — откликнулся Глеб.

— А то, что он объясняет все не так, как ты. Я сам тоже не читал, но слышал, будто он все материальными Интересами объяснил...

Так Глеб уже под самый конец его учебы в училище впервые услышал о Марксе.

Ученье его шло прекрасно. Он шел первым по всем предметам, был любим и учителями и товарищами и, кроме всего прочего, писал множество стихов. Его слава как поэта перерастала границы училища и женской гимназии, расположенной напротив. Глеба наперебой зазывали на всевозможные вечера, и даже губернатор Свербеев иногда приглашал его к себе домой, чтобы на «литературных» вечерах угостить им своих гостей — преосвященного епископа Герасима, городского голову Буреева, бывших ардаатовских бандитов Емельку да Антошку, а ныне уважаемых купцов Шихобаловых.

Однажды он пригласил Глеба не домой, а в губернаторский дом. Здесь он был совсем другим — в форме, острые бакенбарды его, свисающие двумя клиньями далеко книзу, приобрели значение отдаленности и величия, кабинет с государем императором позади был непомерно велик. И Глеб чувствовал себя среди обилия полированного и резного дерева, зеленого сукна, золотого шитья совершенно подавленным.

— Садись, Глеб, — сказал губернатор достаточно приветливо, но без улыбки и привычного благоволения.

Глеб сел и спиной почувал, что разговор будет не из приятных. Но в чем дело? Он, как ему казалось, ни в чем не проштрафился перед начальством.

— Я должен поговорить с тобой, Глеб, откровенно, — сказал Свербеев, и Глеб вдруг увидел, как в лице губернатора начала происходить целая серия движений, превратившая его через некоторое время из добродушного покровителя искусств в полоумного старика, злого, мстительного, верноподданного сатрапа.

— На тебя поступил донос из жандармерии от полковника Ваньковича, — сказал он тихо и протянул через длинный стол некий документ — на бланке со штемпелями и печатями, с надписью «Секретно» вверху, с датой поступления, номером и размашистой подписью внизу. Глеб

не понял вначале, о чем речь, потом, увидев в центре листа свою каллиграфически написанную кружевными заглавными буквами фамилию, возгордился было — сколько на него ушло старания, потом страшно перепугался — такая мощная машина вдруг навалилась на него, у которой есть кому подписать, отправить, поставить все эти штампы, зарегистрировать, вмешать в эту орбиту какого-то полковника — боже мой, это же чуть не генерал! — вмешать сюда губернатора, его мундир, его кабинет, его стол, обтянутый великолепным зеленым английским сукном... Он перепугался, и смысл документа долго на доходил до него.

— Здесь утверждается, — продолжал Свербеев, сразу забрав документ, — что ты проводил беседы с молодыми крестьянами села Царевщина, призывал их не верить в бога, давал им читать запрещенных Чернышевского и Добролюбова, — смущал их противоправительственными речами. Полковник рекомендует исключить тебя из реального училища без права поступления в дальнейшем. И если бы я тебя лично не знал, не знал бы, что ты настоящий российский патриот, что ты первый ученик и пишешь прекрасные стихи, уверяю тебя, я бы дал такое указание. Но, принимая во внимание то, что я сказал, я решил сначала поговорить с тобой. Ты знаешь, что стараниями самарского общества, на пожертвования народа, на деньги, выданные императором-государем из государственной казны, мы строим в Самаре кафедральный собор... Ты знаешь об этом?

— Да, — пробормотал Глеб еле слышно.

— Слушай. Ты не знаешь, что строил его безбожный архитектор Теплов, и мы платили ему тысячу в год, и ничто не помогло, только что сняли кружала на главном куполе, и на нем, на двух пилонах западных, появились трещины — ты думаешь, наверное, от чрезмерной нагрузки? — Он подозрительно посмотрел на Глеба; ожидал ответа. — Нет, от безбожия. Увидишь, выгоню Теплова, приглашу Жибера, святого человека, все встанет на свое место. А кто оплачивает строительство храма? Ты скажешь — Шихобаловы? Да, и они тоже — они внесли в фонд три тысячи рублей, да купец Кириллов, директор Самарского общественного банка — пять тысяч рублей и колокол «Благовестник» в тысячу пудов, да из казны две тысячи. А остальное — самарские мещане, крестьяне. Всего уйдет денег полмиллиона рублей. Понимаешь ты? А платить будет народ, потому что народу в первую очередь нужен бог, народ православный без бога никуда, мы народ такой — русские. Весь народ принимает посильное участие в строительстве невиданного храма в честь покровителя Самары святого митрополита московского Алексия, в честь избавления нас от холерного

мора и глада.

Глеб слушал с интересом, пытаясь разобраться, где в рассуждения губернатора вкралась логическая ошибка, но не мог пока ее найти, хотя чувствовал сердцем. Губернатор между тем продолжал:

— Сейчас приступили к иконостасу, делает его мастер Быков, заметь, бесплатно. Иконостас будет резной из светлого и темного дуба с золотом. Колокольный звон пожертвователи купили у местного заводчика Буслаева — звон в восемь колоколов весом 250 пудов, — обошлось в четыре с лишним тысячи. Вся церковная утварь пожертвована населением, а главную икону — святого Алексия, митрополита московского, знаешь кто пишет? (Тут в словах губернатора явно высветились горделивые блески.) Мастера я сам выбрал, ездил к нему. Это крестьянин! Да, один из тех крестьян, которых ты пытаешься сбить с Пути истинного! Это крестьянин села Утевки Бузулукского уезда Григорий Журавлев. Он от рождения лишен рук и ног. Пишет икону, держа кисть в зубах! Пишет бесплатно! — Тут голос губернатора вострепетал, загремел. — Вот кто строит храм веры, который ты пытаешься разрушить! — разбушевался он. — Никакие козни и нечестивые деяния таких, как ты, не задержат постройки этого великого храма! Пройдет два-три года, и все благочестивые люди вознесут над алтарем истинной веры бескровную жертву! И будь уверен, что мы установим там надпись, что храм этот воздвигнут народной рукой в честь избавления нашего государя императора от смертельной опасности на станции Борки семнадцатого октября! Пусть воссияет вера, да сгинут враги ее! — почти кричал он, брызгая слюной, и Глеб подумал: не спятил ли впрямь старик?

Но тот внезапно охладел, спустился с высот, спланировал, сказал почти примирительно:

— Зная тебя, Глеб, я сказал: все, что есть в доносе, вранье и я тебя хорошо знаю. Но смотри, Глеб!

Грозный палец губернатора почти уперся Глебу в переносицу. Глеб вспыхнул, что-то пробормотал нескладное и ненужное, выбежал вон, на улицу, там прислонился к стене. Происшедшее потрясло его. Этот калека-художник, эти пуды колоколов, этот внезапно обезумевший Свербеев произвели страшный беспорядок в его мятущейся юношеской душе. Но главное, что его потрясло, — это существующий вне его, вне его сознания, досягаемости и постижения другой, подземный, потусторонний мир, имеющий к нему самое непосредственное отношение, следящий за ним, угрожающий ему, ему враждебный. Ранее бывший в безопасности, он почувствовал вдруг безотчетный страх от своей незащитности перед

грозной невидимой силой, которая была куда более действенна и ощутима, чем бог, защитой которого она прикрывалась сейчас. Это была машина, и слабому человеку, одному в этом мире, невозможно с ней справиться — с ней можно было только ладить, всячески умиротворяя ее, не переча ей ни в чем.

...Наступали последние месяцы ученья. Глеб по-прежнему был первым, результаты экзаменов не вызывали сомнений, на мраморной доске, где золотыми буквами выбивались имена особо отличившихся учеников, уже линейкой и карандашом были намечены гравером две фамилии: «Ильин, Кржижановский...»

Шесть лет обучения в реальном училище закончились 8 июня 1888 года. В этот день, в день получения аттестата, Глебу пришлось испытать унижение. Над строем пятерок по всем предметам — русскому, немецкому и французскому языкам, географии и истории, рисованию и черчению, арифметике, алгебре с геометрией, тригонометрии и начертательной геометрии, естественной истории, физике, химии и механике и даже закону божьему — значилось: «Дан сей сыну дочери чиновника Розенберг Глебу Максимилиановичу, по крестному отцу Кржижановскому...»

С реальным училищем отношения на этом не кончались. Высшему образованию, на которое определенно замахивалась для Глеба мать, должно было предшествовать окончание еще одного «дополнительного», седьмого класса, что и было осуществлено летом следующего года.

Итак, в 1889 году, семнадцати лет от роду, Глеб был готов к началу самостоятельной жизни, к дальнейшей учебе. Его жизненная позиция к тому времени уже сформировалась. Ему не хватало общения, образованности, действия.

На семейном совете — Тоня тоже принимала участие — решено было избрать для Глеба инженерную судьбу. Россия вступала в пору, когда инженер становился в обществе видной и важной фигурой. Карьера инженера сулила удовлетворение Глебу, пользу обществу и материальное процветание семье. Решено было поступать в столичный институт.

Их выезжало из Самары четверо — Глеб, Ильцр, Шашакин и Марков — все отличники-реалисты. Их провожали друзья, родные и учителя — Ососков и Васильев.

Глеб забрался в вагон... В его нательную рубаху было зашито сто рублей десятью красненькими, в руках была гитара, подаренная матерью в день окончания училища, в глазах — слезы, в сердце — неясное еще томление...

Видимо, где-то впереди, на паровозе, Вулкан, озаренный пламенем,

тоже забеспокоился, почувствовал, что расставание с Самарой неизбежно. Он потянул за рукоять — веселый парок зашипел откуда-то из-под длинной воронки трубы, хрип перешел в свист, беспокойно забегали провожавшие, дернулся вагон, передав свой толчок следующему; медленное чиханье поршней стало убыстряться, провожающие качнулись и стали быстро уходить назад, переступая вперед, крича что-то вслед поезду, уносящему нашего героя на новое место действия, к новой и совершенно неожиданной, хотя и давно желанной жизни...

Часть вторая

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ГОДЫ

*Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.*

*«Варшавянка». Русский текст Г. М.
Кржижановского*

«ТЕХНОЛОЖКА»

Какой жалкой была Самара по сравнению с царственным Петербургом! Как сместились масштабы! Какими малыми деньгами обернулась здесь, среди роскоши столичной, та сотня рублей, которая в Самаре была столь значительной суммой! Какими невидными частичками влились в людской круговорот приехавшие в Петербург самарцы, сразу потерявшиеся в то праздной, то озабоченной, гонимой осенним ветром толпе.

Дуговые электрические, невиданные в Самаре фонари освещали прямые лучи проспектов, вдоль которых стояли каменные, каждый с изыском, с выдумкой, многоэтажные дома, впереди черные, выпуклые, а где-то вдали — теряющиеся в синеватой мгле. Громадного роста, как бы другой человеческой породы, городские не пропускали ни одного перекрестка. Болотистая почва порождала болезненную сырость, туман, тайну. Город был напитан звуками дисциплины: барабан, полковая дудка, улицы полны организованного движения — из тумана в туман в разных направлениях двигались с мрачным гулом шпалеры войск, а в призрачном голубом свете фонарей... показалось? (Перепелиный строй усов, глаза как волчья пасть... Зеленый нитяной узор силка... смотри, чтоб не упасть... будь осторожен... помолчи... молчанье есть покой. Кто это был, кто это шел столичную тропой?) Яркие, блистательные витрины центральных магазинов унижали, давали почувствовать мешковатость одежды, разбитость обуви, малую толщину кошелька. Скорей от них вдоль укрытого мглой проспекта, в еще более мглистый туман над черным морем Невы, туда, где ты паришь над бытием, туда, где над туманом возносится и пробивает его золотой свет петропавловской иглы.

(Гранит Невы, дворцов роскошный строй, чванливая толпа широких тротуаров — какой контраст с суровой нищетой окраин жалких и сырых подвалов... Чу, звуки дудки полковой под рокот шумных барабанов... Параден марш очередной на все готовых истуканов!.. Шпиль Петропавловки златой на бой нас призывал. И правый — и святой.)

Он писал здесь стихи. Стихи помогали осознавать жизнь, но как основание поэтической карьеры не годились — в этом убедили первые же увиденные в витринах, в лавках поэтические книги, альбомы, альманахи. Смещение масштабов случилось и тут: то, что в Самаре казалось первоклассным, то, что привлекало внимание, восхищало, трогало, пленяло

совершенством формы, здесь оказалось поэзией-золушкой, никому не интересной, никому не нужной. Глеб решил писать для себя, для близких друзей, принял поэзию как украшение жизни, но не как средство самоутверждения. Основой жизни должно было стать нечто другое, но неясно было пока что. Ясно, что он должен стать инженером — здесь он уже поставлен в определенные рамки своим реальным образованием, отрезающим для него университет и вообще гуманитарную стезю. Но каким инженером? В Санкт-Петербурге много высших учебных заведений. Среди них для Глеба на техническом небосклоне особенно выделялись две главные звезды: Горный и Технологический институты. У входа в Горный институт каменные фигуры символизировали завоевание у Земли ее даров, усеченный угол Технологического института был устремлен в промышленное будущее. Глеб не стал выбирать между ними, предоставив решение судьбе.

Когда толпа, чинная и преисполненная высоких замыслов, ворвалась в Большую математическую аудиторию Горного института, где должен был состояться первый экзамен — по русскому языку, и, огибая косяки дверей, выбралась на простор аудитории, Глеб протянул руку, взял билет, в нем оказалась тема: *Не поминай грехов праотцев. Мир их праху.*

Глеб расстроился. Его, жаждущего прогресса, снова толкали в омут, из которого он только недавно выбрался.

Глеб постоял немного у экзаменационного стола, посмотрел с сомнением в лица экзаменаторов, помял билет в руках... потом положил его на стол и быстро вышел...

Карьера горного инженера теперь никак ему не угрожала. Нетерпеливо вопрошая испытывающую его судьбу, ждал Глеб наступления экзамена по русскому языку, тоже первого, в Технологическом институте.

Здесь ему досталась тема: *значение анекдота в истории.*

Какое счастье! Самарцу Маркову досталась тема: *блажен, кто верует, тепло ему на свете.* Марков хотя был безбожник, но в институт поступить хотел. Схитрил. Однако бога не обманул: написал сочинение плохо и, набрав баллов, не прошел.

Конкурс был очень большой: на 100 мест — 500 заявлений, и поэтому Глеб страшно переживал, хотя, как ему казалось, ответил на вопросы экзаменаторов вполне достойно.

Вот наконец вывешены списки принятых. Глеб ищет себя, нервно расталкивает локтями таких же расталкивающих, но не находит, екает сердце, неужели ему изменила фортуна? Цепляясь за слово «фортуна», он находит в списке фамилию «Фортунатов» под № 2, а выше — себя самого,

«Кржижановского», под № 1. Он искал ниже! Только он и Фортунатов, любимцы фортуны, набрали в пяти экзаменах полные 25 баллов и были несомненными претендентами. В списках оказались также самарцы Шашакин и Ильин.

Была сразу послана телеграмма матери и сестре в Самару, весь типографский бланк заполнен радостью.

Теперь нужно было заняться жильем, не испытывая более доброты дальних, через три головы, знакомых. Вопрос осложнялся, разумеется, только содержимым кошелек — сто рублей таяли, как снег на весенних тротуарах Самары. Самое дешевое, что нашлось на первых порах, — комната за семь рублей в месяц на двоих с Ильиным. На такой расход можно было пойти до нового семестра, в котором при отличных успехах в учебе можно было надеяться на стипендию, и тогда свести концы с концами.

Новое жилье было недалеко от института, посреди квадратного пространства, ограниченного конюшнями, — это был извозничий двор. В центре двора, против уборных, стоял флигелек, одна из комнат которого и была уступлена самарским приятелям. Через коридор, за ситцевой занавесочкой, жила гостеприимная швея, у которой по вечерам не кончалось хмельное веселье. Сивушный запах проникал во все углы продуваемой морозным ветром квартиры, и клопы падали с потолка, когда сильно хлопали дверью. Терпеть все это было слишком высокой ценой даже для Петербурга, даже для Технологического института. Квартиру пришлось сменить на новую, несколько более отдаленную и более дорогую. Здесь было почище. В квартире жила многодетная семья, сдававшая комнаты внаем. Все комнаты были уже заняты, только в двух было по одному свободному мужскому месту, и приятели согласились.

Сначала все казалось раем, за учебой время летело незаметно. Но вечером, когда хотелось почитать, отдохнуть, соседские ребятишки устраивали возню, хозяйка принималась за большую стирку, приходил из другой комнаты сосед, больно уж любопытный. Глеб предложил Ильину съехать, но тот устал переезжать, рысьеглазый сосед не мешался в его жизнь, не любопытничал, словом, у него не было оснований для переезда. Глеб переехал один.

Новая его квартира была гораздо уютнее, комнатка с диваном и вышивками, китайские подушечки, чистота. Хозяйка — молоденькая приятельница владельца винных погребов его императорского величества Шитта, поставившего одно из своих заведений как раз против Технологического института, против станции конки, под портным, — Глеб

его знал, хотя в заведение не ходил.

Глеб, засыпая, слышал тихие шаги за стеной, грезил о чем-то пока еще неопределенном. Он засыпал, мешая в мягкой сущности сна учебу, хозяйку, прекрасную революционерку, которую он когда-нибудь еще встретит, и прозрачность волжской воды.

Наступал декабрь, деньги кончались, долгожданная стипендия была еще далеко — за экзаменационной порой, Глеб старался ложиться раньше, чтобы не ужинать, налегал на учебу. Для этого были все основания и все условия.

В Технологическом институте готовили инженеров широкого профиля. Так сложилось исторически, еще со времен Пушкина, когда это странное здание выросло на болотистом участке, принадлежавшем егермейстерскому ведомству, на углу Царскосельского и Загородного проспектов. Оно сразу предназначено было для «школы мастеров». Сюда не стремились юноши из благородных или богатых семейств, зато длинные гулкие коридоры часто слышали говор низших сословий. Основными требованиями для поступающих тогда были: возраст («не моложе 13, не более 15 лет»), здоровье («крепкого телосложения, без всяких телесных пороков»), минимальная образованность («должны уметь читать и писать по-русски»). Школа мастеров давала довольно солидное по тем временам техническое образование. С 1862 года институт стал выпускать инженеров-технологов. Ко времени поступления Глеба «Техноложка» была крупным институтом со многими отделениями, в том числе химическим, на котором учился Глеб. Готовили из него инженера химик-органик Бельштейн, создатель мощного паровоза «Щука» — механик Щукин, талантливый математик Марков, известнейший физик Боргман.

О профессоре Щукине среди студентов шла громкая молва как о крупнейшем инженере, прекрасном лекторе — к нему в аудиторию невозможно было попасть, стояли в дверях, записывали на плечах друг у друга. Почему он был так популярен? Из-за своих исторических анекдотов, из-за шуток и неожиданных сравнений, которыми как перчиком и солью были аппетитно пересыпаны его довольно сложные лекции? Да, разумеется, но главное, конечно, другое: он был для студентов воплощением века прогресса, он сам творил прогресс, им гордились: русский — конструктор мощнейшего в мире паровоза! Щукина выделило из числа других время, то самое время, которое, быстро утекая между пальцами, вскоре безжалостно предаст его имя забвению, сделает символом вчерашнего дня техники. Остроумие заложенных инженерных решений, опора на завтрашнюю технологию — и, шаг за шагом, стезок за

стежком, маленький успех за небольшим усовершенствованием, ловкая реконструкция старого, экономия здесь, самоограничения там. В окончательном варианте уникальная, неповторимая конструкция.

Важным элементом развития его технического мышления стало у Глеба изучение начертательной геометрии. Не умевший раньше перенести выпуклую и сочную плоть реальности на плоскую поверхность страницы рисовального альбома, он нашел в начертательной геометрии хитрость, с помощью которой можно было овладеть этим, не дававшимся с детства искусством. Его три проекции технического вентиля поразили специалистов рядом тонкостей, в результате которых чертеж приобретал некие свойства, роднящие его с искусством гравюры, — этот малозначащий факт оказался для Глеба символом не только его крепнущего технического видения, но и склонения к нему симпатий преподавателей.

Прошел первый семестр, экзамены, и Глеб с тайной радостью взглядывался в пятерки, сплошь заполнившие новый матрикул. Это давало право на получение стипендии как раз тогда, когда сто рублей уже превратились сначала в двадцать, затем в пять, затем в рубль, затем — в какие-то гроши. Спасен! Он получил одну из пяти предназначавшихся для студентов первого курса стипендий.

Теперь уже он был своим, и он воспринимал это угловатое здание как дом свой, и его теперь все здесь радовало — и внутри и рядом с ним — и станция конки с лестничками, и портной напротив, и цветы в магазине на углу.

БРУСНЕВЦЫ

«Почему же, — размышлял Глеб, — почему же гудит Технологический институт, почему дрожит земля под ногами, вибрируют длинные коридоры его недовольством, бунтом, протестом?» Уже позднее, когда он познакомился с братьями Красиными, Германом и Леонидом, старший — Леонид объяснял ему, что Технологический институт, «Техноложка», ближе всего к производству, к промышленности, к рабочему труду.

— Сравни, — говорил он, — нас и университетских, они по смыслу своего обучения и своей работы индивидуалисты. Они разъединены уже теми предметами, которые изучают. Их будущий труд — труд интеллигентов-индивидуалистов. Теперь посмотри на нас, на нашу массу, все в форме, сидим плечом к плечу, локоть к локтю в чертежных, работаем рука к руке в мастерских. Наши проекты неотделимы один от другого. Один делает котел, другой топку, третий механическую часть, пятый — подвеску колес, шестой — черт там знает что. А вместе получается паровоз. Мы, как и рабочие, объединены самим нашим трудом, мы по своему существу принадлежим новому времени, новому веку, новому обществу. Наш институт по типу занятий больше напоминает фабрику или завод, чем университет. Мы объединяемся. Рука к руке, судьба к судьбе, — несколько высокопарно закончил он, но Глеб воспринимал эти слова правильно, именно с тем романтическим оттенком, который был первоначально в них включен.

Действительно, Технологический институт среди других немногочисленных учебных заведений России имел дурную славу самого ненадежного, самого крамольного. Студент «Техноложки» Михаил Сахнин сражался на баррикадах восставшего Парижа, студент Владимир Короленко стал одним из первых писателей-демократов и политических ссыльных. В аудиториях института были воспитаны казненные народовольцы Александр Михайлов, Иосиф Давиденко, Александр Квятковский, царевубийца Игнатий Гриневицкий.

Здесь царил дух недовольства, непослушания, прогресса. Он был в перешептываниях, в особом пожатии рук, мимолетном взоре. Но он проявлялся и открыто — в необычных прическах, костюмах. Глеб поначалу дивился на высокие сапоги, длинные волосы, пледы, украшавшие гудящую в аудиториях и коридорах массу.

Глеб со своей предрасположенностью к бунтарству, со своим неверием

в признанные обществом ценности пришелся здесь ко двору, его быстро распознали и выявили из разнородной пока массы первокурсников. Этому помог случай.

Подходя к столовке, трехэтажному желтому флигельку в институтском дворе, Глеб уже издали услышал рокот возмущения, шум толпы. Ситуация была такова. Польские студенты, обучавшиеся в «Техноложке» и объединенные в свое землячество, писали на доске объявления по-польски и между собой говорили на родном языке. Некоторых технологов это возмущало:

— Учатся на русские денежки, а русским языком пренебрегают... Не позволим осквернить русские уши польским шипением.

Вместо сорванного польского объявления на доске появилось другое, всячески поносящее поляков. Когда Глеб, растолкав толпу, прочел его, он страшно возмутился. Тут же, в столовой, он написал контробращение, в котором сравнил действия «защитников России» с действиями Муравьева-вешателя. И прикрепил это контробращение кнопками на месте сорванного им обращения «защитников». И пошел обедать.

Когда он уже принимался за чай, к нему несколько церемонно подошел генеральский сын Бенкендорф и, заметно гордясь своей ролью, картинно вызвал Глеба... на дуэль.

Глеб был потрясен. Он ожидал чего угодно... Но дуэль! Боже мой, на чем? Откуда пистолеты? Как дуэлировать?

Однако он не показал вида и с великолепной холодностью дуэль принял. Бенкендорф был слегка разочарован, и это не ускользнуло от студентов, обступивших столик Глеба, когда белая подкладка резко двинулась к выходу.

— Не робей, Кржижановский, выручим!

— А я и не робею.

Студенческая братия решила собраться и обсудить, как поступить. Шумела громадная аудитория. Глебу предложили выступить; он поначалу отнекивался, но, подталкиваемый товарищами, в конце концов взобрался на импровизированную трибуну — стул.

Он не знал, с чего начать, а потом начал с деда, с изгнанника отца, не называя, конечно, их, с Горнича, уже ожидавшего смерть, вспомнил Пушкина, Мицкевича и музыку польского стиха. Тут же он произвел и другую линию — от бояр, проклявших Петра, до вешателя Муравьева, до сегодняшних душителей свободы, душителей всего нового и передового, душителей народа.

Студенты, сначала шумевшие, притихли, слушая Глеба. Он счастливо

уловил архитектонику политических речей, его литературно-поэтические упражнения дали почувствовать силу формы. Поляки Бурачевский, Лелевель, Цивинский вместе со всеми горячо аплодировали Глебу.

— Соловей, — шепнул приятелю один из технологов, Галеркин, и эта кличка, уважительное прозвище «Соловей» закрепилось надолго за ним.

— Присмотри за этим пареньком, — показав на Глеба, сказал Вацлав Цивинский своему другу Леониду Красину. Тот понимающе кивнул.

Конфликт был в конце концов улажен: белоподкладочный, увидев, на чьей стороне сила, посоветался с кучкой единомышленников, подошел к Глебу, извинился, вызов на дуэль отменил.

Глеб становился в институте весьма заметной фигурой, и перепелиное беспокойство, шуршанье, прятанье делались постоянными его спутниками.

Он не только продвигался вперед в науках и в благоприятном мнении о себе большинства студентов и профессоров, но и сам успешно продвигался все левее и левее. И это в институте, добившемся почти невозможного — экстерриториальной студенческой столовой, куда был заказан вход деканам, преподавателям и педелям-надзирателям, где расцветали разного рода нелегальные организации — библиотека, студенческая касса, студенческий «Красный Крест» для помощи политическим заключенным и ссыльным... В столовой царило самоуправление. Всеобщее голосование! Свободные выборы! Пока в правление столовой, «мясную комиссию», «овощную комиссию». Столовая была местом, где можно было без лишнего шума митинговать, обмениваться книгами, собирать деньги на студенческие нужды и вообще жить вольной жизнью.

Справедливо полагая, что крамола идет от «книг немецких авторов», дирекция института когда-то изъяла из библиотеки все книги, кроме сугубо технических. Социальные, экономические, политические трактаты изгнаны, а вместе с ними должны были исчезнуть всплески вольномыслия. Однако утраченное быстро возродилось в виде подпольной библиотеки, куда более опасной!

Здесь были «Исторические письма» Лаврова-Миртова, труды Лассалья, издания плехановской группы «Освобождение труда», «Капитал» Маркса, книги Салтыкова-Щедрина и Чернышевского. Не стоит забывать — чтение некоторых из этих книг (например, «Что делать?») считалось не только предосудительным, но и противозаконным, каралось тюремным заключением, высылкой.

Естественно, Глеб вместе с товарищем по квартире Федей Кондратьевым стал искать пути в подпольную библиотеку. Знали, что есть она, а подступиться не могли. Отсылали их от одного к другому, пока не

предстали они перед Леонидом Красиным. Брови вразлет, прическа почти девичья, широко расставленные большие глаза, едва пробивающиеся усики, подбородок нежный. Лет двадцать. Очень к лицу ему технологическая форма: черная, белый воротничок, золотые нашивки. Взгляд испытующий, точный. Он только глянул на Глеба с Федором и сразу признал в них *своих*.

— Читайте, пожалуйста.

Он-то и оказался главным библиотекарем.

Позднее, много позднее, почти через полвека вспоминал Глеб Максимилианович об этом чтении: «Как-то незаметно для самого себя, ко второму году своего пребывания в Технологическом институте я очутился на левом крыле тогдашнего студенчества. Вспоминаю, что и я, и мои новые друзья на первых порах были полны каким-то неопределенным, но властным стремлением «сжечь свои корабли», т. е. порвать с той обывательщиной, которая вскармливала нас, собравшихся под одной крышей из различных уголков провинции. Различными путями до нас доходили струйки, так или иначе связывающие нас с теми воспоминаниями борьбы революционеров-героев, которые прошли свой доблестный и благородный путь вот здесь, в стенах этого же города... Первичные искания разночинцев 60-х годов, шедшие к нам с ветшающих страниц «Современника» и «Отечественных записок», обличительное слово Салтыкова-Щедрина, свободолюбивые блески публицистики Михайловского и, наконец, тот удивительный благовест, совпавший с весной нашей жизни, который шел к нам от изданий группы «Освобождение труда», — вот та литературная цепь, по звеньям которой мы шли в своем превращении из неопределенных народолюбцев во вполне определенных марксистов. И как некоторый утес, завершающий поворотную грань на этом пути, стояло великое творение Маркса — его «Капитал».

Осваивать Маркса Глеб стал вместе с Федей Кондратьевым. Ему очень повезло с партнером: там, где Глебу виделись схоластические измышления, игра ума, Федор оживлялся — он, выходец из семьи потомственных иваново-вознесенских ткачей, прекрасно чувствовал, что стоит за этой теорией. Он не только умом, но и сердцем понимал скрытую механику обмана, разгаданного Марксом.

От чтения — к действию! Уже со второго семестра Глеб активно участвует в студенческом движении. Незадолго до этого вышел новый студенческий устав со строжайшими правилами, лишавший студенческую братию не только прав и свобод, но и предписывающий, как одеваться, как

стричься. Устав походил не на правила студенческого распорядка, а на полицейское предписание. Студенты по всей России волновались. И если уж везде были волнения, то в «Техноложке» была буря.

Все то время, которое было отведено на лекции, студенты, и Глеб с ними, проводили на парадной лестнице, начинавшейся в вестибюле и поднимавшейся к актовому залу, к аудиториям и кабинетам. Ни профессора, ни особо усердные и верноподданные студенты не могли миновать этого живого заслона и вынуждены были ретироваться. Везде вихрились водовороты, институт бурлил. У всех его фасадов, как бы тоже не желавшим подчиниться принятому архитектурному порядку всеобщей перпендикулярности, расставлены были городовые. Институт оцепили, у главного входа поблескивали черным лаком тюремные кареты. Напротив института, если глядеть поверх домика станции конки, в винном магазине Шитта и в модной лавке «мадемуазель Ольги» совещались жандармы.

Приехал сам градоначальник Санкт-Петербурга, вальяжный, надушенный, нарядный Грессер. Пожелал говорить со студентами, его пропустили наверх, в чертежку, где шел импровизированный митинг — Леонид Красин на столе, вокруг восторженные слушатели.

— Господа студенты, — начал было Грессер, но речь его была перебита свистом, ревом, топотом. Жандармы и городовые, размахивая нагайками, стали теснить студентов, хватать, кто попадал под грабли рук. Леонида стащили со стола, скрутили, тут же схватили и брата его Германа. Под напором толпы, ринувшейся из аудитории, двери чертежки подались, рухнули, и Глеб, увлекаемый толпой, вынесен был в коридор, потом вниз, к выходу. Ему повезло. Тех, кто попался (их было около ста), тут же затолкали в кареты и доставили в полицейскую часть.

Несколько дней их продержали под арестом, а затем, выявив зачинщиков беспорядка, выпустили. Организаторов, среди которых были, разумеется, и братья Красины, исключили из института и выслали из столицы. Лишь через полгода благодаря усиленным прошениям и ходатайству ректората за студентов-отличников им было позволено возвратиться к учебе.

Осень и зима нового 1890/91 учебного года прошли внешне спокойно, за учебой, за экзаменами, непременно сдаваемыми на круглые пятерки, но у Глеба появилась и вторая жизнь. Летучие митинги, споры, обсуждения нелегальной литературы выявляли поляризацию мнений, определяли лидеров. Его усердное чтение давало плоды — он чувствовал порой, как его знания помогают одерживать победу в нелегких политических спорах.

Сливаясь с массой студентов, он ощущал и радостное чувство

единства, неотличимости от других и в то же время чувство долга перед остальными, вынуждавшее его выходить вперед тогда, когда многие еще колебались. В совместной учебе, встречах, диспутах студенты узнавали друг друга, и Глебу постепенно становилось ясно, что в институте существует подпольная организация, и что очень важную роль в ней играет внешне неприметный пятикурсник Михаил Иванович Бруснев.

Бруснев, как оказалось впоследствии, стал после разгрома социал-демократической группы Димитра Благоева, в которой работало много студентов-технологов, руководителем первого марксистского кружка. В него входили технологи Бурачевский, Лелевель, Цивинский, Герман и Леонид Красины, Степан Радченко и другие. Прекрасно зная повадки шпионской рати, шнырявшей не только среди либерально настроенной интеллигенции, но и среди рабочих и студентов, Бруснев разработал довольно жесткую систему конспирации. Все работали под кличками, каждый, кроме самого Бруснева, знал только одного или в крайнем случае двух членов кружка. Брусневцы приглядывались к своим коллегам студентам, искали среди них тех, чье сердце было наполнено ненавистью, кто был достаточно образован и достаточно смел, чтобы не ограничиваться либеральной критикой, оставляя кукиш в кармане. Леонида Красина когда-то заметил Вацлав Цивинский. Цивинский долго наблюдал за ним, прежде чем раскрыться. Через некоторое время уже Леонид «заметил» Глеба и незаметно для него стал испытывать. Видимо, ему понравилось поведение Глеба в истории с поляками, во время случая с Грессером, и он, посоветовавшись с Брусневым, предложил Глебу присоединиться к ним, сначала как бы для самообразования и взаимных дискуссий о прочитанном, а уже потом и для работы среди рабочих.

Кружки, перейдя «по наследству» к Брусневу, увеличились в числе — их было уже более двадцати, и собраны они были «под одной крышей». Над Глебом взял шефство Леонид Красин. Он поступил в институт на два года раньше и отличался от большинства студентов своей свободной ориентировкой в проблемах внешней и внутренней политики России.

— Наше время, — говорил Красин, — время особое. Революционное движение подавлено. Народовольцы, кто не был казнен, похоронены в шлиссельбургских казематах за саженными стенами. Но общество движется вперед, и в нем согласно Марксу рождается новая революционная сила — пролетариат. Он грязен, забит, нищ, необразован. Пока. Но за ним будущее. Мы должны поднять его самосознание, его культуру.

Красин стал потихоньку вводить Глеба в курс дел организации — знакомить с ее задачами, методами работы.

Однажды он вызвал Глеба из квартиры и сказал, что умер писатель-демократ Шелгунов. На завтра, на 15 апреля, были назначены его похороны.

— На них, — прошептал Леонид, — ты сможешь увидеть многих наших друзей. Там будут и рабочие, члены кружков, но мы не будем пока афишировать наших отношений.

...Холодным апрельским утром Глеб шел за гробом друга Чернышевского. Нужно было быть слепым, чтобы не заметить, что похороны были настоящей политической демонстрацией.

Рабочие несли металлический венок с красной лентой. Надпись на ней гласила: «Николаю Васильевичу Шелгунову — указателю пути к свободе и братству — от петербургских рабочих».

Около сотни рабочих-брусневцев, меняясь, несли гроб на руках. Глеб, которого Леонид Красин поставил впереди колонны, видимо, рядом с неизвестными еще Глебу руководителями, увидел там много знакомых: брата Красина — Германа, Федю Кондратьева, студента технологического отделения Василия Старкова, мрачного красавца Петра Запорожца. Неужели они руководители организации? Так тщательно скрывали?

На Литейном проспекте, на пути к Волкову кладбищу, Шелгунова провожали в последний путь уже тысячи студентов. Леонид познакомил Глеба и с несколькими слушательницами Бестужевских курсов, которые, как понял Глеб, имели какое-то, пока еще неясное, отношение к брусневской организации, — Надей, Зиной, Олей.

— Ты видишь эти массы? — радостно спрашивал Красин. — Всего два года назад за гробом Чернышевского шло шесть или семь рабочих! Вот сила организации!

Демонстрация окончилась многочисленными арестами. Глебу опять удалось ускользнуть. Из его знакомых сразу попался Федор. На следующий день взяли Леонида. Их выслали, исключив из института. Министр внутренних дел хотел обезглавить «гидру революции».

Леонида, сосланного в Нижний Новгород, провожало много друзей-технологов — Бруснев, Классов, Кржижановский, Радченко... Но особо приметным показалось Глебу, что там и сям на перроне, якобы безразличные к происходящему, прохаживались в праздничных сапогах и рубашках знакомые рабочие.

Одна голова «гидры революции», как показалось некоторым, была снесена. Но организация не погибла.

(Как робко северной весны дыхание!.. Разведкой скромной были лишь шаги тогдашних наших начинаний... Со всех сторон теснили нас враги...)

Уже через две недели брусневцы решили устроить политическую маевку — первое в России тайное первомайское собрание рабочих. Это рискованное предприятие благодаря строгой конспирации удалось, и четверо рабочих — Прошин, два Афанасьевых и Богданов — выступили с политическими речами, в которых прозвучал невозможный всего год назад лозунг «За наши экономические и политические права».

Брусневцы понимали, конечно, что эти отдельные успехи еще не означали массового рабочего движения. В кружки Бруснева удалось пока привлечь сравнительно небольшое число наиболее передовых рабочих.

...Маевка стала последним крупным делом Михаила Бруснева в Петербурге. Он завершал учебу, вскоре должен был защищать диплом и свести с Технологическим институтом последние счета. Центральная группа печально приветствовала его переезд в Москву, где социал-демократическая работа нуждалась в оживлении. Он уехал в 1892 году вместе с одним из наиболее передовых рабочих-ткачей Афанасьевым. Бруснев сразу же влился в московскую социал-демократическую организацию и тут же, чуть ли не через месяц, был предан провокатором. Приговор Брусневу был суров: четыре года тюрьмы в одиночной камере и десять лет ссылки в Верхоянск.

Вместо окончивших институт и выбывших в связи с арестом товарищей в центральный кружок бывшего брусневского сообщества были введены Глеб, Василий Старков и Петр Запорожец. Они с удивлением наблюдали появление друг друга на конспиративной квартире, где они наконец собрались все вместе.

— И ты, Базиль?

— И я. Но и ты?

— И я тоже.

— Я очень рад.

— Я тоже, поверь, — сказал Глеб искренне, но понял, что эти избитые слова не смогут выразить его настоящей радости — у него снова появился друг!

Г. М. Кржижановский (через тридцать лет): «Я встретился с Васей в давние, давние времена моего начального студенчества. Толщей многих десятилетий прикрыты эти времена, и пусть разборчивый читатель не посетует на меня за естественные прорехи моей памяти... Простой он был человек, в лучшем смысле этого слова — ясный и чистый. Еще на студенческой скамье, в далекие, далекие 90-е годы, он пользовался необычайной популярностью среди тогдашнего демократического студенчества; всех тянуло к нему. Никакая темная сила его не обойдет и

ничем не закупит... Ему не надо было прилагать усилий, чтобы теряться в толпе рабочих, чтобы близко сходить с ними. Во всей его природе было вот именно это, нечто подлинно пролетарское — мужественное, ясное, разумное.

Взгляните на его письма — везде твердость и четкость линий, отсутствие «завитушек». Он был монолитен — из добротного, крепкого, однородного материала. Никогда ни малейшей фразы, ни малейшей рисовки...»

Дружба Глеба со Старковым быстро крепла, мужала, и вот они уже вместе участвуют в нелегальной рабочей маевке на Крестовском острове, а когда в Петербург приехали мать Глеба и его сестра Тоня, Базиль стал бывать у них чуть не каждый день.

Преемником Бруснева в кружке оказался Степан Иванович Радченко, жизнерадостный, плотный, густоволосый. Он был хорошим конспиратором, организованным и обязательным. Что касается идейной стороны деятельности, то ее Степан считал уже наперед и надолго заданной и не старался вводить какие-нибудь реформы.

— Пропаганда в рабочей среде — вот что нужно сейчас, об этом пишет Плеханов, — говорил он.

...Глеб надолго запомнил свое первое задание. Нужно было в небольшом кружке рабочих провести занятия по изучению «Капитала». У Глеба давно был заготовлен подробный конспект первой части, который неоднократно штудировался им с целью облегчить восприятие рабочими двойственного характера, заключающегося в предметах труда. Особые надежды в плане популяризации этой идеи Глеб связывал с известным марксовским приемом относительно «сюртуков» и «холстов».

Как он обрадовался, когда узнал, что рабочие, среди которых ему предстоит вести пропаганду, — ткачи! Кому, как не им, пример с холстами и сюртуками будет понятен!

Проведение занятий оказалось делом сложным, если даже взять одну его, так сказать, «организационную» сторону. Радченко, прекрасно зная, что ждет группу в случае провала, не упускал любой возможности для конспирации. Поэтому Глебу пришлось сразу после лекций поехать к одному из новых товарищей переодеться. Студенческую тужурку, брюки, ботинки сменили косоворотка, рабочая грязноватая куртка, сапоги. Глубоко, по самые брови, надвинут картуз, руки специально (и это было видно) выпачканы сажей. Мастеровой из Глеба, конечно, получился неважный (лицо свежее, с румянцем, руки белые, нетрудовые), но, чтобы это понять, нужно было присматриваться. Для «первого приближения», как

любил выражаться Глеб, такой наряд мог вполне сойти.

Впрочем, и Вацлав Цивинский, который должен был проводить Глеба к рабочим, выглядел не лучше. Гладкая кожа, модно подстриженные усы и бородка. Интеллигент. Маскарадный рабочий.

Место занятий оказалось далеко, за Невской заставой, нужно было ехать конкой, потом на паровичке. Взгромоздившись на империал, молчаливо прислонившись к Вацлаву, Глеб размышлял о том, что в жизни его наступает великий момент. От волнения дрожали колени, на перестук колес накладывалось биение тревожного и радостного сердца. Глеб почувствовал, как рождаются стихи. Он записал их спустя пятьдесят лет:

*Тракт Шлиссельбургский, неуютный, серый,
Пронизанный сырой, холодной мглой...
Шумлив его паровичок не в меру —
Сигналь, сигналь — идем мы в правый бой!..*

Где-то на самой окраине, совсем в другом мире, друзья с соблюдением всяческих предосторожностей сошли с паровичка, огляделись — нет ли хвоста (все по инструкции), и, не замечая друг друга, пошли куда-то в сугробы, где стоял небольшой двухэтажный домик со страшно скрипучей лестницей, заставлявшей при каждом шаге трепетать сердце.

В темноватой комнатенке с керосиновой лампой на столе их уже ждали двое рабочих и две совсем молоденькие девушки. Глеб, не очень привыкший к обращению с девицами, начал краснеть. Пунцовость его достигла максимума как раз в тот момент, когда Вацлав после приветствий сказал:

— А вот и лектор, который будет вести кружок. Зовут его Григорий Иванович.

— Спасибо за представление, Осип Иванович, — ответил Глеб Вацлаву, явно запинаясь на его имени, — что ж, начнем, товарищи.

И Глеб начал рассказывать им первую главу «Капитала», об устройстве общества, о богатстве и бедности, труде и капитале. Слушали внимательно, но несердечно, что ли. Была какая-то скованность. Она подчеркивалась и маскарадным костюмом, и излишне научным языком Глеба...

Потом, на склоне лет, Глеб Максимилианович вспоминал: «Встречаясь с новыми людьми, мы прежде всего осведомлялись об их отношении к Марксу. Я лично, например, был глубоко убежден, что из человека, который не проштудировал два или три раза «Капитал» Маркса, никогда ничего

путного выйти не может... К сожалению, почти такую же требовательность мы предъявляли не только к студенческим головам, но и к мозгам тех рабочих, с которыми мы уже тогда стремились завязать регулярные сношения, группируя их в определенные пропагандистские кружки. Вспоминая, как терзали мы наших первых друзей из рабочего класса «сюртуком» или «холстом» из первой главы «Капитала», я и по сие время чувствую угрызения совести».

Позже оказалось, что подобные сомнения и трудности были и у других руководителей кружков. Кружки, по сути дела, были просветительскими. Сначала естественные науки, затем теория стоимости, среди наиболее образованных и активных — изучение «Капитала». Так бывшие брусневцы думали вести пропаганду, готовить себе помощников. В решающий час эти образованные и просвещенные рабочие должны были поднять остальную пролетарскую массу на революцию. Глеб и его товарищи хотели, чтобы рабочие сделали революцию собственными руками, и оставляли себе благодарную роль просветителей.

В течение третьего и четвертого курсов работа Глеба в кружках продолжалась. Вообще все продолжалось по-прежнему. Кружок потихоньку расширялся и, по сути дела, стал вечерней школой общественных наук для рабочих, получавших начальное образование в Смоленской воскресно-вечерней школе. Там преподавали кружковки Надежда Крупская, Зинаида Невзорова, Аполлинария Якубова. К работе их привлек Герман Красин, вернувшийся из ссылки в начале 1893 года. Члены кружка смутно ощущали необходимость перемен, но вечная перегруженность учебной и занятиями с рабочими убаюкивала их, казалась исполненной высшего смысла. Чтобы что-нибудь изменить теперь, нужен был только острый взгляд со стороны.

Летнюю студенческую практику 1893 года Глеб проходил в Каменец-Подольской губернии. Он работал на тамошнем сахарном заводе в лаборатории химиком-аналитиком. Нужно сказать, что учился Глеб по-прежнему хорошо, с громадным интересом, а работа в лаборатории доставляла ему истинное наслаждение, — он не замечал времени и всячески оттягивал свой отъезд, хотя уже прошли и сентябрь и октябрь. Наконец он решил вернуться.

Прямо с вокзала свез вещи домой на Коломенскую и поехал в институт, где тут же всех встретил, и в первую очередь Базиля. Базиль, обычно спокойный и хладнокровный, был в нетерпеливом возбуждении и, казалось, только и ждал момента, когда они останутся наедине.

— Большие перемены, — сразу же зашептал он, затянув Глеба в

пространство между шкафами с химической посудой. — В кружке пополнение — волжанин Владимир Ульянов, брат повешенного народовольца. Он не технолог, юрист. Приехал с рекомендательным письмом от нижегородских марксистов к Михаилу Сильвину, сам образованнейший марксист. Уже встречались мы с ним у Михаила, у нас на Коломенской, у Степана. Так вот этот волжанин Германа, не затруднясь, за пояс заткнул...

Первая встреча Глеба с Владимиром Ульяновым произошла на Васильевском острове, в конце 7-й линии, вблизи того места, где речушка Смоленка ограничивала центральную часть острова от старого лютеранского кладбища, примыкавшего к заводам. Недалеко от них стоял мрачноватый дом, очень хорошо знакомый Глебу. Там на первом этаже снимали небольшую комнату сестры Зинаида и Софья Невзоровы. Первая — слушательница Бестужевских курсов, вторая — поступающая на эти же курсы. Почему он чувствовал неизъяснимое волнение, проходя под стрельчатыми сводами дворовой арки, перебегая дорогу из дешевой рабочей столовой? Почему, проходя в эту комнату, небольшую, хотя и вытянутую к окну, откуда видны были осенние деревья и старенький какой-то заборчик, он чувствовал, что сейчас произойдет нечто необычное? Присев на кровать, он в неверном вечернем свете низкого окна увидел на маленьком диванчике напротив, среди своих, так хорошо знакомых, еще одного человека, ему совершенно неизвестного. С этого момента его жизнь в корне изменилась.

Словно грозовой разряд ворвался в комнату, и в вихре своем, в своем свежем дыхании дал им всем новую жизнь.

(Мне той далекой осени не позабыть вовеки! Сбылось все, о чем я лишь мечтал: судьба меня свела с великим человеком. В нем с первых встреч я гения признал. О, как он с той поры мне стал и мил и дорог, как все особо в нем, полно своей красы! Кто враг ему — и мне тот злейший враг. В беседе с ним как миг идут часы... Была та встреча юных дней великим счастьем жизни всей.)

ГРОЗОВОЙ РАЗРЯД,

или Первая встреча Г. М. Кржижановского с В. И. Лениным в Петербурге, описанная героем биографии и его друзьями через несколько десятков лет

Г. М. Кржижановский: «Вернувшись осенью 1893 года с летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый друг, Владимир Ульянов, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральное место... Оглядываясь назад и вспоминая фигуру тогдашнего 23-летнего Владимира Ильича, я ясно теперь вижу в ней особые черты удивительной душевной опрятности и того непрестанного горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожертвованию до конца. Может быть, это шло к нему непосредственно от фамильной трагедии, от героического образа его брата, что по-иному связывало его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы. Однако нам, марксистам до педантизма, гораздо более импонировало в нем его удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников.

Моя первая встреча с Владимиром Ильичем состоялась на квартире З. П. Невзоровой при его докладе в нашем кружке на тему «О рынках».

З. П. Невзорова: «Осенью 1893 года меня известили, что вся наша группа соберется у меня в комнате (я жила тогда с сестрой Софьей, тоже приехавшей на курсы), чтобы заслушать одного человека, с которым группа уже была связана, приехавшего из провинции... Этим человеком был Владимир Ильич... Он поразил нас всех своей эрудицией, знанием русской жизни и умением приложить к этой русской жизни марксистскую теорию».

С. П. Невзорова: «...Как сейчас помню нашу небольшую, в одно окно длинную комнату с зеленым диваном и двумя кроватями. На диване сидит за столом этот новый интересный человек. Владимиру Ильичу было тогда всего 23 года. Свет лампы освещает его большой крутой лоб с кольцами рыжеватых волос вокруг уже значительной лысины, худощавое лицо с небольшой бородкой. Свои возражения по поводу статьи Германа Красина

он читает по тетрадке».

М. А. Сильвин: «Эта тетрадка затем обошла всех нас, мы читали и тезисы и возражения, но то, что говорил Владимир Ильич в опровержение реферата, было гораздо полнее. Он говорил долго, со свойственным ему мастерством, старался не задевать референта, но последний, однако, чувствовал себя уничтоженным...

Речь Владимира Ильича может быть названа программной... Ленин заявил, что надо быть реалистами, исходить не из схем, а из изучения нашей действительности, и обрисовал нам картину процесса экономического развития страны и роста капиталистического производства в ней именно на почве разорения и расслоения крестьян, на почве вытеснения натурального хозяйства денежным. Крестьянин стал беднее, он не производит теперь для себя предметов одежды, утвари и прочего, но он должен их купить, а для того, чтобы купить, он должен продать свою рабочую силу.

— О рынках, — говорил он (Владимир Ильич) в заключение своей пламенной речи, — позаботится наша буржуазия, а мы должны позаботиться о том, чтобы вызвать к жизни массовое рабочее движение в России, между тем мы для этого ничего не делаем или почти ничего».

Г. М. Кржижановский: «...На первый взгляд он не imponировал... Начнем хотя бы с простой скромной внешности Владимира Ильича. Его невысокая фигура в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком — вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян, — было в его облике именно нечто, как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови. Но стоило взглянуть в глаза Владимира Ильича, в эти необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии темно-темно-карие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности, как только вы начинали несколько ближе всматриваться в его облик...»

Г. Б. Красин: «В его (Владимира Ильича) реферате приводились статистические данные о расслоении натурального хозяйства, выявлялась картина пауперизации населения, подводились итоги фактической роли капитала в народном хозяйстве того времени».

Г. М. Кржижановский: «В тех сложных статистических таблицах, которые автор составлял для выявления действительных движущих моментов наших хозяйственных порядков, был использован богатейший материал для познания нашей сельской экономики — различные сборники земской статистики...»

В. В. Старков: «...Владимир Ильич поразил нас всех... тем литературным и научным багажом, которым он располагал...»

М. А. Сильвин: «Лидерство Красина было низвергнуто. Молчаливо, но твердо это почувствовали все. И сам Герман Борисович очень хорошо сознавал это, как-то стушевался после того, стал сторониться нас и вскоре отошел от движения...»

Г. М. Кржижановский: «...На наших северных равнинах появляется необычайный человек, который как никто отдает себе отчет в разящей силе того оружия, которое выковано гением Маркса. Для него марксист прежде всего революционер... Мы уже начали догадываться, что реферат Владимира Ильича — событие, далеко перерастающее рамки нашего кружка, что самый кружок должен зажечь как-то по-новому, подтянуться, чтобы быть достойным своего нового сотоварища. Воистину на наших глазах завершалась фаза долгих и долгих исканий передовых поколений нашей Родины...»

За обнаженный лоб и большую эрудицию Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой «Старик», находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом молодой энергией... Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным Стариком, как я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и сразу как-то меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

...Появление у нас осенью 1893 года В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозovým разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь...»

(Старик! Вот слово роковое...)

ЗЕМСКИЙ ТЕХНИК

Весна 1894 года проходила для Глеба под знаком выпускных экзаменов. Получалось так, что химическое отделение института, давая определенные знания и навыки, вовсе не ориентировало студентов только на один предмет. Судя по наименованию выпускных экзаменов — начертательная геометрия, деревянные и металлические конструкции, организация строительного дела, — их готовили скорей как инженеров-строителей, будущих руководителей крупнейшего промышленного министерства — министерства путей сообщения.

Профессор начертательной геометрии Макаров, старый знакомец Глеба, сразу его узнал. Едва он взял билет и хотел по обычаю отвечать без подготовки, профессор жестом остановил его:

— Не нужно, не нужно, ставлю «пять».

Спокойно, уверенно, при большой симпатии к способному студенту профессоров Глеб сдал все выпускные экзамены на круглые пятерки. Тридцатого мая ему был в обстановке большой торжественности вручен заверенный восьмиугольной печатью с двуглавым орлом диплом, в котором вопрос о его происхождении наконец был разрешен в соответствии с тем здравым смыслом, который столь соответствовал этому практическому институту.

«...С.-Петербургский Практический Технологический Институт сим объявляет, что Глеб Максимилианович Кржижановский, из мещан, 22-х лет от роду, православного вероисповедания, по окончании в 1894 году полного курса наук по химическому отделению, подвергался испытанию в Экзаменационной комиссии и оною 30 мая 1894 года удостоен звания Инженер-Технолога...»

Теперь настала пора оглядеться, выбрать свой жизненный путь. Перед Глебом, как многие считали, открывалась крутая научная или инженерная карьера. Его земляк Ильин, тоже окончивший институт в этом году и получивший диплом буквально за следующим номером, избрал для себя спокойный путь химика-технолога. Он направлялся в Самару инженером на винокуренный завод. Глеб не мог, разумеется, так поступить. Он не мог порвать с революцией, которая уже стала частью его существа, не мог расстаться со Стариком. Глеб быстро проникся его идеями относительно народничества и будущего хозяйственного развития России. Старик готовил «тетрадки» по народничеству. Как увеличивалась мощь аргументов

благодаря использованию статистических данных! В работах было показано на цифрах, на фактах и разорение, и расслоение крестьян, и неизбежное усиление капиталистического сектора промышленности, и развитие внутреннего рынка. Знание статистики открывало правду. Глеб решил тоже заняться статистикой и убедить всех в правильности точки зрения Старика на неизбежный крах народнических теорий о силе крестьянского кустарного труда, о его способности противостоять капитализму — «Чумазому».

Для этого представился случай. Служащий земской управы в Нижнем Новгороде, известный народник Анненский предложил ему заняться сбором статистических данных по кустарным промыслам Нижегородской губернии, на основе которых он надеялся сделать некоторые теоретические выводы. Глеба интересовали бы совсем обратные выводы, говорящие о постепенном сокращении промыслов, поглощении их крупным капиталом, но он своих тайных планов не выдал и согласился на предложение.

А может быть, была еще одна причина тому, что Глеб Максимилианович Кржижановский осенью 1894 года прибыл именно в Нижний Новгород, куда недавно, промыкавшись несколько месяцев после окончания химического отделения Бестужевских высших женских курсов и не найдя для себя работы в столице, прибыла одна из самых активных участниц их революционной группы — Зинаида Павловна Невзорова. Не то чтобы он был влюблен — но безотчетно стремился быть рядом с ней как с одним из наиболее близких товарищей по борьбе.

Сведения, полученные местным жандармским управлением

«...Невзорова имеет отца — отставного надворного советника Павла Иванова, 60 лет, который по некоторым сведениям служил в Казенной Палате в Соляном отделении и в 60-х годах был сослан по суду на поселение, но по манифесту прощен и ныне живет в семье, имеет мать Людмилу Феофилактовну, урожденную Пятову, сестру Ольгу, замужем за штатным преподавателем Нижегородского Кадетского корпуса Алексеем Александровичем Голубцовым, сестер девиц: Августу, приблизительно 22 лет, Софью 20 лет, которые в семье не живут, а по слухам Августа состоит классной дамой во Владимире, а Софья в С.-Петербурге на курсах, затем имеет брата лет 18 Павла, учащегося в Нижегородском Дворянском институте. Квартирует она с отцом, матерью и братом в доме Нечаева по Кизеветтерской улице, 2 Кремлевской части, в бельэтаже, вход в квартиру в парадную дверь с улицы и в ворота черным ходом, дом расположен лицом на улицу, имеет три окна на улицу, 6 окон сбоку двора и в глубь двора 5

окон.

Невзорова определенных занятий не имеет, живет на средства родителей. Была слушательницей С.-Петербургских высших курсов. Из квартиры выходит редко и одновременно. Большею частью ходит к замужней сестре Ольге Голубцовой, живущей по Б. Печорке в доме Янковского. Имеет знакомство с девицами сестрами Рукавишниковыми, Анной и Ниной Алексеевыми, живущими по Солдатской улице в доме Суловой, которые часто ходят к ней в квартиру с вечера и находятся до глубокой ночи, также ходит и Невзорова к ним».

«...Приметы Зинаиды Невзоровой: 22 лет, роста среднего, плечи крутые, сутуловатые, волосы и брови темно-русые, густые волосы носит распущенные, иногда заплетает косу, временами заплетает и две косы, лицо чистое и довольно полное, нос обыкновенный, губы немного толстые, выражение лица серьезное, походка скорая, с развалом, ноги раскидывает врозь, при ходьбе смотрит в землю, руками размахивает, особых примет нет».

Сразу же по приезде в Нижний Глеб (откуда такая активность?) поспешил на Кизеветтерскую. Был вечер, абажур, чай с вареньем. Колеблющийся керосиновый свет выхватывал из темного объема комнаты точеный профиль Августы, мягкую задорность лица Зинаиды, незапоминающийся облик соседки. Был обычный российский провинциальный вечерок, и июльская ночь вривалась через вышитые занавески вместе с трепещущими бабочками ночи, вместе с ароматами львиного зева, влажным дыханием Волги. Наступало одно из тех мгновений, когда понимаешь то, чего не понимал раньше и что забудется потом, глубокий вздох цветущего ночного воздуха обостряет чувства, придает воспаленную остроту ощущениям. В это мгновение правды Глеб понял, что он не может оторвать взгляд от одной из сестер — не от возвышенной красавицы Августы, а от земной и простой Зинаиды, что его ввергает в неизъяснимое волнение ее роскошная, уложенная вокруг головы коса, нежный поворот головы, выбившийся локон на мягком изгибе шеи, и тень от него, и ее внезапный, прорывающийся сквозь невидную ткань беседы, наполненный радостью и здоровьем смех. Глеб попробовал одернуть себя, она была старше, имела много друзей, среди которых верными спутниками и защитниками ее были Миша Сильвин и Анатолий Ванеев. Прошел даже слух, что они с Сильвиным близки к тому, чтобы объявить о помолвке. Более подходящей ему по возрасту была, конечно, Августа, но лукавый властитель встреч давно уже сплел судьбы их всех в своем хитром узоре, в своих бесовских выдумках. Глеб, не отводя глаз,

смотрел на ее густые волосы и не смог бы теперь хладнокровно и объективно описать ее — цепь логики и объективности обрывалась...

Он смотрел на нее теперь по-новому, как бы впервые. Легкая походка Зины, ее грациозные движения, когда она меняла положение на маленьком венском стульчике, захватили его невиданной магией. В гипнотическом забытии он пил чай с абрикосовым вареньем, с бубликами, ничего не понимая и поражаясь себе. Уже выйдя из дома вместе с соседкой, поспешавшей недалеко, он вдруг почувствовал, как блаженное и странное состояние прервал голос случайной спутницы, порвал паутину, искусно сотканную судьбой, превратил долину мечты опять в Кизеветтерскую...

— Ну что ты растерялся, Глеб? — ласково и тихо спросила соседка, а Глебу казалось, что разрушается с грохотом целый мир. — Не знаешь, какую выбрать? Носатую бери, на ней женись! Больно хороша!

И ушла, оставив Глеба в недоумении: что было с ним? Что произошло?

Он начал привычно анализировать, умозаключать, поворачивать аргументы то радостной солнечной стороной, то окунать их в густые тени, и постепенно все прошло, мысли спокойно потекли по разработанному руслу логики, справедливости и целесообразности. Все вернулось на круги своя, и уже через несколько дней он лишь краснел при воспоминании об этом странном вечере. Все стало как раньше, и Зинаида вполне могла ничего не заметить.

Глеб окунулся в работу. Он хотел получить доказательство тому, что крестьянские кустарные артели под действием новых условий не крепнут и развиваются, как утверждал Анненский и другие идеологи «народного производства», а, наоборот, разоряются и прекращают свое существование, как считал Старик.

— Производство столового и ремесленного ножа, — говорил, давая задание Глебу, Анненский, глава Статистического управления губернской земской управы, — согласно полученным цифрам уже в значительной степени приближается к фабричному, или, правильнее сказать, мануфактурному производству. В нашей Нижегородской губернии столовый нож работает около 400 человек, из них на базар отдают около шестидесяти, а хозяину — двести семьдесят с чем-то человек. Хорошо бы показать, что эти крестьяне не входят в сферу действия капитала, не эксплуатируются им, а страдают от искусственных давлений на народный строй. Их хозяева — это такие же, как и они, кустари, крестьяне-кулаки. А самостоятельно работающие кустари совсем свободны. Как можно говорить об их порабощении капиталом? Даже если взять производство складного перочинного ножа — оно занимает промежуточное положение

между производством столового ножа и производством замков, — то и здесь, хотя большая часть работает на хозяина, осталось до сих пор много самостоятельных кустарей, имеющих дело прямо с рынком. Вы понимаете задачу?

— Понимаю, разумеется, — сказал Глеб, глядя своими громадными глазами прямо в пенсне Анненскому. Про себя подумал: «Хочет моими руками получить материал против выводов Старика. Ну что ж, изучим, сопоставим цифры».

Новая должность инженера по кустарным промыслам при Нижегородском земстве принуждала Глеба много путешествовать по глухим уголкам губернии, но это не помешало ему принять самое активное участие в работе нижегородской социал-демократической группы, где играла важную роль Зинаида: группа состояла из Розанова, Кулябко, Румянцева с женой, сестер Рукавишниковых, а также молодых рабочих — Яши Пятибрatова, Миши Громова и других. Зинаида уже успела организовать здесь благодаря своему огневому темпераменту печатание прокламаций; они распространялись на заводах, веером расходились по рукам вместе с нелегальной социал-демократической литературой. Пользовался успехом Плеханов-Бельтов — «К развитию монистического взгляда на историю», о тетрадках Старика «Что такое «друзья народа»...» и говорить нечего — они служили основой борьбы с группировавшимися вокруг Анненского народниками.

...В далеких деревнях глухого Ветлужского края Глеб все больше и больше убеждался в том, насколько прав Старик. Оказалось, что статистики Анненского следовали английской прибаутке о трех видах лжи, худшим из которых является статистика. Они упорно не замечали эксплуатации кустарей скупщиками, рынком. Мечты народников о «настоящей» народной промышленности покоились на зыбком песке. Глеб посетил многие деревни и видел картины такого ужасающего разорения, которые ему не могли бы и присниться. Все эти картины были жуткими в своей реальности иллюстрациями к мыслям Старика, а ведь Старик в этих уголках никогда не бывал. Недавно по Волге прокатилась холера, несколько лет бушевал голод, многие деревни были заброшены, и лишь одинокие полусумасшедшие старики, оставленные умирать, приветствовали Глеба своими иссохшими руками. В сравнительно благополучном Сергачском уезде, в деревне Карге, крыши изб раскрыты, солома пошла на корм скоту, заборы и плетни разобраны на дрова, изможденные люди едва передвигали ноги, не было молока у исхудавших матерей, дети росли заморышами, голодный тиф косил людей.

Глеб спросил о промыслах. Молодой парень с какой-то сумасшедшинкой в глазах вдруг схватил его за руку, поволок за околицу села к лесу, к кладбищу. Глеб, испугавшись, упирался.

— Не бось, не бось, — уговаривал его мужик, и Глеб решил взять себя в руки. До кладбища, однако, не дошли: парень увидел вблизи дороги осиноый кол и показал на него Глебу.

— Что здесь? — спросил тот, недоумеая.

— Ведерко, да молоток, да прочий струмент. Последний наш шпикарь закопал. Сказывал, боле никогда не обратится...

Действительно, как убеждался Глеб, удержаться какому-нибудь «гвоздарю», или «шпикарю», или «ножечнику» в конкуренции с такими промышленными гигантами, возникшими в Нижегородской губернии, как Сормовский завод, было делом безнадежным. Рабочий на заводе, конечно, эксплуатируемый, конечно, обогащающий хозяев, конечно, работающий свои одиннадцать с половиной часов в день, получал за это 5–6 рублей в неделю, а «свободный шпикарь» за свою самостоятельную работу по 14 часов в сутки зарабатывал в неделю 70–80 копеек. Вот и закапывали кустари свой нехитрый инструмент в землю, шли на заводы. Осиноый кол, вбитый в землю безвестным кустарем, показался Глебу знаменательным символом судеб разбитых Стариком народнических теорий. Глеб собрал богатейший материал, и земство было тем очень довольно. Оно наконец получило объективную картину. Земство предложило Глебу постоянно работать в Нижнем при окладе 250 рублей в месяц. Три тысячи в год! Глеб никогда не представлял себе, что может зарабатывать такие деньги. Он обещал подумать, но мысли его были заняты в основном Зинаидой Павловной.

Она была тогда молода, красива, самоотверженна, романтична, она видела многие вещи в гораздо более розовом свете, чем это было в действительности.

Радченко и Глеб с пониманием отнеслись к предупреждениям Старика о строгом соблюдении конспирации, а вот старые кружковцы, нижегородцы Зина и Анатолий Ванеев, жили пока довольно беспечно, уповая, и не совсем осмотрительно, на неповоротливость властей. За Зинаидой Невзоровой не переставали следить. Когда она еще только переехала в Нижний, начальник штаба министерства внутренних дел генерал-лейтенант Петров (вон куда дело докатилось!) прислал начальнику Нижегородского жандармского управления письмо следующего содержания: «Департаменту полиции сделалось известным, что в Нижнем Новгороде, по Кизеветтерской улице в доме Нечаева проживает

слушательница высших женских курсов Зинаида Павловна Невзорова, вращавшаяся во время пребывания в С.-Петербурге в кругу лиц крайне вредного направления... вследствие сего Департамент имеет честь покорнейше просить Ваше Прев-ство выяснить цель пребывания Невзоровой в Нижнем Новгороде, ее деятельность и круг знакомства и, установив за ней негласное наблюдение, уведомить о последующем».

Это письмо сопровождалось копией с другого письма, перехваченного департаментом, без подписи, без обозначения места, а по штемпелю: почтовый вагон № 78 (Кинешма — Новки) от 18 июля 1894 года, к Зинаиде Павловне Невзоровой. Здесь открытым текстом говорилось буквально следующее: «Посылаю вам подробный рецепт самодельного гектографа». Зинаиду решили пока не трогать, посмотреть, что будет дальше. 4 сентября генерал-майор Баранов секретно отправил в департамент полиции донесение: «Имею честь почтительнейше донести Департаменту полиции, что... относительно Зинаиды Невзоровой обнаружено агентурным путем, что она на днях ходила по разным нижегородским лавкам и разыскивала желатин, нужный для гектографа, но такого нигде не нашла...»

Поиски гектографических материалов, естественно, не могли целиком заполнить жизнь такой активной натуры, как Зинаида. Она ищет, чем бы заняться полезным, и находит: ее знакомая, заведующая воскресной школой для рабочих, сочувствуя социал-демократам, предложила ей читать там лекции. Зинаида решила построить лекции в согласии с тем опытом, который в Петербурге оказался столь удачным: от мироздания к земле, к человеку, к человеческому обществу. Такое построение курса постепенно подготавливало рабочих к материалистическому восприятию окружающего мира. Зине попала старшая группа, слушавшая лекции с большим интересом. На втором или третьем занятии симпатизировавшие ей рабочие посоветовали быть поосторожней, им показалось, что в число слушателей затесался агент охранного отделения. Так оно и оказалось. Все, что делалось в классе Невзоровой, быстро становилось известным департаменту полиции, самому Сабурову. Директор департамента был преподавательской деятельностью Невзоровой очень недоволен и вследствие этого написал нижегородскому губернатору Баранову так: «Департаменту полиции сделалось известно, что дочь надворного советника Зинаида Павловна Невзорова... занимается преподаванием в местной воскресной школе, посещаемой рабочими и мастеровыми людьми. Ввиду имеющихся сведений о политической неблагонадежности Невзоровой, признавая нежелательным допущение ее к преподавательской деятельности в воскресной школе и даже вообще к какому-либо

непосредственному участию в оной, я считаю долгом сообщить о сем Вашему Превосходительству для зависящих распоряжений и покорнейше просить о последующем не оставить уведомлением...»

Зинаиде не суждено было добратся до самой «крамольной» темы — до человеческого общества. Прибежала взволнованная Щеглова и рассказала: ее вызывал губернатор Баранов; он разговаривал грубо и, более того, заявил, что, если она в двадцать четыре часа не выгонит Невзорову, он закроет школу. Зинаида подала заявление об уходе.

...Сабуров, просматривая предоставляемые ему из «черного кабинета» копии всех писем Невзоровой, мог с удовлетворением видеть, что его распоряжение выполнено: «...Я уже покончила свою учительскую карьеру, «отцвела», можно сказать, «не успев расцвести». По приказанию свыше велено меня «не допускать». Ну и кончено дело, вот тебе и первая попытка на почве культуртрегерства. Теперь могу только сделать реверанс и скромно отойти в сторону, твердо зарубив на носу, что «против рожна прать нечего», что «выше лба уши не растут», что «всяк сверчок знай свой шесток» и «про житейскую мудрость впредь урок»! Да и другим назидание! Как-никак, а зла я все-таки страшно. Подробности узнаю на днях. Пока мне только известен печальный факт...»

Но уже следующее перехваченное письмо Невзоровой заставило Сабурова забеспокоиться. Теперь, в декабре, она писала в Петербург своей сестре Софье: «Ждем всех питерцев с нетерпением, приезжайте скорее. Есть здесь много интересного, но об этом уже при свидании. Я хочу, чтобы как можно больше народа стянулось сюда. К Кр. приедет сестра и товарищ из Питера, С. с В. тоже приедут, так что питерцев будет множество... Везите нам, как можно больше, запас всяких новостей, устных и нигде не писанных... Моя учительская карьера закончилась довольно громко, как оказывается, ибо составила злобу дня и тему для всевозможных рассуждений у разных либеральствующих лиц. Недаром не терплю я либерального кудахтанья...»

Копия этого письма была тут же отослана нижегородскому губернатору с резолюцией: «Прошу предупредить для соображений генерала Баранова, что на рождественские каникулы съедутся в Нижний люди сомнительной благонадежности, которые будут находиться в постоянных сношениях с Невзоровой...»

Тут же из департамента поступило Баранову следующее категорическое указание, имевшее серьезные последствия для Глеба Максимилиановича Кржижановского:

«...Департамент полиции имеет честь покорнейше просить Ваше

Превосходительство сделать распоряжение об усилении... наблюдения за Невзоровой и близкими к ней людьми для выяснения деятельности и сношений ожидаемых из Петербурга лиц и о последующем уведомить...»

В ответ на это письмо Баранов в январе сообщил, что за Невзоровой ведется непрерывное негласное наблюдение с первой половины ноября месяца минувшего года, результат коего прилагается. Здесь имя Кржижановского впервые всплывает в материалах жандармской слежки: «...Из приезжих в Нижний на рождественские каникулы из С.-Петербурга пока находятся с Невзоровой в сношениях студент С.-Петербургского университета Михаил Сильвин и инженер-технолог С.-Петербургского Технологического института Глеб Кржижановский. Последний также бывает у рабочего фабрики Доброва и Набгольц, мещанина Алексея Бронина, который... находился в сношениях с известным Александром Кузнецовым и получал от последнего гектографированные брошюры. Выяснение сношений Кржижановского с Невзоровой и лицами, в кругу которых они вращаются... представляет обстоятельство, заслуживающее внимания».

Вслед за этим Сабурову были препровождены «листки наблюдения» за Алексеем Брониним, Глебом Кржижановским, Ниной и Анной Рукавишниковыми, Анисьей Сучковой и Михаилом Сильвиным.

Эти документы были составлены очень подробно, с большим знанием дела, и по ним благодаря стараниям филеров Зеленецкого и Ксендзенко в мельчайших подробностях можно воспроизвести зарождение романа Глеба и Зинаиды.

Вот из столичного поезда на вокзале выходят уже знакомые нам люди — Сильвин, Ванеев да еще «неизвестный человек лет 30, темно-русый, с бородкой, небольшого роста, в осеннем пальто, в нагольных сапогах, в высокой черной шапке с желтым башлыком» и сестра Глеба Антонина.

Среди девушек наибольшим успехом пользуется, несомненно, Зинаида Павловна — ее наперебой приглашают на Черный пруд кататься на коньках то Сильвин, то Кржижановский, то Ванеев.

Вот вся их веселая компания сидит до трех часов ночи в рождественские праздники на квартире Глеба Кржижановского (одна из дам, как замечено наблюдением, держала пачку бумаг и читала какое-то письмо).

Внимательные наблюдатели из отделения подметили возрастание продолжительности встреч Невзоровой именно с Глебом Кржижановским и сокращение времени, проводимого ею с остальными своими друзьями.

Ничего определенного в смысле противоправительственной

деятельности этих жизнерадостных молодых людей слезка не дала — они уже выучились конспирации...

Когда прошли рождественские праздники, Василий Старков, которого Зеленецкий и Ксендзенко так и не смогли прояснить, — тот самый бородач в нагольных сапогах — посерьезнел, отозвал Глеба, сказал:

— Праздники кончились, наступают будни. В Петербурге Старик разворачивает большую работу. Разгромив народников, принялся за легальных марксистов, не хватает руководящих сил. Много новых, много молодых, нестреляных, неопытных, Старик просит тебя бросить все и приехать...

Смешанные чувства боролись в душе Глеба. Радость оттого, что все с таким трудом начатое пошло, развивается, крепнет. Оттого, что Старик ценит его, просит приехать. Революционная работа в Питере куда интересней, чем здесь, в Нижнем. А на другом полюсе, в другом измерении чувств, мелькало: как я расстанусь с Ней? Чем буду заниматься в Петербурге?

Ответ на второй вопрос Базиль уже имел. Глебу предлагали место лаборанта в петербургском Технологическом 66 институте, который он так недавно кончил. Жалованье, конечно, было мизерным — в пять раз меньше того, что предлагали нижегородские земцы! И все же это была реальная работа, тем более что одновременно Базиль предлагал взять место заведующего лабораторией материалов на Александровском заводе Шлиссельбургского тракта.

Первая проблема тоже решилась. Зинаида, когда ей было сообщено о предложении, сказала, что ей давно хочется перебраться в Петербург, где Аполлинария Якубова обещала присмотреть ей что-нибудь на Шлиссельбургском тракте, — там находилась воскресная школа для рабочих.

ОПЯТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Глеб согласился на предложение Старика, и Базиль уехал, полный радостной вестью. Оставалось отрегулировать отношения с земством, которое всячески старалось задержать Глеба, не ограничиваясь посулами большого жалованья, а прибегая уже к рассуждениям о народной пользе. Глеб хотел было разъяснить, как он понимает народную пользу, но правильно сделал — промолчал и лишь передал свой доклад о кустарных промыслах в Нижегородской губернии для прочтения его на земском собрании и быстренько, уже в конце января, укатил в Петербург. Зинаида сразу же после праздников отписала Якубовой, прося ее подыскать место учительницы в Питере. Аполлинария сделала все, что могла, но не была слишком конспиративна, что оказало впоследствии большое влияние на учительскую карьеру Зины. Ее письмо было, разумеется, перехвачено: «... Я утверждена на курсах, приезжайте скорее. На квартире я не остаюсь, а переселилась на Васильевский остров. Сегодня встретила Г...и говорила насчет ее школы, она говорит, что тебе надо лично переговорить с начальницей. Читала речь Государя!.. Новостей хороших нет, а плохих нельзя писать...»

Резолюция директора департамента полиции:

«Невзорову в учительницы пускать нечего. 25/1».

Резолюция заведующего особым отделом Л. А. Ратаева:

«Надо написать Градоначальнику, чтобы по приезде Невзоровой за ней было учреждено наблюдение для выяснения, в какую школу она намерена поступить учительницей».

Письмо Аполлинарии поселило в Зинаиде надежды. Она быстро собрала конспекты, прихватила литературу и отбыла в Петербург.

Зинаида приехала в Петербург 18 февраля, и Глеб, чинно ее встречавший, уже мог кое-что сообщить ей, пока провожал на Кабинетную улицу к сестре Софье, также теперь слушательнице Высших женских курсов. Он опять взял кружки, но методы работы, оказывается, претерпели за время его отсутствия серьезные изменения.

— Понимаешь, Зина, — говорил он с жаром, и солнце, заслоняясь домами проспекта, создавало радостную мельтешню на его свежем, разогретом морозом лице, и все были довольны, радостны и даже все время оборачивающийся извозчик, легко сторговавшийся с ними на провоз до Кабинетной, — понимаешь, Старик сразу поставил всю нашу работу на

новые рельсы. От пропаганды к агитации, от связи с отдельными рабочими к боевой смычке с массами. Весь Петербург разделен: каждый несет ответственность за определенный район. Усилилась конспирация, заработала подпольная печать — любое крупное событие освещается прокламацией, начали появляться связи с другими рабочими центрами страны, наконец, мы думаем о создании собственной питерской рабочей газеты. Все наши в воодушевлении, только Радченко и Красин побаиваются перемен.

Глеб говорил все тише и тише и вдруг почувствовал, как приходится напрягаться извозчичьей спине под толстым овчинным тулупом, как наклоняется тулуп в их сторону; Глебу почудилось в залихватской ухмылке оборачивающегося ямщика что-то волчье.

Зинаида поселилась с Софьей, а Аполлиария, встречавшая ее с Соней дома, сообщила, что, пока Зина не найдет работы, она, Аполлиария, отдаст Зине свой частный урок, за обед и восемь рублей в месяц. Восемь рублей — гроши, но это был выход! Нашлось бы где-нибудь место, а уж свидетельство о благонадежности — необходимая формальность — всегда будет. Однако эта формальность все не выполнялась, и работу преподавательницы Зинаида никак получить не могла.

Вероятно, причиной этого была депеша, отправленная сразу же после приезда Невзоровой в Петербург начальником штаба министерства внутренних дел генерал-лейтенантом Петровым санкт-петербургскому градоначальнику:

«...Департамент полиции покорнейше просит в случае обращения Невзоровой к Вашему Превосходительству с ходатайством о выдаче свидетельства о благонадежности для поступления на должность учительницы оставить просьбу ее без удовлетворения».

Неудачей окончилась и попытка Зины поступить к себе же, на высшие курсы, в качестве ассистента по кафедре неорганической химии. Ее пригласил известный химик профессор Бекетов, однако директор, связавшись с департаментом полиции, заявил Зинаиде Невзоровой, что таких, как она, он на пушечный выстрел к студенткам не подпустит.

Зинаиде удалось устроиться в юрисконсульство Рязанской железной дороги, а преподавать она стала нелегально. В вечернюю школу за Невской заставой на Шлиссельбургском тракте, где работали и Надя Крупская и Аполлиария Якубова, была зачислена еще одна учительница, Которая там не появлялась. Под ее именем занятия вела Зина. Она читала лекции о государственном и экономическом строе стран Запада, об истории рабочего движения в европейских государствах. На кафедре в это время на случай

прихода инспектора был раскрыт безобидный учебник географии, была приготовлена и легенда о внезапно заболевшей преподавательнице.

Такой способ преподавания нельзя было признать удобным, и Зинаида, все еще считая происходящее недоразумением, набралась храбрости и записалась на прием к директору департамента полиции с жалобой на инспектора народных училищ.

Сабуров встретил Зинаиду с любопытством и нескрываемым раздражением (очень много про нее знал). Он кричал об «ореоле фактов», о своем удивлении неслыханной ее дерзостью, о дурном круге знакомств. Заявил, что об учительской работе, а тем более среди рабочих, не может быть и речи.

Зинаида пожала плечами, сделала удивленные глаза и, не попрощавшись, вышла. Она решила продолжать свое нелегальное преподавание, а Сабуров, окончательно выведенный из себя, зная уже, что она обречена на арест и находится в соответствующих списках, долго думал, как лучше поступить теперь, когда он стал представлять ее себе гораздо лучше. Он пришел к выводу: не нужно арестовывать Зинаиду. Во всяком случае, вместе со всеми. Пусть побудет на свободе. К ней как одной из самых общительных сведутся все нити организации. Тогда со всем последом и возьмем.

Зинаида же из происшедшего сделала печальный вывод _ о ней и о ее друзьях многое известно. Так оно и было.

27 мая 1895 года петербургский градоначальник фон Валь препроводил департаменту список лиц, заподозренных в принадлежности к «социал-революционному обществу», и сообщил, что «деятельность кружка «социал-демократов» за последнее время значительно расширилась и, в частности, проявилась в издании брошюры «Что такое «друзья народа»...». Из сообщений провокаторов и филеров было известно о существовании «Центральной рабочей группы» («Ц. Гр.») и «Центрального рабочего кружка» («Ц. Р. К.»).

В «Список лиц, на коих падает подозрение в принадлежности к социал-революционному обществу», составленный 27 мая 1895 года, входили Ульянов, Старков, Запорожец, Малченко, Радченко... Список состоял из 34 человек. Глеба Кржижановского в этом списке пока еще не было.

ТРАКТ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ, НЕУЮТНЫЙ, СЕРЫЙ

Не удовлетворяясь пропагандой, Старик считал необходимым переходить к агитации среди рабочих. Первая листовка, переписанная от руки в четырех экземплярах, была разбросана Бабушкиным на территории Семянниковского завода. Два листка попали в лапы сторожей, но два не пропали — их подняли рабочие, прочитали, распространили, читали вслух в уголках цехов. Это было успехом, и Глеб со Стариком стали составлять новый листок. Кржижановский, серьезно подумывавший о литературной карьере, старался действовать образно, использовал простонародные слова; Старик, напротив, оставался самим собой — он совершенно не пытался подделываться под аудиторию, предпочитая поднимать ее до своего уровня.

Глеб со своим листком завозился, Старик давно уже исписал своим мелким почерком несколько страниц; поглядывая искоса, поджидал... Наконец кончил и Глеб. Стали сравнивать.

— Читай первый, — предложил Ильич.

Старику листок Глеба очень понравился.

— Твой текст лучше, — сказал он. — Он пойдет. У тебя — настоящая драма. — Потом подумал немного и сказал задумчиво: — Настоящая драма.

Глеб посмотрел на Старика с сомнением, стараясь убедиться — не шутит ли? Глебу листок Старика понравился гораздо больше — текст был проще, короче и содержательнее. Глеб пробовал убедить его, но тот стоял на своем. Был очень неуступчив иногда, особенно когда касалось дела.

Глеб внимательно перечитал свое творение, останавливаясь на отдельных фразах: «...грусть-то грустью, а работа — работой. Работаем мы всю жизнь на капиталистов, поработаемте-ка на себя. Знаете, есть такая игрушка: надавишь пружину, и выскочит солдат 6 саблей. Так оно и вышло и на Семянниковском заводе, так будет выходить везде: заводчики и заводские прихвостни — это пружина: подавишь ее разок, и появятся те куклы, которых она приводит в движение: прокуроры, полиция и жандармы. Это надо записать каждому рабочему в своем мозгу... Да и какой ему выбор ставит сама жизнь? Превратиться совсем в выючное животное, которое только тупо смотрит, как на него накладывают одну непосильную тяжесть за другой, — да разве это не равносильно умерщвлению в себе человеческого образа, да и не только в себе, айв своих

ближних, всех, для кого живешь и работаешь?.. Уехать в другое место? Но куда? В родной деревеньке одна нищета, кулаки да розги г-д земских начальников; не туда, а оттуда бежит народ в город. Уйти на другой завод или в другой город? Да разве там не одно и то же? Уехать некуда... «Борьбы и знаний!» — вот чего требует от русского рабочего русская жизнь...»

Может быть, и в самом деле неплохая листовка?

Делясь с Зиной впечатлениями о новом стиле работы, заведенном Стариком, и слушая ее рассказы о беседах с рабочими, обучающимися в воскресной школе, Глеб все четче выстраивал в своем сознании значение, формы и масштабы новой работы.

Действительно, то, что было до прихода Старика, при всем желании трудно было назвать боевой революционной организацией. Это, с одной стороны, патриотически настроенные благородные интеллигенты и с другой — отдельные рабочие, стремящиеся к знаниям, к осознанию своей роли в грядущей революции, большей частью рабочие-книжники, книгочеи, серьезные и рассудительные, или, как их называли на заводах, «умственные». Существовали, конечно, периодические собрания, но это были редкие встречи рабочих, связанных в основном личным знакомством, — здесь не было элемента представительства. Шелгунов, Кайзер, Фишер, Фунтиков, Богданов, Князев, Меркулов подбирали себе кружки из знакомых им рабочих, приводили туда знакомых им интеллигентов-пропагандистов, а в случае провала через учительниц вечерних классов вновь нащупывали связи с интеллигентами. Не было *организации*^[1], не было центра. Не было четкого направления борьбы — некоторые склонялись к народничеству, уповая на крестьян; некоторые, признавая Маркса, уповали на капитализм. Рабочие слабо ощущали разницу между социал-демократами, марксистами и народниками.

На нетвердость теоретических позиций самих руководителей и обратил в первую очередь внимание Старик, когда он познакомился с группой. Борьбу с народничеством нужно было начинать отсюда. Поэтому то он, видимо, и устроил чтение рефератов, это был своеобразный педагогический прием — взгляды, представления и ошибки каждого на ладони, их можно увидеть и исправить. Столь же глубокими и правильными показались Глебу и другие реформы, произведенные в организации Стариком: каждый должен был теперь давать отчет перед товарищами о своей пропагандистской работе в рабочих кружках, докладывать о работе среди студентов, о контактах с другими организациями.

Это все было сравнительно безболезненно, легко и даже с энтузиазмом воспринято. Сложнее было другое. Старик не упускал случая повторять, что революция — это не игра в бирюльки, она требует полной отдачи и отказа даже от самых естественных радостей, отвлекающих от нее или просто мешающих ей. Он категорически отвергал «обывательские», по его словам, хождения друг к ДРУГУ, неделовую и неконспиративную переписку, много выговаривал друзьям за неосторожное поведение, способное привести к провалу. (Он один, видимо, представлял себе в полной мере истинные масштабы российской слежки и шпионажа; другие просто не могли вообразить ничего подобного.)

Он учил их шифровать, причем не по тем примитивным системам, которые известны всему миру и употребляются даже детьми, но по системам изоощренным, практически не поддающимся расшифровке. Последнее оказалось истинной правдой, в чем они сами убедились, когда, потеряв шифр, пытались прочесть свои учебные шифровки.

Он запрещал использовать в разговорах и переписке настоящие имена, и революционеры после некоторого сопротивления привыкли упоминать «Землянику» вместо Старкова, «Суслика» — вместо Кржижановского, «Минина» — вместо Ванеева, Пожарского — вместо Сильвина, «Тяпкина-Ляпкина» — вместо Ульянова. Стали осторожнее, реже собирались, не ходили большими группами.

Старик, сохраняя строгие принципы конспирации, стал расширять контакты, нащупывать союзников. Протянулись ниточки к другим городам. Старик хотел, чтобы всем был ясен высокий теоретический уровень группы, и сотрудничал в издании сборника «Материалы к истории нашего хозяйственного развития», где дал статью под именем Тулина, он завязал связи с группой «Освобождение труда», завел переписку с Аксельродом, позже познакомился с Плехановым. Группа становилась известной, популярной, влиятельной. Она превращалась в настоящую *организацию*. «Ученики», как они, учась у Маркса, называли себя, выходили на широкий простор непримиримой и организованной борьбы, уже в ноябре 1895 года заложив основы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Он учил их переписке точками над буквами — в книгах и «химией» — между строчками писем. Рассказывал, как нужно замечать следы при посещении рабочих квартир, как проводить филеров, быстро заходя за угол, ныряя в первую дверь, проходя проходным двором, как менять вагоны конок, как подставлять вместо себя другого человека, похожего. Он предостерегал против громких разговоров дома и на улице, против забывания где-либо своих вещей, книг, записей, не говоря уже о

нелегальщине. Категорически возражал против описания в письмах особенностей конкретных людей, по которым в случае необходимости их можно было бы опознать, призывал не делать в письмах прозрачных намеков и всегда помнить о том, что в охране сидят достойные соперники, умные люди, многие из которых сознательно преданы режиму. Он предусматривал возможность проникновения в их среду провокаторов, призывал быть осторожнее с новыми знакомыми, тем более с теми, чья инициатива привела к знакомству; организация, расширяясь, укрепляя связи с рабочими, становилась все более неприступной и живучей.

Старик призывал тщательней хранить нелегальную литературу и документы, продумывать конструкцию изоциренных тайников. Он завел систему «наследников», в качестве которых были избраны наиболее «чистые», свободные от слежки, совершенно некомпрометируемые товарищи. Хранителем связей на случай провала назначена была Надя Крупская, учительница воскресной школы.

Нужно сказать, и Глеб вполне отдавал себе в этом отчет, что новые реформы не всем революционерам пришлись по сердцу. Степан Радченко тоже был сторонником конспирации, но считал, что для соблюдения безопасности организация не должна быть ни слишком широкой, ни слишком активной. Он протестовал против перехода от пропаганды к агитации, утверждая, что, как только организация обнаружит себя, как только о ней узнают многие, провал неизбежен. Его поддерживал Герман Красин, у которого к деловым соображениям примешивалась и ревность. Его задевала быстрота, с которой революционеры повернулись от него, прежде признанного лидера, к новому, еще так мало знакомому пришельцу.

Трения достигли апогея, когда Старик заявил, что организация нуждается в четком разделении функций, в централизации, выборности, системе представительства. Стали распределяться по районам. Ульянову, Мартову и Кржижановскому достался район Невской заставы, Шлиссельбургского тракта. Для Глеба это было удобно, он там работал на Александровском заводе, знал этот район. Старкову, Ляховскому, и Запорожцу был отведен Нарвский район, Сильвину, Ванееву, Невзоровой и Якубовой — Васильевский остров, Петербургская и Выборгская стороны. Радченко был освобожден от пропагандистской работы — он должен был наладить подпольную типографию, ведал денежными средствами, связями, ему помогал Малченко.

В центральную руководящую тройку — организационный и литературный центр — были выбраны Ульянов, Кржижановский и Мартов. Это вызвало резкие возражения привыкшего к единоначалию Радченко,

который стал доказывать «районным» работникам, что при новой системе все они являются простыми исполнителями, что тройка узурпирует власть и будет только руководить, в то время как на долю «районных» товарищей останется черновая работа. Прозвучали слова: «Диктатура вождей».

Психологическая перестройка революционеров, переход их во имя успеха общего дела из «руководителей» в «исполнители» оказались нелегкими. Районные работники волновались. Радченко их подзуживал, и однажды на очередном собрании руководящей тройке был предъявлен «протест».

Положение спас, разумеется, Старик, который в страстной речи поставил на разные чаши весов революцию и самолюбие.

— Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством, — говорил он, — а конспирация прежде всего требует специализации отдельных кружков и лиц на отдельных функциях работы и предоставления объединяющей роли самому незначительному по числу членов центральному ядру... Отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны: нужны агитаторы легальные, умеющие говорить среди рабочих так, чтобы их нельзя было привлечь к суду за это, умеющие говорить только «а», предоставляя другим сказать «b» и «с». Нужны распространители литературы, листовок. Нужны организаторы рабочих кружков и групп. Нужны корреспонденты со всех фабрик и заводов, доставляющие сведения о всех происшествиях. Нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами. Нужны устроители конспиративных квартир; нужны люди для передачи литературы, для передачи поручений, для сношений всякого рода. Нужны сборщики денег. Нужны агенты в среде интеллигенции и чиновничества, соприкасающиеся с рабочими, с фабрично-заводским бытом, с администрацией (с полицией, фабричной инспекцией и т. д.). Нужны люди для сношений с различными городами России и других стран. Нужны люди для устройства разных способов механического воспроизведения всякой литературы. Нужны люди для хранения литературы и других вещей и т. д. и т. д. Чем подробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо или отдельная группа, тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха. Мы знаем, что такая специализация очень трудная вещь, трудная потому, что она требует всех сил на невидную работу, однообразную, лишенную сношений с товарищами, подчиняющую всю жизнь революционера сухой и строгой регламентации. Но только при этих условиях удавалось корифеям революционной практики в России

приводить в исполнение самые грандиозные предприятия...

Он предлагал избрать любого другого на его место, но тут уж все были единодушны — Ильич был подлинным руководителем организации — он больше всех знал, дальше всех глядел. Он вырабатывал и стратегию и тактику движения. Мартова тоже нельзя было вывести из руководящей тройки — за ним была его группа, владевшая множительной техникой. Кржижановский руководил широкой сетью рабочих кружков, прекрасно писал и был грамотным марксистом. Позднее, осенью, в руководящее ядро вошли Старков и Ванеев, ведавший связями с народовольцами.

Районные силы были брошены Ильичем на завоевание масс — рабочие кружки должны были стать центрами сплочения пролетарских масс Петербурга на позициях марксизма.

— Надо поднимать массы на борьбу, кружковщина не решает вопроса, — говорил Старик Глебу. Наступил период, когда нужно было соединять уже завоеванные в борьбе с народничеством и легальным марксизмом теоретические позиции с практикой революционного движения. Старик особо подчеркивал необходимость создания массовой организации рабочих, он считал, что именно пролетарский этап освободительного движения в России должен поставить победную точку в борьбе народа.

Однажды Старик устроил на квартире Глеба совещание по вопросу агитации и пропаганды. На этом совещании Старик, Евгений Спonti из Москвы, имевший ироническую кличку «Учитель жизни», Яков Ляховский из киевской социал-демократической организации и представитель города Вильно схватились по поводу характера ведения политической пропаганды и агитации.

Спonti с пеной у рта защищал необходимость широкой агитации исключительно экономического характера, Ильич же настаивал на введении в круг агитации и политических вопросов.

Чтобы быть ближе к рабочей среде, Глеб по совету Старика снял комнату в рабочем районе. Вместе со Стариком они часто бывали у рабочего Ивана Федорова, участвовали в сходках членов кружков Порфирия Михайлова, Никиты Меркулова, Василия Шелгунова.

Обычно о дне сходки Глеб сообщал заранее через бывшего студента, теперь инженера-технолога, Мишу Названова. Через него же он передал рабочим вопросник, составленный Стариком, с целью подробного изучения жизни рабочих — листовки группы должны были быть предметными, бить прямо в цель, отличаться глубоким знанием жизни пролетариата. Рабочие старательно отвечав ли на вопросы, понимая их важность.

Теперь, зная точное положение дел на фабриках и заводах, Старик и

Глеб могли составлять листовки так, что они были близки каждому рабочему, доходили до сердца. Глеб с восхищением наблюдал, как Старик без малейшего напряжения мог разговаривать с рабочими накоротке, вызывая их доверие и уважение.

Глеб однажды понял, что он не избежал общей участи, что он был, конечно, влюблен в Старика, очарован им. Как все «ученики» переживали, когда Старик весной заболел легкими! Старик был слаб, иногда засыпал, и Глеб, дежуря у его постели, рассматривал книги — конечно, «Капитал», книжки «Русского богатства», «Русской мысли», сочинения Н. Златовратского, Плеханова.

Старик, как рачительный хозяин, прибирал к рукам все, что могло быть использовано для революционной борьбы, — он завязывал множество связей, умело перетягивал на свою сторону все новых и новых сторонников из числа колеблющихся, из числа сочувствующих, из числа заблуждающихся. Однажды он взял Глеба на встречу с учительницами воскресной школы — и Глеб поразился, как быстро Ильич «распропагандировал» их, поколебав убеждения в сторону социал-демократов. Он привлек к движению Александру Михайловну Калмыкову, имевшую книжный склад на Литейном и широкие издательские связи.

Очень полезной была поездка Старика в Швейцарию. Вопреки ожиданиям ему быстро выдали паспорт, и он отправился за границу — устанавливать прочные связи с группой «Освобождение труда», с Плехановым, Аксельродом. Позже Плеханов писал о том совершенно исключительном впечатлении, которое на него произвел этот юный «Старик», и он связал именно с ним надежды на развитие русского революционного движения. (Плехановское слово тех времен — пророческим оно для нас звучало. А он писал, что был тобой пленен. О, если б чувство то ему не изменяло! Писал он, что растет поток к нему гостей, но никого с тобой он не равняет. В изгнании тягостном, за муки скорбных дней тобой его судьба с лихвой вознаграждает!) Старик приехал из-за границы бодрый, жизнерадостный — он завязал полезные контакты, привез в чемодане с двойным дном кучу нелегальщины, договорился о совместных печатных изданиях. Глеба он сразу засадил за работу — писать статью для заграничного «Работника» о фабрике Торнтонна, о нарушениях на ней прав рабочих, о революционных настроениях и действиях. К осени, к приезду Старика, Глеб начал чувствовать плоды невидной, обыденной работы, которой они занимались последнее время. Завязались прочные связи с заводами и фабриками.

Но Ильичу и этого было мало: он решил создать общерусскую газету

«Рабочее дело». Успешно прошли переговоры с типографией, достали денег, подготовили статьи. Глеб тоже написал — о Торнтоне, о сапожной фабрике. Но, конечно, все основные материалы были подготовлены Стариком, и, после того как они они были обсуждены на декабрьском собрании, Запорожец переписал все его статьи собственной рукой — для передачи в типографию.

Одно из собраний по выпуску «Рабочего дела» проходило на квартире у Надежды Крупской. Запорожец принес очередной материал — о непорядках на обувной фабрике:

— За все штраф! — увлеченно рассказывал он. — Каблук на сторону посадишь — сейчас штраф!

Старик расхохотался:

— Ну, если каблук на сторону посадил, так штраф, пожалуй, и за дело...

...Боже, как они тогда были молоды! Как медленно, без учета нависшей опасности, развивался их роман с Зиной! Редкие встречи; «Тангейзер» в Павловском парке; листовки, тайна, борьба. Смертельная опасность (не раз, не два, а много-много раз мы рисковали собственной судьбой). Счастье уверенности в правильном пути, отсутствие колебаний, раздвоенности.

Встречи так редки, и они, редкие, происходят на основе поисков общественного блага. Вот Глеб заходит за Зинаидой в ее квартиру на Васильевском. Путь недалек — всего несколько кварталов — в Историческое общество при Петербургском университете, которое как раз сегодня, 11 октября, собирается на одно из самых многочисленных собраний. Публику привлекают рефераты, которые сделают архивариус ученого комитета министерства земледелия Шафранов («О голодных годах в нынешнем столетии») и преподаватель Александровского лицея Мякотин («О Екатерининской комиссии»).

«Помнишь ли ты, как сказала мне, когда мы вошли в блестящую, роскошную залу, наполненную изящным» мужчинами и дамами:

— Неужели здесь будут говорить о голоде?

В этот вечер говорили два... профессора. Чего-чего только не насказали они там! Мы слышали и изречения восточной мудрости, и цитаты из громких писателей, перед нами проходили и мудрено-поэтические сравнения, и ряды эффектных цифр, и все это было так гладко, размеренно, ровно.

Когда же в этой роскошной зале, при громких аплодисментах изящных господ и дам, обе речи закончились одинаковым заключительным

аккордом, гласившим, что «нам не страшны голод и материальная нищета: стоит только заводить школьные библиотеки и волшебные фонари», — мы с тобой опрометью выбежали из блестящего собрания...»^[2]

Он пошел ее провожать. Они говорили о Кампанелле, о Городе Солнца...

Лето 1895 года было проведено, конечно, на Волге. Он немного устал от обилия впечатлений Петербурга и поехал на этот раз в тихие Моркваши, где когда-то жил вместе с матерью/ Здесь он поселился у сестер Чириковых, Марии и Клавдии, в их маленьком домике, смотрящем на Волгу с Лысой горы. Широко раскрыв глаза, слушали они вечерние рассказы Глеба и его товарищей — Ильина, Старкова, приехавших из Петербурга.

Глеб в разговорах старался в первую очередь поколебать народнические представления сестер. Он одобрял, конечно, действия Клавдии, организовавшей в Моркващах школу для бедных детей, но утверждал, что это не все. Есть более важные дела, которым надо посвятить себя. Он познакомил Клавдию с учением Маркса.

Они бродили вдоль Волги по траве и удивлялись: почему желтеют пятки? «Нефть», — говорил Глеб, и мечтал о будущем, о расцвете края, о том, как все его несметные богатства, о которых он еще наверняка не знал, лишь догадывался по намекам природы, но в которые верил, будут служить всем, а не графу Орлову-Давыдову, единственному владельцу этих мест. Глеб мечтал и о волжской электростанции, но это были мечты, а не проекты...

Быстро прошло короткое лето, Глеб истомился по работе, соскучился по Старику.

...Общаясь с рабочими накоротке, вникая в их повседневные заботы, Глеб чувствовал, как далеко вперед смотрел Старик, как своевременно он нацелил организацию на связь с широкими рабочими массами. Стихийный протест против бедности, бесправия, неграмотности, обрушивался не только на хозяев фабрики — в ненависти пролетариата тонули армия, церковь, жандармы, министры и царь. Были среди рабочих свои трибуны, боевые руководители, были «книжники», интеллигенты, были среди них решительные и робкие, забитые, особенно среди тех, кто только что расстался с деревней. Разные были рабочие, и Старик учил Глеба всматриваться в лица.

Это было трудно. Сразу после возвращения из Нижнего, когда он снова окунулся в атмосферу рабочих кружков, Порфирий Михайлов привел к нему забитого, с порченными зубами безработного, не имеющего семьи,

денег, жилья, словом, никаких цепей, приковывающих его к колеснице прогнившего общества. Михайлов рассказывал, как Василий ходил с бульжником возле дома Торнтонов у Английской церкви, напротив корпусов суконной фабрики. Детей у Торнтонов не было, породистые собаки сновали по газонам, Волынкин размахнулся бульжником в ненавистную бульдожьё морду — и не добросил. Но убежать сумел, Порфирий затащил его в подъезд.

Глеб, он же Григорий Иванович, ободрил Василия, дал денег, начал расспрашивать о жизни, а Михайлов предложил ему жить в его комнате на Шлиссельбургском тракте. Там Волынкин поближе сошелся с «Григорием Ивановичем» — Кржижановским, наслушался разговоров о несправедливом отношении капиталистов к рабочим, о грабеже рабочих фабрикантами, о необходимости изменить порядки в стране в пользу рабочих.

Григорий Иванович был у них частым гостем. Он заезжал к рабочим по вечерам, возвращаясь со службы в лаборатории. Пытаясь привлечь сердца, пытаясь говорить на понятном рабочим языке, Глеб избрал для агитации форму, которая, как казалось ему, должна лучше всего соответствовать и уровню рабочих, и исконным русским традициям, — он произвел литературную обработку русской сказки, превратив ее в политический памфлет: «Как царь Ахреян ходил богу жаловаться», которую и читал рабочим вслух, вызывая дружный смех. Весной Волынкин никак не мог найти работы, и Глебу приходилось чуть ли не содержать его — Порфирий, уезжая накануне пасхи в деревню, дал Волынкину на всякий случай адрес «Григория Ивановича» — Коломенская, 7, квартира 49, и тот несколько раз заходил к Глебу, прося денег. На квартире Григория Ивановича Волынкин видел многих незнакомых еще ему интеллигентов.

Фабрика Торнтонна была одним из первых кандидатов на «обслуживание» листовками. Хозяин ее, англичанин, ни в грош не ставил права русских рабочих, глядя на них, очевидно, как на туземцев. Фабрика была расположена в многолюдном районе. Раз проникнув в заводское общежитие, Глеб растерялся: он не ожидал, что достоинство человека можно уронить так низко. В клетушках этого громадного муравейника ютилось по пять-шесть семей, простыни обозначали перегородки. Лампы гасли из-за недостатка воздуха, одна маленькая печь на всех, мрачные очереди изможденных хозяек, безжизненные тела иссушенных неимоверным трудом рабочих, кто где прилег, там и заснул, храпя, постанывая, вздрагивая во сне. Приходить после отбоя в общежитие запрещалось — ночью где угодно! — да не много и охотников было ходить

куда-то после работы — откуда силы!

Глеб понимал, что котел перегрет и скоро будет взрыв. Хозяева нагтели на глазах. Ткался, например, раньше «бибер» — ткань определенного качества, кусками в 56 аршин. Потом администрация объявляла, что мода на «бибер» прошла и что требуется, мол, ткать «урал», причем цена куска будет уже не 4 рубля 32 копейки, а 4 рубля 14 копеек. А новая ткань оказывалась тем же «бибером», да длина куска возрастала на несколько аршин! Соответственно снижались и заработки работах. Они год от года получали все меньше и меньше, в то время как цены на продукты в заводской лавчонке и плата за общежитие неуклонно возрастали.

Листовка, рассказывающая о мрачных порядках на производстве, была разбросана на территории фабрики. 5 ноября забастовало полтысячи ткачей, 6 и 7 ноября забастовка достигла апогея — Глеб и Старик были в полном курсе событий на фабрике и уже в ходе забастовки выпустили новый листок.

На фабрике прокатились аресты. Старший фабричный инспектор Рычковский направил, как оказалось позднее, в департамент торговли и мануфактур секретное донесение, в котором косвенно признавались безобразия фабричной администрации.

Из материалов наблюдения

«С возвращением В. И. Ульянова деятельность кружка оживилась. Ульянов, по агентурным сведениям, немедленно имел свидание с Анатолием Ванеевым и Яковом Пономаревым, от которых и узнал, что Красин и, по-видимому, Радченко отказались от дальнейшего участия в кружке, который, однако, пополнился взамен их новыми членами: инженером-технологом Михаилом Названовым и Глебом Кржижановским...

В. И. Ульянов, по данным наблюдения, постоянно находился в сношениях с Названовым, Ванеевым, Сибирской, Сибилевой и Кржижановским; 30 сентября он посетил дом № 139 по Невскому пр., исключительно населенный рабочими, а 1 октября отправился в дом № 8—86 по 7-й линии Васильевского острова, где проживали рабочие Степан Иванов, Владимир Ипатов, Владимир Горев, Александр Шнявин, Николай Александров и Тиц Франгольц.

В доме этом Ульянов пробыл три часа, после чего вышел оттуда вместе с Глебом Кржижановским, с которым и отправился к себе домой. Последний, как было установлено наблюдением, находился в означенное время также в сношениях с Пономаревым, Названовым и сестрами

Невзоровыми.

Далее были получены охранным отделением указания, что в квартире Карамышева и Зиновьева часто собираются сходки, на которых обсуждаются вопросы о дальнейшем образовании рабочих кружков, и что студент университета Павел Романенко занимается воспроизведением революционных брошюр на гектографе (в том числе так называемой «Эрфуртской программы») для распространения их затем среди рабочих. В происшедших затем волнениях на фабрике Торнтон члены социал-демократического кружка принимали непосредственное участие.

Так, 7 ноября 1895 г. Ульянов и Старков ходили вечером за Невскую заставу к рабочему Александровского сталелитейного завода Никите Меркулову, которому и передали 40 рублей в пользу семейств рабочих, задержанных за беспорядки на означенной фабрике. При этом они поручили ему убеждать рабочих держаться стойко, не опасаясь за будущее и обещав обеспечить им денежную помощь. В последующие затем дни названные агитаторы постоянно приходили к Меркулову и 12 ноября доставили последнему большое количество тех именно воззваний, которые и были впоследствии разбросаны на фабрике. Принесены они были туда знакомым Меркулова местным рабочим Василием Михайловым Волынкиным и Василием Шелгуновым...»

Декабрь начался весело, по-боевому, по-революционному! На Крюковом канале, в типографии, станок стал выбрасывать первые экземпляры брошюры Старика «Объяснение закона о штрафах». Были подготовлены материалы для первого номера первой русской рабочей газеты.

Недавно отгремели стачки на табачной фабрике «Лаферм», где работали в основном женщины. Аполлинару Якубовой и Зинаиде Невзоровой удалось успешно распространить там листовки. И вот успех! Забастовали 1300 папиросниц. В ярости они стали ломать машины, выбивать стекла, выбрасывать на улицу ящики с готовой продукцией. Прибыли городовые, две пожарные части.

— Вы нас грабите! Нам не хватает денег! Все вы заодно! — кричали работницы, грозили иссушенными кулачками приехавшему градоначальнику фон Валю.

— Нет денег? — усмехнулся тот. — Можете на улице подрабатывать!

Какие напрасные и несвоевременные слова! Быстро распространились они по Петербургу, вызывая протесты и возмущение! Всех всколыхнули они — и левых, и умеренных, и некоторых благонамеренных.

Старик был все время рядом с фабрикой. Он писал листовки,

принимал группы работниц: как опытный штурман, умело вел забастовку между скалами различных настроений, экономического уклона. Его руководство отличалось точностью и лаконизмом. Такими же краткими и деловыми, без малейшей лишней фразы, были и его листовки.

В декабре возросло влияние социал-демократов на крупнейшем Путиловском заводе. Посоветовавшись, решили воспользоваться царившим на заводе недовольством из-за нового сокращения тарифов или «сбавки». Старик вместе с Глебом, с другими товарищами были полностью в курсе всех происходящих на заводе событий, и Глеб внутренне залился краской стыда, когда прочел яркую, поражающую конкретным знанием заводской жизни листовку Старика.

Листовки были переданы «Петьке да Борису» — Зиновьеву и Карамышеву, и те разбросали их по заводу. Разразилась буря. Рабочие смело выступили против заводской администрации. Была вызвана полиция. (Проходят люди словно тени, но в памяти народной чтут борцов за счастье поколений: их нет, и все ж они живут... Вновь вас, путиловцы, я слышу. Завод ваш вновь к боям готов... На Александровском мы с с Бабушкиным вместе по плану твоему работали давно. Мы — только химики. Проверить можете — нас видно чрез окно... Широкое окно пикетом нашим было. Сигналы нам в него ты посылал не раз, оно в глухой проулок выходило. Но все ж охранка перекрыла нас.)

На Путиловском. да и на других заводах, кроме «стариков», работали среди рабочих еще две группы революционеров — плохо организованные, не имеющие четкой программы «обезьяны», молодые учителя и учительницы вечерних курсов, руководимые Тахтаревым, и «петухи», молодые революционеры, большей частью студенты-технологи, возмещавшие недостаток теоретической подготовки большой напористостью, — ими руководил задиристый «генерал» Чернышев. И «обезьяны» и «петухи» буквально переманивали рабочих из кружков «стариков» в свои, в чем особенно усердствовал зубной врач Михайлов, к которому Старик относился с крайним подозрением, близко не подпуская к центру. Развязный, необычайно легко устанавливающий связи среди рабочих, ничего не боящийся, прямо-таки отчаянный, Михайлов был обожаем и ценим Чернышевым. Когда наступило лето и многие «старики» разъехались — Старик — за границу, Глеб — в Поволжье, словом, кто куда, — Радченко и Старков, оставшиеся за руководство, по просьбе Шелгунова разрешили Михайлову на время отсутствия пропагандистов-«стариков», взять себе на лето рабочие кружки «стариков», и тот, проникая в эти кружки, знакомясь с рабочими, выпрашивая у них, многое узнал о

структуре организации, многое узнал и не задорого продал охранке, платным осведомителем которой был уже пару лет.

У полиции накапливался материал, и 17 октября 1895 года Сабуров направил петербургскому градоначальнику фон Валю совершенно секретное послание следующего содержания: «...дальнейшая отсрочка ареста, способствуя внедрению пропаганды интеллигентов в рабочую среду, укореняет в ней опасную уверенность в бессилии полиции обнаружить тайные происки революционеров. Признавая вследствие сего своевременным, не позднее начала декабря 1895 г., произвести обыски и аресты интеллигентных руководителей рабочего движения в г. Петербурге, а также привлечь к делу тех из рабочих, которые, увлекаясь пропагандой социалистических учений, вредно влияют на своих и т. п., я имею честь просить ваше превосходительство предложить охранному отделению усилить ныне агентурное наблюдение за всеми активными членами кружка...»

В департаменте был подготовлен «Список лиц, подозреваемых в принадлежности или прикосновенности к противоправительственному кружку» из 57 лиц, в котором под № 1 значился Ульянов Владимир Ильин, под № 2 — Кржижановский Глеб Максимилианов, под № 3 — Старков, под № 4 — Ванеев, под № 13 — Малченко, под № 14 — Радченко, под № 15 — Красин, под № 16 — Запорожец, под № 23 — Невзорова, всего 57 человек.

Судьба этих пятидесяти семи должна была быть теперь решена 8 декабря 1895 года в частном совещании в департаменте полиции, при участии прокурора судебной палаты и полковника Секеринского. Обсуждение не вызвало больших споров, и возле большинства фамилий синий карандаш, учитывающий мнение директора департамента Сабурова, начертал: «Арест», «Арест», «Арест». «Утихомирившихся» Радченко и Красина решили пока не трогать, Невзорову тоже — как приманку для выявления ее связей, для поимки оставшихся пока еще на свободе.

Теперь Сабуров просил петербургские власти «сделать распоряжение о производстве сегодня ночью у означенных в списке лиц, в порядке положения об охране, обысков и подвергнуть содержанию под стражей тех из лиц, которые подлежат аресту...»

И Старик и Глеб были, таким образом, обречены на арест.

...На фоне крупных успехов движения Глеб и его друзья не могли не заметить повышенного к ним внимания со стороны полиции, не могли не заметить слезки. Она принимала теперь совсем уж загадочные формы, пугающие, странные. Привычно, деловито «освобождаясь» от очередного «хвоста», Глеб вдруг видел, что избавление от одного филера не приносит

покою — рядом и чуть сзади уже следует другой, такой же незаметный, внимательный, быстрый и сообразительный. Они были, конечно, перекрыты полностью, и Глеб уже иногда думал не о том, как спастись, а как бы успеть до ареста побольше сделать.

Он уже не прятался, не путал следов, пытаясь экономить время.

Вечером 8 декабря он шел домой на Херсонскую поздно. Проверил слежку со стороны Консистерской — нет.

Он прошел двором, заметил заметавшиеся тени за деревьями, поднялся по узкой лестнице, открыл, осмотрел свою высокую, небольшую, в два окна, комнатку.

В этот день у него ночевала мать. Она тревожилась, глядя в черный петербургский сумрак, слушая стук снежинок в стекло...

Глеб спал недолго, хотя и крепко. Проснулся, когда у изголовья постели уже стоял жандарм и кто-то перебирал бумаги, лежавшие на подоконнике.

— Кржижановский? Глеб Максимилианов? Инженер-технолог? — тем временем осведомлялся у него, сонного, отодвинув растерянную хозяйку и дворника, пристав. Мать, простоволосая, в рубашке, тихо плакала в углу своей узкой кровати.

Глеб сразу все понял: вскочил, подумал, что ничего особенного найти не могут: опасные бумаги — бумаги, связанные с изданием «Рабочего дела», статьи для газеты у Ванеева и Старика — не дай господь, они не остерегутся, но Старик не таковский, его просто не возьмешь! И с холодком в сердце вспомнил, что одна статья из газеты — «Фридрих Энгельса — была им заложена в «Эрфуртскую программу».

— Вы арестованы, — прозаическим голосом, без всякого выражения на лице, деловито, по-стариковски, но в в то же время шныряя глазами по комнате, сказал жандарм. Глеб стал собираться... Жандарм меж тем сдвинул локтем с края стола обнаруженное при обыске, кряхтя, уселся на венский стул (он просел, заскрипел), вздыхая, поискал глазами чернильницу, проверил желтым ногтем перо и стал писать. (Неторопливой старческой рукою жандарм свой протокол писал, а я глядел на мать с тоскою: надолго рок нас разлучал. Как выдержит удар моя старушка? А он, мой лучший друг: что случилось с ним?)

Жандарм, хотя и медленно, двигался, однако, к концу своей работы. Он размашисто расписался, подышал на налившиеся книзу фиолетовые обводы, дал подписаться понятым, те, подбежав, с готовностью поставили снизу что-то невразумительное. Мать перестала плакать. Закрыв рот рукой, она глядела широко раскрытыми глазами, когда-то такими красивыми, на

весь этот печальный спектакль. Наконец все было кончено, Глеб обнял мать и, подталкиваемый громадным кулаком пристава, двинулся к выходу. На улице их ослепил снег, разбрасываемый в темноту жалким фонарем на углу. Кучер уж заждался, был зол. Взмахнул вожжами, пробурчал что-то, что-то вскрикнул калмыцкое, древнее — поехали... (Глухая ночь; пролетка быстро мчится... Со мною рядом — пристав, здоровяк, у наших ног жандарм ютится. Мне драма, а для них — пустяк. Ворота крепостные на Шпалерной... С железным лязгом вскрылись они, теперь потянутся тягуче, мерно неволи тягостной томительные дни. Ажурных лестниц анфилады, железных клеток — без конца... Как холодна тюрьмы громада, как злобен план ее творца! Мне грустно, но борюсь с собой. Что ждет нас — знали мы с тобой.)

Теперь Турчанинов мог уже доложить о результатах своей акции директору Сабурову: «...Согласно распоряжению вашего превосходительства подвергнуты личному задержанию в С.-Петербургском доме предварительного заключения: 1) Владимир Ульянов, 2) Глеб Кржижановский, 3) Василий Старков, 4) Анатолий Ванеев...»

Всего было арестовано двадцать семь человек. Министр внутренних дел 11 декабря доложил об успешной акции своего ведомства царю: «Принимая во внимание, что за последние месяцы кружок стал проявлять особо энергическую деятельность, приобретать материалы и инструменты для печатания и воспроизведения преступных изданий, а равно принял деятельное участие в происходивших в ноябре и декабре месяцах рабочих волнениях на Путиловском и Торнтоновском заводах, — признано было своевременным приступить к обыскам и арестам участников названного кружка. Обыски эти произведены в ночь на 9 сего декабря и вполне подтвердили имеющиеся указания на преступную деятельность заподозренных лиц».

В ДОМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

...Он был проведен гулками коридорами, скудно освещенными, скрывавшими цвет своих грязных стен, и был в конце концов водворен в каменный холодный мешок с маленьким оконцем наверху, с узкой, привинченной к стене кроватью, с неизменной парашей, электрическим экономичным фонарем, но вот и стол! Он привернут к стене и являет собой некое механическое новомодное приспособление, откидывающееся от стены. Рядом столь же изощренный стул — чудо тюремной мебели — он тоже убирается к стене. Глеб едва успел окинуть это все «богатство» взглядом, как дверь за ним захлопнулась, засветился и погас глазок, и тяжелые шаги, отдаляясь...

Он сел на кровать, оценил и ее жесткость, и рыбью шерсть одеяла, и сальную холодную грязь прилежащей стены. Что ж, новая страница жизни. Нужно перелистать ее побыстрее, но удастся ли обмануть стражей порядка? И вообще, что это — одиночная акция именно против него, следствие неосторожности и разросшихся связей или провал организации?

Он надеялся узнать что-нибудь утром, но молчаливые стражи не отвечали на вопросы. Трижды они появлялись, каждый раз принося, как собаке, еду. Глеб пробовал звать к Справедливости, умолял выслушать его, грозил. Недвижны оставались черты их грубых лиц, молчаливо и равнодушно уносили они нетронутую еду.

Несколько дней прошло так, и Глеб понял, что тот запас воли и здоровья, на который он полагался, может оказаться здесь недостаточным — ожидание станет мукой, неизвестность — тиранией. Он решил сначала полностью обдумать все возможные варианты показаний, взвесить, куда приведет каждый ответ. Наверное, стоит говорить только о том, что уже известно полиции. Никаких имен, фамилий, явок...

После продумывания вариантов, тактики и стратегии поведения на допросах времени оставалось все равно слишком много. Он решил занять себя делом. Но чем? Читать? Не читается пока. Писать стихи, описать все, что было с ним, описать нехитрый жестокий обиход тюрьмы?

Три шага вширь, и пять — в длину.

Очерчен ими камеры мирок.

Окошко вздернуто предельно в вышину.

В двери, над форткой запертой, глазок...

*Здесь вашей воли нет; ее сломить
Наметил враг. Он на расправу крут.
Вас будут одиночеством томить.
Не все, не все его перенесут...*

*.....
Но вот — письмо, твой бодр привет,
Условным шифром шлю ответ.*

Да, это было большой радостью! Он в конце концов получил письмо. Хорошо, что он не стал поддаваться унынию и, вспомнив Старика, потребовал книги из тюремной библиотеки — там, в обусловленных, не слишком экзотических, но и не слишком популярных томах, мог оказаться зашифрованный след — весточка с воли или из тюрьмы, проливающая свет на происходящее, — шифр не забылся, он будет использован. И точно, над жирным кеглем одной из книг оказались тончайшие наколки иглой; Глеб составил их определенным образом, произвел несложные, но неведомые никому, кроме них, подсчеты и прочел первую весточку — она оказалась от Старика. Он сообщал немного, видимо боясь перехвата, но посылал привет и призывал к выдержке и спокойствию. Глеб тут же принялся за ответ.

(Как оказалось впоследствии, Владимир Ильич тоже с радостью обнаружил на тюремной книге наколки иглой — это должен быть непременно Глеб! Но буквы не складывались, не ложились в известный шифр, и Старик вознегодовал на путаника. Он засел за эту зашифровку, рассчитал частоту знаков, встречающихся в тексте, соотнес ее с вероятностью повторения той или иной буквы в русском языке и разгадал шифр. Но это оказался не Глеб — Владимир Ильич наткнулся на зловещую переписку уголовников.)

Получив весточку, Глеб немного успокоился и уже без прежнего надрыва стал изучать тюремный быт, включаться в него, приспосабливаться к новой, необычной жизни.

О нем, казалось, забыли. За все время заключения его вызывали к следователю всего два-три раза.

Примерно недели через две после ареста Глеба повезли на первый допрос.

В карете оказался офицер, подполковник, бонвиван, уставший от сладкой жизни.

— Клыков, — представился он.

Глеб не ответил.

— Желаете сигару?

— К сожалению, не курю, — решил смягчить все-таки обстановку Глеб.

— Извините, но мы должны сейчас будем подъехать к товарищу прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты Кичину. Можете говорить ему полную правду — он милейший человек, интеллигентнейший!

Кичин оказался добродушным толстяком, с которым так и хотелось поделиться какой-нибудь тайной.

— Ну-с, прошу, — широким жестом указал он на мягкое кресло напротив.

Улыбался.

— Что это вы там такое натворили, Глеб Максимилианович? — любезнейше спросил Кичин. На вас наговорили уже целую кучу протоколов, — доверительно кивнул он в сторону сложенной на краю зеленого стола стопки — и все больше крамольные вещи. Состоите вы якобы членом социал-демократического кружка, занимаетесь пропагандой против законного правительства. А?

— Ни к какому противоправительственному сообществу я не принадлежу, — сказал Глеб, и тут и Клыков и Кичин, прикрывая рот рукой, покатываясь, стали показывать на него пальцами, махать рукой, словно избавляясь от изнуряющей шутки, дрожать на стуле от хохота, постепенно, впрочем, ослабляющегося.

— Да бросьте вы, Глеб Максимилианович, — пророкотал Кичин сквозь рыдания охватывающего его волнами смеха, в котором чувствовалось что-то злое, — как это вы не принадлежите? А мы что, по ошибке вас здесь держим? Вы же интеллигент, — продолжал Кичин, похохатывая.

— Инженер-технолог, — добавил Клыков, пытаясь, насколько возможно, выказать уважение.

— Перед вами большое будущее. России нужны инженеры. Там, на инженерном поприще, вы принесете куда больше пользы, чем от расклейки листовок в нужниках. Неужели вы не понимаете, умный же вы человек, что пора уже вам с этими юношескими играми кончать? Порезвились, и хватит!

— Молодежь всегда должна перебеситься, — назидательно произнес подполковник, — это у нее на роду написано. Да, я сам, если хотите...

— Не хочу, — довольно отчетливо сказал Глеб, и улыбки, как галки, слетели с куполов, венчающих тела вершителей правосудия.

— Ну-с, прекрасно, господин Кржижановский. Не хотите

прислушаться к доброму совету, пожалуйста — теперь мы с вами будем иметь разговор чисто официальный, каждое слово будем протоколировать, так что думайте хотя бы теперь, что вы говорите, — сказал сухо Кичин.

— Ваша фамилия, имя и отчество?

— Кржижановский Глеб Максимилианович.

— Признаете ли себя виновным в принадлежности к социал-демократическому кружку или к какому-нибудь иному противоправительственному сообществу? Занимались ли противоправительственной пропагандой?

— Виновным в принадлежности к социал-демократическому кружку или к иному противоправительственному сообществу себя не признаю. — Глеб чувствовал, насколько легче отвечать так, по протоколу, чем в той мнимо дружеской беседе, которую хотели наладить его тюремщики. — Противоправительственной пропагандой среди рабочих никогда не занимался.

— Бывали ли вы когда-нибудь в доме № 3/31 по 7-й линии Васильевского острова в рабочих квартирах?

— Нет, — ответил Глеб, и на минуту его посетило тревожное чувство, что ищейки взяли верный след; не знают ли они про главное — про путиловцев, про Торнтон, про все дела за Невской заставой, не знают ли про газету и про организацию в целом?

— Посмотрите сюда! — скомандовал Клык, и Глеб вдруг увидел на зеленом сукне странный фотографический пасьянс из множества знакомых и незнакомых лиц — там был, конечно, и Старик, и Старков, были и многие рабочие.

— Знаете кого-нибудь из них? — глядя Глебу прямо в глаза, вопрошал злобный толстяк.

— Кое-кого знаю, — сказал Глеб спокойно.

— Уже хорошо. А этих знаете? — спросил Клык и выбрал из колоды такой набор фотографий: Старика, Старкова, рабочих Иванова, Игнатова, Горева, Шнявина, Александрова и Франгольца. И штыком воткнул свои глаза в переносицу Глеба.

Глеб едва совладал с собой. Да, знают они многое. Проследили его встречу, вместе со Стариком, со всеми этими рабочими — именно этими — в их доме на Васильевском острове, на 7-й линии. Он чуть не поддался панике, но вспомнил саркастическую усмешку Старика и сдержался.

— Ульянова знаю. Больше никого. Это помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов. Познакомился с ним в прошлом году. Где и при каких обстоятельствах — не помню. Мы изредка посещали

друг друга. Старкова знаю по Технологическому институту — кончили вместе.

— Еще кого-нибудь знаете? — подозрительно спросил Клыков. И стал совать ему карточки Зиной, Радченко, Ванеева, Сильвина, Яковлева, Бабушкина, Пономарева, Названова, других и всяких, знакомых и незнакомых, но Глеб решил, что наблюдение за ним наверняка велось лишь последнее время — Ульянов и Старков были, несомненно, замечены, и скрывать знакомство с ними было бы глупо, а вот с другими, может быть, и не так все ясно.

— Больше никого не знаю, — сказал Глеб твердо и отодвинул фотографии рукой.

— Зря вы так. Ваши товарищи давно во всем признались.

(Ложь. Может быть, Волюнкин? Но то, что он знает, пока не фигурировало.)

Фотографии мгновенно исчезли (кто забрал их?), и их место на зелени стола заняла стопка книг, которую Глеб быстро признал — эти были книжки, отобранные при обыске.

— Ваши? — кивнул на кучу Клыков.

— Да, мои. Изучал их, интересуясь научными вопросами.

Клыков постепенно закипал.

— По книжкам Маркса и Энгельса науку постигаете? По Каутскому? По «Эрфуртской программе»? А может быть, это и есть плод ваших ученых занятий? — Он, потряс конспектом с выписками из невозможного Чернышевского, из подозрительного Локка, из красного Шелгунова, из смутьяна Щедрина, из социалиста Спенсера. — Может быть, плодом ваших столь ученых занятий является и это? — Он торжественно, медленно, за хвостик вытянул из «Эрфуртской программы» злополучную тетрадь со статьей «Фридрих Энгельс», предназначавшейся для газеты.

(«Знают про газету?» — мелькнуло.)

— Тетрадь со статьей «Фридрих Энгельс» не моя. Откуда ее взял — не помню.

— Ну что ж, господин Кржижановский, нам все ясно. За последствия своего легкомысленного поведения, за то, что отказываетесь помочь следствию, вы, конечно, понесете ответственность. А мы и так все знаем.

Кичин встал, Клыков дал Глебу протсЯюл для подписи. Глеб расписался, был увезен обратно. Следующий раз его вызвали через полгода.

(С допросами ко мне недолго приставали — неподходящий был, как видно, «материал». В охранку раза два всего лишь вызывали. Жандармский

офицер меня сопровождал. Любезен без конца: сигары предлагает... Духами острыми вокруг благоухает, но видно по лицу: вчера кутил всю ночь. Вот прокурор Кичин, чиновник именитый, старается внушить, что он-де знает все, что карты наши явно биты, что участь мы свою признаньем лишь спасем... Но злейшему врагу все ж было невдомек, как близил ты к нему расправы грозный срок!)

Меж тем материалов для следствия не доставало, и наблюдение за заключенными продолжалось: охранное отделение пыталось установить связи. Для этого нужно было тщательным образом проанализировать всю переписку заключенных, все перехваченные знаки, записки, письма.

Через руки тюремных цензоров прошло множество писем, больше всего их заинтересовало два — длинное письмо Ульянова, в котором он сообщал, что решил взяться в заключение за написание книги, и поэтому просил подобрать ему длиннющий список литературы, и коротенькая записочка Ванеева, переданная на волю, но перехваченная и отправленная далее после скопирования. Письмо Ульянова, возможно, долго ходило по рукам тюремных экспертов, но в конце концов было пропущено без последствий, поскольку носило сугубо научный характер.

Когда оно поступило на волю, товарищи сразу поняли, что в письме Старика был ловко зашифрован вопрос: что стало с его друзьями? Вопрос этот был выражен вопросительным знаком, следующим за книгами, требуемыми Ульяновым для работы. (Сомневаюсь, мол, точна ли ссылка?) В числе их были: Брэм «О мелких грызунах», Костомаров «Герои смутного времени», Майн Рид «The Mynoga» и, наконец, какая-то книга малоизвестного автора Goutsoul. Товарищи на воле быстро разобрались, что Ильич хочет узнать о судьбе Суслика (Кржижановского), Минина и Пожарского (Сильвина и Ванеева), Миноги (Крупской) и Гуцула (Запорожца).

Ванеев не оказался столь искусственным конспиратором, и его записка, в которой прямо упоминались и Хохол и Гуцул, вызвала в департаменте полиции самую оживленную служебную переписку: «З Д-ство считает нужным присовокупить, что сопоставление фразы «через гуцула пришли и т. д.» с последующею фразою «через хохла не пришло и т. д.» дает достаточное основание полагать, что слово «гуцул» употреблено в данном случае в этнографическом смысле, указывая на данную известному лицу кличку по его народности; при таком предположении под именем «гуцула» может подразумеваться какой-либо уроженец Австрии, а именно галичанин, так как гуцулами называются горные русины Западной Галиции».

Фигура Гуцула становилась для следствия мрачной и загадочной. И когда один из остроумцев департамента заметил, не Запорожца ли называют Гуцулом, и когда экспертиза обнаружила, что почти все статьи газеты написаны рукой Запорожца, ему стала уготовляться особая роль.

Главной удачей следствия были откровенные показания некоторых насмерть запуганных рабочих. Уже 17 декабря в охранное отделение явился с повинной Василий Волынкин. У него перед этим был произведен обыск. Он долго мялся у дверей охранного отделения, не решаясь войти, но страх победил. Тут же прилетел Секеринский, набросился на Волынкина, припугнул, сломал, задобрил, одобрил, и тот выложил все, что знал. Он тут же опознал по фотографии Ванеева «Василия Федоровича» (Секеринскому это не понравилось: он считал, что «Василий Федорович» — это Запорожец), по фотографии Глеба — «Григория Ивановича», рассказал и о трактире «Перепутье», и о белом кожаном полушубке Анатолия, и о расспросах о фабричной жизни, о сказке про царя Ахреяна, и о всех своих товарищах — Царькове, Шелгунове, Меркулове, об их явочных квартирах и о сходках интеллигентов, которые он мог наблюдать, приходя к Григорию Ивановичу — Глебу. Тут Секеринский необычайно оживился, выложил еще фотографии. Показал и Ульянова, да Волынкин усомнился: действительно, видел похожего в квартире Григория Ивановича и у Шелгунова, но тот был средних лет и роста, плотного сложения, рыжий, с небольшой бородой и заметной лысиной на голове.

— Этот? — допытывался Секеринский, тыча оперстненной рукой в плохонькую тюремную фотографию Ульянова — в фас и профиль.

— Не-е, — тянул Волынкин, сомневаясь.

— Что ты можешь рассказать про этого с лысиной?

— Видел его в октябре у Шелгунова. А прежде — у Григория Ивановича. А у Шелгунова он говорил рабочим, что необходима-де революция...

— Для чего необходима?

— А чтобы сменить, значица, отношения между рабочими и фабрикантами...

— Понятно. Ну, кто это все-таки? — И упорно подсовывал ему фотографию Ульянова.

Но с Волынкина уже проку никакого не было — он начал путаться, устал, пустил слезу. Он думал, что сказал уже достаточно, — теперь выпустят с миром.

Но ошибся. После допроса его провели в камеру и оставили при охранном отделении. Выпустили через несколько дней, но за это время

Волынкин стал платным осведомителем — особо опасным из-за того доверия, которым пользовался по своей всегдашней забитости.

Уже 22 января Волынкин явился снова с богатым запасом новостей к Секеринскому, который тут же отправил в особый отдел самому Л. А. Ратаеву следующее послание:

«Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что вчерашнего числа явился ко мне рабочий Василий Волынкин, привлеченный к делу кружка социал-демократов, и заявил, что рабочие фабрики Торнтон Николай Кроликов и Александровского завода Петр Грибакин подстрекают рабочих к устройству беспорядков в виде протеста за произведенные в последнее время аресты рабочих. 17 и 19 сего января, при двукратных встречах с Волынкиным эти рабочие, а особенно Грибакин, чрезвычайно возбужденный, выражал негодование по случаю ареста многих руководителей и рабочих, причем высказался за устройство большой демонстрации, добавив: «Теперь Государь часто переезжает из Дворца во Дворец». Что хотел сказать этой последней фразой Грибакин, Волынкину неизвестно... В последнее время Кроликов примкнул к организовавшемуся в С.-Петербурге преступному кружку, присвоившему себе наименование «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», состоял в сношениях с главными руководителями... Глебом Кржижановским... причем в ноябре месяце он передал Кржижановскому подробные сведения о существующих на фабрике Торнтон расценках заработной платы ткачам, каковые сведения впоследствии и были помещены в преступных воззваниях к рабочим этой фабрики.

Полковник Секеринский».

Далеко зашел Волынкин в своем предательстве, очень далеко, дал в руки охранного отделения нити к судьбам тех, кто оставался еще на свободе. Кто предает? Почему так быстро все становится известным охране?

Многие по-прежнему думали, что предает Михайлов, но того для проформы посадили также в «предварилку». Исправляющий должность московского обер-полицмейстера докладывал Н. Н. Сабурову: «...жена известного Вашему Превосходительству зубного врача Михайлова так неосторожно ведет себя среди петербургских революционных кружков, что все более и более компрометирует мужа. Многие из боевой группы, предполагавшей устранить Михайлова, не верят аресту его и продолжают его разыскивать. Вопрос о расправе с Михайловым был настолько близок к осуществлению, что свое запоздание кружки объясняют новым

предательством, отыскивая виновника его...»

Волынкин предавал кого мог, и участь Глеба была предрешена — Волынкин рассказал о нем все, что знал. А знал он многое.

Поэтому-то прокурор не затруднялся вызывать Глеба на допросы, оставляя его в мрачном одиночном заключении — на многие, многие месяцы...

Глеб пытался увидеть Старика хотя бы одним глазком. Он подтягивался на руках к окну, уцепившись за железный крюк, и тогда в голубином ракурсе видел край тюремного двора, куда их выводили гулять, — странный деревянный многогранник с заборами, делящими геометрическую фигуру двора на симметричные сектора, узко сходящиеся к центру, где возвышалась будка с часовым. Система обеспечивала строго индивидуальное гулянье в этих деревянных «шпациренстойлах», как их окрестил Старик.

(В окне фрамуги ухватив кольцо, подтянешься слегка — и вот ты словно вышел на крыльцо, тюрьмы перед тобой весь виден обиход... Внизу на башенке, на вахте — часовой, он вышкой своей забором окружен. Здесь каждому из нас загон устроен свой, особым входом каждый клин снабжен. И только стая сизых голубей над узниками вьется, шелково шуршит. Им щедрый корм от пленников-людей, воздушным гостем узник дорожит.)

Однажды, почувствовав какой-то зов сердца, он опять, — в который раз! — подтянулся на своем крюке и увидел уголок неба и уголок двора со шпациренстойлами и в одном из них Старика! Тот, внимательный, завидев Глеба, страшно обрадовался, но не дал воли эмоциям и быстро-быстро стал что-то сигналить ему с помощью тюремной азбуки.

— «Под тобой Хохол» — вот что означали эти знаки, вот почему так быстро Старик поймал его взгляд — он глядел именно сюда! — но когда успели смениться соседи? Как смог Старик узнать об этом так быстро? — мелькало в голове, он приготовился узнать что-нибудь еще, но тут Старика одернули и увели. Глеб тут же бросился на пол, к трубе, которая входила в пол неплотно и оставляла между камерами тонюсенькую щель. Он приник к ней ртом, стал что-то горячо шептать и тут же убедился, что Старик, как всегда, прав. Только что его соседи-уголовники сменились: осторожный Радченко, Хохол, увы, тоже оказался в заключении. В чем его обвиняли? Может быть, и их, оставшихся, уже коснулись крыла правосудия российского? Глеб жадно слушал печальную повесть радченковского пленения, печальную и вместе с тем радостную, — организация с их арестом не погибла, она развивалась, расширялась и уже могла активно вести за собой тысячные отряды рабочих!

(Михаил Ольминский, известный революционер, сидел в это время в одиночке, отбывая присужденный ему срок заключения. Его развлечениями, которыми он железной силой воли заставлял себя ежедневно и активно заниматься, было изучение жизни голубей и галок, а также наблюдение далеких фабричных труб. Однажды в июне его удивил пейзаж за окном. Пейзаж был необычен, чем-то странен. Он долго не мог понять, в чем дело, и вдруг увидел — спичечные леса заводских труб не выбрасывали дыма, не запутывались в окутывавших обычно их черных облаках — гораздо позже Ольминский узнал, что это была гигантская забастовка ткачей, приведшая к остановке фабрик — и это все было делом не погибшего, а разросшегося «Союза борьбы»! Да, время с осени 1893 года не прошло даром. Прделана громадная работа по созданию пролетарской марксистской партии, сорваны нимбы борцов с народников 90-х годов. «Союз борьбы», тесно слившийся с массами трудящихся, руководимый и организованный Владимиром Ильичем, стал основой Российской социал-демократической рабочей партии. Стачка текстильщиков, в которой участвовало более 30 тысяч работников, стала ярким свидетельством силы новой организации, и Глеб Кржижановский вполне мог этим гордиться.)

Радченко взяли ночью. При обыске ничего особенно предосудительного обнаружено не было (осторожен, осторожен!), но взято было охотничье свидетельство на имя Кржижановского и его же отчет Нижегородскому земству о кустарных промыслах, озаглавленный «Поездка по Ветлужскому краю». Договорились, что эти вещи лежали в сундучке, который просила Радченко сохранить на лето мать его институтского знакомого Кржижановского. Сговорились и о многом другом, куда более важном, — показания вновь поступившего теперь должны были влиться в общую картину сплетенного леса легенд и никак не противоречить ей. Общение с Радченко, впрочем, длилось недолго. Глеб был уличен в переговорах, и Радченко перевели в другую камеру.

Через некоторое время были наконец разрешены свидания.

О, первое свидание с матерью! Как радостно засиял Глеб, приободрился в своей жалкой тюремной одежонке, запел, задрогал от радости (вахтер ждал сурово, приоткрыв дверь клетки). Побежал почти, страж не успевал за быстроногим, а он должен был еще свистеть, предупреждая, чтобы все попрятались, чтобы не узнал узник своих друзей по неволе...

(«Свиданье вам... Пожалуйста, за мною»... Забилося сердце, кровь в

висках стучит... Родная, это ты! Как боль души я скрою? А чтоб сберечь от встреч, мой вахтер все свистит... Мы бесконечный путь с ним вместе прошагали... Вот щелкнул ключ — я в клетку помещен. Мы через сетки две друг друга увидели. О, если бы то был кошмарный только сон... «Ни слова о делах, фамилий избегайте. Иначе разговор ваш будет прекращен...» О, мастера неволь! Как вы ни ухитряйтесь, там, где любовь крепка, ей не создать препон. В те дни не раз мы горести делили, я горд, что из одной тогда мы чаши пили.)

Благодаря посещениям матери 'и Антонины — та, правда, чаще посещала Старкова — Глеб был в курсе печальных новостей. Были взяты почти все, кроме, может быть, Красина, Мартова, Невзоровой, Крупской, Сильвина... Однажды Тоня пришла одна — Эльвира Эрнестовна занемогла.

«5 марта 1896 г.

Дорогая и бесценная моя мамочка!

...Буду жить от понедельника до понедельника, буду жить надеждой, что ты поправишься окончательно. Как только будет вам возможно, уезжайте с Тоней из Питера куда-нибудь. Лучше всего на нашу матушку Волгу.

Обо мне не беспокойтесь: если бы я только знал, что вы здоровы, что вы отдыхаете вдали от этой обостренной питерской борьбы за существование, что мне тогда эта тюрьма! О будущем также не думайте с унынием... Верьте, что все эти 3 месяца «пленения» я ни разу не страдал из-за мысли о себе...»

Его по-прежнему не вызывали на допросы, предоставив самому себе.

...Кичин ликовал. Показания слабовольного Волынкина и неустойчивого Царькова помогли ему выстроить свою версию преступления. «Лысый», «рыжий», «плотного сложения», «средних лет» мужчина — это, конечно, Ульянов. Григорий Иванович — это, без сомнения, Кржижановский. Их встречи с рабочими установлены полностью и точно так же неопровержимо доказана их противоправительственная агитация.

Кржижановский был вызван на допрос. Теперь место Клыкова занял подполковник Филатьев. Подполковник предъявил Глебу показания Волынкина и Царькова, и ему ничего не оставалось делать, как признаться в знакомстве с ними.

— Однако, — сказал Глеб, — я должен заявить о том, что не признаю

себя виновным в разжигании классовой ненависти. Объясняю свои немногочисленные знакомства среди рабочих филантропическими, литературными целями — хотел написать роман об их жизни. Обращаю ваше внимание также на тот факт, что я всегда ограничивался в общении с рабочими исключительно разговорами об их житье-бытье. Это меня в моих литературных целях интересовало настолько, что я готов был для приобретения познаний в этом роде жертвовать и своим временем, и своими деньгами...

Его увели, но подполковник остался неудовлетворен. В воздухе висела, не получала признания со стороны арестованного его версия о снятии Кржижановским квартиры для рабочих, предназначенной для ведения подрывной пропаганды. Показания Царькова и Волынкина никак не подтверждались. Не удавалось ему протянуть и ниточки между «Эрфуртской программой», тетрадью со статьей о Фридрихе Энгельсе, почерком Запорожца, и, по-видимому, самой крупной фигурой — Ульяновым. Если бы рукопись «Фридрих Энгельс» поступила Кржижановскому от Ульянова, то руководящая роль Ульянова была уже не столь недоказанная, по крайней мере, в издании газеты.

Он решил вызвать Глеба еще разок, предъявить ему записку Царькова и заодно спросить, не получал ли он рукопись «Фридрих Энгельс» от его знакомого Ульянова? В противном случае эта улика останется за ним, за Глебом Кржижановским. Клыков, а потом и Филатьев не пропустили ничего — ни обольщающей вежливости, ни сигар, ни посулов, ни обещаний, ни лести.

Энергия следствия была потрачена зря. Все это оказалось лишним. Тон заявлений Глеба от раза к разу становился непокорней и решительней.

— Не поручал никому из рабочих нанять квартиру для сходов с целью пропаганды рабочих. Сходок на моей квартире не было, и одновременно никогда не могли собраться двенадцать человек интеллигентов, на чем особенно настаиваю. То, что я давал когда-либо рабочим такие издания, как «Ткачи» и «Рабочий день», положительно отрицаю... Не помню, чтобы рукописную тетрадь об Энгельсе я получал от Ульянова — мы с ним были вовсе не в таких отношениях, чтобы явился случай совместных разговоров об Энгельсе и передачи сочинения, его касающегося.

Глеба больше не трогали. Из 88 человек, привлеченных по делу, двое — Михайлов и Галл — оказались прямыми агентами охраны, трое-четверо — обезумевшими от страха слабовольными трусами, среди них Волынкин и Царьков. На их показаниях, неточных, сбивчивых и некавалифицированных, и было построено следствие и обвинение.

Предполагаемым лидером сообщества был выделен Запорожец. Ему назначено было пять лет ссылки. Всем остальным, в том числе Ульянову и Кржижановскому, по три года. Больше всех получили те, кто так или иначе был связан с народовольцами, — Ергин, Лепешинский. Охранное отделение не разглядело еще полностью той опасности, которую представляли для существующего строя социал-демократы. Террористы с бомбами казались ему куда более страшными, чем те, кто занимался пропагандой и агитацией. То, что врагом «учеников» были не конкретные лица, а весь строй в целом, как ни странно, смягчало чувство вызываемой ими опасности — странный психологический феномен! Чувство безопасности жертвы, находящейся в большой компании таких же жертв.

Проходили долгие месяцы заключения...

Глеб открыл: его самочувствие подчинено странному ритму. В условиях очень чистого эксперимента одиночества он ощущал, что его жизнь, настроение, жизнедеятельность, живость мысли подвержены странному, неумолимо волнообразному движению. Бывали дни, когда он выскакивал из неприятной чужой вонючей постели как пружинка, разбуженный собственной улыбкой и бьющей изнутри активностью, радостью бытия.

Глеб вскакивал с постели, внутри клокотала горячая молодая активная кровь, побуждающая к действию. Он делал комплекс сложных гимнастических упражнений, повторяя иные по сто раз, — и не уставал. Его радовал жидкий чай в миске, подававшийся надзирателем, постный суп-баланда, комковатая каша. За день он успевал сделать неописуемо много: по примеру Старика он выписывал себе множество книг, проглатывал их, пользуясь своей необычайно цепкой памятью, запоминал; вечером он, соорудив хитрейшую систему из ниток, заставлял огарок свечи плясать у него над постелью, освещая страницы Гоголя или Щедрина. Так он и засыпал, счастливый, и лишь одно отравляло его бытие — он знал, что этот период подъема дня через два-три сменится столь же острым периодом упадка.

И эти дни, дни прострации и уныния, неизбежно наступали. Глеб не мог заставить себя подняться, прочесть хотя бы строчку. Его мозг опускался в страшные низины духа, и ленивая жалкая мысль лишь изредка давала себя знать нехитрыми построениями о напрасно сгубленной молодости, о бесполезности борьбы, о покое подчинения. Иногда он вскакивал, силы зла поднимали его — и он начинал метаться по своей клетке подобно зверю. Пропасть, склеп, злоба, месть! Месть, ненависть, слезливая жалость, буйное отчаяние овладевали им, он кидался к

решеткам, старался их выломать, бился в железную дверь (откуда через дюймовый глазок светился удовлетворенный обычным, правильным поведением взгляд надсмотрщика), потом в отчаянии бросался на свое жалкое ложе.

Он не знал, как это так получалось, но именно в такие минуты ему приносили из библиотеки заказанные загодя книги, и в них — о радость! — письма Старика. Тот не писал о делах — он только успокаивал, призывал к работе, к стойкости, справлялся о здоровье. И, странно, весь этот кошмар одиночества, отчаяние замурованного в камне узника исчезали, появлялись покой, потом удовлетворение, а потом и спокойный сон, после которого Глеб вставал уже другим человеком. Глеб часто слышал, как по асфальтовым коридорам «предварилки» тащили ленивые служители тяжелые деревянные ящики с книгами, и Глеб знал, что этот странный транспорт может следовать лишь к одному человеку — к Ильичу, и это необыкновенно воодушевляло его.

(Трудом неустанным он дни тюрьмы наполнил. Грохочет ящик книг... Мы знаем — то к нему... ..Так месяца прошли. Я овладел собою. Разумен стал досуг тюремный мой. Заполнил я его упряжкой трудовой — великий был пример передо мной. Творцы чудесных книг страны моей родимой! Нет слов таких, чтоб вас достойно чтить. Вы были здесь для нас неоценимы. Без вас так трудно было бы тюремный гнет сносить. Вы уносили нас, всем вами пережитым, на волю, на простор, где мысли нет границ. Родник чудесных сил, в народе нашем скрытый, забил пред нами в сумраке темниц.)

Он и вправду овладел собой. С деланным, а порой с истинным наслаждением выполнял малообязательную для узников повинность — натирать асфальтовый пол камеры, выходил в стойла с трехметровым забором на прогулку, жадно вдыхал свежий воздух и сквозь щели в досках видел дворников и уголовных, колющих дрова, а наверху — голубей, словно по команде меняющих направление полета.

Прошла весна, лето, осень без листопада — во дворе тюрьмы не было деревьев, она сменилась бесснежным холодным декабрем, и в середине его следствие было закончено полностью, каждому назначено наказание.

Из доклада по делу «О возникших в СПб в 1894–1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя социал-демократами»:

«Дознанием установлено, что социал-демократы в 1894 г. образовали между собой общество для совместной противоправительственной пропаганды через тайные рабочие кружки. К одному из этих сообществ,

известному среди других социал-демократов под названием «старой интеллигенции», принадлежали обвиняемые Петр Запорожец, Глеб Кржижановский, Владимир Ульянов, Анатолий Ванеев, Василий Старков, Юлий Цедербаум, Яков Ляховский, Александр Малченко, Константин Тахтарев и Александр Никитин...

...Социал-демократическое сообщество в своей пропаганде в рабочих кружках встретило деятельных сотрудников из числа наиболее распропагандированных рабочих, которые собирали вокруг себя отдельные рабочие кружки, постепенным развращением в политическом отношении участников этих тайных кружков и занялись члены указанного социал-демократического сообщества. Такими сотрудниками социал-демократов, как выяснено дознанием, были рабочие Василий Антушевский, Николай Иванов, Николай Рядов, Никита Меркулов, Василий Шелгунов, Иван Бабушкин, Борис Зиновьев и Петр Карамышев. К этим лицам примыкают группы рабочих, которых они вовлекали в свои кружки.

В отдельности, как видно из предыдущего изложения, преступная деятельность каждого из этих лиц выразилась в следующем:

1. Студент с-петербургского технологического института Петр Кузьмич Запорожец является одним из главных деятелей сообщества, он составил найденные у Анатолия Ванеева статьи революционного содержания для задуманной социал-демократами подпольной газеты «Рабочее Дело», а также написал оказавшуюся у обвиняемого Малченко статью «Борьба с правительством»...

2. Инженер-технолог Глеб Максимилианович Кржижановский изобличается в распространении рабочих революционных изданий и в организации рабочих кружков. Он платил за квартиру рабочих Порфирия Михайлова, Волынкина и Царькова и руководил занятиями их кружка, именуясь «Григорием Ивановичем», руководил таким же кружком Меркулова, куда вводил для пропаганды по социал-демократической программе новых руководителей, а именно Ульянова и Ляховского, склонял рабочего Царькова устроить тайный рабочий кружок на Выборгской стороне, устроил конспиративную квартиру на Васильевском острове у рабочего Ивана Федорова, где происходили его свидания с различными рабочими и сходки, и посещал тайные собрания рабочих, происходившие в сентябре 1895 г. в Огородном переулке, в квартире рабочих Зиновьева и Карамышева.

3. Помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов летом 1895 г. ездил за границу, где, по агентурным сведениям, вошел в сношения с эмигрантом Плехановым с целью установить способ для

правильного водворения в Петербурге революционной литературы, затем, по возвращении в Петербург, участвовал в составлении статей для подпольной газеты сообщества «Рабочее Дело», руководил кружками Меркулова и Шелгунова за Невской заставой, посещал сходки у Ивана Федорова на Васильевском острове в квартире Зиновьева и Карамышева в Огородном переулке, именуясь «Федором Петровичем», и передал Меркулову деньги для поддержания рабочих, сделавших в ноябре 1895 г. забастовку на фабрике Торнтон...

На основании всего вышеизложенного прокурор С.-Петербургской судебной палаты полагал разрешить настоящее дознание на основании 1035 ст. Уст. Угол. Суд. в административном порядке и, признав нижепоименованных обвиняемых изобличенными по дознанию в преступлении... сослать П. К. Запорожца, Г. М. Кржижановского, В. И. Ульянова, А. А. Ванеева, В. В. Старкова, Ю. И. Цедербаума (Мартова) и других под надзор полиции в Восточную Сибирь сроком — первого — на пять лет, остальных — на три года каждого...»

Молодой царь находился в Царском Селе, когда ему доставили доклад министра юстиции. Перед дворцом, за его заиндевевшими в низках окнами, виден был заснеженный парк, ломило глаза от солнечного света, в аллеях шла обычная дворцовая суета: с хохотом, с прибаутками катали княжон, голубое небо внушало мысли о вечном покое, все, о чем писал министр, казалось бурей в стакане.

— «...среди фабричного населения распространялись воззвания...

...присвоившему себе название «социал-демократического»...

...тайные кружки... устраивали сходки...

(Царь слушал рассеянно, с беспокойством поглядывая в окно, как бы дюжие гвардейцы не вырвали из саней...)

...были подвергнуты обыскам и арестам...

(Вот это правильно!)

...рукописи революционного содержания... 88 лиц...

(Немного. Сто тридцать миллионов подданных в России.)

...к составу старой интеллигенции принадлежали...

(Нет ли знакомых имен?)

Петр Кузьмин Запорожец, 23 лет, православный, из крестьян, холост... студент Санкт-Петербургского технологического института, Анатолий Александров Ванеев, 23 лет, православный, сын чиновника, холост, студент Санкт-Петербургского технологического института... Глеб Максимилианов Кржижановский, 23 лет, православный, незаконнорожденный, холост, инженер-технолог... Василий Васильев Старков, 26 лет, православный, из

мещан, холост, инженер-технолог...

(Алфавит шел к концу.)

...Владимир Ильин Ульянов, 25 лет, православный, холост, помощник присяжного поверенного...»

Тут царь встрепенулся было, мелькнула какая-то тень воспоминаний, вызвавшая злость, потребность мести, но в момент этот санки, как Николай и предполагал, перевернулись, он бросился к окну, к нему бросились братья, к перевернутым санкам тоже бросились, завязалась кутерьма, народ расступился, дядюшка Владимир показывал из парка, из солнечного и снежного рая, — все в порядке, мол, ничего не произошло, и Николай успокоился.

— Продолжайте, — сказал он министру.

Министр читал, но царь уже не мог сосредоточиться.

Он высочайше соизволил утвердить доклад и предложенные министром меры административного наказания. Это было 29 января 1897 года.

Через две недели Глеба вызвали к помощнику начальника Дома предварительного заключения. Там ему объявили следующее постановление: «От департамента полиции объявляется инженеру-технологу Глебу Максимилиановичу Кржижановскому, что на основании высочайшего повеления... в разрешение дознания по обвинению его в государственном преступлении, он, Кржижановский, подлежит высылке в Восточную Сибирь под надзор полиции на три года, сроком по 29 января 1900 года».

Такое же постановление было прочитано и остальным, и вот — уже у ворот негостеприимного дома — они встречаются вновь, целуются, радуются друг другу. Снова вместе! Их вывели из мрачных ворот дама на Шпалерной, где они провели так много месяцев в одиночном заключении. Впереди у них было три свободных дня дан устройства личных дел. Хотелось смеяться, но не смеялось, хотелось спеть что-нибудь, да не пелось.

Часть третья

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

*Беснуйтесь, тираны, глумитесь
над нами...*

Г. М. Кржижановский

ДОРОГА

Через день после выхода из тюрьмы они встретились уже на воле, и снег искрился на солнце, и румянец молодой, неожиданный, выступал, и девушки встречные улыбались этой странной веселой пятерке, которая шла по Невскому, раскачиваясь, как моряки, год не видевшие земли, и они всматривались в лица, в витрины, в уличный праздный народ — изменилось ли что за этот год? Свет солнечный стал определенно ярче, краски — гуще, кое-что казалось на солнце пугающе новым, кое-что — нищенски старым. Встретили фотографию, решили сфотографироваться, и Глеб понял, что встреча их, организованная Стариком, не была случайностью, как и все, что он делал, что этот снимок, который будет сделан сейчас, тоже не будет случаен, — он свидетельство, веха борьбы. Здесь будут лишь самые верные, самые твердые, самые последовательные соратники. Так и расселись они, с глубоким внутренним смыслом, со значением. В центре, конечно, Старик. Он за столом, рядом несколько книг — это «Капитал». Старик красив, молод, мудр, смел и спокоен. Хотя в тюрьме несколько спал с лица. Справа от него, по правую руку, — мечтательный Глеб, слегка присевший на эту грешную землю в своем романтическом полете, только еще начавший в полной мере оценивать значение сделанного. Слева от Старика — Юлий Мартов, Старик любил его за талант, за активный, хотя и неустойчивый, характер, который, правда, еще не раскрылся в полной мере. Сзади, у колонны, вытянулся струной «техник», помощник и телохранитель, красавчик, «провинциальный тенор» Малченко — преданный товарищ, молчаливый, скромный, незаметный. В центре, за Стариком, стоит громадный, мрачный, широкоплечий Запорожец, с буйной шевелюрой и мягкой улыбкой, и беспощадный рок уже вложил в эту мягкую улыбку горечь ухода. Слева от него — еще один с печатью рока на челе — Ванеев, в мундире, со слишком ярким румянцем и слишком прозрачным и ясным взором — он уже видел, наверное, то, что увидеть суждено всем, но позже, некоторым гораздо позже!

Ильич был полон энергии и даже в эти короткие три дня успел переделать массу дел, связанных с организацией, во всяком случае он созвал два совещания «стариков» — у Степана Радченко на Сампсониевском и у Мартова на Невском — и с горечью убедился в том, что «молодые» все больше и больше склоняются к оппортунизму.

Три дня пролетели быстро, и 20 февраля Глеб погружается в

арестантский вагон, и вагон этот неторопливо везет его и многих его друзей в Москву, в Бутырки. Тоня и Эльвира Эрнестовна пока остались в Петербурге, но было решено, что они поедут за Глебом и Базилем в ссылку, для чего Тоня даже приискала там работу.

Глеб ехал роскошно экипированный. Его бывший учитель Павел Александрович Ососков, физик, прислал ему в тюрьму, не боясь себя скомпрометировать, свою шубу. Какой оказался он чудесный человек, Павел Александрович!

Когда их доставили в Бутырки, Глеб увидел, что узники попали из огня да в полымя. Одиночные камеры, доставлявшие им столько страданий в «предварилке», сменились здесь прямо противоположной системой. Всех политических преступников — а их было около тридцати — согнали в одну общую камеру, и это первое время всех невозможно радовало. Разрешалось свободно гулять по двору — невиданное послабление! Но пытка оказалась не менее изощренной: после многих месяцев одиночества — постоянная сутолока, невозможность прилечь, почитать, остаться одному, отдохнуть, забыться. Нельзя было не то чтобы серьезно заниматься, но и просто читать.

Глеб внезапно поймал себя на том, что он чуть ли не с нежностью вспоминает о своей одиночной камере. Они с Базилем сидели на одной койке и понимающе смотрели друг на друга.

«25 февраля 1897 г.

Дорогие мои мамочка и Тоня!

Пишу к Вам из московской пересыльной тюрьмы. Я вполне здоров, ни в чем не нуждаюсь. И чувствовал бы себя отлично, если бы не беспокоился за вас.

Живем мы сейчас большой общиной (около 30 человек), поэтому жизнь обходится дешевле, и скуки не ведаем. Когда двинемся отсюда — неизвестно: или через 2–3 недели, или 1-го мая. За меня вообще не беспокойтесь... Всех либасов (припасов. — В. К.) у меня вволю, и никаких посылок, кроме писем, мне не посылайте...

Я чувствую себя еще молодым, еще сильным человеком...

За это время я так много передумал и перечувствовал! Жизнь моя находится в фазе превращения в какие-то неведомые мне, новые формы. На грани недавнего прошлого стоят две ваши драгоценные фигурки и наполняют мою душу такой бесконечно *самоотверженной* любовью, что я бестрепетно заглядываю в будущее — я счастлив вами, я хочу вас сделать счастливыми мной!

...Так будьте же спокойны, мои голубчики, послушайте, как стучит мое сердце при мысли о вас.

Глеб Кржижановский.

Поклон друзьям».

Он не знал, как лучше написать о Запорожце.

Поймав взгляд Петра, заглянув внутрь его глаз, друзья молча отворачивались в печали — там горел жуткий огонь дьявольской печи. Он не был буен — природная скромность и нежность спасали его...

Друзья пробовали обратиться к тюремным врачам, но те отмахивались: еще один симулянт, мало их! И Запорожец остался в Часовой башне Бутырок вместе со всеми, и его мрачный образ преследовал узников.

Друзья решили призвать на помощь находящуюся пока еще на воле Софью Невзорову. Софья привезла в тюрьму не кого-нибудь, а знаменитого Корсакова. Корсаков вместе с Софьей имел с Петром длинный спокойный разговор, и Запорожец, рука в руке Софьи, был спокоен, весел и абсолютно нормален. Софья ликовала. Позже, когда Запорожца увели, Софья, радостная, полная надежды, обратилась к Корсакову:

— Все в порядке?

Тот, однако, был неразговорчив.

— Случай более тяжелый, чем я думал. Теперь все пойдет, ухудшаясь.

Так и случилось. У Запорожца была обнаружена сильнейшая мания преследования.

Ванеев тоже не радовал. Его зеленое лицо светилось печальным сарказмом, когда он говорил о статистике туберкулезных смертей. Тюремный фельдшер предлагал старое народное средство — дышать над картофельным паром.

Их отъезд в Сибирь все откладывался, и в «котле» общей камеры начинали разгораться жаркие страсти. Мерилом стало отношение к больному Запорожцу. Один из политических, одессит Юхоцкий, встретив невменяемого Запорожца где-то около склада, толкнул его, ударил, свалил с ног и, ненавидя, пылая злобой, рассказал еще об этом в камере. За Запорожца вступились, кроме «учеников», другие социал-демократы, в том числе Федосеев, о котором раньше тепло отзывался Старик. С Федосеевым Глеб переговорил много и даже, можно сказать, подружился. Особая духовная опрятность, благородство и высокий интеллект Федосеева восхищали Глеба.

В Часовой башне Бутырок вскоре обозначилась поляризация

революционеров — верхнюю камеру постепенно заняли теоретически подкованные социал-демократы во главе с Федосеевым, одним из первых русских марксистов. Там же большей частью сидели и ссыльные поляки — члены социалистической партии Абрамович, Петкевич и Стражецкий.

На среднем этаже свила себе гнездо революционная богема — она, не спросив: «Како веруеши?» — перед любым революционером раскрывала объятия. Философские и политические построения их были наивны и, как вспоминал впоследствии Лепешинский, напоминали рассуждения того хохла из анекдота, который по-своему усматривал принцип единства среди многообразия вещей и явлений: «О це ж хата, о це ж шинок, о це ж храм божий... О так и чиловик... живе, живе, да и помре...» Они не искали понимания рабочих, не стремились к росту их классового самосознания. Богема недолюбливала «академиков», считая их начетчиками, носящимися со своими Марксом и Энгельсом как с писаной торбой, и смысл существования видела в красочной борьбе, полной приключений и риска.

Глеб с Базилем больше сидели наверху. Они сдружились с ссыльными поляками, и Глеб жалел, что не знал польского языка. Цоляки симпатизировали его романтическому пылу, его научному подходу к революции, заимствованному, конечно же, у Старика, его благородной и печальной, приходящей к концу дружбе с Запорожцем. Вечерами, когда богема сотрясалась от предельно смелых анекдотов, поляки усаживались в кружок и, задумчиво глядя друг на друга, заводили удивительно красивую и мужественную песню, звавшую на бой. Это была песня Свенцицкого «Варшавянка», он написал ее в сибирской ссылке. Но знали ее немногие. Глеб попросил сделать ему подстрочный перевод, с тем чтобы перевести ее и петь на русском. Слова ему не очень понравились — в песне было много мелкого, «шляхетского», несозвучного теперешнему этапу революционного движения. Глеб решил существенно переработать текст, придав ему пролетарскую, революционную направленность. Сначала экспозиция — спрессованный образ эпохи. Например, так: «Вихри враждебные веют над нами...» Он старался подобрать другие строки под статью первой, на его взгляд, удачной.

«Темные силы нас злобно гнетут», — продолжал он и почувствовал, что дальше песня пойдет — слова ее выстраданы. Он несколько дней шлифовал ее, изменяя отдельные слова, фразы.

Песня была готова к 25 марта. На этот день был назначен отъезд партии ссыльных в Сибирь. Все выучили новые слова наизусть.

Через много-много лет, давая интервью корреспонденту журнала «Советская музыка», Глеб Максимилианович Кржижановский так

вспоминал о рождении и боевом крещении его «Варшавянки»:

«...Настал день нашей отправки в Сибирь. Мы поставили к двери камеры Абрамовича, обладавшего необычайной физической силой, стали в круг и запели:

— Вихри враждебные веют над нами...

Звуки могучей песни огласили здание Бутырской тюрьмы, надзиратели бросились к нашей камере, пытаясь открыть дверь, но не смогли сломить железную силу нашего стража Абрамовича.

Окончив песню, мы открыли камеру, и в нее ворвались стражники и жандармы. Они приступили к распределению нас для немедленной отправки в Сибирь. Так совершилось боевое крещение русской «Варшавянки...».

На вокзале, очищенном от пассажиров, оцепленном полицией, их поджидал особый вагон с железными решетками, специально предназначенный для первой партии ссыльных. Глеб насчитал шесть человек, которые должны были в него сесть: кроме него, Мартов, Старков, Ванеев, Запорожец и еще один революционер, из народовольцев, тоже проходивший по их процессу, — Пантелеймон Лепешинский. Лепешинский, видимо, наслушавшийся уже о «стариках», держался по отношению к их спаянной группе с нескрываемым почтением, и, хотя они сразу приняли его в свой круг, он еще некоторое время оставался для них «чужеземцем», осколком радикальной революционной интеллигенции старой формации.

Пантелеймон с видимым наслаждением упивался разговорами о новом немецком издании «Анти-Дюринга», о том, «что шапка есть в то же время и не шапка», о том, «что в суждениях можно обойтись без формальной аристотелевской логики» и «сдать в архив закон исключительного третьего» и т. д. и т. и.

Коротая время, вспоминали тюремные истории, вызовы на допросы (Кичин допрашивал всех), пели песни, отгадывали города, литературных героев, играли в шахматы.

...Так пролетели мимо окон Самара, Уфа, Челябинск. На одном из перегонов кончилась Европа и началась Азия. Быстрые вагоны железной дороги только еще прокладывали тут путь к цивилизации: станции были полны оборванных татар, башкир, мордвы, черемис. Урал был красив: над железнодорожной колеей то и дело нависали скалы, мшистые, зеленые, мечтающие о весне, теплый воздух с размаху бил в лица, окна открыты настежь, вагон продувается насквозь, кругом зовущие запахи весны. Какой разительный контраст с недавним прошлым, хотя солдаты с ружьями

всегда у дверей, всегда на посту, и свобода всего лишь крылатый призрак, поднимающийся тяжело среди уральских скал и медленно парящий, но неизменно исчезающий!

После Челябинска началась Великая Сибирская дорога — трое с лишним суток глухой обнаженной степи, без признаков жилья, пейзаж из земли, неба и вкусного воздуха. На станции Обь пришлось выходить из вагонов и переправляться через реку на лошадях, и остов недостроенного моста на фоне северного неба казался дерзким вызовом необжитому, холодноватому краю.

Между Омском и Томском Барабинская степь поразила их. Какие просторы! Какое будущее перед-этим громадным необжитым краем! Вторую половину пути Глеб, как водится, думал уже о том месте, куда направлялся. Много волновало его. Получил ли Старик его телеграмму? Он уже в Красноярске. Там же и Тоня. Они должны будут их встретить. Разрешат ли дальше ехать за свой счет? И куда? Удалось ли их матерям выхлопотать для них хотя бы не самые далекие губернии? Тоня должна была бы уже устроиться: окончив фельдшерские курсы, она выбрала для работы Красноярский переселенческий пункт.

В Красноярск прибыли 4 апреля утром, и Глеб сразу же принялся высматривать в толпе, встречавшей поезд, Тоню и Старика и, конечно, увидел их! Они были веселы, выглядели прекрасно, кричали какие-то приветствия. Поговорить же, к сожалению, не пришлось — охрана решительно оттеснила их, и Глеб видел уже издали, как жандарм остановил Старика и стал что-то с подозрением у него выпрашивать.

«Как бы не было лишних неприятностей», — подумал в расстройстве Глеб.

Встреча им была уготована просто экзотическая. Кордон стражи из Москвы с обнаженными шашками дополнялся теперь извне местными казаками, образовавшими сплошную стену, ограничивающую небольшой загончик на станционной площади, где стояли несколько простых телег с соломой. «Стариков» и Лепешинского (он под их влиянием почти полностью отрекся от своих народовольческих взглядов) усадили на эти телеги и направили прямехонько в красноярскую тюрьму.

На следующий день после приезда Глеб подал от своего имени и от имени остальных «стариков» прошение енисейскому губернатору. В нем содержалась просьба «разрешить ему и его товарищам сняться в фотографии г. Красноярска». Фотография Кеппеля-Аксельрода была назначена заранее и была известна как место свиданий политических ссыльных с родными и товарищами. Надзиратель Козьмин, однако, тоже не

дремал и доложил уже полицмейстеру Гирину, что заключенные используют фотографию для встреч с «посторонними». Прощение Глеба было оставлено без последствий.

Но было получено разрешение на свидание с сестрой и матерью, тоже прибывшей в Красноярск.

Эльвира Эрнестовна и Тоня сообщили Глебу и Базилу, что, возможно, их удастся «устроить» в Минусинский уезд, который, по слухам, является изюминкой злым наименьшим из-за сносного климата и дешевизны продуктов.

Красноярская тюрьма сильно отличалась от тех, которые приходилось видеть Глебу раньше. Здесь многие, отправляемое на поселение, были в цепях, а левая половина головы у них была выбрита. Все политические были помещены в большую и грязноватую камеру, сплошь уставленную железными кроватями с деревянными досками вместо сетки. Ждали окончания разлива рек. Задержка эта оказалась очень кстати; Ульянову, Старкову, Глебу и Ванееву был назначен находящийся неподалеку от Красноярска Минусинский округ. Не задержись они в Красноярске, пришлось бы ехать на лошадях до Иркутска, а потом обратно, считай, две тысячи лишних верст.

Из красноярской тюрьмы удалось выбраться лишь 28 апреля. До отплытия парохода «Святой Николай» оставалось два дня, нужно было сделать кое-какие покупки, подготовиться к будущей деревенской жизни. Глеб встретился со Стариком, успокоил матушку, все о чем-то хлопотавшую, все опасующуюся, не отменят ли такое счастье — Минусинский округ?

Наступил наконец день отъезда, заметим, свободного отъезда, за свой счет, без стражи и прочих аксессуаров неволи. Собрались на пристани отъезжающие — Старик, Глеб, Базиль, Эльвира Эрнестовна и провожающие, среди них Ванеев. Попрощались — когда свидятся теперь? Уж не раньше, наверное, чем через три года! Отдали концы, вышли на енисейскую холодную стремнину. Друзья были веселы, смеялись. Было 9 часов утра 30 апреля 1897 года по старому стилю. Начиналась новая жизнь — не в тюрьме, но и не на свободе. В ссылке...

...«Святой Николай» шел против течения медленно, с чувством, с толком, с расстановкой. К вечеру капитан приказал отдать якорь. На берегу виднелась маленькая часовенка.

— Нужно помолиться Николе, — серьезно сказал капитан. — Отслужим молебен о плавающих и далеко путешествующих. — Он посмотрел на друзей. Они как будто бы не возражали, но когда пароход

пришвартовался, в часовенку не пошли, а двинулись вдоль берега, где над рекой поднимались обветрившиеся, овеванные и рассыпанные временем скалы.

Далеко забрели друзья, перебрались через Филаретов ручей, дошли до устья Маны и наткнулись на арестантское царство: здесь заключенные заготавливали дрова и шпалы для строящейся за Красноярском железной дороги. Часовой прогнал их, и они вернулись к огням на берегу. Матросы жгли костры, вокруг грелись пассажиры, на мачте парохода тускло светил призрачным мятущимся светом керосиновый фонарь.

— Дивные горы здесь, — сказал было Глеб, и тут же матрос бывалый откликнулся из темноты:

— Так и называют здешние края — Дивногорьем.

— Глеб, а ты помнишь, что завтра Первое мая? — отозвался Старик. — Неплохо бы его отпраздновать на этой красоте, над Енисеем. Жалко, красного флага нет. Ничего, за нас его в России, на материке поднимут.

Глеб задумался над словами Старика и решил к завтрашнему дню подработать русский текст к еще одной красивой польской революционной песне. Он начал бормотать, мурлыкать себе под нос, не обращая внимания на приятелей, затеявших над ним невинный розыгрыш и шутку.

Назавтра, когда «Святой Николай» подошел к устью реки Шумихи, где для него были приготовлены здешними крестьянами «пароходные» дрова, и капитан объявил, что остановка продлится не менее трех часов, друзья поспешили на берег, прорвались через кордон хозяек, наперебой предлагавших пассажирам кедровые шишки, орехи, грибы, моченую бруснику, быстро-быстро начали взбираться на высокую террасу над Енисеем, откуда хорошо видны были покрытые лиственницей Бирюсинские горы.

Тут Глеб и Базиль решили поразить Старика тем, чего тот явно не мог знать, ибо миновал сиденье в Бутырьках, — неизвестными ему революционными песнями.

Сначала друзья спели боевой революционный гимн «Смело, товарищи, в ногу», написанный в тюрьме Леонидом Радиным. Старик подпевал с большим воодушевлением.

Глеб попросил Базиля спеть «Варшавянку».

— Вихри враждебные веют над нами, — начал Базиль, и тут же к нему присоединился Глеб. Старик сначала что-то мурлыкал в такт, а затем, поймав слога припева, стал уверенно вторить. Когда песня окончилась, он даже, кажется, слегка расстроился.

— Отличная песня. А слова русские чьи, не твои ли, Глеб?

Глеб расцвел. Лучшего признания своим поэтическим склонностям он себе не представлял. Тогда он решил еще более поразить Старика и спел «подправленную» только вчера песню:

*Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!
..Долой тиранов! Прочь оковы!
Не нужно гнета, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!*

— И это тоже ты, Глеб? — спросил Старик. — Смотри-ка, у нас теперь есть свой революционный поэт. Приятное открытие по случаю Первомайского праздника. Как это люди пишут стихи? Поражаюсь их способностям. Сам я в Красноярске, узнав, что мне в Шушенское, начал было стих:

В Шуше, у подножия Саяна...

Но дальше этой первой строчки ничего, к сожалению, не сочинил!..

Спускались назад, надышавшись речной свежестью, хвоей.

— Прекрасная получилась маевка, — отметил Старик.

...Пароход тем временем шел все дальше к югу, к верховьям Енисея. Миновали небольшую деревушку Езагаш — там брали утром дрова, и, пока матросы грохотали поленьями по палубе, пассажиры осмотрели остатки старинной плотины, когда-то построенной здесь русскими мастерами. Миновали деревню Брагино, где браги вовсе не было, а был сытный, ароматный пшеничный хлеб, затем пошли перекаты, подводные мели, косы. Журавлиха, Голодаиха сменились при движении на юг У-Бей-рекой и горой Темир — чувствовалось влияние востока.

Тихо прошли Городовую стену — отвесную скалу над Енисеем, едва не в две версты длиной, Яновские перекаты. «О Россия, как мало мы знаем тебя!» — думал Глеб и ощущал себя чуть ли не первооткрывателем.

Яновские перекаты миновали уже с трудом, и после деревни Аешки пошли тиховодами под красным левым берегом. К пристани Сорокино

добрались лишь 5 мая. Здесь снова набрали дров и двинулись к Минусинску, да не тут-то было — на Медвежьем перекате, близ горы Туран, пароход поймал галечное дно, проскрежетал, побарахтал колесами и встал. С трудом капитан снял его с мели и направил обратно в Сорокино. Похоже, что речное путешествие невольных путешественников оканчивалось.

Из Сорокина взяли ямщиков, и те за умеренную, но чувствительную плату на следующий день к вечеру доставили всю компанию в Минусинск.

Ямщики не впервые сталкивались, видимо, с перевозкой политических и поэтому завезли их сразу не куда-нибудь, а в двухэтажный дом Ефима Ермиловича Брагина, известную заезжую квартиру ссыльных. Там истопили баньку, приготовили постели. Все тут же заснули.

На следующий день отправились по Новоприсутственной прямехонько в полицейское управление, где им был исправником зачтен (строгим голосом! с угрозой!) устав ссыльных и предложено в течение двадцати четырех часов сменить Минусинск на назначенные села, другими словами, выметаться из Минусинска поскорее туда, куда сослали, и не баламутить здесь народ — здесь и своих смутьянов довольно! Глеб подумал, что хорошо бы остаться в Минусинске — все-таки город! А его профессия, она как раз для города. В селе с нею пропитания не найдешь. Исправник о таких вольностях и слушать не захотел.

— В двадцать четыре. Тесь — на Тубе. Под гласный надзор полицейского заседателя второго участка Дуреева...

Тесь Глебу и Базилью сразу не понравилась.

— Пустыня, — сказал Глеб.

— Страшная дрянь, — уточнил Базиль, — ни реки, ни леса. Одна грязь.

— А то, черненькое, на горизонте — уж не лес ли?

— Так то на горизонте, — не уступал Базиль, — не поохотиться, не порыбачить.

Так, мирно беседуя, медленно прокатили они в телеге вдоль главной и, по-видимому, единственной улицы их будущего приюта, пыльной, широкой и немощеной. В грязных лужах блаженствовали в сонном покое утки и гуси. Жирели свиньи. Травы, деревьев, вообще зелени, в деревне не было. Была лишь сонная тишина. Вскоре, правда, их окликнули:

— Не политические ли? — И, схватив лошадей под уздцы, завернули прямо во двор довольно большого, едва ли не двухэтажного деревянного дома. Хозяин, оказывается, давно хотел поселить в своем доме именно политических. Тут и устроились. Условия оказались превосходными —

квартира из четырех просторных комнат, кухня, прихожая, чистота, мебель приличная, плата весьма умеренная — шесть рублей в месяц. Всем хватило места, и тем, кто еще должен был приехать потом, тоже должно было хватить — тогда, по расчету, одна комната пошла бы Глебу, одна — Базилю с Тоней, одна — Эльвире Эрнестовне и одна — общая. Хозяин, волостной писарь Алексеев, был доволен, он жаждал общения, имея все остальное: амбары его ломились от зерна и мяса. «Бог на небеси, Алексеев — в Теси!» — приговаривал он.

...Первое время Глеб никак не мог привыкнуть к этой тишине, воздуху, сонной жизни, бескрайности — он дергался, не мог спать, плохо себя чувствовал, ничем не мог заставить себя заняться...

Начали постепенно знакомиться с окрестностями — и с Шалаболихой, и с Шошиной, и с многочисленными холмами-«убрусами», и с неглубоким Жерлыком, и с Георгиевской горой, откуда открывался вид на долину Тубы с островками, рукавами, отмелями, на ее серебрящуюся на солнце ленту, на холмы, которые, становясь все расплывчатее и призрачнее, уходили далеко к горизонту, образуя предгорья Саян.

И до Иньских озер добрались они, где оказалась порядочная рыбалка и утиная охота. Когда наступили теплые дни, друзья с утра проходили реденьким сосновым леском, продирались сквозь тальник и уже у самой воды устраивали себе несбыточный в иной жизни рыбацкий рай.

Однажды, забросив удочки, улегшись на спину, упрятав холодную землю под подстилку, подставив лица солнцу и слушая плесканье обреченных окуньков, они, словно сговорившись, долго молчали — каждый думал о чем-то своем.

И в этот момент слегка колыхнулся тальник, и кто-то подавил удивленный возглас. Глеб с Базилем вскочили и оказались перед двумя девушками. Разговорились, они тоже были ссыльными (Глафиру и Екатерину Окуловых сослали по молодости к родителям, в Сибирь) и жили в Шошиной, неподалеку. Тесинцы были рады знакомству. Глеб, убедившись, что Глафира нетвердо знает, к какой партии примкнуть, занялся ее политическим воспитанием. Сначала дал ей почитать Плеханова. Потом пошли рассказы о работах Старика, о его «Друзьях народа», о задуманной им большой книге, посвященной развитию капитализма в России.

— А кто это — Старик? — спрашивали сибирячки.

О Старике Глеб мог рассказывать бесконечно. Его восхищение не имело границ и находило подчас неожиданные повороты.

— Вот разбуди, например, Старика в два часа ночи и спроси его: «Там-

то, тогда-то по такому-то вопросу какая была вынесена резолюция?» — и он сейчас же без запинки ответит, — с упоением рассказывал Глеб.

Иногда девушки приезжали в Тесь. Эльвира Эрнестовна чрезвычайно им симпатизировала.

Часто собирались большой компанией, забирали жившего неподалеку Курнатовского и на телегах ехали в сосновый бор на весь день, жгли костры среди сосен и елей, читали стихи, спорили о политике. Невинный флирт витал над ними незаметным и легчайшим призраком.

Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. М. Старкова — Окуловым.

26 июня 1898 года

«Други!

...Мы прозябаем по-прежнему: их, как скучно! Жарко, жарко, жарко...

Пикквик, Тургенев в ходу. Энгельс лежит как пласт и ждет тщетного...

«движения» в наших мозгах...»

К сентябрю к тесинцам приехал в гости Старик — он исхлопотал себе разрешение на пять дней. Старик был в общем удовлетворен увиденным — и квартирой, и самочувствием Эльвиры Эрнестовны, зажившей наконец большой семьей. Но Глеб и Базиль хандрили и пребывали в бездеятельности. Старик по сравнению с ними являл замечательный контраст: все в один голос говорили, что он поправился, поздоровел за лето.

Наладились на охоту. Теплая погода растворила туманы. На далеких холмах, если смотреть с Георгиевского, стали видны листья деревьев, отдельные камни, казалось, друзья обрели какое-то орлиное зрение и способны были видеть дичь чуть не за версту. Однако охота не задалась. Попугали тетеревов, подстрелили крякву. Но зато пришли все румяные, веселые, энергичные. Как набросились на еду! Эльвира Эрнестовна только подливала да подкладывала, а молодцы наши знай себе причмокивали да похваляли...

Глеб поражался, сколько мудрости вкладывает Старик в нехитрое, казалось бы, дело — отдых. Старик не любил отдыхать в расслаблении, в неге, тепле. Каждое утро он, встававший довольно рано, буквально вытряхивал Глеба из постели.

— Вставай, лежебока! — весело кричал он и заставлял его, еще сонного, делать гимнастические упражнения.

— Пятьдесят земных поклонов — лучшая зарядка! — восклицал он.

Глеб с радостью чувствовал, что в присутствии этого человека и он сам глубже воспринимает радости бытия — куда подевались его апатия!

уныние! нервы! Он нравственно и физически подобрался, подтрунивания Старика рождали у него уже не кислую ухмылку, а искренний смех, он чувствовал себя сильным, работоспособным, стал искать себе занятия, стараясь проявить себя в чем-то.

Философские беседы со Стариком убедили его в великом оптимизме марксизма. Он увидел массу достойного и возвышенного в их скромной жизни.

Г. М. Кржижановский — Л. Н. Радченко-Баранской.

12 ноября из села Тесь

«Дорогая Любочка!

...Есть кое-что хорошего, положительно хорошего и в наших местах. Климат очень здоровый, воздуха, света — миллион! Охота недурна, крестьяне относятся к нашему брату хорошо... Я нашел 15-рублевую работишку. Васька тоже — нет-нет да заработает, сестра поправилась, они очень счастливы...

...Ведь иногда бывает такая ирония судьбы, что голова особенно хорошо работает, когда трещит и расползается по швам оболочка? И вот, друже, я как раз чувствую такой расцвет духовных сил, чувствую, что теперь лучше, чем когда-нибудь, мог бы применить их к живому делу... И вместе с тем с ужасом вижу, что это «теперь» страшно коротко, что ни книги, ни писательство ни на йоту не могут удовлетворить меня по самому свойству моей природы. Три года — пустяки для здорового и приспособленного к борьбе за жизнь человека. Для меня же три года... А впрочем, друже, не будем забегать вперед, может быть, и мне удастся выбраться из этой разрухи, напрягаю все усилия. Не скачусь по этой наклонной плоскости физического разрушения, и вы все, мои друзья, увидите меня еще более живым человеком, чем прежде...

Ваш Суслик вовсе не альтруист (клянусь бородой Маркса — нет), но он до некоторой степени философ, вернее, исповедник некоторой жизнерадостной, прекрасной, эгоистично-земной философии.

...Жизнь, милый друже, не поэзия, а лаборатория будущего, наша задача — быть честными, сведущими химиками...

Лирочке^[3] передайте от нас тысячи приветствий...Передайте ей, что Старче и Базиль чрезвычайно процветают. Старче стал здоровым, краснощеким, ядреным молодчагой. Недавно он был у нас — я на него залюбовался...»

На рождественские праздники Глебу удалось исхлопотать себе

разрешение поехать к Старику. Ему дали десять дней. Быстро отмахал Глеб снежные версты до Шуши — всего-то день езды! — и уже 24 декабря попал в объятия Старика.

Мог ли он предугадать тогда то великое будущее, которое ожидает его ближайшего друга? Чувствовал ли дыхание истории самой, когда утром пышущий здоровьем и энергией Ильич вбегал с мороза в комнату, стаскивал его с постели и всячески подстрекал побороться и повозиться и не унимался до тех пор, пока Глеб не вступал с ним в единоборство? Мог ли предугадать Глеб тогда, с кем он проводит неторопливые утренние прогулки, с кем потом садится за стол, чтобы заняться — уже в этом Старик ему никакого спуска не давал, — чтобы заняться литературными трудами, философией, подготовкой материалов из статистических сборников, к которым Старик последнее время пристрастился, чтением экономической литературы. Угадывал ли он в Старике гения мирового масштаба? Потом, через много-много лет, Глеб Максимилианович не раз задавал себе этот вопрос. Вспоминая дни, проведенные тогда в Шушенском, Кржижановский писал: «Когда, бывало, в далекой сибирской ссылке, в скромной деревенской избе села Шушенского я наблюдал обычный распорядок дня Владимира Ильича, то невольно бросалась в глаза особо высокая приподнятость этого человека над тем, что можно считать большой талантливостью и большой работоспособностью. И приходилось только удивляться, как этот живой и отзывчивый товарищ, такой любитель общения с природой, вместе с тем с какой-то особой естественной непринужденностью так строит свой жизненный обиход, что каждый прожитый им день дает ему максимальный бросок для движения вперед и для тесного общения с ведущими умами человечества».

Глебу удалось своим острым взглядом поэта и романтика проникнуть в глубинные слои действительности. Он был одним из первых, кто разгадал грядущую роль Старика.

В. И. Ульянов — М. А. и М. И. Ульяновым
«27/ХІІ.97.

...У меня теперь живет вот уже несколько дней Глеб, получивший разрешение на 10-дневную поездку ко мне. Живем мы отлично и очень много гуляем, благо погода стоит большей частью очень теплая. После одного дня, когда мороз доходил, говорят, до 36°R (недели полторы назад), и после нескольких дней с мет-елью («погодой», как говорят сибиряки) установились очень теплые дни, и мы охотимся очень усердно...хотя и очень несчастливо. Зимой какая уж тут охота! Прогулки зато приятные.

Вследствие праздников почта на этой неделе в среду не ходила (и в пятницу не приходила) — это третий раз за время моей жизни в Шуше пропускают почту — не очень еще много. Благодаря гостю, это проходит, впрочем, почти незаметно.

Целую тебя крепко. Твой В. У.

Посылаю статейку свою для журнала. Хорошо бы переслать ее поскорее: может быть, поспела бы к январской книжке.

Глеб кланяется всем. Маняше просит передать, что он ожидает, что ему с ней придется много спорить.

Маняше

Ты уж не трудись так усиленно, Маняша, насчет Штанге: по всей вероятности, я соврал. Где тут упомянуть за столько лет! Нашлась одна статейка — и то славу богу. Мне показалось даже, что вторая статья была не в «Экономическом Журнале», — а в «Северном Вестнике» за 1891 год (по крайней мере я недавно встретил где-то такую цитату). Во всяком случае просматривать «Экономический Журнал» до 85 года не нужно...»^[4].

Старик решил заняться Глебом всерьез. Ему не нравились его бесконечные болезни, хандра, тоска.

Однажды Глеб уже поздно ночью, видимо перезанимавшись с непривычки, просидев над заграничными экономическими журналами чуть не целый день, пожаловался на головную боль. Карандашика ментолового у Ильича не случилось, и он, встревожившись, стал метаться — что делать? Может, лед на голову? И побежал на улицу поколоть возле колодца лед, как Глеб его ни удерживал. Лед приложили к голове, и Глеб уже сам был не рад, что взбаламутил Старика.

— Ну что, полегчало? — спрашивал Старик, заботливо поправляя на голове больного мешочек со льдом. Лед быстро таял, и Старик не поленился сбегать за ним еще раз. Глеб махнул уже рукой и покорно следовал указаниям.

— Лучше теперь? — спрашивал нетерпеливый Старик любопытно.

— Смотри-ка, сняло! — с деланной веселостью проговорил Глеб, снимая с головы холодный мешок. Старик посмотрел на него с подозрением.

Как назло, на следующее утро Глеб действительно занемог. Ночью он не мог уснуть, а с утра пропал аппетит, появилась слабость. Теперь Старик в болезнь не поверил, принялся за лечение по своему методу. Заставил сделать зарядку, пойти на прогулку. Глеб начал было отговариваться, но Ильич был упорен, чуть не насильно вытащил его из постели, вывел на

двор, приговаривая:

— Вон до того холма дойдем, и сразу обратно.

И так изо дня в день, все время удлинняя путь прогулки.

Уже на третий день Глеб почувствовал утром бешеный, прямо-таки «стариковский» прилив энергии. Он вскочил пружинкой, побежал умываться. Там его поджидал уже веселящийся от души Старик. Он шутя ткнул Глеба под ребро, тот ухватил его за шею, пытаясь повалить. На начавшийся сеанс французской борьбы без правил (упало и покатилося ведро) выскочили соседи. Тут, вдохновленный зрителями, Старик так по-медвежьи ухватил Глеба, что у того подкосились ноги.

— Прошу реванша! — закричал он.

— Давай лучше погуляем да позанимаемся, — проговорил сквозь тяжелое дыхание Старик.

Глебу определенно полегчало — он потребовал прогулки по зимнему воздуху, потом попросился на охоту, потом без остатка, наоборот, с добавками и подложками съел обед и вообще стал полностью здоровым человеком.

Много было разговоров и о задуманной Стариком книге, и о вестях с «воли», где все ошутимее давало себя знать стремление молодых революционеров заменить руководство рабочим движением его «обслуживанием», о судьбе движения, об оставшихся «там» знакомых и родных. Старик беспокоился, что ему не отвечает Федосеев, которому он послал два письма (тот жил в Верхоленске), до Старика дошли отголоски травли, которой подвергался там Федосеев: особенно старался скандальный ссыльный Юхоцкий, хорошо знакомый Глебу по Бутырмам. Пока остался в Ермаковском Ванеев, его не пустили в Туруханск, Юлий Мартов жил где-то в районе Туруханска, Запорожца освидетельствовали как душевнобольного и отправили к отцу.

В рождественскую ночь вспоминали своих невест. Старик горячо одобрял выбор Глеба.

Девушки должны были чуть не в один день подать заявления и примерно в одно время — что-нибудь через полгода, не раньше, — приехать.

В. И. Ульянов — М. А. Ульяновой

«4/1. 98.

...Глеб уехал от меня 3-го дня, прожив 10 (десять) дней. Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней. Глебу очень понравилась Шу-ша: он уверяет, что она гораздо лучше

Теси (а я то же говорил про Тесь! Я над ним подшучивал, что, мол, там лучше, где нас нет)... Кстати, Глеб стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом... Здоровье Глеба у меня несколько поправилось благодаря правильному режиму и обильным прогулкам, и он уехал очень ободренный.

Я уже писал, помнится, тебе, что Надежда Константиновна собирается перепрашиваться сюда. (Ей назначено 3 года северных губерний.) Если этот план осуществится, то с ней будет хорошая оказия и для книг, и для нот, и для всего.

Целую тебя. Твой В. У.»^[5]

ГЛЕБ И ЗИНАИДА

Когда стало известно, что Зинаида Павловна после июньской стачки, организованной «Союзом», была арестована, Глеб понял вдруг, какие высокие и мощные волны производят известия о судьбе этой девушки в океане обуревающих его чувств. Жандармы добивались от нее признания о ее знакомых — она молчала, все возможные обвинения брала на себя. У нее были найдены и деньги организации, жандармы никак не могли взять в толк, почему она не хотела сдать их в банк. Зинаида на это ответила, что последовательный марксист не может держать деньги в банке, ибо тогда станет владельцем капитала, на который будет получать нетрудовые проценты.

Приступ бессильной злобы вызвало у Глеба известие о том, что ее перевели в казематы Петропавловской крепости. В конце концов после неоднократных обращений ее матери, доходившей даже до императрицы, но, главное, после самоубийства заключенной Марии Ветровой Зинаида Павловна была отправлена под наблюдение полиции в Нижний Новгород, где ее ждал приговор суда сразу по двум делам — и по петербургскому, и по нижегородскому. Глеб с волнением ждал известий и к концу осени дождался. Зинаиде Павловне вышел приговор — три года ссылки. Глеб тут же дал ей телеграмму с предложением, чтобы она «перепросилась» на ссылку в Сибирь, в Тесь, сказавшись его невестой.

Когда Глеб узнал о согласии Зины перепроситься на ссылку к нему, он обезумел от радости. Он бродил по заснеженным полям, стряхивал снег с запорошенных берез и пел про себя какой-то странный гимн.

Его захватили воспоминания. Конец того вечера, когда они слушали доклады ученых мужей о голоде.

...Он проводил ее тогда к дому на Васильевском, к ее подъезду. Держал ее руку, с трудом заставлял себя прощаться. Шел мелкий петербургский дождичек, и то, что было у него на щеках, можно было принять за дождевые капли.

Он прощался, он уходил...

— Милостивый государь, неужели вы будете в состоянии уснуть сегодня ночью?

Ее шутливо-укоризненный тон вселил в него восторг — значит, можно не расставаться! Скромная комнатка Зинаиды Павловны кажется сейчас, когда ночь за окном, когда ветер и дождь бьются в стекло, лучшим из

возможных пристанищ, дворцом, самым уютным его уголком. Пусть сердится хозяйка, что они не дают ей покоя своими возбужденными голосами. Они решают судьбы мира и свою собственную судьбу. Они говорят о социализме, о его будущем, о его творцах, о его предтечах. Зинаида Павловна читала Глебу, сразу переводя с немецкого, биографию Томмазо Кампанеллы.

...Одиноким юноша — поэт, мыслитель, герой — зорко всматривался в несправедливый мир. Его звали Томмазо. Он давно построил в своем мудром и поэтическом воображении город, пронизанный солнечными лучами.

— Среди мрачного мира поклонников тьмы, — читала Зинаида, — раскинулся прекрасный город Солнца...

Жители этого города сумели покорить природу, раскрыть ее законы, в главном храме города на благо народа непрерывно работают мудрейшие ученые. Кто совмещает в себе и знания и добродетели, кто умеет читать книгу звезд, кто долго трудился — стоит во главе небольшого народа. Его помощников — трое: Могущество, Мудрость, Любовь.

В городе есть мастерские — туда добровольно приходят люди, чтобы вкусить радость труда. В великолепных дворцах, окруженные статуями героев, картинами, прославляющими их подвиги, красивые женщины рождают здоровых детей. Юные детские тела крепнут в объятиях природы, их мозг развивается в общении с искусством и наукой, во время веселых и поучительных игр. Постепенно они начинают ощущать потребность в труде, и труд их столь продуктивен, что избытки его плодов люди Солнечного города рассылают всем беднякам мира темноты.

Весной ворота города распахиваются, и толпы радостных жителей идут на поля, ведя за собой послушных чудовищ — машины, созданные гением их мудрецов. Вечера посвящены музыке и любви, причем музыка столь искусна, что привлекает ароматы цветов и отгоняет облака. В пении, любви и труде жители города обновляют золотое дерево жизни...

...Мысли о новом городе Солнца не нравились властителям Италии, они бесили инквизицию, двадцать семь лет провел Кампанелла в тюрьмах, сносил нечеловеческие пытки и страдания, но вся Европа слышала из темниц его тихий голос: в узах — свободного, в одиночестве — неодинокого, в унижении — позорящего врагов своих.

— Откуда ты взял эти дьявольские измышления? — допытывались мучители его.

— Чтобы узнать то, что знаю, я сжег больше масла, чем вы выпили вина, — отвечал он...

Глеб и Зинаида Павловна тогда впервые встретили вместе рассвет...

Одиночество, любовь, тоска по родным просторам толкнули Глеба в объятия изящной словесности. Он стал писать небольшие рассказы а la Короленко. Однажды отважился и через Зинаиду Павловну передал ему рассказ на отзыв и совет. Ответ пришел одобрителный. Короленко писал, что у автора несомненное дарование, что он может заражать читателя своим настроением, отметил, что Глеб силен в пафосе, в страсти, в борьбе — посоветовал заняться публицистикой. Но где? — думал Глеб. К этой идее можно будет вернуться когда-нибудь потом, на воле. Как сложится судьба? Заниматься публицистикой в уездном масштабе он не имел никакой охоты. Учитывая обилие времени, Глеб решил заставить себя заняться серьезным делом, а именно — до тонкостей изучить теорию марксизма.

...Зинаида Павловна добилась в конце концов, как и Надежда Константиновна, удовлетворения своей просьбы об отбытии ссылки вместе с женихом и 28 апреля выехала из Нижнего, нагрузившись хозяйством, книгами, подарками. Письмо о ее приезде едва опередило ее, и 15 мая счастливый Глеб, не представляющий даже отдаленно, как следует вести себя в подобных случаях, встречал гостью. Он получил уже разрешение на переезд в Минусинск и одновременно предупреждение исправника о том, что в случае, если они «тут же» не поженятся, Зинаиде Павловне сразу будет предложено ехать по месту назначенной ссылки, то есть в Астраханскую губернию. Меж тем не было для свадьбы у бесправных ссыльных ни необходимых документов, ни разрешения начальства. А недовольство, осторожность и подозрительность губернатора по отношению к ссыльным достигли как раз в это время апогея в связи с недавним побегом одного из ссыльных — Райчина. По этой причине исправник не разрешил приехать на свадьбу к Кржижановским Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне и не пустил Глеба с Зиной на свадьбу к «Ильичам», которая должна была состояться где-то в начале июля. «Ильичи» должны были пригласить их в качестве свидетелей. Пришлось ограничиться письмами, приглашениями, поздравлениями, теплыми пожеланиями счастья.

Почти сразу же после приезда Зинаиды, в конце мая, Глебу, Базилю и их женам пришлось присутствовать в Минусинске на «товарищеском суде», который затеяли над Глебом и Базилем ссыльные минусинцы. «Минусинцами» называли политических ссыльных — в основном народовольцев. Среди них были Кон, Тырков, Тютчев и другие старые революционеры, некоторые из которых уже отбыли каторгу. Оторванные от мира и живой работы, они постепенно стали жить интересами маленькой

колонии и, находить в этом единственный смысл существования. Они обвиняли «молодых» и особенно Базиля и Глеба в том, что побег Райчина, вызвавший репрессии начальства, был произведен с их ведома и согласия.

Защищать Базиля и Глеба вызвался Владимир Ильич. Он решил парировать обвинения по всем правилам формально-юридического процесса, и все эмоционально окрашенные реплики минусинцев, их пыл, негодование, обвинения в неуважении переводил на язык юридических терминов:

- На чем основано это утверждение?
- На каком основании вы так квалифицируете этот поступок?
- Какие имеются факты, доказательства?
- Где улики?
- Где свидетели?

Такая линия ведения «процесса» тех не устраивала, поскольку факты у них заменялись догадками и эмоциями. Тактика Ильича путала им все карты. Но не выдержал чувствительный Глеб, которого обвинения задевали за живое. Его прорвало, и он сказал с раздражением, что на всю эту вздорную трагикомедию ему наплевать.

Что поднялось!

— Испортил мне всю музыку, чудак, — только и сказал Глебу Старик.

Зинаида с непривычки дивилась на ссыльные права, по эта история мало тронула ее — теперь их с Глебом больше волновала уже начавшаяся совместная жизнь, практически без прелюдий, без ухаживания и жениховства, без обручения, без длинного периода, предшествующего почти у всех других пар вступлению в брак, — революционная деятельность внесла поправки и в эту сферу их жизни! Через два месяца после приезда Зинаиды Павловны от исправника пришла грозная бумага о том, что если свадьбы не будет немедленно, то Зинаиду Павловну отправят по месту приговора. Но это зависело уже не от них, а от того, что не пришло разрешения начальства. Пока они испросили разрешение прожить лето в Теси. Они часто бродили по холмам до темноты, и Глеб помогал Зине составлять букеты из неярких полевых цветов. Выяснилось, что он ее совершенно, конечно, раньше не знал и что ему несказанно повезло, когда Зинаида из всех ее друзей избрала именно его. В ней было то, чего ему так не хватало, — сильная воля, энергия, активность, непреклонность. Он чувствовал, что его жизнь изменится и что, возможно, в их новой семье тон будет задавать именно Зинаида Павловна.

Глеб прочел ей массу сочиненных за последнее время стихов, песен, рассказов и поразился, насколько точно Зина могла отличать зерна от

плевел, искреннее от надуманного. Ей очень понравилась песня, сочиненная Глебом буквально перед ее приездом. Глеб взял мотив песни русинов, студентов Львовского университета. «Шалште, шалште, скажет кати», исполненную как-то Базилем. Студенты же использовали красивую мелодию из украинской оперы «Наталя» Вахняпица, особенно популярной в последние годы. Мотив показался Глебу очень боевым, и он написал к песне новые слова:

*Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозитесь свирепо тюрьмой, кандалами!
Мы вольны душою, хоть телом попраны,
Позор, позор, позор вам, тираны!..*

Зинаида оказалась очень внимательной. Она отмечала то, чего не видел Глеб. Так, она первая обратила внимание Глеба на все усиливающуюся мрачность их ссыльного товарища по Теси, рабочего из Екатеринослава Ефимова. Тот стал замкнутым, сторонился друзей. «Запорожец!» — мелькнуло в мозгу Глеба. Повезли в больницу, оказалось точно — мания преследования.

Поступили неприятные новости о Мартове. Юлий был обвинен в чем-то одним из старых ссыльных, они рассорились, Юлий стал жить один, нервы его истрепались, работать не мог, просил отца исхлопотать ему другое место.

...Уже в самом конце лета большая компания ссыльных, друзей, родственников, знакомых: Базиль, Тоня, Эльвира Эрнестовна, Окулова, Алексеев, знакомые, ученики («Ильичей» так и не пустили) — провожали влюбленных в тесинскую церковь. Торжественно вплетены были, по старому обычаю, ленты в гривы лошадей, невеста надела белое платье и фату, сшитые совместно Эльвирой Эрнестовной и Антониной, Глеб же свадебного сюртука отыскать не смог, но зато надел особо вычищенный, подглаженный по этому случаю свой старый пиджачок.

В Минусинск выехали не раньше чем лето кончилось «официально», и тем самым кончилось разрешение жить в Теси — 31 августа.

Поселились они на уже известной улице Новоприсутственной в доме Брагина. Сам Минусинск, конечно, по сравнению с Тесью имел большие преимущества. Прежде всего привлекал Енисей. Минусинский музей был центром культурной жизни городка, и, если бы не опасение встретиться со «старой ссылкой», Глеб его посещал бы куда чаще. Впрочем, «старая

ссылка» была весьма неоднородна по своему составу, и Глеб выделил в ней старого польского революционера, отбывшего каторгу, нестигаемого Кона, который произвел на него большое впечатление и с которым он впоследствии сдружился. Мартьянов, директор музея, ссыльных дел не касался, хотя в целом к ссыльным относился очень сочувственно и всячески им помогал. Ссыльные тоже ему симпатизировали. Глебу запомнились слова, сказанные о Мартьянове:

— Во время баррикадных боев Мартьянов обязательно выйдет на улицу — дома не останется. Он будет собирать на улице для своего музея экспонаты, которые относятся к восстанию.

С библиотекарем у Глеба тоже сложились дружественные отношения, он всегда давал множество книг (большинство из которых шло в Шушенское) и познакомил его со многими новинками литературы, например с произведениями Леонида Андреева.

Зинаида оказалась прекрасной хозяйкой, она сумела сделать так, что их просторная квартира скоро стала славиться не только уютом, но и особой интеллектуальной атмосферой, в которой расцветали самые разнообразные интересы.

Примерно через неделю после переезда к новоявленным минусинцам заехал Старик: он с сомнением посмотрел на больную Эльвиру Эрнестовну, на киснущую Тоню и решил разрубить гордиев узел — отвезти их в Красноярск на лечение. Памятуя, что минусинцы сидят, как обычно, без денег, Старик решительно сказал, что все расходы по поездке он берет на себя. Переночевав, сели на пароход, и в Красноярске Старик проводил Эльвиру Эрнестовну в больницу и, пока лечение не окончилось, из Красноярска не уезжал. Оказалось, что у нее не «нарыв в печени» и не рак, как боялись, а просто последствие сильного ушиба. Она, однако, хотя и чувствовала себя после больницы получше, все время прибалывала. Поэтому в ноябре, когда все очень соскучились по Старику, поехал в Шушу один Глеб — Зина осталась с Эльвирой Эрнестовной.

Старик в это время работал над книгой о российском капитализме. Глеб, чем мог, помогал ему, часами тянулись обсуждения отдельных кусков.

Глеб поражался тому, сколько успел Старик сделать за то время, пока они не виделись. Старик, однако, не был удовлетворен. Он считал, что сделал не так уж много.

— Ты думаешь, я исчерпал всю эту тему? Отнюдь. Тема эта неисчерпаема. Я ввел ряд ограничений: во-первых, я беру вопрос о развитии капитализма в России исключительно с точки зрения внутреннего рынка, оставляя в стороне вопрос о внешнем рынке и данные о внешней

торговле. Во-вторых, я ограничился одной только пореформенной эпохой. В-третьих, я взял главным образом и почти исключительно данные о внутренних, чисто русских губерниях. В-четвертых, я ограничился исключительно одной экономической стороной процесса. Но и за всеми указанными ограничениями остающаяся тема чрезвычайно широка.

Поэтому сразу на все вопросы ответить пока не могу — не исследовал. Но вот что вырисовывается. Систематическое употребление машин в сельском хозяйстве с такой же неумолимостью вытесняет патриархального «среднего» крестьянина, с какой паровой ткацкий станок вытесняет ручного ткача-кустаря. А крупная машинная индустрия и в земледелии, как и в промышленности, с железной силой выдвигает требование общественного контроля и регулирования производства. Понимаешь, что получается? Но, слушай дальше, вот какая важнейшая вещь из этого следует. Куда деваются разоренные укрупнением сельских хозяйств хозяйчики? Они мечутся между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом. Лишь ничтожное меньшинство мелких производителей наживается, «выходит в люди», превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, либо живет вечно на границе пролетарского состояния. Чувствуешь, куда ведут эти выводы?

Глеб чувствовал. (Старик продолжал что-то говорить, но Глеб сейчас почти ничего не слышал.) Он понял одну важнейшую вещь. Он и раньше знал, конечно, что книга, которую пишет Старик, — это не просто теоретические упражнения в области политической экономии. Эта книга, этот научный труд был призван прояснить для самого Старика, для его друзей и последователей важнейший неразработанный теоретический вопрос главного в его жизни дела — революции. Книга служила практике, выявляла стратегию будущей революционной борьбы, стратегию поиска союзника пролетариата. За цифрами бесконечных статистических таблиц, за глубокой экономической теорией вставала для Старика живая революционная работа. Он не терял времени — готовил себя и других к революции. Старик, как понимал теперь Глеб, насмотревшийся на различных революционеров-бунтарей, борющихся без четких целей и плана, без осознания стратегии борьбы и ее перспектив, был сейчас единственным и естественным вождем революционной борьбы с царизмом. Ни один из претендовавших на эту роль не обладал в полной мере набором таких исключительных качеств. Глеб понял это вдруг, внезапно и, ухватившись за спинку дешевого деревенского стула, посмотрел на Старика долгим, необычно пронзительным взглядом. Старик остановил

свои рассуждения.

— Что это ты смотришь так странно? — испытующе спросил Старик. Потом подошел ближе, дружески взял за плечо. — Ну, давай продолжим. Еще много дел впереди. Я тебе не говорил, что, когда мой старший брат Александр учился в университете, предметом его научной работы было изучение червей. Он был естественником. Последнее лето, когда он приезжал домой, он готовился к диссертации о кольчатых червях и все время работал с микроскопом. Чтобы использовать максимум света, он вставал на заре и тотчас же брался за работу. «Нет, не выйдет из брата революционера, — подумал я тогда, — революционер не может уделять столько времени исследованию кольчатых червей». Скоро я увидел, что ошибся. Теперь я думаю, что занятия наукой, техникой идут только на пользу революции. Ты — инженер широкого профиля. Займись инженерным делом, устройся, например, на железную дорогу. Этим ты послужишь и революции.

Глеб давно уже размышлял о возможности работать на железной дороге и имел даже предложения на этот счет. Они поступили от старого товарища-поляка, одного из тех, кого он когда-то защищал от генеральских сынков в Технологическом институте, — от инженера-технолога Коссовского, который теперь работал заведующим технической конторой XII участка по постройке Среднесибирской железной дороги. Доброта и благородство никогда не забываются, и Коссовский, рискуя своим служебным положением, протезировал Глебу и предлагал ему подать прошение властям о разрешении переехать в Нижнеудинск.

Только приехав от Старика, Глеб обратился с прошением к иркутскому генерал-губернатору: «Ввиду того, что в г. Минусинске я не могу найти заработка, достаточного для содержания своей семьи, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне переезд в город Нижнеудинск для поступления в техническую контору Сибирской железной дороги V участка, где в настоящее время испытывается крайняя нужда в техниках с высшим образованием».

И стал ждать ответа. А до тех пор решили они с Зинаидой вместе изучать второй и третий тома «Капитала» и даже внесли много поправок в перевод второго тома. Все эти поправки были отправлены в Шушу, к Владимиру Ильичу, и получили полное его одобрение.

Близился новый, 1899 год, и «молодая» ссылка решила встретить праздник в Минусинске, у Кржижановских. Глеб и Зинаида Павловна пригласили всех друзей.

Гости собрались на Новый год со всей округи. После «Ильичей»

прибыли Курнатовский, немолодой красавец, холостяк, и чета Лепешинских. Они прикатили не без лихости — бубенчики под дугой, цветные ленты в гривах, метель из-под полозьев. Приехала уже совсем свободная Екатерина Ивановна Окулова, элегантная, молодая, красивая.

К вечеру последнего дня старого года все собрались в общей квартире минусинцев. В двух комнатах на втором этаже было шумно, Ильич в глубине дальней комнаты играл в шахматы. Глеб, Базиль и Лепешинский играли против него втроем, и, конечно, безнадежно. Он легко побеждал и каждого в отдельности, даже с солидной форой. Посмеиваясь, легко разгадывал коварные планы противников и, заманивая их в искусно расставленные сети, ставил им мат.

На кухне варили глинтвейн. Зинаида носилась, нервничая, из комнаты в комнату, Тоня и Эльвира Эрнестовна сохраняли относительное спокойствие. Шушенцы выделялись среди всех своим здоровым цветущим видом, и Эльвира Эрнестовна даже заявила:

— Наденька поправилась и перегнала уже Зиночку.

Это была несомненная гипербола, но Надежда Константиновна, взяв Зину под локоток, смеясь, стала ей объяснять:

— Знаешь, я правда, сладкогрызка порядочная, и это, по-моему, потребность организма...

— Знаем мы эти потребности, — хохотала Зина. — Хорошо знаем!

— Правда-правда. Я и Володю перевожу в свою веру, хронически питаю его сладким каждое послеобеда и послеужина, он каждый раз заявляет, что это «возмутительно», но все же ест, и с удовольствием. Но все же оставим и для вас, когда вы приедете к нам на масленицу, и мы устроим пир на весь мир!

Старику сделали подарок — преподнесли ему вышедшую недавно книгу «Экономические этюды и статьи». Он был страшно рад, хотя знал о выходе книги и имел ее уже, отправился было сразу же исправлять опечатки, но друзья перехватили его и стали по-модному, появившемуся только что обычаю качать.

— Отпустите его, — кричала, смеясь, Надежда. — Ему еще «Рынки»^[6] кончать, а вы мне его угробите!

Зинаида и Надежда близко дружили, хотя встречаться особенно часто им не приходилось, а по темпераменту представляли друг другу полную противоположность: Надежда, бледная, тихая, обычно сидела *по* уголкам или негромко с кем-то беседовала; Зинаида, румяная и необычайно энергичная, напротив, старалась повсюду поспеть.

В этот вечер много пели. Базиль, по-своему обыкновению, быстро

сколотил недурной хор. Хор этот в полном соответствии с правилами полифонии исполнил на разные голоса любимые произведения Глеба и Базиля.

Тут подошел Старик и предложил слегка разнообразить репертуар.

— К черту «Такую ее долю»! Давайте споем «Смело, товарищи, в ногу...».

Старик не успокоился до тех пор, пока не исполнили всю их енисейскую ссыльную программу: «Слезами залит мир безбрежный», «Беснуйтесь, тираны» и, наконец, «Варшавянку». Глеб с нескрываемой радостью видел, что его песни распространяются все шире, что они нужны партии.

Да, партии. Он считал себя уже членом новой партии РСДРП, первый съезд которой прошел в этом году. В организации съезда участвовали многие старые знакомые. Сразу после окончания съезда царская полиция арестовала многих видных социал-демократов. Один из спасшихся, Степан Иванович Радченко, пробрался после съезда на квартиру Крупской и, сообщив об этом страшном провале, закрыл лицо руками и зарыдал. Но Старик не поддался унынию — он думал уже о втором съезде, был во власти грядущей борьбы, прикидывая, чем нужно будет сразу же заняться после отбытия ссылки.

— Знаешь, — шептал он Глебу, утащив его в темный уголок, — сейчас я разговаривал с одним рабочим, бывшим народовольцем, типографщиком, — он мне массу интересного рассказал о таких станках, которые при максимальной производительности легки, малы, прикладисты к переноске, удобны для прятания... Нам надо уже подумывать, где разжиться такими, или, может быть, сделать самим? — Он с сомнением посмотрел на инженера Кржижановского. Потом, видимо, прикинув, что не сделает, продолжал: — Нужно где-то разжиться такими, газета нужна, газета, нужно довести это дело до конца.

Меж тем глентвейн был готов, стрелки часов переведены на двенадцать, раздались тосты за ушедший год...

Уезжая, все говорили:

— А славно мы встретили Новый год!

Хозяева, порядком умаянные, хотя и говорившие, что еще один такой день и им корец, тоже были счастливы...

В феврале было морозно, солнечно, и как кстати оказалось приглашение Старика приехать в Шушу на масленицу! И вот «мухрявые» лошаденки, присланные Стариком в Минусинск, уже трясут своими заиндевелыми бородами на Новоприсутственной. Старик тоже, видимо,

соскучился — прислал лошадемок за день до назначенного срока.

Зинаида была у «Ильичей» впервые и с особенным любопытством летала по трем небольшим комнаткам, листала бесконечные книги, газеты, статистические сборники, которыми заложены были все сколько-нибудь горизонтальные поверхности этого жилища. Приезд друзей внес, разумеется, в размеренную и целенаправленную жизнь Старика большой переполох, кутерьму и неразбериху, но Старик и Надежда, видимо, были искренне рады. Массу времени потратили на разговоры, шахматы, прогулки, катания на коньках по енисейским «наледям». Дни стояли чудесные, и лед сверкал снежными розами.

Глебу потом, через много лет, казалось, что Старик определенно наталкивал его тогда на проблемы, связанные с использованием электричества. Штудирова Каутского, его книгу «Аграрный вопрос», Старик понял, что электричеству, возможно, суждено сыграть в развитии общества еще большую роль, чем пару. Этому способствуют такие качества электричества, как легкость разделения мощности на части, возможность передачи электроэнергии на дальние расстояния, легкость и удобство электродвигателей по сравнению с паровыми.

Глеб, быстро зажигаясь, развивая этот тезис, утверждал, что применение электричества может революционизировать деревню и технически и политически. Электрификация приведет к укрупнению хозяйств, к усугублению эксплуатации уже чисто капиталистического толка. Но впоследствии укрупнение электрических установок, считал Глеб, может ускорить и переход к иным видам собственности, переход к кооперации, не так ли?

— Возможно, — уклончиво отвечал Старик, — но ты сначала все-таки почитай до конца, что я уже написал. Ты все проблемы сразу хочешь решить. Хотя в целом верно.

...Лето Кржижановские провели под Минусинском на даче. Здешний «таежный меценат», купец Сафьянов, уступил им на это время «Сафьяновскую заимку» — летнее жилье — две комнатки и веранду, всего в пяти верстах от города. Заимка нависла над енисейским берегом на Татарском острове, укрылась в старых тополях и ракигах, в кустах тальника. Вокруг веселые глазки полевых цветов в зеленой мураве. Вниз от дома, круто в проток, вела деревянная лестница.

Сюда любили приезжать ссыльные, побывали здесь и Ленгник, и Шаповалов, и Ванеев, уже безнадежно больной, с женой Доминикой на пути из Енисейска в Ермаковское.

ПРОТЕСТ СЕМНАДЦАТИ

В июле 1899 года приехали Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Уже за утренним чаепитием Старик, не скрывая тревоги, стал говорить о том, что надо бы дать отпор взглядам некоторых «молодых» революционеров. Невеста Сильвина Оля Папперек (сначала незнакомая ему «невеста», назначенная товарищами, носившая ему в тюрьму передачи) привезла с «воли» некий документ, свидетельствующий об умонастроениях молодежи. Манифест «Credo», написанный Е. Д. Кусковой, прозвучал как вызов молодых революционеров всем другим, а в особенности «старикам». Глеб склонен был с презрением отвернуться от этого мелкого, незначительного, на его взгляд, документа, забыть о нем, прочтя, списать на ошибки молодости, но не таков был Старик: он зорко увидел в этом заявлении опасную тенденцию, которую следовало жестко пресечь, которой необходимо было срочно дать решительный отпор.

Споры по различным вопросам движения продолжались до самого вечера.

Енисейский проток начал уже покрываться туманом, поднялись запахи травы, и солнце засветило с воды тревожным красным огнем, Зинаида Павловна, воспользовавшись паузой, произнесла тихо, не глядя ни на кого:

— Скорее, скорее надо завоевывать власть...

Старик посмотрел на нее испытующе — проговорил с расстановкой:

— Нелегко достанется власть. Борьба будет отчаянная...

Что ж, и Глеб и Зинаида Павловна были готовы к этой борьбе, и Глеб знал, что отчаянная борьба начинается уже здесь, сейчас, сию минуту. Он по-иному оценивал сейчас слова Старика о необходимости выработки «Антикредо» и безоговорочно поддерживал идею созыва совещания ссыльных социал-демократов. Решили собраться в Ермаковском, там, где жил Ванеев.

Сначала приехали к минусинцам теперешние «тесинцы», заменившие в этом селе Глеба и Базиля, — Барамзин, Ленгник и Шаповалов. К ним присоединились Глеб и Зинаида, Базиль и Тоня. По пути взяли Старика и Надежду Константиновну.

...Стояло отцветающее северное лето, желавшее в последние дни показать все, на что оно способно. Вдоль дороги медленно тянулось несколько подвод. На одной, закинув глаза в небо, лежал Старик, на следующей сидели Старков и Лепешинский, уткнувшиеся в шахматную

доску, — они сражались со Стариком, играющим «в уме», далее — Зинаида и Надежда.

Глеб сидел рядом с Шаповаловым, петербургским рабочим. легко определявшим в полях голубые стебли дикого ириса, не пропускавшим ни желтой гладкой лилии, ни напыщенного пиона, ни кукушкиного одинокого крика, ни особо черного ворона, ни совки, ни жарка. В низинках, где, несмотря на лето, дыхание выдавалось облачком пара, он замечал запрятавшиеся в глубокую тень голубые колокольчики, и красный с синим «венерин башмачок», и розовый цветок увядающего шиповника. Прямо из-под придорожных кустов то и дело с шумом, пылью, теряя перья, тяжело вспархивали встревоженные куропатки. Цвета угасающего лета, грусть по уходящему, печаль неизбежной утраты.

— Хвоей смолистой пахнет, — сказал Шаповалов, — набегает грусть.

Крепкие сибирские лошадки все бежали и бежали неторопливо, Глеб смотрел, как медленно парит над ними орел: нет, целая стая орлов, — он видел их сквозь разлапистые верхушки гигантских, в несколько обхватов сосен, но лес постепенно стал редеть, дорога круто забрала влево, и за поворотом потянулись деревянные домики безрадостного села.

Ванеев был очень, очень плох. Он страшно исхудал, глаза его горели совсем уже неземным огнем, хотя ум был остр и язвителен как никогда. Он кашлял кровью и отхаркивал по кусочкам свои легкие. В болезнь совершенно не верил — он был полон планов, Доминика ждала ребенка. Анатолий мечтал поехать в Крым, где он, конечно, совершенно вылечится. Он горел нетерпением обсудить «Кредо» и, более того, резко осудить его авторов, он рвался в бой, и стоило больших трудов уговорить его не вскакивать с постели и не бежать тотчас к Лепешинским, где должно было состояться предварительное обсуждение.

У Лепешинских под самодельным, работы хозяина, портретом Маркса, на стульях, табуретах, ящиках разместились ссыльные марксисты. Прений было немного, но Старик, зорко разглядев колебания и нерешительность отдельных революционеров, утверждал, что ответ на «Кредо» нужно дать обязательно, что с обывательским чувством примиренчества, сидящим в некоторых, — и он посмотрел на Глеба, — нужно бороться, нельзя быть мещански ограниченными и мягкотелыми тогда, когда это касается революции. Ради революции нужно найти в себе силы поспорить даже с хорошими людьми, если они совершают ошибки.

Затем Ильич стал говорить непосредственно о «Кредо».

— Когда госпожа Кускова утверждает, что рабочие в Западной Европе никогда не принимали участия в политической борьбе, — это ложь! —

говорил он страстно. — Когда она говорит, что марксисты игнорируют экономическую борьбу, — она искажает марксизм. Когда она утверждает, что создание в России самостоятельной политической партии рабочего класса было бы равносильно переносу на нашу почву чуждых нам задач, она обнаруживает невежество относительно прошлого русского революционного рабочего движения, — продолжал он. — «Кредо» Кусковой — это попытка направить российское рабочее движение по узкому экономическому руслу под видом борьбы за «правовые реформы», передать в руки либерально-буржуазных элементов руководство политической борьбой рабочего класса. Идти по этому пути для русского марксизма было бы равносильно политическому самоубийству! — закончил он и приступил к чтению уже заготовленного заранее «Протеста российских социал-демократов».

«...Мы считаем себя обязанными... предостеречь всех товарищей от грозящего соращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы...»

Окончательное подписание резолюции состоялось у постели Ванеева. «Антикредо» Старик каждого заставил переписать от руки и затем разослать. Постановили послать «Протест» Плеханову для опубликования, разослать по селам, где томились политические ссыльные, собрать подписи. Старик послал его Потресову в Вятскую губернию, Юлию Мартову — в Туруханск.

...Ванеев умер 8 сентября, а 10-го товарищи хоронили его на деревенском кладбище. Продолжался страшный счет, безжалостный счет слепой мести, причудливо избирающей жертвы.

В начале сентября Кржижановские прощались с Минусинском — окончилась длинная цепь бюрократических мытарств. В апреле инженер Золотилов, начальник VII участка службы пути, подтвердил, что «приезд инженера-технолога Глеба Максимилиановича Кржижановского в г. Нижнеудинск весьма нужен для поступления здесь на службу ремонта пути».

Условия, при которых генерал-губернатор разрешил переезд в Нижнеудинск, были таковы: во-первых, Глеб лишается казенного денежного пособия, во-вторых, вся ответственность за возможные последствия такой вольности и наблюдение за его, Кржижановского, поведением должно было взять на себя железнодорожное начальство.

14 сентября 1899 года после дороги, отнявшей неделю (выехали 8-го),

Кржижановские прибыли в город Нижнеудинск Иркутской губернии. Сначала Глебу дали место слесаря, и с 1 октября 1899 года он стал представителем рабочего класса!

Однако долго работать слесарем ему не пришлось — повышение в должности! Он сдает экзамены на помощника машиниста первого класса, накатывает на паровозе положенные 3 тысячи верст и получает право вести составы по новой магистрали. Стальные угловатые рычаги машины послушно подчинялись ему, он почти физически ощущал различные органы паровоза как продолжение его слабого человеческого естества: мощь парового сердца, прожорливость малинового окошечка глотки, мельканье масляно лоснящихся полированных поршней, шершавых кривошипов, резкий гудок, прорывающийся сквозь сипение. Он чувствовал себя властелином тайги, и даже синяя фуражка жандарма, непременно оживляющая пейзаж перрона, рядом с красной фуражкой начальника станции уже не так пугала его — осталось немного, каких-нибудь два месяца до конца ссылки! А потом... свобода, свобода, свобода! Впрочем, есть некоторые затруднения. Срок гласного надзора Зинаиды кончался не в феврале 1900-го, как у него, а уже в новом, двадцатом столетии — в марте 1901 года.

Отпустят ли ее с ним? Учтут ли то обстоятельство, что она добровольно променяла более легкие условия ссылки в Астраханской губернии на куда более суровую жизнь в Сибири?

Тревога этих мыслей не могла заглушить у Глеба острой радости бытия, предвкушения большой работы.

Как-то, гуляя с Глебом по берегу ночного Енисея, Старик поделился с ним планом создания общерусской социал-демократической газеты. Газета должна явиться организующим началом для множества революционных групп самого различного направления, работающих зачастую без четких теоретических представлений и плана. Им необходимы единые теоретические позиции, правильная перспектива борьбы. Глеб, конечно, примет в этой борьбе самое живое участие.

Чем он будет заниматься после ссылки? Писательским ремеслом? Бичевать пороки общества всесильным глаголом, звать на борьбу? Глеб верил в силу образного слова. (Рожденное в муках правдивое слово не сгинет бесследно, и в доле суровой затлеет, как искра вдали, за горами. И вдруг разгорится пожаром над нами! Как голос призывный, как звуки набата проникнет в палаты, промчится по хатам. И льды вековые расплавит как пламя, взовьется над миром как гордое знамя. Пронесутся годы своей чередой и смену людскую влекут за собою. Исчезнет глашатай, а слово —

живет. Бодрит и волнует. И сердце нам жжет...)

Он выбрал свой путь — путь рабочего класса.

Перспективы борьбы ясны, цели благородны, они стоят того, чтобы им посвятить жизнь. Он должен быть именно инженером: во-первых, потому, что это дело ему нравится, хотя нельзя сказать, чтобы он уже сейчас нашел себя в нем. Во-вторых, инженер — это социальная позиция, это прикрытие для революционной деятельности, это выход на новые, влиятельные круги. В-третьих, и это немаловажно, инженерам неплохо платят, а партии нужны средства.

Он думал обо всем этом, и рукоятка реверса в его руке передавала сигналы стальному чудовищу, которым он управлял. Паровоз послушно тащил за собой цепочку аккуратненьких вагончиков, притормаживал в соответствии с его приказом. И колеса выбивали дробный ритм, и буксы скрипели, и буфера издавали свой чугунный глухой стук, и гудок — золотая труба этой транспортной симфонии — приветствовал несущуюся навстречу тайгу...

Часть четвертая

У ИСТОКОВ ПАРТИИ

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступать в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения.

В. И. Ленин

СТАНЦИЯ ТАЙГА

Когда официальный срок ссылки закончился и исправник, вызвав Глеба в станционное помещение, объявил, что он свободен, это обрадовало его, но и сразу поставило перед ним новые проблемы: для Глеба вводилось ограничение. Тридцать семь крупнейших городов Российской империи на три года закрывали перед ним свои ворота, а Петербург и Москва «до особого распоряжения», то есть практически навсегда. Оставались, правда, Самара, Уфа, множество небольших городков на Волге. Можно было поехать и туда, но ведь теперь отсюда не отпустят Зинаиду. Срок ее ссылки пока не кончился, и год еще нужно было прожить здесь или отправиться в Астраханскую губернию, куда она была первоначально сослана. Решили остаться на этот год в Сибири.

Старик сразу после объявления об освобождении из-под надзора выехал в европейскую часть России, а именно в Уфу, где Надежде Константиновне предстояло «доотбыть» оставшийся ей год ссылки, но Владимиру Ильичу нужно было как можно скорее покинуть российские пределы, ибо опасность вторичного ареста, принимая во внимание его непрекращающуюся активную деятельность, с каждым днем возрастала.

То, что Кржижановские решили остаться в Сибири, имело свои преимущества. На станции Тайга в Томской губернии Глебу был предложен весьма высокий пост помощника начальника Таежного участка службы тяги с окладом жалованья — страшно вымолвить! — 1800 рублей в год. Теперь Глеб получал в Тайге казенную квартиру и мог переехать сюда вместе с женой. С 1 марта 1900 года он приступил к своим новым служебным обязанностям, а Зина переселилась, когда уже начиналась настоящая весна, когда над застывшими в тишине таежными лесами подолгу висело солнце. В казенном доме стала на учет у уездного исправника, заполнила длинную анкету. Отвечая на вопрос: «Следует ли за ней в место высылки кто-нибудь из семьи, и кто именно?» — написала: «Муж, Глеб Максимилианович Кржижановский».

Ближайший и единственный начальник Глеба здесь — это Иван Петрович Арбузов, техник без специального образования, человек простой и милый. Такова же и его немолодая Екатерина Васильевна, по прозвищу Коток. Живут скромно, небогато, несмотря на высокое жалованье. Они сочувствуют молодой чете (сами-то привыкли в Сибири), как могут помогают ей. Зинаида тут же нашла себе дело: организовала для рабочих

библиотеку, выписала из Нижнего книги Чернышевского, Некрасова, Толстого. Стала понемножку просвещать их, беседовать, что, впрочем, сразу же было замечено и неодобрительно расценено ротмистром Ливенцом, наблюдающим за жизнью молодой семьи и для этого не реже одного раза в неделю производящим у них обыск и изымающим корреспонденцию. Глеб Максимилианович тоже у него на заметке — очень уж внимателен к рабочим, устроил им «комнату отдыха». Откуда-то из Боготола выписал ссыльного Проминьского, ранее отбывавшего ссылку с Ульяновым в Шуше, и помог ему получить работу в депо.

С Ливенцом были и другие неприятности. Когда на станцию прибыл очередной эшелон с политическими заключенными, а Глеб и Зинаида через штыки конвоиров пытались успокоить, ободрить их, Ливенец не выдержал. Полный служебного рвения, он даже завел на Глеба новое судебное дело.

Некоторые проблемы возникли у Глеба в связи с тем своеобразным языком, которым привык изъясняться в депо рабочий люд. Часто не зная названия детали, рабочие, как черта из ящика, доставали откуда-то из глубины векового сознания ядерное словцо, которое и должно было в дальнейшем стать обозначением этой детали. Глеб не возмущался, но каждый раз объяснял рабочим, как правильно называется та или другая деталь. Рабочие относились к нему с уважением, доверяли. Пришло время, когда они стали обращаться к нему не только с техническими вопросами.

...Старик сразу же после освобождения проделал, исходя из своей «газетной» идеи, громадную работу. Он, разумеется, втянул в нее и Глеба. Глеб сколотил на станции марксистскую ячейку, собирал материал для будущей «Искры» и решил написать большую статью о Транссибирской магистрали.

Он много узнал о беспорядках на строительстве «Великой» дороги, бесчисленных хищениях, произволе мало-мальски сильных подрядчиков, об издевательствах и наглости чиновников. Статью он написал довольно быстро, но возникали трудности с передачей письма Ильичу. Глеб страстно хотел встретиться с ним, договориться об организации групп, о транспортировке будущей газеты. Стоило бы побеседовать и о будущем составе руководителей районных кустов, о месте, где мог бы осесть в будущем сам Глеб. И Глеб через проезжающих товарищей, у которых истек срок ссылки, старался передать Старика известия о себе и своих планах. Через Тайгу проехал Юлий Мартов, отнесшийся к идее газеты со столь большим энтузиазмом, что Глеб заподозрил, что энтузиазм этот быстро спадет или превратится в поток восторженных и прекрасных слов, на которые Юлий был большой мастер. Проехала через Тайгу Глафира

Окулова, затем Александра Безрукова, следом Леонид Красин. Через них Глеб переправлял послания, посылку для Надежды Константиновны, передал Старикю текст своей статьи в будущей «Искре», а также сообщил о своем намерении избрать постоянным местом жительства родную Самару. Мама туда ехать, правда, не особенно хотела (печальные дорогие воспоминания) и более склонялась к тому, чтобы поехать с Тоней и Базилем куда-нибудь в Крым, например в Севастополь, где есть кое-какая промышленность и где Базиль сможет найти применение своим инженерным знаниям.

Наступал 1901 год. Глеб и Зинаида Павловна встречали его вдвоем... Где-то за тысячеверстными просторами, за реками без берегов и полями без края, за полосатыми будками и столбами, пограничными шлагбаумами в пригороде Лейпцига Пробстхейде, на Руссенштрассе, в типографии Генриха Рау, 24 декабря 1900 года вышел первый номер ленинской «Искры». Глеб представлял себе Ильича в типографии, за столом, редактирующим газету. Рядом с наборными кассами и ручным печатным станком — как еще могла выглядеть эта типография? Глеб думал и о том, что там, в Лейпциге, Старик, возможно, вспоминал в эти минуты и о них.

1901 год, последний год ссылки Зинаиды Павловны, проходил для нее тяжело. Она часто болела, но губернатор просьбу Зинаиды Кржижановской о том, чтобы ей разрешено было два раза в месяц приезжать в Томск на осмотр к врачу, не признал возможным удовлетворить. Не помогло и ходатайство томского уездного исправника, сообщавшего, что «Кржижановская — действительно женщина болезненная».

А когда Зинаида все-таки поехала в Томск без разрешения, не в силах терпеть страданий, ротмистр Ливенец доложил об этом начальству, и по Томской губернии был объявлен розыск.

...Наконец, а именно 11 марта 1901 года, департамент полиции отправил томскому губернатору письмо, в котором сообщалось, что «ввиду окончания срока гласного надзора за состоящей под таковым на ст. Тайга Среднесибирской железной дороги Зинаидой Кржижановской названной личности воспрещается жительство в столицах и Петербургской губернии впредь до особого распоряжения на общем основании, что же касается воспрещения жительства в местностях фабричного района, городах университетских, Иркутск и Красноярск с их округами, то вопрос об установлении таковых ограничений будет рассмотрен в Особом совещании, образованном согласно 34 статье Положения о государственной охране, постановление коего будет сообщено дополнительно...»

Свободны!

Первое, что нужно сделать, — это встретиться с Владимиром Ильичем и посоветоваться: где лучше осесть и чем дальше заниматься?

В получении паспортов для выезда за границу департамент полиции проявлял непонятную медлительность. Как потом выяснилось, большим тормозом на их пути стала небольшая бумажка, составленная прилежным жандармом на станции Тайга.

Ротмистр Ливенец таил на них злость и в одном из отчетов написал:

«Глеб Максимов Кржижановский, инженер-технолог, — личность крайне подозрительная. Не подлежит сомнению, что оказывает поддержку рабочим, протезирует политическим ссыльным». Потом задумался, прикинул, как будет воспринята фраза, звучит ли в ней его твердая уверенность в неблагонадежности? Решил вычеркнуть слово «не подлежит сомнению», так получилось более беспристрастно, но вместе с тем более увесисто.

Теперь о его жене.

«Зинаида Павловна Кржижановская, жена инженера-технолога, — личность подозрительная...» Подумал и вписал между словами «личность» и «подозрительная» слово «крайне». Остался вполне удовлетворен написанным.

И все-таки паспорта были получены. Без часу промедления, вечером, они вскочили в первый же поезд, не собираясь, практически без вещей, прижимая к груди паспорта и заработанную тысячу рублей — часть на дорогу и проживание, большая же часть — на «Искру».

МЮНХЕН, 1901 ГОД

...Европа промелькнула мимо окон вагона унылой и закопченной. Глеб, теперь уже железнодорожник, сразу отметил слабый уровень постановки этого дела за границей по сравнению с Россией: узкая колея, нетвердое расписание, мучительное сиденье в медленно ползущих «экспрессах», не имеющих даже спальных мест, — мала Европа для того, чтобы спать в поезде!

В Мюнхене их никто не встречал, телеграммы дано не было. Перешли площадь, там были проложены рельсы — для трамвая. Грязноватые струйки дождя стекали со стекол газовых фонарей, освещавших вывеску «Банхофсплатц. Гостиница для приезжающих. Постели суточно. Баварское пиво всегда». Это было как раз то, что надо, особенно к ночи.

А утром Мюнхен был куда приветливей. Солнце высветило соседнюю черепичную крышу, и она сквозь окно оказалась кирпично-красной, а в стыках между черепичинами оказался идилический ярко-зеленый мох. Небо посылало в этот день один из последних в году голубых приветов, лужи подсохли, город казался умытым.

Разменяли внизу деньги, оказалось две тысячи марок — с ума сойти! — и Кржижановские, чувствуя себя молодыми Крезами, сели на трамвай, спросили, как проехать; никаких трудностей с языком у них не было, образования вполне хватило, и лишь специфическая мягкость русского акцента останавливала изредка внимание пассажиров.

Трамвай шел через весь город, и Кржижановские могли воспользоваться им как туристским фиакром. Глеб поразился, увидев громадное количество зданий с трубами, которые не могли быть ничем иным, как электростанциями. Каждый хозяин строил станцию, опережая конкурентов. Как много переговоров они со Стариком на эту тему в ссылке! Вот одно из противоречий капитализма. Приходящее на смену пару электричество, чтобы быть рационально использованным, должно создаваться, распределяться и потребляться централизованно, оно требует объединения, кооперации. Здесь же каждый тянет в свою сторону, строя станцию себе по силам, и почти всегда неэкономичную, маленькую.

А кругом распускала краски обычная южнонемецкая осень. Листья тополей доверчиво садились золотыми бабочками на руку мраморной Марии, и ангелы у ее ног разили Войну, Голод, Мор, Ересь. В пивных, окружающих площади пенной рамой, за плетеными стульчиками сидели

господа с лихо закрученными усами, рекламные щиты зазывали в кинематограф, на танцы, приглашали больше покупать и быть счастливыми.

Вот обильно умащенная регалиями германской военной доблести Одеонплатц. Путеводитель сообщает на нескольких страницах, где именно и какого именно сорта воинская доблесть была проявлена, но эту страницу пропускаем. Безбожно скрежеща, брызжа снопами электрических искр и из-под колес и из-под нелепой палки сверху, электрические чудовища вкатываются на стрелу Людвигштрассе.

— Узнаешь Палаццо Веккио? — не без иронии спрашивает Глеб, и Зинаида действительно замечает, что дома на этой улице копируют здания итальянского Чинквеченто. Улица была довольно пустынна, и вдруг с ударами колокола наполнилась черными господами в белых манишках — кайзеровские чиновники шагают на обед!

Вот и триумфальные ворота. Что за событие призваны они увековечить? Промешкавшись со справочником, Зина не стала уточнять и этого обстоятельства: электрическая машина, наддав на повороте, со звоном свернула в широкое прямое пространство — Леопольдштрассе — дорогу к Швабингу. Эта улица им очень понравилась. Усаженная старыми тополями, широкая, светлая, украшенная затейливой архитектурой, здесь живут, видимо, служащие, студенты, люди богемы.

Чем ближе к окраине, где жили Старики, тем заводов становилось больше, а нарядной публики и веселых играющих детей — меньше.

Надвигалось царство рабочих районов. В одном из пятиэтажных новых домов для небогатого люда, еще не оштукатуренном, стоящем в ряду своих близнецов, на углу Зигфридштрассе и жили «Ильичи».

Встреча была радостной, с поцелуями, объятиями, российскими гостинцами.

Володя, Надя и Елизавета Васильевна жили в маленькой квартирке из трех комнат, почти пустой, с подержанной мебелью. Надежда в момент их приезда, видимо, убирала квартиру, об этом свидетельствовали и веник и горка мусора на совке. Елизавета Васильевна стала собирать на стол. Володя предложил отставить дела с завтраком и отправиться закусить в соседнее маленькое кафе «Норис». Хозяин кафе на Леопольдштрассе приветствовал Старика и его компанию весьма любезно: «Добре дошли, доктор Иорданов, госпожа Марица!» Старик, поздоровавшись, объяснил:

— Живем здесь по болгарскому паспорту, вот хозяин и выучил по-болгарски. Привлекает клиентуру. Я здесь студент-фармацевт, Дмитрий Иорданов, двадцати трех лет, похож? — посмеивался он.

— По-моему, можно дать, как ты, Зина, думаешь?

— Конспирация заела, — пожаловался Старик. — Гартинг в Берлине не дремлет, все докладывает в Петербург. Думаю взять себе литературный псевдоним — Ленин.

За едой, под шлепанье соседских карт, стук костей и ладоней, конечно, налегали больше не на пиво, а на разговоры. Старик обрисовал положение с «Искрой». Здесь же, в Швабинге, жили Мартов, Потресов и Засулич. Плеханов и Аксельрод, обитавшие в Швейцарии, да и Вера Ивановна Засулич большого значения «Искре» не придавали, для них главной была газета «Заря». Плеханов требовал перенесения редакции «Искры» в Швейцарию. Старик был категорически против, он хотел, чтобы «Искра» издавалась вне шумных эмигрантских перекрестков. Плеханов усматривал в этом некое подобие бунта и «Искре» не особенно помогал.

Встретились и со старым приятелем Юлием Мартовым. Тот по-прежнему был блестящ, остроумен, все схватывал на лету — журналист божьей милостью. Мартов забросал их вопросами. Он очень любил «Искру», много работал в ней, обожал Веру Ивановну. Но больше всего любил говорить. Его речь, вдохновенная, яркая, пересыпанная блестящими остроумиями, могла продолжаться часами. Старик этого уже не выдерживал.

Потресов был важен, деловит, с ним Кржижановские почти не общались. Не удалось толком поговорить и с Верой Ивановной.

Впрочем, Старик активно препятствовал их «светскому» времяпрепровождению, стремясь скорее засесть с Глебом и Зинаидой Павловной за насущные дела.

— Давайте посмотрим, — говорил Старик, — что у нас сейчас делается с «Искрой», как она собирает силы. Как содействует будущей борьбе против самодержавия и власти капитала? Как осуществляется тот план, о котором говорили мы с тобой, Глеб, на енисейском берегу? План построения партии рабочего класса? Есть уже несколько групп, сплотившихся или сплачивающихся вокруг «Искры»: это социал-демократы Пскова, Полтавы, Уфы. С полгода как начали работать группы в Киеве, Москве, Орехово-Зуеве, потом в Петербурге, Астрахани, Баку. Есть Южный отдел «Искры» в Харькове, Северный — в Вильнюсе. Нет одного — четкого внутрироссийского руководства. Посмотрите, что пишет нам из Москвы искровец Бауман по кличке «Грач»: «Без Центра мы ничего не сделаем». И он прав. Этот центр должен быть организован, и лучше всего — в Самаре. Она на перепутье — между Европой и Азией, не входит в «минус тридцать семь». Все бойцы, закаленные в Сибири, пройдут через нее, получают инструкции и поедут, вооруженные, в свои города. Через

Самару мы засеем всю Россию семенами «Искры»...

Поселились у «Ильичей». Надежда Константиновна отвела им самую лучшую комнату — столовую-гостиную. Рядом светилась дверь Старика: он допоздна работал. В соседней комнате тяжело ворочалась и кашляла Елизавета Васильевна. Глеб вспомнил о матери: как она там с Тоней, Базилем?

Наутро Надежда ушла за письмами из России, Елизавета Васильевна и Зина занялись завтраком, Володя и Глеб детально обсудили состав и план работы будущего Самарского центра «Искры».

Надежда Константиновна скоро вернулась, принесла от доктора Лемана целую кипу писем, и Володя скрылся за дверью, нетерпеливо перебирая их, сортируя, откладывая, выписывая...

Глеб читал первые наброски будущей книги «Что делать?». Внезапно Старик вышел из комнаты хмурый, сосредоточенный. Взяв Глеба за руку, обнял за плечи, как давно не обнимал, нежно, с участием, крепко. Сказал, не глядя на него:

— Глеб, твоя матушка умерла. Надо крепиться, Глебася, крепиться надо...

Но Глеб не смог справиться с собой, зарыдал, бросился на бедный диванчик...

Старик несколько дней пытался отвлечь его работой, пригласил поехать вместе в Цюрих — на «Объединительный» съезд заграничных социал-демократических организаций, на совещание с остальной частью редколлегии «Искры» — с Плехановым и Аксельродом.

Плеханов был красив, подтянут, выдержан, остроумен. Он полностью контролировал себя и все время как бы тщательно наблюдал за собой со стороны. И немного любовался собой. Вера Ивановна толкала Зину в бок, указывала на Плеханова глазами. «Каков? — спрашивала безмолвно. — Титан. Прометей». Иногда Плеханов зажигался, его неприменные остроты приобретали злость, перец, глаза вспыхивали, и вот чудится уже — он как четверть века назад развертывает над толпой у Казанского собора в Санкт-Петербурге красное знамя свободы...

Впрочем, и Глеб и Зина заметили, что он то и дело обращался к их краю стола, иной раз неосознанно ловил реакцию Старика, сразу отзывался на его реплики, интересовался именно его, а не чьим-нибудь мнением по различным каверзным вопросам.

«Какие могучие и талантливые люди, — думалось тогда Зинаиде, — как они дополняют друг друга! Как они нужны друг другу, России! Такую могучую кучку не расколоть, не столкнуть с избранного ею пути! И еще —

как хорошо, что все они находятся в сердечных отношениях. Это так помогает работе! Поистине непобедимая армада!»

Пора было Глебу с Зинаидой Павловной возвращаться в Россию. Ильич напутствовал Глеба:

— Чтобы назначать агентов, смотреть за ними, объединять и руководить на деле, для этого надо везде бывать, летать, всех видеть... Для этого нужна артель практических организаторов и вожаков, а ведь у нас нет их, то есть есть, конечно, но мало, мало... Ведь в этом все горе наше. Только одно утешает: значит, жизненное дело, если оно растет и явно растет, несмотря на весь этот хаос, значит, перебродит, и хорошее вино будет.

Когда ехали назад по Европе, все казалось уже не таким сумрачным, унылым и безнадежным, хотя чем ближе к России, тем холоднее становилось, дождливее, ветренее.

СНОВА В САМАРЕ

Они снова в Самаре. Здесь все, казалось, было по-старому, но капитал наступал уверенно. На пристанях, на «Самолете» по-прежнему сгружался туркестанский хлопок, но его стало много, очень много. Коншин и другие московские фабриканты начали возделывать его и обрабатывать на новой, капиталистической основе. Из Баку поступали грязные лоснящиеся цистерны с нефтью. Русские ткани, особенно ситец, шли через Самару в Персию, Афганистан, Маньчжурию и даже дальше — в Китай. Были они известны и в Европе. Капитализм, разрушая по пути праотцовские формы производства и насаждая новые, забрался уже далеко за Волгу, за Урал, к Амуру, Шилке, в непролазную тайгу в зловонные топи, в песок пустыни, в глубь самой земли, извлекая и оттуда полновесный золотой рубль.

Самару редко минуют политические ссыльные, возвращающиеся домой. Нужно выправить документы, направить на работу, достать деньги. Город оживлен, многолюден — одна Волга чего стоит! Самаре, можно сказать, самой природой уготовано было стать центром хранения и рассылки «Искры». Потом здесь можно будет составить, как выразился Ильич, «нечто вроде комитета», объединяющего на платформе «Искры» многочисленные революционные группы.

На работу Глебу удалось устроиться лишь благодаря помощи Фридриха Ленгника, уже служившего на Самаро-Златоустовской железной дороге. 15 января Кржижановский был зачислен на высокую должность помощника начальника 1-го участка тяги. Уже 18 января врач Самаро-Златоустовской дороги сообщил начальнику, что «Глеб Кржижановский 30 лет от роду, назначаемый в должность помощника Самарского участка тяги ж. д., после освидетельствования его телосложения, слуха, зрения и общего состояния здоровья признается им способным к исполнению сказанных обязанностей».

В скором времени Томское и Самаро-Златоустовское отделения железнодорожной жандармерии обменялись письмами о том, что надзор над Г. М. Кржижановским и его женой З. П. Кржижановской-Невзоровой передан с одной дороги на другую. Отзыв об их поведении был, разумеется, неблагоприятным: «За время проживания означенных лиц на станции Тайга Томской ветки они группировали вокруг себя лиц сомнительной благонамеренности...»

Зная, что надзором они оставлены не будут, Кржижановские были

предельно осторожны. Минимум встреч, которые могут как-то скомпрометировать, переписка «химией», например уксуснокислым свинцом, на английской бумаге между строк, имена, места, даты — условным обозначением. Все шифровать! Письма никогда не опускать в городские почтовые ящики, а только в щели почтовых вагонов, проходящих поездов, тогда место отправки определить крайне сложно. Остерегаться новых знакомых. Особую осторожность соблюдать в контактах с Надеждой Кранихфельд и ее мужем Сергеем, она сестра Мартова, за ними наверняка слежка. Пуще огня избегать прямых контактов с Лидией Бородзич — за ней, конечно, слежка тройная: укрывала на своей даче в Парголово Александра Ульянова.

Адрес для писем «оттуда» — Молоканский сад, 2, Ивану Ефремовичу Рябову. В дряхлом одноэтажном доме со множеством окон, в тени старых тополей и яблонь живет один из братьев Рябовых, бывших в самарском кружке Ильича еще в те годы, когда они с Глебом не были даже знакомы. Адрес «туда» — госпожа Роза Беекен.

...Самара была накануне пробуждения. В городе появились многочисленные водозаборные колонки, электричество, телеграфные столбы, небольшие заводы.

Главное сейчас — объединить самарцев под эгидой «Искры». Они и сами пытаются что-то делать.

Еще с весны в Самаре находились искровцы Газенбуш и Свидерский — знакомые Крупской по Уфе, Арцыбушев, отбывавший ссылку в Красноярске, Кранихфельд, его жена Надежда, Масленников, Соловьев и другие. Осенью 1901 года они образовали группу содействия «Искре».

Сейчас им пришло солидное пополнение.

...Следя за поднадзорными и просто политически неблагонадежными, Самарское жандармское отделение могло сделать кое-какие выводы. В-первых, подозрительная публика явно группировалась вокруг какого-то центра. Это была Троицкая улица, дом 95.

Здесь жили сразу несколько подозрительных лиц: Газенбуш, Ленгник, Кранихфельд. В числе участников собраний и встреч в этом доме проникательные жандармы опознали управляющего канцелярией Самаро-Златоустовской железной дороги Арцыбушева; Мария Ульянова, Мария Шехтер, Сушинская, Соловьев, Александров, Масленников, Безрукова, Левицкая, Панин, Милов, Васильева, Зобнина, Чернавский, да и многие другие были им известны. За домом была установлена постоянная слежка.

Но все же иногда удавалось собираться вместе. Проходные дворы, переодевания, черные ходы, темнота, быстрые ноги — все шло в ход, когда

понадобилось встретиться у нового помощника начальника участка тяги на его казенной квартире, за городом. Глухие приветствия, конспиративный антураж на столе — водка, закуска. Большая квадратная комната на первом этаже, громадные окна завешены шторами. Квартира инженера Кржижановского...

На кожаном диване расположился Арцыбушев, заслуженный и по возрасту и по стажу земледелец, с пылкостью юности преодолевающий свои прошлые идеологические заблуждения: рядом — тихий, малоподвижный и меланхоличный Кранихфельд, прозванный за мягкость нрава «подушечкой». Он только что получил наследство — десять тысяч! — и все без остатка отдал «Искре».

Вокруг стола сидят Мария и Дмитрий Ульяновы. (У Марии — партийная кличка «Медвежонок», у Дмитрия — «Юноша»), Михаил Сильвин («Бродяга») только что из армии, служил в Сибири, хозяйева — Гтеб и Зинаида. Глафира Окулова, сибирячка, старая знакомая со времен ссылки, теперь «Глатт» и, конечно, Фридрих Ленгник («Курц»).

Решено было по всем важнейшим организационным и техническим вопросам социал-демократического движения полностью солидаризироваться с В. И. Лениным. Избрать «Центральный комитет «Искры» (потом получивший известность в литературе как Самарское бюро, или Бюро Русской организации «Искры») в составе шестнадцати человек.

В число этих шестнадцати включить работающих на юге Ленгника и Дмитрия Ульянова, на севере — Лепешинского, в средней полосе — Барамзина и Глафиру Окулову, на востоке — Арцыбушева, Кржижановских и Марию Ульянову. (Глеб сострил тут же, что теперь он «сатрап востока».) Разъездными агентами назначить Ивана Радченко и Сильвина, наблюдателем за деятельностью бакинской нелегальной типографии — Книпович, Красикову поручить вопросы транспортировки литературы. Секретарем бюро избрали Кржижановскую, ее помощником — Марию Ульянову. «Искра» основала свою организацию.

Вечером, убирая неначатый полуштоф и основательно опустошенные тарелки, Зинаида Павловна подумала о том, что нужно бы срочно известить Ильича и Надю: ведь, по сути дела, состоялось важнейшее событие — создан центр, с которым можно сношаться, который может информировать, координировать, наконец, решать неотложные вопросы.

Села за шифровку. Быстро написала обычными чернилами:

«Дорогой Доктор. Все Ваши советы и указания относительно больного...»

И затем между строк уксуснокислым натрием стала писать совсем другое.

«ЛЕТУЧИЙ ОТРЯД»

...Когда Леонид Александрович Ратаев, чиновник особых поручений V класса департамента полиции, входил утром 4 февраля в свой не m чину просто обставленный кабинет, он чувствовал себя легко и радостно. Предчувствие его не обмануло: среди важнейших дел ему на стол было положено из «черного кабинета» Центрального почтамта небезынтересное письмо от эмигрантского писателя Владимира Бурцева, любившего публиковать материалы о революционном движении в России и потому совавшего свой нос всюду, где пахло жареным. К кому бы вы думали? Прямо к Лидии Бородзич в Самару, мало ей было суровой ссылки и заключения за то, что прятала у себя на даче преступника Александра Ульянова, который делал тут же нитроглицерин и динамит для своих метательных снарядов. Что-то новое затеяла. Бурцев зря писать не будет. Надо сообщить в Москву Зубатову, чтобы распорядился. Особенно настораживают слова: «Я спрашивал Вас, где Саша?» Что это за «Саша»?

На следующий день Ратаев получил еще одно сообщение, на этот раз более тревожное. Зубатову придется заняться Самарой посерьезнее.

«5 февраля 1902 года. № 760. Совершенно доверительно.

Милостивый Государь Сергей Васильевич, в Департаменте Полиции получено прилагаемое при сем в копии шифрованное письмо с химическим текстом, заключающее в себе важные и ценные указания об организации в России одной из революционных групп. Принимая во внимание, что гамбургский адрес на имя Розы Беекен был указан для сношений в письме одного из искровцев, надо полагать, что речь идет именно об организации группы «Искры».

Самое интересное, конечно, — это приложение к письму:

«Вх. 1108. Копия письма с подписью Булка, без обозначения места (почтовый вагон № 64 Самара — Ряжск) от 30 января 1902 г. к г-же Розе Беекен, в Гамбург, Веддель, Вильгельмбургерштрассе, № 43.

30 января 1902 г.

«Ждем от Вас ответов на все уже посланные Вам запросы.

А пока довожу до Вашего сведения следующий шаг в нашей деятельности. Состоялось собрание, на котором были поставлены и обсуждены следующие вопросы: 1) Выбор членов Центрального Комитета «И». 2) Распределение ролей. 3) Сношения. 4) Касса. 5) Отношение к местным комитетам и группам. 6) Отношение к местным органам. 7)

Отношение к съездам комитетов.

I. Выбрано 16 членов Центрального Комитета. Фамилии сообщу после, когда под руками будет шифр. Каждый член озабочивается выбором себе кандидата на случай провала. Число членов ЦК может быть увеличено лишь с ведома и согласия всего ЦК.

II. Решено разъехаться в разные места: 2 — на юг, 2 — в среднюю полосу России, 4 — на восток, 2 — летучие агенты, один — на север. Роли остальных еще не выяснены. Выбраны секретарь ЦК и его помощник.

III. Сношения ведутся двояким образом — письменно и через летучих агентов. Секретарь обязан каждые две недели, на основании полученных им за этот срок известий, посылать бюллетени о ходе дел каждому члену ЦК и заграничным товарищам...

IV. Касса. Каждому члену вменяется в обязанность организовать денежные сборы. Часть денег отсылается в «И», об остальной наличности уведомляют секретаря. К секретарю поступают все заявления о недостатке средств в том или ином месте, и он, имея в руках данные о состоянии всех касс, может мобилизовать суммы.

V. Отношение к местным комитетам. Каждый член ЦК, являясь в данное место, должен стремиться к приобретению там наибольшего влияния и иметь конечной целью присоединение данного комитета к организации «И» и к признанию ее партийным органом. Для этого он: 1) входит автономно в местную группу, предлагая ей услуги по доставке литературы, газеты, по печатанию прокламаций, заявлений и пр., 2) если, несмотря на все усилия, Комитет остается враждебным, он образует свою собственную группу и свой местный комитет...

VI. Отношение к местным органам...

Окончание в следующем письме...

Булка».

Вот так штука! Чуть ослабишь гайки — тут же и организуется что-нибудь, выступит плесень, где-то подгорит. Хорошо, что на почтамте не дремлют, знают сорта бумаги, на которых лучше всего писать химией. Ратаев повертел в руках толстую английскую бумагу, на которой чуть выпукло выделялись вредные буквы. Отвлекающий текст был вполне невинен. Он бы даже сказал, *слишком* невинен. «Дорогой Доктор. Все Ваши советы и указания относительно больного я применил и должен Вам выразить большую благодарность. Способ, Вами рекомендуемый, оказался очень удачным и у меня на глазах происходит очень значительное облегчение его состояния. Крепко жму Вашу руку, коллега, Ваш С. Корол...»

Что ж, будем ждать новых известий. Как они там писали, «через две недели»? Подождем четырнадцатого числа.

...Письмо сначала попало в Гамбург на Вильгельмсбургерштрассе, 43 к госпоже Розе Беекен. Роза Беекен переслала его в Мюнхен, на Габельсбергерштрассе 20 а практикующему врачу доктору медицины Карлу Леману, а уже оттуда его забрала Надежда Константиновна Крупская, Рыбка, и отнесла на Зигфридштрассе.

Время было трудное. Во всех письмах сообщались тревожные вести: аресты, провалы в Киеве, Одессе, Баку, Вильно, Воронеже. Перебои в распространении искровской литературы. И на этом безотрадном фоне — давно ожидавшаяся весть от верных друзей.

Старик и Рыбка чуть не плясали от радости. Скорее нужно ответить, подбодрить друзей. Ведь сделано великое дело — основана русская организация «Искры»!

«Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! шире забирайте! И орудуйте самостоятельно, инициативнее — вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!»^[7]

...Проницательным оказался Ратаев в соответствии с высокой занимаемой должностью. Посмотрели почтари-молодцы в том числе и на другие заграничные адреса все письма из Самары за 13,14,15 февраля, а особенно внимательно — из почтовых вагонов, и точно — вот оно! А написано уже не на Розу, в Гамбург, а в Мюнхен, Леману. Ишь хитрецы какие!

«14 февраля 1902 г.

Только что получились добавочные сведения о питерских событиях. Во-1-х, Лейбович взят. Это самое неприятное известие. Известно ли оно вам уже?

Во-2-х, вот вам дальнейшие описания событий студенческой жизни. На 8 февраля все вечеринки были запрещены. Полиция ждала демонстрации. Но ее не произошло. Зато вечером все же было устроено побоище в Народном доме... Некоторые были избиты до полусмерти. Масса арестованных.

В тот день на Невском полиция избивала 15 человек мирно шедших студентов. В Медицинской академии исключено 15 человек. Арестована 30 человек...

Привет всем, Булка.

Да, друзья, начинается опять что-то интересное и сложное. У меня душа так и прыгает. И пусть бьют, пусть, пусть. Только так можно колыхнуть тину, зажечь сердца на всем пространстве России. И это в 100

раз лучше ведь подачек, лучше зубатовского разврата...»

Пусть Зубатов почитает: полезно ему знать мнение народа о его социализме. А впрочем, почему социализм не может быть под присмотром? Организуем общество, кооперацию, все будет чинно, благородно, под наблюдением Зубатова. Лучше социалиста и не надо.

Велел снять копию и отправить дальше.

...Следующая весть от Владимира Ильича была тревожной: в «Искре» № 17 от 28 февраля нового стиля в «Почтовом ящике» был абзац, адресованный Кржижановскому — «Клэру»: «Дайте поскорее еще один адрес. Кажется, не все письма получаете. Ваши получены. Большое спасибо...»

Зубатов, один из прилежнейших читателей «Искры», тоже не пропустил это место и поставил на слове «Клэр» галочку синим карандашом: «Разъяснить Клэра». Не из Самары ли он? Если так, то разъясним и довольно быстро. Туда только что послан Ваганов со своей братией. Нужно, кстати, сообщить срочно Леониду Александровичу:

«5 марта 1902 года. Секретно.

Милостивый государь Леонид Александрович, вследствие письма от 4 февраля с. г. за № 452 имею честь уведомить, что для наблюдения за Лидией Ивановной Бородзич в г. Самару командированы филеры Летучего Отряда, из коих Андрей Ваганов назначен за старшего...»

Филеры расположились в Самаре в номерах Шемякина, который на немецкий манер вводил для постояльцев пансион. Выходило дороговато, но для людей подневольных, командированных — удобно. И потом, в самом центре Самары — рукой подать и до Алексеевской площади, и до улиц Троицкой, Николаевской, Симбирской, Самарской, куда чаще всего придется ходить на работу.

Служка за Бородзич пока ничего особенного не давала. Ходила на рынок, по лавкам. Все, кому она сказала хоть слово, на примете, за каждым смотрят. Пока нет ничего. Порет горячку Сергей Васильевич, столько дел в столице, а он сидит, мышей не ловит, и мы с ним скучаем, жизнь проходит.

Неправильные были эти слова, несправедливые, ненужные. Зубатов свое дело знал хорошо, недаром был некогда народовольцем, всю школу конспирации прошел на практике, все виды шифровок знает, потому что сам шифровал, и вредность всего этого народовольческого народонаселения империи хорошо осознавал. Это серьезные враги, каждый — потенциальный убийца, не то что социал-демократы со своими воззваниями и газетенками. Трусые. Он в свое время...

Вот сейчас, например, поймали на границе некоего Влюменфельда с

бумагами, с шифровками, с адресами. Взяли тихо, никто ничего не заметил. Взяли с транспортом литературы в Радзивиллове, отправили в киевскую тюрьму. Записи уже расшифровываются, выплывает много адресов и кличек. Теперь уже кое-что можно сказать и о структуре искровских организаций, и о методике шифрования. Немного, конечно, но и это сгодится. Жаль, что приходится отвлекать силы от настоящих врагов — опасных и отчаянных, на все способных народовольцев и их союзников. Ратаев их, по-видимому, недооценивает, как переоценивает все эти искровские группы.

— Вам телеграмма из Петербурга, ваше высокоблагородие. Прикажете расшифровать?

— Поскорее.

Точно — от Ратаева.

«Благоволите телеграфу предложить филерам Самаре учредить тщательное осторожное наблюдение Иваном Ефремовым Рябовым Молоканский сад дача четыре желательно выяснить кто через него получает заграничную корреспонденцию дело очень важное подробности почтой Ратаев».

— Пишите телеграмму.

— Слушаюсь.

«Самара начальнику губернского жандармского управления благоволите приказать нашим филерам учредить тщательное осторожное наблюдение за Иваном Ефремовичем Рябовым Молоканский сад дача четыре и выяснить кто через него получает заграничную корреспонденцию дело очень важное Зубатов».

Вечером того же дня в номере Шемякина в городе Самаре на имя Андрея Тимофеевича Ваганова поступила следующая телеграмма:

«Сейчас сходи Филиппу получишь комиссию на товар Серебряков 19 марта 1902».

Телеграмма вызвала большое замешательство в номерах, беганье по коридорам, полусонный Ваганов, обмахнув слегка сапоги, пошел в губернское жандармское управление, по привычке проверив, не следит ли кто. Полученный адрес его расстроил — Молоканский сад! Господи святой! Раньше все было под боком, а теперь надо посылать еще и в дачную местность, версты за полторы.

Как только на следующий день Ваганов увидел Ивана Рябова — Рыжего, он сразу понял, что случай сложный. Рыжий то ли конспиратор был уж очень хитрый, то ли просто пьянчуга заурядный, недостойный не то что слезки, но и слова доброго. Бродит по городу, целыми днями сидит в

пивных, в общем, ничего примечательного.

«Да, — рассуждал в тоске Ваганов, — не принесет такая. слезка успехов ни Летучему отряду, ни ему лично. Все слишком непонятно».

Непонятно было не только ему. Непонятно было и самому Зубатову. Непонятно до тех пор, пока не получил он обещанного письма от Ратаева. «...Поспешаю препроводить Вашему Высокоблагородию копию расшифрованного химического письма с подписью «Катя»... по конспиративному адресу Рябова, в Самару.

Это письмо, если им надлежащим образом воспользоваться и разработать, может дать в наши руки всю организацию «Искры»...»

В письме Кати говорилось следующее:

«...Не писали вам после 4 марта потому, что не имели адреса. Письмо от 1 1/2 п[удах] лит[ературы] получили, но сейчас не можем исполнить просьбы благодаря повальным арестам... Подробности изложу в конце письма, а теперь о Саше (съезде)...

Кто из вас познакомится с Сашей (поедет на съезд) и т. д. познакомится ли с ним Бродяга, Грызунов, Курц?.. Выло бы чрезвычайно важно, чтобы Грызунов... повидался до знакомства с Сашей с Семеном Семеновичем (Северным Союзом), ибо он хотя и очень расположен к нам, но для того, чтобы он решился действовать решительно, надо с ним еще хорошенько столкнуться. Пусть Грызунов съездит к нему, адрес — Воронеж, Садовая ул., собственный дом, Софья Александровна Мартынова. У этого лица попросить вызвать кого-либо из американцев, лучше всего Любимова, его можно найти также в губернской земской управе, где он служит... Пароль к американцам: «Есть у вас «Воскресение» Толстого?», ответ: «Нет, но есть «Дурные пастыри» Мирбо». Таким путем доберетесь до Семена Семеновича...»

Тут только, прочтя письмо, Зубатов оценил важность и его, и важность поимки Блюменфельда, находящегося сейчас в киевской тюрьме.

...Подходя к дому Мартыновой на Садовой улице в Воронеже, бывший революционер, пошумевший в 80-х годах, а ныне агент охраны Менщиков повторил мысленно все то, что так настойчиво внушал ему директор департамента полиции Зволянский: не адрес, не пароль, а основную задачу: выловить воронежских «американцев», а потом от них — в Северный Союз, они скажут адреса, затем под видом наборщика и печатника «Искры» Блюменфельда — в Самару, а уж там и до Кати доберемся. Придется, видимо, поехать и в Мюнхен, но уже под другим именем, как представителю «американцев».

Он постукал и с бешеным биением сердца услышал и

приближающийся собачий лай, и ответы ему в соседних садах, и ночные шаги, и мягкий голос:

— Кто там?

Он почувствовал себя почти счастливым, существуя сразу в двух жизнях, в своей и того другого, какого-то Грызунова, пока еще не выявленного. И один из них завидовал другому, но неясно было, кто кому.

— Можно попросить кого-нибудь из американцев? Лучше всего Любимова.

За калиткой все смолкло, даже собачий лай. Только гулко билась в теле кровь.

— Подождите минутку.

Хозяйка вошла в дом, что-то крикнула, кого-то позвала. Менщиков уж и не слышал ничего. Очнулся, когда перед ним вырос симпатичный, несколько экстравагантный для Воронежа молодой человек, лет двадцати двух-трех, скорее всего студент. Он был без пальто, в кашне.

— У вас есть «Воскресение» Толстого? — срывающимся голосом проговорил Менщиков давно заученную фразу.

— Нету, — ответил молодой человек, пристально вглядываясь в бывшего революционера. — Но есть «Дурные пастыри» Мирбо. Входите.

И начались для Северного Союза страшные дни...

Генерал Новицкий решил провести в Киеве грандиозный показательный процесс, и в Лукьяновке собралось много коллег! Радченко, Блюменфельд, Бауман, Басовский. В женском отделении сидели Фотиева, Любовь Радченко, сестра Зинаиды Павловны — Августа Невзорова.

«Удача, удача...» — мелькало в воспаленном мозгу Менщикова.

Оставался еще румынский подданный, Мальцман из Теофиополя, близ границы, через него переправляли литературу. Решили сразу не брать, посмотреть, кто приедет за литературой, у него ее несколько пудов накопилось, давно должны прислать агента для разборки и отправки. Опоздали на один-единственный день: жандармы прибыли уже тогда, когда Бродяга — Сильвин, получив от Мальцмана литературу для Самары, оставил ее в корчме и там же заночевал. Но не смог заснуть из-за обилия блох, клопов, сырой нечисти. Пошел к Мальцману переночевать. Там его и взяли. Лукьяновская тюрьма вскоре встретила и его.

Несмотря на блестящие достижения Менщикова и его коллег, департамент полиции не был удовлетворен происходящим. Начало и конец цепочки оставались по-прежнему непроясненными. Какая-то Катя в Мюнхене. Какая-то Булка в Самаре. Там же — непонятный Грызунов.

Сам Менщиков, вернувшись в Москву, тоже не чувствовал радости.

Даже полковничьи новые погоны не согревали его дрожащих от азартного холодного пота плеч. Главные фигуры остались где-то вне досягаемости, перехитрив его, Менщикова.

К концу марта Глебу стало известно о первых арестах, и по их географии можно было сделать некоторые выводы. Кто-то перехватывает письма. Видимо, ненадежны адреса. Или же полиция, утروив усердие, распечатывает все письма подряд. С другой стороны, разгадать все клички, обозначения, не зная шифра, трудно. Химия скрывает написанное между строками невинного содержания. Даже систематический перехват писем (а они доходят) не должен был бы вызвать катастрофы. Другое дело, если наряду с перехватом внедрить в организацию провокатора, тогда можно сделать многое. Это все в сочетании маловероятно, и поэтому Глеб чувствовал себя (пока!) в относительной безопасности. Он был по-прежнему активен, старался привлечь к сотрудничеству с «Искрой» возможно большее число самарских революционеров.

Задача сплочения вокруг «Искры», единственного органа, стоящего на отчетливых марксистских позициях и избравшего борьбу, становилась сейчас основной. Необходимо было командировать членов Русского бюро «Искры» во все концы России, внедрить в комитеты, подчинить их своему влиянию.

В качестве «летучего агента» «Искры» решено было использовать Глафиру Окулову.

По новому фальшивому паспорту Глафира стала Юнеевой. Кличка «Глатт» была тоже отменена. Теперь за ней была закреплена кличка «Зайчик».

Революционная обстановка в Самаре все время накалялась. 31 марта в городе было распространено гектографированное воззвание «Всем самарским рабочим». Оно оканчивалось стихотворными строками:

*Будем мы говорить на полях и на нивах народных:
8 часов для труда, 8 — для сна, 8 — свободных...*

Отгремевшее митингами и демонстрациями, отцветившее красными знаменами в Петербурге, студенческое братство направлялось теперь в арестантских поездах в самарскую тюрьму. Здесь их ждали. Арестантских вагонов было не меньше двадцати пяти — целый поезд! Платформа запружена полицией, публикой, смелые песни несутся из вагонов, из

одного окна просовывается ватманский лист «За правду и свободу». Один вагон так и подкатил к Челябине с гордо развевавшимся красным флагом, — на станции служивые вскарабкались, сломили древко, выбросили «поганый знак», растоптали. Толпа из нескольких сот человек провожала студентов из вагонов до самарского узилища, пела, пристраиваясь к ним, революционные песни. И вдруг у Глеба забило радостно сердце: он услышал свою «Варшавянку». Ее еще, видно, не знали, но старательно подпевали, подхватывая концы фраз и слов. С тротуаров неслись приветственные крики, старались попасть в тон песне. Но бойкие личности, имевшие вид то приказчика, то старика, то молодого греховодника, щурили рысьи глаза, приглаживали перепелиные усы, внимательно всех разглядывали, все запоминали: кто, что, когда, с кем, куда пошел, особые приметы. Потом, в управлении, по приметам разобрались: кто сочувственно пел, кто выкрикивал лозунги, кто шагал в ногу с преступниками. Одного, явно сочувствующего, опознать не смогли, хотя приметы были собраны Вагановым отчетливые: небольшого росточка, стройный, каштановые волосы, крупные карие глаза с полузакрытыми веками, небольшой нос, аккуратный рот, красивый, собака! Одет в полосатые брючки и пиджачок, виды выдавший. Бант под горлом.

Вечером тот, красивый, временами оглядываясь, петляя, получив в толчее от Рябова новый конверт, выходил из города, шел к линии железной дороги. Немного проехал на подножке поезда, соскочил, проверил, никто не метнулся за ним. Пошел, стараясь держаться в тени Дуть начавших цвести американских кленов, вот и подъезд, дом кирпичный, холодный, только в одной комнате — направо, еще раз направо — свет неяркий, теплота, уют. Наскоро скинув пальтецо, проверив щели в окнах, заперев двери, поднес дорогое письмо к лампе, и, чуть выделяясь, набухая от тепла, проявляясь в нем, возникли из небытия времени и пространства торопливые строчки.

Тут же принялись за ответ. Боясь перехвата, Зина подготовила уже курс вязания, куплен на рынке за полтинник — большой, но нужный расход, — распотрошила аккуратно обложку, подготовила место для письма.

Внезапно раздался негромкий стук в дверь, рывок — проверка, закрыта ли. Шуршанье, прятанье, увеличение огня в лампе, чай долит, и, пожалуйста, заходите, господин хороший, за каждым шагом следящий.

— Вы дома, Глеб Максимилианович? А я увидел огонек, дай, думаю, зайду, не спят, думаю, вроде давно уж женаты, — бубнил тот механически, механически же улыбался и быстро-быстро, без стеснения забирался

глазами рысьими под стулья, под шкафы, за створки: нет ли кого, чем занимаются?

— Да вот вечераем, чаевничаем, сахарничаем, — отвечал Глеб, лоя, перехватывая взгляд, не считая нужным чисто подыгрывать плохой игре, не утруждаясь соответствием слов и выражений мимике лица, движениям глаз.

— Не проходили утром у вокзала? Там весело было... Сказывают, и вас там видели.

— Да нет, утром на участке был, потом в цех ходил, где паровоз ремонтируется после крушения, потом в бригаде был.

— Ну, видать, обознались. Любите, я смотрю, Глеб Максимилианович, рабочих. Вы нам их не испортьте. Неправильно разговариваете с ними. Им строгость и внушительность слова нужны. Да и по зубам можно дать, — сказал раздумчиво гость и тут впервые, сосредоточив взор на хозяине, скривился с презрением: шибздик, где ему как следует развернуться — и ррраз! Аж слюна потекла, так рука зачесалась, хотел сплюнуть на пол, но решил, что неправильно могут понять. Распрощался без теплоты: — До свидания.

— До свидания, до свидания. Доброй ночи, сеньор мой, до-о-оброй ночи, до-оброй ночи! — взявшись за руки, кружась по комнате, пропели вместе Глеб и Зина, глядя в глаза друг другу, и услышали, как кто-то отлепился, сорвался с окна, пошел тихо, аккуратно ступая, прочь, запоминая, воссоздавая в памяти увиденное и услышанное...

Слежка была заметна уже давно — сначала «нормальная», обязательная, как за многими, затем стало ощущаться и неприятное предпочтение. Однажды прямо вызвали в жандармское управление. Посоветовавшись с Зиной, решил: не нужно ходить, лучше сказаться больным, ибо вызов может быть еще (слабая надежда!) ошибкой, а попав туда, заполнив бланки, протоколы, уже прочно попадешь в орбиту наблюдения.

Особенно бесстыдной, неприкрытой стала слежка, когда готовились к проведению «Саши» — конференции комитетов и организаций партии в Белостоке. О «Саше» полиция явно знала, но не все. Приходилось переконспирировать, назначать ложные дни, города, и это привело к тому, что хотя Белостокская конференция и состоялась, на нее многие попасть не смогли, в том числе и посланный от Русской организации «Искры» Ленгник.

Он знал, что конференция уже началась где-то тут же, в Белостоке, и злился, что не мог попасть на нее из-за невероятной конспирации. Лишь

потом узнали, что конференция избрала Организационный комитет по подготовке II съезда партии.

Г. М. Кржижановский из Самары — редакции «Искры», 12 апреля 1902 года (переслано в обложке книги)

«...Я получаю уже второе предостережение прямо от жандармов, а досадно! Очевидно, надо переходить на нелегальное положение. Как Вы смотрите на это? Надо торопиться. Избирайте какой-нибудь образ действий. Жду с нетерпением ответа...

Имейте в виду, что если я буду изъят, то надо в Самаре отыскать служащего в губернском земстве Николая (Ивановича Соловьева), он совершенно свой человек, все дела будут переданы ему... Пока ставлю точку, и очень хорошо, если по событиям времени она окажется только одной запятой. Горячий привет от всех и всем».

Обстановка накалялась. Поступило сообщение об аресте «американцев» — всей воронежской группы, причем, что странно, арестованы они были по предписанию как Питера, так и Киева — ощущался грозный и многозначительный альянс жандармских сил.

В. И. Ульянов — Г. М. Кржижановскому, 6 мая 1902 года

«Получили письмо. Дерево, видимо, взято. Клэру обязательно спастись и для этого немедленно перейти на нелегальное. Свидание с Сашей (о ней нам еще успел написать Дерево) привело к назначению комиссии по созыву съезда через пять месяцев.

Теперь наша *главная* задача — подготовить это, т. е. чтобы *вполне* свои люди проникли в возможно большее число комитетов и постарались подорвать южный ЦК южных комитетов (=юла). Эта «юла», которой вертит Genoesse (кой-кем даже обвиняемый в провокаторстве, что еще не проверено) — главное препятствие (да еще Питер). Поэтому ближайшая задача: чтобы Курц+Эмбрион оба тотчас вошли в комитеты. Затем чтобы Клэр и Бродягин последовали в той или иной форме их примеру. Это — главная задача, ибо иначе нас неизбежно оттеснят: подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!..»^[8]

Пока Зина писала ответ, ловко разводя раствор, подсушивая зыбкий еще текст, Глеб размышлял о первостепенных задачах, поставленных Ильичем. Главное, конечно, созыв съезда. Теперь уже ясно, что съезд произойдет на искровской платформе, на платформе идей Ильича. Его книга «Что делать?» поражала идейной ясностью и наличием четкого,

продуманного плана.

Большие задачи ставил Старик, а обстановка для их выполнения была совсем не идеальная — вокруг Глеба явственно замыкалось кольцо слежки. К счастью, у филеров обнаружили свои сложности. Глава «Летучего отряда» Ваганов начал в номерах скучать, злясь на Зубатова за вовлечение его в пустую затею. Всех, кого нужно, давно уже выследили. Ясно, что Рябов и Бородзич связаны между собой, видно, она и есть глава тайной организации. Значит, надо брать.

Каждый день Бородзич и Рябов с кем-то встречаются, с кем — знаем. Начали просматривать третий круг: знакомые их знакомых. Много ли выведишь тут? Все они подозрительные, все известны, все под надзором. Сегодня, например, выявили, казалось бы, новое лицо: девицу назвали, кажется, «Косоглазкой». Выследили. Оказалась Марией Ульяновой, живет на Сокольнической. Ну и новость! Да эта Ульянова уже давным-давно под наблюдением полиции, все про нее известно, ее брат — заграничный главарь тайной организации. Пустым делом занимаемся, только тратим зря казенные деньги. Да и мешают нам здесь порядочно здешние, самарские филеры. Придвинув лампу, стал писать:

«Евстратий Павлович!

Как нам поступать с местными Филиппами, они нам положительно не дают торговать, т. е. заметят, где мы, там на другой день они, ссориться с ними и ронять их неудобно, но они так поступают нахально, что нет возможности быть с ними в одном месте... Хозяину я еще не докладывал об этом, а как пойду к нему, то скажу и узнаю фамилии Филиппов...»

Да, филерам орлиновзорого «Летучего отряда» мешали серые самарские сыщики, тем и другим мешали унылые железнодорожные жандармы. Как с горечью отмечал про себя Ваганов, все они уподоблялись персонажам известной басни Крылова и даже путем больших усилий (бессонные ночи, пансионные обеды) не были в состоянии совладать с какой-то жалкой кучкой злоумышленников.

Впрочем, мысль о немногочисленности этой кучки иногда покидала его: то там, то сям, где недоглядели, появлялись как грибы мухоморы красные их тряпицы, типографское письмо, крамольные буквы на дешевой бумаге, разбирать кои иной раз было просто неприятно ему, Ваганову.

Да и сам Зубатов, старый коварщик, хотя годами и молод — до сорока далеко еще — тоже не чаял, как вывести золотых своих ребят без большого позора из этой богом проклятой Самары, где бунтовщиков много, а зачинщиков не найти, где суть их работы просачивается меж пальцев, ускользает — не возьмешь ее! Получив доклады из Самары с

приложениями «Дневников наблюдения», «Мест встреч», «Списка лиц, упоминаемых в «дневнике наблюдения», словом, всей той документации, которая даже при отрицательном результате демонстрирует отличную работу, Сергей Васильевич обмакнул перо, помахал им над собственным бланком и написал:

«Милостивый Государь Леонид Александрович!

...Ввиду ликвидации, произведенной полковником Клыковым в ночь с 27 на 28 минувшего мая, и, принимая во внимание установленную связь Рябова с Бородзич... имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уведомить меня, следует ли продолжать наблюдение в Самаре силами филеров «Летучего Отряда»...»

Зубатов прекрасно понимал: дело не сделано. Шаткие леса его предположений не смогут стать надежным основанием всегда величественного здания обвинения. И аресты, произведенные полковником Клыковым, были сделаны скорее для порядка — обыскали, посадили — эка невидаль! Потом-то все равно выпустили — нет улик! Кроме ерунды — книжонок, прокламаций...

В последний раз просмотрел дневник наблюдений: вдруг на счастье мелькнет догадка лихая? Такое у него бывало. Но никакой идеи не появлялось.

...В дополнение к ставшим уже привычными делам — добыванию для организации денег, изготовлению фальшивых паспортов, бесконечному шифрованию, поискам сочувствующих, адресов, явок, организации нелегальных типографий, налаживанию путей доставки «Искры» в Россию, Глеб должен был теперь по указанию Ильича заняться самым главным — создать из искровской организации комитет по подготовке съезда.

Самарская группа «Искры» самая сильная если не численно, то идейно, материально. У нее большой актив рабочих, две типографии, тысячи рублей денег, связи со всей Россией и умелое руководство. Наконец, у самарцев отличная конспирация: снаружи только те люди, которые заведомо под наблюдением, новые лица в круг наблюдения попадают с трудом. Никто небось и не подозревает, кто скрывается под личиной «исправившегося» помощника начальника тяги крупнейшей железной дороги.

...Дверь отворилась, и Зина, бледная, принесшая с собою майский аромат цветущих вдоль железнодорожной линии американских кленов, протянула ему смятую в волнении бумажку — повестку из жандармского управления.

Глеб разволновался, прекрасно понимая, что его арест сейчас был бы

равносилен провалу только еще начинаемого важнейшего дела. Тут же дали себя знать давно уже подмеченные признаки какого-то подступавшего легочного заболевания — не дай бог, чахотка. Разболелась голова, прошиб пот, выступил нездоровый румянец на щеках. Он лег в постель, полагая, что все это быстро пройдет, но болезнь оказалась сильна: он в течение нескольких недель оказался прикованным к постели, к дому. В жандармское управление не пошел, ожидая привода, кляня свою слабую плоть, не дающую возможности «снять с себя шкуру», то есть перейти на нелегальное положение. Зина, как могла, старалась смягчить подавленное состояние Глеба, убеждала его, что этот вызов может быть случайностью, следствием его простых и сердечных, а стало быть и подозрительных, отношений с рабочими. Возможно, проследили его участие в рабочих собраниях у парикмахера Лебедева на Москательной. Тогда все это не так страшно и может быть списано на различные филантропические соображения. Но если прослежена цепочка от Рябова...

На столе у Зубатова скапливались многочисленные журналы наблюдения и самарские сводки:

27 июня. В полицию доставлены номера газеты «Искра» и две нелегальные брошюры — «Рабочий день» и «Майские дни в Харькове». Как доносили в полицию, газеты и брошюры давал читать железнодорожный рабочий Иван Шенеляев.

4 июля. У прибывшего с поездом машиниста П. И. Карасева при обыске на его паровозе обнаружен апрельский номер социал-демократического журнала «Жизнь», издающегося в Штутгарте, и брошюра женевского издания под названием «Поворотный пункт в истории европейского рабочего движения».

13 июля. Железнодорожная жандармерия сообщила в губернское жандармское управление, что машинист М. Пеньков раздавал железнодорожным рабочим нелегальную литературу, которая хранилась у него. На квартире парикмахера Лебедева (Москательная улица, напротив больницы Красного Креста) неоднократно были собрания машинистов. Собраниями руководил Пеньков, а присутствовали на них М. Звенигородский, Н. Щепетов, А. Балакирщиков, Е. Глухов, В. Богдеев, Г. Васильев, П. Карасев. На этих собраниях бывал и Г. М. Кржижановский, помощник начальника службы тяги Самаро-Златоустовской железной дороги, инженер-технолог...

И тут Зубатова осенила догадка! Что-то уж очень явно группируются все эти факты и фактики вокруг железной дороги, и не просто железной

дороги, а именно Самаро-Златоустовской, и именно среди машинистов, мастеровых. Кто-то сидит там в Самаре, вблизи железнодорожного узла, и, пользуясь своими служебными связями среди рабочих...

Сергей Васильевич бодро потянулся к «Списку поднадзорных по железнодорожной жандармерии города Самары» и, заглянув в него, ужаснулся: именно железная дорога, этот хребет государства, ее нерв и оплот, заражена была насквозь — Арцыбушев, Ленгник, Кржижановский, его жена Кржижановская-Невзорова — все недавно из ссылки. Вот оно, гнездо! Необходимо продолжать слежку, правильно советует умнейший Леонид Александрович, следить и ждать, ждать и следить, рано или поздно веревочка приведет к железной дороге, выявятся и главари — это, конечно, должны быть люди, связанные с заграницей, с известным государственным преступником Ульяновым. Скорее всего через его сестру — Марию, Косотлазку. Вот на что нужно делать упор.

Охота за Марией Ульяновой постепенно превращалась в форменную облаву. Каждый ее шаг был известен полиции, все ее знакомые выслеживались до тех пор, пока это было возможным, то есть в пределах всей империи. Кржижановского в Самаре пока не было — он поехал якобы под Уфу лечиться — пить кумыс — до 10 июля, и в орбиту наблюдения филеров сначала попали другие лица.

Удача забрезжила, когда в гости к Косоглазке пришла неизвестная с широким лицом, вздернутым носиком, улыбчивая и бойкая. «Тупоноска», — записал на клочке бумаги, слюнявя карандаш, Луев, пожилой московский филер. Тупоноска, пышная, с узко перехваченной талией, с толстой косой, шла быстро, постукивая каблучками, вскидывая глаза то на июльское жаркое небо, то на подвешенные прямо над тротуаром корявые лапы гигантских дубов, произраставших прямо посередине окраинной улочки. За одним из таких, на углу Самарской, посасывая пахитоску, стоял Луев, за другим, читая газетку, напарник.

В восьмом часу вечера Косоглазка и Тупоноска отправились из квартиры на Полевую улицу, где разделились: Тупоноска пошла через вокзал на линию железной дороги, куда проследовала через проходной двор и Косоглазка. Около паровозного депо их встретил неизвестный господин (опять неизвестный!), и все зашли в квартиру помощника начальника депо Глеба Максимилиановича Кржижановского, где в 10 часов вечера оставлены. Не было мочи их ждать устали ребята за последний месяц. (И сделали большую ошибку — они упустили типографию «Нину» и транспорт «Искры». Мария Ульянова и Зинаида проводили к Глебу Ладю Кецовели, который прибыл в самарский искровский центр — «Соню» —

решать один из важнейших вопросов — вопрос транспорта «Искры». Он проделал большой путь. С паспортом бельгийского художника Альфреда Бастьенна он отправился в Турцию, затем — морем — в Феодосию, оттуда в Киев, Харьков, наконец прибыл в Самару.)

Г. М. Кржижановский из Самары — редакции «Искры», 29 июля 1902 года

«Был у нас на днях отец Нины. Сообщаем Вам следующее: высылайте в Батум 3–5 пудов литературы, заверните по 1 пуду в брезент, чтобы в случае надобности можно было бросить в море. Главное внимание обратить на своевременное извещение о следовании транспорта, т. е. постарайтесь известить нас, Баку о дне прибытия парохода в Батум. Адрес для Баку из-за границы: *Давид и К^о*. Это для писем. Через несколько дней после отправки письма — телеграмму: *Баку, Удельная виоторговля*. Содержание примерно: «Винодел выехал»... Акулина будет в состоянии начать выпуск в конце августа...»

Ответа на это письмо долго не поступало, и Глеб начал волноваться: не перехватили ли? Если да, пропадет важный способ транспортировки. Теперь, когда Старик поставил задачу завоевания комитетов, перестановку их на искровские рельсы, перерыв в связи и новая волна слезки были бы крайне некстати.

Глеб снял с полки «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли» № 19, отпечатанный чисто, аккуратно, на веленовой бумаге. Вздохнул (там была непрочитанная статья о российской промышленности: взгляд в новое столетие без страха и печали о прошлом), развел «симпатию» и заскользил пером между строк, оставляя призрачный след...

«...Пишет Клэр. В прошлом письме мы писали вам о Баку и Батуме. Все ли разобрали? Ваших писем абсолютно не получаем... Вам уже известно, что моя хворь принудила меня на время заняться только своей собственной персоной. Мое состояние и теперь таково, что не позволяет мне и думать о решительном шаге в ближайшем будущем... Так что пока нашего предварительного съезда состояться не могло, а потребность в нем громадная. Дело в том, друзья, что без прочного русского центра все будет идти плохо...»

Глеб был настолько уверен в безопасности и безотказности этого громоздкого и дорогого способа переписки, что сам пошел отправлять бандероль, сам написал адрес: *Neue Gasse. Cigarenhandlung, Herr Ph. Roegner*, и, сдав, получил квитанцию на вымышленное имя. Выходя с почты, осмотрелся: тихо. Пошел спокойно в депо, сопровождаемый по

другой стороне неутомимым Луевым. Напарник его в это время вкруговую отправился на почту изымать бандероль.

НА СВИДАНИЕ К «АЛЕКСАНДРУ»

Глеб шел по Полевой улице, задумавшись, рассуждая об успешной работе «Искры» за последнее время. Отзывы читателей весьма благоприятны, иногда даже восторженны. Все в один голос говорят, что это первая русская революционная газета, в которой чувствуется, что литераторы тут не с ветру, а божьей милостью. Все больше и больше революционеров согласны и с ее организационным планом.

Некоторые комитеты уже заявили о солидарности с «Искрой» — Петербургский, Самарский. Громадную роль, конечно, играют работы Ильича. Книга «Что делать?» многим прочистила головы. Теоретическая позиция завоевана. Теперь в «Искре» был опубликован и «Проект программы РСДРП». Глеб сразу почувствовал и здесь стиль Старика, хотя ему в программе было понятно далеко не все. Он шел, стараясь прибавить ногами пыль, и рассуждал примерно таким образом: в общем программа правильно ориентирует комитеты. Все преисполнены надежды и настроены довольно радужно. Недалеко то время, когда у нас будет действительно единая социал-демократическая партия, без всяких секций и подсекций. Лишь бы продержаться, дожить до этого, черт возьми! Иван Радченко мечтает устроить съезд к октябрю, но успеем ли мы к этому времени твердой пятой встать во всех главных комитетах? Интересно, что думает Старик по этому поводу?

В этот момент шаги, ранее неосознанно звучавшие у него за спиной, стали приближаться, удвоились числом, и он, взглянув мельком на отражение теней в блестящих листочках кленов, понял теперь ясно и недвусмысленно: за ним следят. Следят неотступно и откровенно, и у кого-то есть для этого веские основания.

...На следующий день у Кржижановских был обыск — стучали в стены, по листочку перебирали статьи и книги. Ничего не нашли.

Усилия Русской организации «Искры» привели к тому, что Старик смог организовать в России первую встречу комитетов, стоящих на искровских позициях. Петербургский «Союз борьбы», «Северный Союз», оправившийся после налета Менщикова, выразили солидарность с «Искрой» и избрали пока еще неофициальное ядро Организационного комитета по созыву II съезда, которое и создало в ноябре 1902 года совещание представителей и организаций РСДРП, на котором Организационный комитет (ОК) был не только восстановлен, но и

пополнен новыми членами, теперь уже искровцами. Письмо с вызовом Клэра в Псков провалялось у адресата целую неделю, и он не смог прибыть на заседание. Это сохранило ему свободу, ибо совещание выследили...

Глафиру Окулову, Зайчика, занимавшуюся организацией искровцев в Москве, арестовали 9 декабря. Глафира конспирировалась очень умело, явки устраивала в бане и умудрилась ни разу не подвести «Филиппов» к своему дому. Но когда она однажды утром, написав письмо Надежде Константиновне, пошла на Мещанскую опускать его, кто-то схватил ее за руку.

— Позвольте, я опущу, — сказал некто с ухватками уличного волокиты.

— Я сама опущу, — тихо отвечала Глафира.

— Вы арестованы, — прошептал он, обольстительно улыбаясь. Письмо осталось в рукаве шубы. «Смотрите на руки!» — крикнул красавчик двум другим, попроще, и все поехали на извозчике, который, видно, уже окоченел, поджидая ее. Когда ехали через Сухаревскую толкучку, Глафира незаметно опустила письмо в снег...

Следующее заседание Организационного комитета было назначено в Харькове, и Глеб заблаговременно испросил на службе отпуск: с 1 по 15 февраля, для кумысного лечения. Зная, что проверят, чинно, с билетами до Челябинска, сел с Зинаидой в поезд.

5 февраля полицмейстер в секретном донесении докладывал губернатору, что Кржижановские отбыли в Челябинск. Что и требовалось. Но... Луев был при них неотступно и даже, сидя напротив в станционном буфете, подмигнул им: мол, куда иголки... Ночью на небольшой станции при криках, таинственных и деловых, железнодорожной бригады, Глеб и Зинаида пересели на встречный поезд. Луев возликовал, схватил свой баульчик — и вслед за ними. Удалось догнать! В новом поезде Луев, осмелев, сел прямо напротив Зинаиды, рядом с вещами (раздосадованный Глеб вышел покурить). А Кржижановский на ближайшем разъезде, соскочив на ходу, пересел с помощью железнодорожной бригады на нужный поезд — в Харьков!

С час прождав отсутствующего Глеба, Луев стал беспокоиться, вертеться, прошел в тамбур, пробежал по вагонам. Вопросительно взглянул на Зинаиду. Она весело рассмеялась в его растерянную физиономию...

Когда полицмейстер еще только уведомлял об отъезде Кржижановских, совещание Организационного комитета по созыву II съезда уже благополучно завершилось, и Глеб сидел в обратном поезде, наслаждаясь глухой вагонной тряской, покоем. Свечка в фонаре рождала

бегающие тусклые тени на лицах спящих. Совецание было позади, он мысленно обсуждал его перипетии. Как все это описать Старику? Вынул свечку из фонаря, поставил ее на столик; чернила, перо есть. Воспоминания были свежи, одно заслоняло другое, не уместаясь на бумаге.

...Харьковское совещание было проведено в условиях жесткой конспирации. Все партийные клички изменены, Клэр стал Брутом. Когда все предосторожности — пароль-отзыв, замечание «хвостов», россыпь — остались позади и Глеб очутился в спокойной обстановке вместе с несколькими незнакомцами, он растерялся немного, но повел себя достойно.

— Я от Бори, — сказал один.

— А, бундист!^[9]

— Мы от «Юры», — представились сразу двое. Ясно, «Южный рабочий». Интересно будет познакомиться.

— А вы кто? — спросил у Глеба бундовец.

— Я от «Сони».

— От Сони? Знал я одну такую. В Одессе...

— «Соня» — это Российская организация «Искры», — перебил его Глеб, стараясь с самого начала не ввязываться и не давать волю подступившему раздражению — «кротки аки голуби, — так, кажется, говорил Ильич, — но мудры аки змии»...

— Российская организация «Искры»? И такая существует? — насмешливо продолжал бундовец.

— Она существовала, — благосклонно заметил один от «Юры». Тут раздался осторожный стук в дверь, шепоток, и вошел друг — Фридрих Ленгник — Курц, с красивой дамой по кличке «Костя» — оба представители Киева.

— Перед тем как начать дискуссии о проведении съезда партии, — сказал бундовец, — нам надо решить один небольшой формальный вопрос. А именно: существует или нет Российская социал-демократическая партия? Мне кажется, на этот вопрос есть только один ответ — отрицательный...

Тут Врут не выдержал.

— Я считаю тягчайшим оскорблением для партии и себя лично, — начал он, и голос его срывался, — я считаю тягчайшим оскорблением для всех русских товарищей такую постановку вопроса. Если дебаты будут продолжаться в таком же духе, я считаю своим нравственным долгом тут же уехать отсюда.

Бундовец понял, что перегнул.

— Я и не думал умалять заслуг русских товарищей, а имел в виду

узкопрактическую цель.

Вопрос был снят, и Глеб, мягкий, интеллигентный, совсем ненапористый, почувствовал, что есть ситуации, когда обходные маневры не нужны, когда только резкая постановка вопроса, без всякой дипломатии, сугубо принципиальная и деловая, может привести к правильному и быстрому решению.

Следующим был вопрос о пополнении членов Организационного комитета, обескровленного охранкой. Здесь тоже не было, да и не могло быть, необходимого единства. Делегаты «Южного рабочего» предлагали пополнить состав своим представителем — хранителем склада нелегальной литературы. Мотив: «Если его не выбрать, это может ослабить его энергию».

Глеб возмутился:

— А если его забраковать, он сразу перестанет выполнять свои функции? В таком случае я протестую, ибо лицо, которое без надежды на генеральский чин не может как следует служить революции, не представляет ценности!

Удалось провести «искровку». К удивлению Глеба, документы совещания «Проект Устава II съезда РСДРП» и «Объяснительная записка» к нему споров почти не вызвали, но «Юрий» настоял, чтобы эти бумаги были отправлены на обсуждение в комитеты, чего Глеб немножко боялся. (А Старик — нет.)

Когда перешли к обсуждению вопроса о функциях Организационного комитета, бундовец опять возвысил голос:

— Я возражаю против того, чтобы члены Организационного комитета занимались побочными делами: изданием прокламаций, транспортом литературы, явками и прочими мелочами, ибо это осложнит и без того уже сложные задачи комитета. Небезопасно и в конспиративном плане!

Тут уже Глеба поддержали все, и «Юра» в том числе: без этих «мелочей» нельзя завоевать массы. Но особенно развернуться в прениях по этому вопросу не удалось, потому что вошел хозяин квартиры и, прижимая палец к губам, сказал, что в городе неспокойно и пора расходиться.

Второпях, при мольбах хозяина решался вопрос — где и как провести II съезд? Решили: за границей в этом году. Заграничная организация определяет место съезда и организует его с хозяйственной стороны. С тем и расстались, ушли по одному в ночь, врассыпную, в разные концы страны...

...Шел новый, 1903 год, год съезда.

В уже забытых предновогодних хлопотах, в закупке елки, игрушек, сластей, шампанского, подарков, во всем том, что было не только приятно,

но и необходимо для конспирации, Зинаида не забыла, разумеется, забежать по новому адресу, настолько неожиданному, что почти не подозрительному. (Вообще, в последнее время перешли на экзотические адреса. Корреспонденция с указаниями из-за границы приходила даже епископу Самарскому и Ставропольскому. Важно было только вовремя изъять ее с помощью приятелей-секретарей.) На этот раз письмо было послано по адресу: «Самара, Юридический отдел, сусликам», и отлично дошло!

Владимир Ильич писал:

«Главная задача теперь — укрепить ОК, дать сражение всем несогласным на почве признания этого ОК и затем готовить съезд возможно скорее. Пожалуйста, сделайте все возможное для правильного усвоения этой задачи всеми и энергичного осуществления ее. Пора бы Брэггу двинуться на сцену! Надо скорее объявить об ОК»^[10].

...Неожиданно большие трудности встретились у Глеба с избранием на съезд делегатов. Глеб столкнулся с тем, что практически каждый работник хотел участвовать в работе съезда, поговорить с руководителями партии.

Из письма «Сони» в редакцию «Искры»

11 марта 1903 года

«...Брут ждет со дня на день переезда. В данный момент в каком-то неопределенном положении. Хорошие перспективы открываются относительно денег, но об этом впредь до осуществления даже страшно писать. Относительно проведения определенных лиц делегатами не так-то легко устроить. Всем лестно самим посмотреть. Но кое-что в этом смысле мы уже предприняли раньше».

Письмо Старика, видимо, не получившего сообщения Глеба, свидетельствовало о том, что Кржижановский — Брут действует правильно:

«Я могу сообщить немного в этот раз. Главное, по-моему, сейчас это — всеми силами ускорить съезд и обеспечить большинство дельных (и «своих») делегатов. На Брута чуть не вся надежда. Надо, чтобы он сам присмотрел, по возможности, за всем, особенно за делегатами, и постарался провести побольше наших. Система двух голосов от каждого комитета очень этому благоприятствует...»^[11]

ПЕРЕЕЗД

Бруту приходилось теперь вести громадное количество «внутренней» переписки и переговоров. Нужно было урезонить Воронежский комитет, добыть многочисленные паспорта для отъезжающих на съезд. Бездна работы была с поправками к проекту Устава, присланными комитетами. Поправки в большинстве своем были конструктивного плана, но страшно затягивали дело. Уфа и Сибирь поддерживали съезд, поддерживали «Искру» — нужно подобрать делегатов. И к тому же надвигающаяся опасность ареста.

Глеб сам уже думал о том, что лучше бы не искушать судьбу, быстрее завершить дела и отправиться на запад, в Киев, занять там присмотренное Фридрихом местечко на железной дороге. До него, конечно, уже дошли слухи о том, что в последнее время арестовали многих людей, так или иначе связанных с железной дорогой. Чуть не на его глазах жандармы забрали помощника машиниста Михайлова, не раз ему пособлявшего. Под подозрением был и его товарищ, передававший ему письма из Юридического отдела железной дороги. Вот и Глебу нужно было, чувствуется, срочно покидать Самару.

Здесь, в Самаре, Кржижановские многое успели сделать, они шли, прощаясь с городом, и зримо ощущали результаты своей работы. Шли мимо заводов Лебедева, Шерстнева, мимо Жигулевской пивоварни, мимо склада вин вездесущего Шитта, мимо спичечной фабрики Зелихмана и видели там замешательство, вызванное прокламациями... (Вон Миша Логинов идет, слесарь Лебедевского завода, организатор. Небось готовится к порученной ему беседе. «На что содержится государство, кому нужны охранка, полиция и армия?».)

Они шли мимо «Самарской газеты», где корректор Ковригин организовал наборщиков, студентов, учащихся, где свило себе гнездо социал-демократическое инакомыслие...

...Они шли мимо земской управы, где на дверях висели прокламации Самарского комитета...

...Глеб уезжал из Самары с грустью — слишком много оставалось здесь — родина, Бюро. В один из майских дней он решил более не рисковать и, взяв все личные письма Старика и переписку с «Искрой», обмотал непромокаемой клеенкой, потом тряпицей, сложил все в ларец. Долго плыл по Волге на лодчонке, стараясь убедиться — никто не преследует. Подплыв к любимому откосу, пристал к берегу. Мачтовые

сосны о чем-то шумели, звон тонких быстрых крыл висел в воздухе...

Вырыл ножом под деревом глубокую яму, корни обхватили ларец, как сердце, и понесли через годы...

— Прощай, прощай, Самара! — говорили Глеб и Зинаида теплому волжскому ветру.

«6 июня Г. М. и З. П. Кржижановские, взяв месячный отпуск, уехали на пароходе со всем имуществом в г. Нижний Новгород впредь до приискания новой службы...»

...Полковник Добрянский, начальник Самарского губернского жандармского управления, с отъездом главных искровцев покоя все же не испытывал. Он даже и не подозревал, что совсем недалеко от жандармерии, в домах Арцыбушева и Ильиной на Симбирской улице развертывает работу Восточное бюро ЦК РСДРП. Арцыбушев поставил на широкую ногу паспортное хозяйство и переписку «химией» между строк писем с бесконечными «еще кланяюсь», которые мастерски писала его соседка Евгения Яковлевна Ильина.

Восточное бюро имело прочную связь с «Искрой», со всеми партийными комитетами Восточной России, Сибири, имело налаженные пути переброски через границу людей и литературы, имело средства и, главное, преданных людей.

Революционеры досаждали Добрянскому не только на работе. Уже ц дома не было от них покоя. С головной болью, яростью в глазах бросился он хмурым осенним утром к письменному столу, обмакнул перо и начал нервно писать, чувствуя, как перо продирает гербовую необрезанную бумагу:

«Господину Самарскому губернатору. Спешно. Секретно.

Уведомляю Ваше Превосходительство, что неоднократно публика, выходя в поздние часы из пивной, находящейся почти напротив вверенного мне Управления и моей квартиры, производит шум и крик, находясь, по видимому, в нетрезвом состоянии, а прошлой ночью в 2 1/2 часа по полуночи толпа около 10-ти человек остановилась против моей квартиры и пела преступную «Марсельезу» в течение нескольких минут, затем пошла по Саратовской улице к Земской Управе, продолжая пение с криком «ура». Сообщая об этом, прошу Вас, не признаете ли возможным учредить пост городского и караульщика на углу Саратовской и Алексеевской улиц, который не допускал бы подобных беспорядков нетрезвых лиц и в то же время служил бы гарантией обеспечения охраны Управления от могущего произойти нападения со стороны неблагонамеренных лиц. Полковник Добрянский».

..Написав, отправил письмо с курьером, успокоился. Пришел в свой кабинет и теперь уже, все более умиротворяясь, отписал письмо своему киевскому коллеге: «Настоящим препровождаю Вашему Превосходительству дело за № 108 на негласноподнадзорного Глеба Максимилиановича Кржижановского».

Добрянский подошел к Окну. На углу топал сапожищами городской. Добрянский удовлетворенно потер руки и занялся допросом учеников реального училища.

КИЕВ

Они с Зинаидой, путая следы, прибыли наконец в Киев. Москва и Петроград для Глеба были по-прежнему закрыты, а вот трехлетний карантин на другие города, в том числе и на Киев, окончился. Итак, Киев! Древняя и прекрасная столица, город, где дышится легко. Он хорош еще и тем, что близок к границе, Петербургу, Москве, в нем много рабочих, много революционеров, там старый друг Ленгник, который уже приискал Глебу работенку. В Киев с марта переведено Бюро организационного комитета по созыву съезда.

Глеб определился на Киевскую железную дорогу, сначала в службу тяги, как и в Самаре, с жалованьем полторы тысячи в год плюс триста рублей квартирных. Потом, однако, его служебная карьера, достигнув, видно, кульминации, стала развиваться в обратном направлении. Он явно начал опускаться по служебной лестнице, превращаясь последовательно в работника железнодорожного склада, в служащего лаборатории испытания материалов, в ревизора. Магия этих перемещений была Глебу неясна, но архивы департамента полиции свидетельствуют о том, что изменения в его служебном положении отнюдь не были случайными. Благодаря усилиям Добрянского Киевское жандармское управление в секретном предписании начальнику Юго-Западной железной дороги инженеру Немешаеву сообщило, что инженер-технолог Кржижановский может быть допущен «к службе исключительно только канцелярского характера». Инженер Немешаев, как видно, правильно истолковал смысл этого предписания.

Когда через Киев нелегально проезжали делегаты съезда, Глеб мог им только завидовать: он тоже был делегатом, да не мог бросить работы. Он утешал себя лишь тем, что на съезд поехало из России довольно много искровцев. Это естественно, ведь именно члены Русской организации «Искры» вынесли на своих плечах основную тяжесть подготовки к съезду и обеспечения организационного единства партии.

Инженер Кржижановский частенько заходил после работы в Политехнический институт к профессору Тихвинскому. (Профессор был «почтовым ящиком».) Но прошел июль, начался август, а ничего не было. В Киеве распространились слухи, будто Зубатов задумал вдоль всей границы устроить решетку, чтобы пресечь переброску «Искры» и революционеров из-за границы; будто в России готовится реформа паспортной системы, призванная опять-таки затруднить сношения с заграницей. Эти слухи

вертелись где-то рядом с сознанием Глеба, не достигая его; он ждал писем, он ждал вестей. Их не было.

Лето уже склонялось к сентябрю, когда в депо прибежал Тихвинский, вызвал его и, отведя, передал...

Писала Надежда:

«В ЦК выбраны Борис Николаевич, Клэр и Курц. Борьба была отчаянная. Кончилось расколом редакции. Пока в редакции только Старик и Плеханов. Остальная часть редакции стояла за смешанный ЦК. Разругались вконец. Положение крайне тяжелое. ЦК наперед обвиняют в недееспособности, но мы верим в то, что такой ЦК наилучший...

Ужасно важный момент. Пахнет расколом. Если старые друзья не напрягут сил, чтобы доказать работоспособность ЦК, вся работа пропала.

Юноша выехал на днях...»

Итак, съезд состоялся. Задача по его организации, поставленная Ильичем, выполнена. Отныне Российская организация «Искры», руководимая Глебом, прекращает свое существование. Она сыграла свою важную организующую роль — подготовила и созвала съезд. На съезде создана, организационно оформлена боевая марксистская партия российского пролетариата. Глеб долго не мог опомниться от обилия информации. Во-первых, выбран ЦК — значит, съезд окончился, значит, он доведен благополучно до конца, значит, партия есть, приняты ее Устав и Программа! Эта новость упоительна, ради этого затрачено столько сил, времени, а некоторые не дожили до этой радости! Его (теперь он опять Клэр) избрали в Центральный Комитет! Великая честь. Справится ли он? И вихрем: что за «раскол» в редакции, в этой «непобедимой армаде», как ее назвала когда-то Зинаида? Раскол казался немыслимым, ни с чем не сообразным.

Долго обсуждали с Зиной в эту ночь новости, решили, что нужно подождать Юношу.

Юноша — Дмитрий Ульянов, младший брат Старика, приехал солнечным, чуть прохладным утром. Казалось, он сам излучал какую-то неведомую энергию, и в лаборатории сопротивления материалов, где Глеб испытывал на прочность разные образцы, стало теплее и радостней.

Тут-то в лаборатории и потом на их с Зиной квартире, где поселился Юноша, в долгих ночных разговорах, узнали о расколе правду. Узнали о корнях разногласий, узнали о том, что в партии отныне существуют «большевики» и «меньшевики», что бывшие друзья и соратники встали по разные стороны баррикады в вопросах строительства и политики партии.

«Товарищи, оставшиеся в России, — вспоминал потом Дмитрий

Ульянов, — могли ждать всяких сюрпризов в результате съезда, но не раскола между «искровцами», и в особенности расхождения между Лениным и Мартовым. Это... с одной стороны ошеломляло, с другой — вызывало чувство, близкое к возмущению».

О происшедшем на съезде нужно было как можно скорее информировать Киевский комитет РСДРП.

...С утра на одинокую дачу в Голосеевском лесу по одному, по двое стали стекаться члены комитета. Дмитрий Ульянов, пришедший прежде всех, пытливо всматривался в лица проходящих, пытаясь предсказать их реакцию на сообщение. Да, это не тот пролетарский комитет, о котором мечтал брат. Внешнее впечатление не обмануло его — киевские комитетчики не разобрались в сути съездовских разногласий, негодовали на делегатов, которые «не смогли столкнуться там, в Женеве, а мы тут — работай»... И не делали особых различий между «большевиками» и «меньшевиками».

Киевский комитет, к сожалению, лишь в своем меньшинстве состоял из преданных делу пролетариата бойцов партии. В основном здесь собрались любители порассуждать, противники всяческого действия.

Но были и другие комитеты, за которые стоило сражаться, которым нужно было дать объективную картину того, что произошло на съезде.

Русское бюро ЦК, созданное в Киеве, решило послать в местные комитеты своих представителей. Юношу решили направить в Поволжье и города Центральной России. Поездка его в Самару выглядела бы вполне естественно, ибо там оставались пока его жена, сестра и мать. Он вскоре уехал, и Глеб засел за длинное письмо Старику, в котором основное внимание уделил организационным вопросам, передаче дел Организационного комитета Центральному, о положении в партийных организациях, а насчет раскола написал не очень определенно, не желая, видимо, подливать масла в огонь полемики двух близких товарищей. Он хотел их помирить. «Перешлите ему (Мартову) мое письмо, которое я посылаю в следующий раз».

Ленин, получив письмо, тут же засел за ответ:

«Спасибо Смиуту за длинное письмо. Пусть пишет Егору, взывая последний раз к рассудку. Пусть Зарин едет немедленно к Егору, получив все (вообще все) полномочия для вершения дел в егоровских странах. Оформите все это полнее, строже и точнее... Егоровны все ведут и *расширяют* бойкот, озлоблены они чертовски, сфантазировали себе кучу обид и оскорблений, воображают, что спасают партию от тиранов, кричат об этом направо и налево, мутят людей. Их смута отняла уже у нас (не

знаю, надолго ли, но, *может быть, и навсегда*) два наших крупнейших источника денег. Направьте все отчаяннейшие усилия на добычу денег — это главное.

Итак, пусть Смит не смотрит на Егора по-старому. Дружбе тут конец. Долой всякую размягченность! Готовьте решительный отпор, посылайте тотчас Зарина, назначайте кандидатов (на случай смерти Смита), на тот же случай готовьте и ему, Смигу, прогулку «к Егору», назначайте *членов в Совет*, ставьте все формальнее и орудуйте вовсю. С литературной стороной мы сладим. Крепко надеемся на Вадима»^[12].

Письмо из Женевы было получено в Киеве 11 сентября, и Глеб стал размышлять о том, что нужно сделать. Действительно, нужно срочно послать Ленгника к Мартову, урезонить его, уговорить не капризничать...

...Дмитрий Ульянов получил письмо Кржижановского с просьбой об изыскании средств для большевиков уже в Нижнем. Городской партийный комитет ввиду срочности дела решил финансировать большевиков из страховой кассы и выделил 500 рублей.

Но Кржижановский требовал и срочного выезда Дмитрия в Москву, к Горькому, который всегда выручал партию в трудные времена. Горький обещал помочь. Он быстро разобрался в положении, а вот Савва Морозов сказал: «Дам, но при условии: пусть Ленин не враждует с Мартовым».

Горький уговорил еще и братьев Сабашниковых помочь партии — великий дипломат!

Отличную работу проделал Дмитрий! Некоторое время можно будет прожить и без захваченной меньшевиками партийной кассы.

Глеба Максимилиановича в это время назначили исполняющим должность помощника заведующего Киевским железнодорожным складом. Работа на складе занимала у него много времени, столь сейчас необходимого. Киев стал всероссийским партийным центром, и все нити вели к членам и агентам Центрального Комитета, к Глебу. В октябре 1903 года в Киев переехало семейство Ульяновых, включая Анну Ильиничну и Марка Тимофеевича Елизарова. Приехал и Дмитрий.

Работа разгоралась: явочные квартиры, как вспоминала Зинаида Павловна, буквально трещали от наплыва посетителей, собиралось вдруг по 10–15 человек, необходимо было, не теряя времени, определить приезжих на квартиры, устраивать на работу, доставать деньги, паспорта.

Скромный исполняющий должность помощника заведующего железнодорожным складом радовался такому развороту событий: его совсем не волновали накладные, балансы, калькуляции.

Сидя за конторкой, он размышлял об ответственности членов

Центрального Комитета за постановку работы во всероссийском масштабе; о том, как спаять разрозненные клубочки вновь образованных комитетов в единое целое; как поддерживать силы борющихся товарищей в условиях крайне неравной борьбы с зубатовщиной; как обеспечить в созданной таким трудом партии мир и единство? Может быть, вызвать Мартова в Россию, спрятать в глуши, засадить за популярные брошюры? Ну да, так он и поехал...

Несмотря на скромную должность и тихое поведение, Кржижановский не мог не привлечь внимания властей, как не могла не привлечь их внимания необычайно оживившаяся в последнее время деятельность киевского подполья. Перлюстрацией писем из Киева за границу и обратно занимался в «Черном кабинете» вполне солидный штат. Жандармские шифровальщики наловчились раскусывать ребусы шифров. Перед генералом Новицким разворачивалась построенная им из отрывочных сведений такая картина: где-то в январе должен состояться съезд партии; учитывая необычайную активность в Киеве, он состоится скорее всего именно в этом городе. Сложность обстановки в партии вызывает необходимость присутствия на съезде всей ее верхушки — в первую очередь Ленина. В Киеве всех их и арестуем.

За Ульяновыми была установлена неприкрытая слежка. Филеры терпеливо ждали сестер и жену Дмитрия Ильича у Управления железной дороги, куда Кржижановский устроил их на службу. 9 октября 1903 года в журналах слежки появляется «Пегий». Это был Глеб Кржижановский.

Глеб Максимилианович, почувствовав слежку, стал подумывать о смене резиденции «Фауста» — ЦК, о «снятии с себя шкуры», о «смерти» — то есть о переходе на нелегальное положение. Хорошо было бы перевести ЦК в Москву, в центр России, подальше от чрезмерно разгорячившейся киевской охраны.

...В Женеве тем временем произошли бурные события. Не удовлетворенные результатами съезда, меньшевики решили взять реванш на заседании «Заграничной лиги», объединяющей заграничных представителей партии. «Лига» пошла на ревизию съездовских решений. Когда Курц — Ленгник, пользуясь своими правами члена Центрального Комитета, заявил, что в таком случае он должен от имени партии распустить «Заграничную лигу» как организацию, не выполняющую решений съезда, поднялся невообразимый хаос. Красные лица, опрокидываемые кресла, брань, топот ног сопровождали это заявление Ленгника, и Ленин понял, что надежд на мир больше нет.

«Клэру и Борису от Старика

Дорогие друзья! Курц пишет вам о вчерашнем собрании. Никакой, абсолютно никакой надежды на мир больше нет. Вы себе не реализуете и десятой доли тех безобразий, до которых дошли здесь мартовцы, отравив всю за границу сплетней, перебивая связи, *деньги*, литературные материалы и проч. Война объявлена, и они (Люба, Костя, Ерема) едут уже воевать в Россию. Готовьтесь к легальнейшей, но отчаянной борьбе...»^[13]

Решать сложные вопросы жизни партии Глебу чаще всего приходилось в Киеве с Вадимом, или Борисом Николаевичем, а на самом деле Владимиром Александровичем Носковым, избранным съездом членом ЦК. Носков был крайне недоволен «ссорой» в Женеве и не видел другого выхода, кроме примирения. «Их надо помирить, — беспокоило говорил он, бросая деловой взгляд на Глеба, — и только ты можешь помочь в этом. Это ведь твои старые товарищи...»

Глеб прекрасно понимал, что дело не в личной ссоре, но под влиянием своих мирных житейских представлений, под мощным воздействием Вадима, постепенно укреплялся в неправильной мысли о первоочередной необходимости именно личного примирения Ленина и Мартова.

Они с Носковым однажды даже додумались до плана кооптации в ЦК Мартова, чтобы не «обижался». В ответ на письма Глеба и Вадима в Женеву было получено недоумевающее письмо Старика:

«Клэру

Дорогой друг! Последние известия от вас очень обрадовали меня планом снять шкуру с Лани — давно, давно пора! Но, с другой стороны, из писем видно, что Лань и Вадим неправильно представляют себе позицию, что между нами нет взаимного понимания. Это очень печально...

По-моему, архиважно бы было послать Лань сюда хоть на пару недель, хоть на одну неделю. Это дало бы очень, очень много... Право, не договорившись до конца, трудно идти в ногу. А толки Лани о «нравственном воздействии на старика» показывают (ей-богу, не обижайтесь!) полное и полнейшее взаимное непонимание. И почему это Лань *об этом* ничего не пишет? План кооптации Мартова просто смешон, это уже такое непонимание, что тут неизбежно будут случаи, когда вы сядете в лужу и со скандалом. Ей-богу, я даже не могу серьезно говорить о кооптации вами Мартова, и если вы серьезно это задумали, то мы говорим на разных языках! Мы все хохотали (и Кол тоже) до слез над этим «планом»!!

Ленин»^[14]

В Женеве между тем события продолжали развиваться бурно. У Плеханова, до тех пор активно поддерживающего Ленина, сдали нервы. Зрелище разнузданного заседания «Заграничной лиги», угроза раскола потрясли его.

— Не могу стрелять по своим, — сказал он Ленину тихо, извиняющимся тоном. И затем несколько театрально: — Лучше пуля в лоб, чем раскол... Ведь и царизм иногда идет на уступки. — Он пригласил Ленина к улыбке.

— Все, что вы говорите, Георгий Валентинович, сводится к простой житейской мудрости. Ну что же, — Ленин прямо посмотрел в глаза Плеханову, — маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию. Маленькая оппортунистическая глупость и небольшая анархическая угроза лучше, чем большой партийный раскол.

Плеханов не ответил, быстро ушел, и порвал все договоры, и, изменив Ленину, упал в объятия старой редакции.

Г. М. Кржижановскому от В. И. Ленина

«Дорогой друг! Ты не можешь представить себе, какие вещи тут произошли, — это просто черт знает что такое, и я заклинаю тебя сделать все, все возможное и невозможное, чтобы приехать вместе с Борисом, заручившись голосами остальных. Ты знаешь, я уже довольно опытен в партийных делах, и я категорически заявляю, что всякая отсрочка, малейшее промедление и колебание грозит гибелью партии. Вероятно, тебе расскажут подробно о всем. Суть — та, что Плеханов внезапно повернул, после скандалов на съезде Лиги, и подвел этим меня, Курца и всех нас отчаянно, позорно...»^[15]

Через четыре дня еще письмо.

«8/XI.03. Смиты

Дорогой друг! Еще раз настоятельно прошу приехать тебя, именно тебя, и затем еще одного-двух из ЦК. Это безусловно и немедленно необходимо. Плеханов изменил нам... позволил переделать решения партийного съезда. Я вышел из редакции окончательно. «Искра» может остановиться. Кризис полный и страшный...»^[16]

В Женеву нужно было ехать срочно, без промедления, но к этому встретилось препятствие вовсе неожиданное: Глеба не отпустило начальство! Вот они, преимущества жизни «без шкуры»! Больших трудов стоило уговорить начальство отпустить Глеба на лечение на каких-то десять дней. Достали фальшивый паспорт, собрали денег, и Глеб покатил за границу, в Швейцарию. Он был там уже 20 ноября, и Женева приветствовала его туманом, дождем и слякотью.

— Безрадостны были и первые встречи. Враги! Давно ли...

Обстановка в Женеве просто потрясла Глеба. Вчерашние друзья и соратники не здоровались друг с другом, образовали две замкнутые группы. Группа меньшевиков внешне выглядела более дружной, сердечно спаянной — при встрече целовались, ходили в обнимку. Но пронизательный наблюдатель заметил бы и нервность этого веселья, и внезапную ярость, искажавшую лица, и перешептывания за спиной... Глеб был внимателен, он вглядывался в обстановку с мучительным интересом, ожидая найти ответ на его сомнения в случайном взгляде, мимолетной фразе, в тех деталях, из которых создается целое.

Первым, кого он встретил из бывших своих соратников, был Дан, или в простонародье Гурвич. После ареста в связи с Белостокской конференцией он был выслан в Восточную Сибирь, но бежал за границу. Дан был прекрасно одет, гладко выбрит, от него веяло сытостью, довольством, самовлюбленностью. Он жил в шикарной квартире, питался в-дорогих ресторанах, не упускал никаких развлечений и с упоением рассказывал об этом.

— Послушайте, — сказал ему Глеб, — при такой вашей расточительности вам никаких партийных денег не хватит!

Дан досадливо поморщился:

— Видите ли, дорогой Глеб Максимилианович, — ответил он с расстановкой, тщательно отвешивая каждое слово. — Можно думать, конечно, о сокращении наших расходов, но лучше было бы думать об увеличении доходов!

Из разговора с Даном стало ясно, что именно он, а не Мартов, определяет политическую линию меньшевиков. Мартов был слишком нервен, возбудим, чувствителен, легок. Он мог бы поддержать, пропагандировать, но не смог бы глубоко вдуматься, оценить позицию, разработать стратегию. Дан — вот кто был «злостным меньшевичищем», отнюдь не Мартов, которому выпала неблагоприятная роль марионетки, хотя они почти всегда были вместе, говорили, перебивая друг друга, словно Бобчинский и Добчинский.

Глеб никогда не видел раньше западных парламентариев, но, глядя на Дана, решил, что они должны выглядеть именно таким образом. Дан явно метил в партийное руководство и, по-видимому, сильно расстроился, когда съезд не избрал его ни в один из ответственных партийных органов. Не это ли было одной из главных пружин склоки, затеянной меньшевиками?

— Скажите прямо, вы за «меков» или «беков»? — резко спросил Дан Глеба. — Как бы там ни было, знайте, — продолжал Дан, — вся вина в расколе партии лежит целиком на Ленине. Он один против всех! Он погубит партию. Какое было бы счастье для партии, если бы он исчез, испарился, умер в один прекрасный момент.

— Ну, это уж вы хватили. Как это может один человек погубить всю партию? До такой степени, что вы призываете таких малосимпатичных союзников, как смерть? — озлобился Глеб.

— Да потому, что, — заорал Дан, — да потому, что нет больше такого человека, который все двадцать четыре часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит одну революцию: только смерть справится с таким!

Скорей к Старiku!

Продолжая свой путь вдоль озера, Глеб вскоре нашел то, что искал, рабочий пригород Сешерон, и домик вроде небольшой дачки, где жил Старик вместе с женой и тещей. Никого вокруг не было, дверь на кухню внизу была отперта, каменный пол, крутая лестничка на второй этаж. Вот с этой лестнички на вопросительный возглас Глеба и сбежал Старик, за ним спустилась Надежда. Старик был спокоен, но улыбался меньше обычного. Надежда выглядела усталой.

Глеб ощутил крепкое рукопожатие Старика, мягкую и легкую кисть Надежды, чуть слеза не выбежала — сколько прожито вместе! Можно ли забыть? Может ли лихая судьба когда-нибудь разлучить их?

Они прошли по темной лестничке наверх, где были три маленькие комнатки — для Ильича, Надежды Константиновны и ее матери. Там почти не было мебели, только деревянные ящики для книг и посуды, некрашенный стол. В конце концов вернулись на кухню, которая была также и «приемной».

Сели вокруг стола, Надежда пошла ставить чай.

— Ну как вы тут? Как Юлий, как Плеханов?

Глеб не ощущал еще глубины той пропасти, которая уже разделяла этих людей. Старик не стал кривить душой, сразу сказал:

— Как Мартов, не знаю. Злобствует, клеветает. С тех пор как я

убедился в необходимости отделения работающих от болтающих, мы с Мартовым ходим по разным тротуарам Женевы. А Плеханов... Что Плеханов? Орел. Юпитер. После съезда Лиги, если мне Придется писать Плеханову, буду подписываться: «не преданный Вам Ленин», а «преданный Вами Ленин». Маленькое «и» прибавлю. А что касается нас, большевиков, мы — узурпаторы, бонапарты, тираны— спроси Мартова, он точно знает.

Ильич вопреки ожиданиям категорически не стал агитировать Глеба.

— Поговори с Плехановым, Мартовым, Ленгником, другими товарищами. Читай протоколы съезда. Разберись. Составь собственное мнение, — сказал он довольно сухо.

Глеб засел за протоколы. Формально раскол начался при обсуждении вопроса о первом параграфе Устава партии. Глеб понимал, что причины раскола глубже — они крылись в различии мировоззрений и целей принципиальных последовательных революционеров и оппортунистов, желавших извлечь из рабочего движения максимум выгод, прежде всего лично для себя. Глеб понял ситуацию так, что Мартов стал рупором «обиженных» «генералов партии», теперь утеревших позиции. Лучшим, по мнению Глеба, выходом для партии было бы дать сейчас подачку этим генералам, с тем чтобы впоследствии нейтрализовать их. Нужно дать им сейчас возможность занять прежние кресла, может быть, даже предложить новые, но не допустить, чтобы эти генералы сгубили партию во имя своих честолюбивых амбиций. Глеб видел, что лишённая мест в Центральном органе партии «Искре» компания — Аксельрод, Потресов, Засулич, — сопровождаемая демонстративно вышедшим из новой сокращённой в числе редакции Мартовым, всячески подстрекаемая Даном, готова на все. Безрадостной и бессодержательной была встреча с Юлием Мартовым. Тот не мог говорить от обуревавшей его злости, был нервен, истеричен. «Разве можно так распускать себя?» — думал Глеб. Ведь речь идет о важнейших вещах, по сравнению с которыми не то что амбиции, но и сама жизнь отдельного человека не имеют значения, — о свободе, о революции, о счастье для всех тех, кто собственными руками создает народное богатство. Он видел, что Мартов уже невменяем, личная обида, поддержка группы, так активно выдвигающей его, заслонили для Юлия интересы только что родившейся по существу партии, которой так необходимы были организационная цельность и единство.

Самым обстоятельным, обставленным по всем правилам дипломатического протокола, был визит к Плеханову. С Плехановым Глеб был едва знаком — только на встрече в Цюрихе им удалось перекинуться

несколькими фразами да сходить на прогулку в горы. Плеханов тогда его не заметил, не воспринял как крупную фигуру. Теперь обстановка изменилась, и Глеб входил сейчас к Плеханову как член Центрального Комитета, чрезвычайный и полномочный его представитель, ибо он нес с собой, кроме своего голоса, еще и голоса четверых своих товарищей, оставшихся в России, он имел особый вес еще и потому, что был в курсе текущих российских дел, практически заведовал всей русской работой — конечно, с ведома и одобрения Ильича. Кржижановский примерно знал, какую артиллерию доводов выдвинет Плеханов и даже в каких выражениях. Всю ситуацию Плеханов действительно определил как «всеобщую стачку генералов», считал, что в суতোлке съезда было сделано много ошибок, которые нуждаются в исправлении, а главное сейчас — это устранить личный конфликт между Лениным и Мартовым, вернуть Ленина в редакцию «Искры», кооптировать «соответствующее» число меньшевиков в Центральный орган, Центральный Комитет и Совет партии.

Речь его текла плавно, красиво. Глеб первое время просто наслаждался посадкой головы, гордыми усами — Плеханов и в узком кругу говорил так, как если бы он стоял на трибуне.

Потом Плеханов, поймав падающий взгляд Глеба, подсел к нему, стал каким-то удивительно милым, притягательным, доступным. Глебу было приятно говорить с ним, беседовать о высоком и важном, вспоминать энциклопедистов, мыслителей и политиков прошлого, цитировать их. Плеханов как бы подставлял удачные мысли Глебу, и тот с удивлением обнаруживал себя и умнее и значительнее, чем казался себе раньше. Незаметно Плеханов подвел дело и к российским делам.

— Ради сплоченности старой редакции «Искры» — этой «непобедимой армады» — стоит идти на гораздо большие жертвы, чем та или иная уступка в толковании параграфа о членстве в партии. Вы согласны со мной? — спрашивал мягко Плеханов.

Глеб шел домой потрясенный, убаженный, но первая же мысль о Старике, о его реакции на предложения Плеханова резко отрезвила его. Ведь Старик никогда не сможет пойти на все это! И примирение, таким образом, невозможно.

Действительно, Старик, услышав рассказ Глеба о визите к главе Совета партии, помрачнел.

— Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма... Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками.

Вопреки ожиданиям Старик был спокоен и выдержан. Ему, казалось, даже нравилось то, что мартовцы так ополчились на него, и не случайным показалось Глебу, что Старик однажды процитировал строки Некрасова:

*Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...*

Это «однажды» произошло тогда, когда Глеб бросил Старику трудную фразу:

— Сейчас, по сути дела, все, решительно все, против тебя! Даже те немногие, которые поддерживают тебя из-за личной преданности. Выходит, что ты один против всех.

Зная, какое большое значение придает Владимир Ильич нуждам российской революционной практики, Глеб старался подойти именно с этой стороны, расписывал, насколько для этой практики губителен раскол.

— Что будет, если этот раскол — пока еще — превратится в зияющую бездну? — патетически говорил Глеб, явно находясь еще под влиянием плехановских разговоров.

Ильич, явно пытаясь скрыть усиливающееся раздражение, отвечал ему так:

— Что вы все так боитесь споров, раскола? При хорошей организации, при настоящей партийной дисциплине споры не только не вредны, а архиполезны! Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде! — жаловался он мне. — Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение... — Какая прекрасная вещь — наш съезд! — отвечал я ему. — Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...

...Первое, что Кржижановский — теперь Травинский — сделал в Женеве, — созвал Пленум ЦК и на нем провел решение о кооптации В. И. Ленина в члены ЦК, тем самым подчеркнув его роль в партии.

Теперь Глеб, желая мира, пытался «по-хорошему» наладить дело с «Лигой». Ильич морщился, говорил, что нельзя уступать пролазничеству,

бойкоту и скандалу, что этой уступкой дело не кончится, но все-таки на это шел. Теперь уже он должен был одобрить это как член ЦК, шел на это неохотно, но уверенность Глеба в успехе и мире действовала и на него.

— Давайте бросим им кость! — упрашивал Глеб Ленина, Гальперина и Ленгника — членов ЦК. Он хотел принять этот пункт с общего согласия, не через силу. Но сила была за ним, ибо один Глеб обладал сразу пятью голосами — своим и всех членов ЦК, оставшихся в Россия. В результате переговоров Староверу, то есть Потресову, выразившему мнение меньшинства 3 ноября в своем письме Плеханову как председателю Совета партии, был предъявлен «Ультиматум» ЦК, полный уступок.

«Ультиматум» кончался словами:

«...Настоящий ультиматум составлен в заседании ЦК в Женеве 25 ноября 1903 г. и ввиду крайних затруднений, возникающих для ЦК в обстоятельствах делегирования своих членов за границу, срок ответа на него, к сожалению, может быть только однодневным...»

Ответ поступил в точно обозначенный срок. Его подписали Аксельрод, Дан, Блюменфельд, Басовский, Потресов, Крохмаль, Засулич, Александрова, Троцкий и Мартов. Мартовцы отвергли все! Ответ оппозиции был выдержан в издевательских, иронических по отношению к ЦК тонах.

Глеб был обескуражен.

— А ты больше доверяй им, — сказал Ленин. — Плеханов небось единолично ввел мартовцев в редакцию, сообщил им о наших уступках еще до ультиматума вот результат твоих советов с ним. Теперь мартовцы будут требовать вдвое и вчетверо...

Действительно, оказалось, что, когда Глеб сообщил об ультиматуме Плеханову, тот, не теряя ни минуты, решил сорвать план ЦК и в тот же день, 25 ноября, единолично, без Центрального Комитета, кооптировал в «Искру» четверку мартовцев. Мартовцы получили, таким образом, «Искру» без каких-либо уступок со своей стороны! А это автоматически влекло за собой и новый состав Совета партии! Ведь два члена совета назначались обязательно от Центрального органа.

Дальше положение стало еще более тяжелым. Уступки, сделанные Центральным Комитетом, уступки, сделанные с таким трудом и с камнем на сердце, казались теперь мартовцам недостаточными! Они требовали и требовали... Требовали вопреки воле съезда... Одним из старых требований, подтверждаемых ими, было: убрать еще одного большевика — Гальперина — из Совета партии, заменить его меньшевиком. Тут уж и Глеб с его мягким сердцем не выдержал, возмутился.

Ленин загадочно улыбался.

— Очень уж ты у нас, Глебася, доверчивый и впечатлительный! Недаром, видно, Плеханов говорил, что у нас ЦК мышцы не раздавит...

...Вечером того же дня Владимир Ильич, Гальперин и Надежда Константиновна задумчиво смотрели с набережной на тревожные волны разбушевавшегося Женевского озера. Владимир Ильич был против новой уступки, Надежда Константиновна молчала, Гальперин уговаривал согласиться на его отставку.

Наконец Владимир Ильич решился — утром было объявлено о том, что Гальперин выйдет из Совета партии. Пошли и на другие уступки.

Теперь уже вполне естественным казалось и признание Лиги, распущенной Ленгником. По инициативе Глеба «литовцам» была сделана очень большая уступка: ЦК утвердил устав «Лиги», отличный по смыслу от того, что установил съезд, фактически признал администрацию «Лиги», а также заявил, что «принятые по отношению к Лиге меры» (то есть объявление съезда «Лиги» и выбранной на нем администрации незаконными) «вызваны были исключительными обстоятельствами, отпавшими в настоящее время». (Сколько потом большевистские комитеты критиковали ЦК за эту политическую ошибку!) Все это было написано в письме ЦК на адрес «Лиги» от 29 ноября. Руководители «Лиги» были, разумеется, довольны. Теперь уже они начали говорить о возможности установления мира.

Ильич ходил мрачный, Глеб испытывал удовлетворение... На него смотрели как на миротворца, его долго ждали — и дождались!

Теперь еще нужно было помирить Ленина с Мартовым, вызвавшим Ленина на третейский суд. Глеб, теперь Ганс, долго курсировал между ними, разнося записочки их друг к другу. Наконец он передал Мартову последнее послание Ленина:

«Я вполне присоединяюсь к желанию тов. Мартова, выраженному через тов. Ганса, устранить личную сторону нашего конфликта путем обмена заявлений и, с своей стороны, предлагаю такое заявление...

Н. Ленин»^[17].

Глеб ликовал... Личный конфликт устранен! Бывшие соратники опять, образно говоря, подали друг другу руки.

За неделю Глеб своротил в Женеве тысячу дел и уехал довольный. Единственное, что омрачало его радость, — то, что Старик отнюдь не разделял ее.

— Смотри глубже. Не доверяйся первому впечатлению. Разберись, не мешкая, с Киевским комитетом и другими комитетам, принявшими точки

зрения мартовцев, И помни — борьба далеко не окончена... — напутствовал он его на вокзале.

Выехав 30 ноября из Женевы, Глеб приехал в Киев 20 ноября — давала знать разница календарей, еще более властная, чем разница часовых поясов. Сразу попал в сутолоку дел, связанных с «перековкой» Киевского комитета, стоящего на прочных меньшевистских позициях.

Но прежде всего нужно было успокоить партийных работников на местах, информировать их о происшедшем в Женеве «положительном сдвиге». На основе информации Глеба о его поездке в Женеву Центральный Комитет разослал по комитетам жизнеутверждающее извещение, кончавшееся так:

«...Конфликт ЦК с Лигой вполне исчерпан обоюдным соглашением сторон. Между товарищами Мартовым и Лениным произошел обмен писем, устраняющих всю личную сторону их конфликта.

Сообщая все это, ЦК полагает, что рядом этих фактов знаменуется новая эра партийных отношений, ведущая к более спокойной, дружной работе во имя высших интересов партии. Более подробные сведения о всем происшедшем будут сообщены комитетам специальным делегатом Центрального Комитета».

В письме комитетам явно притуплялась острая внутрипартийная борьба и проповедовалось примиренчество к меньшевикам. Глеб, вдохновленный женевскими «успехами», не видел чрезмерного оптимизма, с которым в этом документе изображались результаты переговоров ЦК с заграничной оппозицией. Вскоре Глеб получил от Ленина сердитое письмо:

«В ЦК от члена ЦК Ленина. Прочел я извещение ЦК, разосланное по комитетам, и могу только руками развести. Более смешного недоразумения я не мог себе и представить. За свою доверчивость и впечатлительность Ганс наказан этим жестоко. Пусть объяснит он мне, ради всего святого, откуда взял он храбрость говорить в таком елейном тоне о мире, когда оппозиция (и Мартов в том числе!) *формально отвергла мир* в ответе на ультиматум Центрального Комитета??

...Наконец, эти глупенькие советы, чтобы я уехал отсюда! Я еще понимаю, когда их дают семейные, родственники, но писать ту же ахиною из Центрального Комитета!!.»^[18]

За этой внутрипартийной борьбой у Глеба несколько притуплялось ощущение внешней опасности — опасности со стороны вездесущего департамента. Тот, естественно, не дремал. В донесении начальника Киевского охранного отделения директору департамента от 29 декабря 1903 года говорилось: «Ликвидацию предположено произвести при первом

удобном моменте, воспользовавшись как таковым сходкой членов Киевского комитета (Центра), привозом транспорта нелегальной литературы или каким-либо иным ярким проявлением революционной деятельности означенной руководящей группы». Департамент, однако, не считал возможным ждать: он требовал срочно произвести аресты. Уже 30 декабря в Киев прибыло следующее распоряжение: «Не выжидая далее съезда, ликвидируйте центральный и местный комитеты, представив требование об отсутствующих».

Вечером 1 января 1904 года, воспользовавшись праздником и возможностью собраться почти открыто, члены Киевского комитета устроили заседание. Большевики добились на нем большой победы — Киевский комитет, поддерживая мнение Ленина, проголосовал за незамедлительный созыв III съезда РСДРП.

Расходились после заседания по одному, по двое, довольные, веселые, как и подобает в праздничный день. Дмитрий Ульянов вышел с Зинаидой. Они вышли на Бибиковский бульвар, и Зинаида, поправляя сапожок, кинула быстрый взгляд назад — «хвоста» не было. Она подтолкнула Дмитрия локтем, и они рассмеялись от радости — ко всем удачам еще и такая! — не нужно путать след! Но в этот момент от пролетки, остановившейся где-то совсем в стороне и не имевшей ровно никакого к ним отношения, отошли четверо, окружили их. Заседание комитета было выслежено.

В этот день было арестовано около сорока человек, а некоторые утверждали даже, что более ста. Все Ульяновы, кроме Марии Александровны, были арестованы.

...Глеб в этот день возвращался со службы усталый — ему дали новую, еще более нудную ревизорскую работу — очередная акция начальства, желающего отослать его подальше от Киева. Он уже подходил к дому, когда его окликнул один из соседей по меблированным комнатам на Терещенковской улице, где жили мелкие служащие железной дороги.

— Глеб Максимилианович, назад, у вас дома обыск!

Вот оно, начинается. Выследили.

— Зинаида Павловна?

— Как ушла днем, не возвращалась. Дверь взломали.

Глеб решил пока домой не ходить, а посмотреть издалека, что будет. Вскоре из подъезда вышли два жандарма, дворник и дворничиха — видимо, понятые. Теперь можно было идти домой. Или бежать? Нет, лучше домой.

В комнате все было перевернуто вверх дном, носился еще пух от подушек, не было некоторых книг, фотографий. Где Зинаида? Наступала

ночь, ее все не было, Глеб не спал до утра. В семь часов утра загремели сапоги, уверенные голоса, без стука ввалились вчерашние жандармы и понятые. Начался новый обыск. Прежде всего обыскали его. Только тут он понял, что первый обыск относился не к нему, а к Зинаиде Павловне. Ее, видимо, арестовали.

Обыск ничего не дал. Теперь Глеб уже знал, где искать Зинаиду, — в Лукьяновской тюрьме. Догадка, к сожалению, оказалась правильной. Зинаида находилась в тюрьме.

На Глеба Максимилиановича арест Зинаиды Павловны произвел ужасное впечатление. В коротких кошмарных снах на него набрасывались «крылатые тираны» — возлелеянные им же образы.

Одетая в грубый белый холст, со скрученными назад руками, с распущенными волнами кудрей, она стоит перед своими врагами. Поднимается самая черная, зловещая фигура, шипящий от злобы голос произносит:

— Во имя старого мира! Ты обвиняешься в распространении мерзкой ереси Кампанеллы, признаешь ли себя виновной?

И знакомый мелодичный голос спокойно отвечает:

— Я исповедница великого учения друга людей Кампанеллы.

— Кто были твои друзья, соумышленники? Поведай — и ты свободна, — продолжал палач, — или — пытки!

— Пытайте! — презрительно отвечает она и при этих словах со всех сторон бросаются на нее дюжие палачи... ^[19]

...Глеб просыпался в тревожной ночи, обливаясь холодным потом...

Никакого обвинения Зинаиде предъявлено пока не было, как, впрочем, и всем остальным. Свидания ему не дали. Он уже уходил из тюремной конторы, когда увидел сухую, небольшую фигурку в стареньком пальто и с муфтой — это стояла Мария Александровна — мать Старика. Она не плакала, но, когда Глеб подошел, он увидел в ее глазах и несчастье, и гордость, и надежду. Она ничего не сказала, но посмотрела на него, как это умеют только матери. Он и без слов все понял: она желала ему не пасть духом.

15 января 1904 года вышел № 57 новой «Искры». Глеб сразу же обратил там внимание на статью некоего «Практика», где черным по белому ставилась под сомнение правомочность съезда партии, сомнение в том, что только съезд есть ее высший орган. «Съезд как высшая инстанция партии, — писал «Практик», — представляется нам в образе «суверенного» божества, все желания которого должны быть приняты, как святыня, на веру, без разумной и обязательной критики».

Вот они, плоды примиренчества Глеба, его либерализма!

В следующем номере «Искры» появилась статья Мартова «На очереди», где он пытался сразить большевиков силой своего остроумия. Мартов поместил в газете юмористическую «Краткую Конституцию Российской Социал-Демократической Рабочей Партии...», где осмеивались взгляды большевиков по организационным вопросам.

Предсказания Ильича продолжали сбываться. Глеб чувствовал себя обманутым и оплеванным. И все же он еще надеялся на мир.

10 февраля 1904 года Глеб писал из Кенигсберга В. И. Ленину и Ф. В. Ленгнику: «...Ваше письмо о войне с ЦО огорчило меня сверх меры...

Но состояние разброда и разъединенности теперь, в настоящий исторический момент, представляется мне громадным несчастьем — я бы сказал, полным политическим самоубийством...объединению и умиротворению партии должны быть принесены в жертву все другие — менее важные — соображения».

Ленин считал, что необходим съезд, который восстановил бы партийную дисциплину, помог бы партии преодолеть раскол и дезорганизованность («съезд, съезд не позже января!»^[20] — писал он). А сейчас уже наступил февраль, и нечеткость позиции ЦК по вопросу съезда начала серьезно беспокоить комитеты. Будет съезд или нет? Если будет, то когда? На эти вопросы Центральный Комитет просто обязан был ответить. Сам Глеб колебался и склонялся больше к тому, что созыв съезда сейчас был бы преждевременным, это опасно и дорого. А преодолеть конфликт в партии можно попытаться и миром.

Вопрос о проведении съезда решено было поставить на обсуждение членов ЦК. Теперь их было девять: II съезд избрал Кржижановского, Носкова и Ленгника, в октябре по новому стилю в ЦК кооптированы Леонид Красин, Землячка, Гусаров и Эссен, во время приезда Глеба в Женеву кооптированы Ленин и Гальперин.

За немедленный созыв съезда высказались: Ленин, Ленгник, Эссен, Землячка, против съезда высказались: Носков, Красин, Гусаров, Гальперин, Кржижановский. Кржижановский в голосовании не участвовал, доверив свой голос Носкову. Как важен был этот голос!

*(Горячим можешь быть иль быть холодным,
Но быть всегда лишь теплым — берегись,
Не быть тогда тебе избранником народным —
Душе дремотной не воспрянуть ввысь.)*

Глеб впал в глубокую депрессию. После принятия февральского решения мысль о том, чтобы выйти из ЦК, и раньше возникавшая у него, стала все более и более настойчивой.

Эта мысль превратилась в твердое намерение, когда он увидел, что Владимир Ильич не на шутку на него и на других членов ЦК рассержен.

«Центральному Комитету РСДРП»

«Пишет Старик. Прочел письма Землячки и Конягина. Откуда он взял, что я увидал теперь бесполезность съезда, аллах ведает...

Я думаю, что у нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: «бесполезно бороться!»... Либо ЦК станет организацией *войны с ЦО*, войны на деле, а не словах, войны в комитетах, либо ЦК — негодная тряпка, которую поделом выкинут вон... Руководите войной с ЦО или бросьте вовсе смешные претензии на «руководство»... утиркой плевков.

Поведение Клэра позорно, а поощрение его Конягой еще того хуже. Меня ничто не злит так теперь, как наш «так называемый» ЦК. Addio»^[21].

После такой резкой проповеди, «Addio» и решения Ленина и Ленгника о выходе из Совета партии Глеб твердо решил выйти из ЦК и сообщил об этом Ленгнику. Тот тут же снесся со Стариком и получил ответ:

«...Непременно познакомьте всех с брошюрой^[22], Брута особенно. На Брута надо сделать после брошюры еще натиск, Брут будет наш, ухода его я пока не принимаю, не принимайте и Вы, положите пока в карман его отставку... Повторяю, наша возьмет внутри ЦК»^[23]

В. И. Ленин — Г. М. Кржижановскому

«Дорогой друг!., не спеши с решениями и не отчаивайся. Сначала непременно ознакомься с моей брошюрой и с протоколами Совета. Не смущайся своим временным удалением от дела и лучше воздержись от нескольких голосований, но не уходи совсем. Поверь, что ты еще будешь очень и очень нужен и что все друзья рассчитывают на твое близкое «воскресенье»... Не верь вздорным басням о нашем стремлении к расколу, запасись некоторым терпением и ты увидишь скоро, что наша кампания прекрасная и что мы победим силой убеждения. Непременно отвечай мне. Лучше бы всего, если бы ты изловчился выбраться на недельку сюда, — не для дел, а исключительно для отдыха и для свиданья со мной где-либо в

горах. Право же, ты еще будешь очень нужен... Обязательно соберись с силами, и мы еще повоюем!

Твой Ленин^[24].

Книга «Шаг вперед, два шага назад» укрепила Глеба, убедила в правильности позиции Ленина. Но его мягкого характера не хватало уже на борьбу с членами ЦК, упорно скатывающимися в «болото», на противостояние Плеханову, обвинявшему ЦК в «бонапартизме». Роль «миротворца», избранная им, оказалась неблагоприятной.

С какой ненавистью Глеб отгонял от себя сейчас видения недавнего прошлого — истерики Мартова, политиканство Дана, нарциссизм Троцкого, талмудистские пророчества Аксельрода. Глебу не хватало воли, твердости, принципиальности, упорства — всего того, что так ярко присутствовало в характере Старика.

Приходя из Лукьяновки, Глеб чувствовал себя совсем несчастным и одиноким. Как помочь Зине? С тех пор как партия устроила искровцам, арестованным с помощью Менщикова, побег из Лукьяновской тюрьмы, охрана там значительно усилилась, и думать о таком освобождении при отсутствии у партии средств и единства было бы пустым мечтанием.

10 июня Глеб Максимилианович написал в Киевское жандармское управление заявление с просьбой освободить Зинаиду под денежный залог, под его поручительство, важное поручительство «одного из старших агентов Юго-Западных железных дорог».

Как ни странно, заявление в сочетании с бесполезностью дальнейшего заключения З. П. Кржижановской сработало. 28 июня Зинаиду Павловну выпустили.

Заявление Кржижановского о выходе из Центрального Комитета было рассмотрено в июле, и на том же заседании оставшиеся члены ЦК Гусев, Красин и Носков, скатывающиеся все быстрее и вернее на позиции меньшевиков, сделали то, что было невысказано раньше, — кооптировали в состав ЦК трех меньшевиков. Твердые большевики — Ленгник и Эссен были в это время уже в тюрьме, Землячку примиренцы объявили выбывшей из ЦК, Ленина не спросили. Глеб сам вышел из комитета. Центральный Комитет оказался в руках меньшевиков.

«Июльская декларация» Центрального Комитета, прямо отвергавшая съезд, поразила Глеба своей откровенной изменой делу большинства, делу, за которое они начали бороться десять с лишним лет назад. Как теряются друзья! Одних уносит болезнь — Ванеев! Других вихрь идеологических разногласий — Мартов. Рядовой, важной, но незаметной работой

занимаются Старков и Малченко. Степан Иванович Радченко измучен конспирацией и бесконечными преследованиями, его политическая революционная деятельность, по-видимому, окончена. Петр Запорожец находится в Виннице в доме скорби.

«Судьба на этот раз была немилостива ко мне, — вспоминал события этого времени через много лет академии Г. М. Кржижановский, — она уготовила для меня, еще не разорвавшего со специфическим практицизмом той нашей революционной российской обстановки, крайне неблагодарную роль... Известно, что некоторое перемирие между Лениным, Плехановым и Мартовым в период женеvских переговоров было заключено. Личной спайке этих лиц я придавал особое значение, и личный момент, казалось, был улажен. Но как жестоко пришлось мне поплатиться за переоценку этого момента и близорукость политического расчета! Увы! Прошло несколько недель, и мы получили в Киеве целый ряд писем из-за границы с приложением надлежащей литературы, которые свидетельствовали о бесповоротном разрыве между сторонами. Бой вновь разгорелся по всей линии, с той лишь разницей, что обе стороны изрядно и поделом поливали меня за мою «болотную» попытку, а дальнейшие события наглядно показали, что зорким в историческом смысле оказался действительно только один Владимир Ильич. И если гениальность заключается именно в предвидении событий, когда таковые познаются за много и много лет до понимания их сущности обычной массой средних людей, то именно в этом раннем распознавании революционного грехопадения меньшевиков с особенной наглядностью сказала гениальная историческая прозорливость Владимира Ильича. Большеvизм и меньшеvизм представляли два диаметрально противоположных восприятия объективной сущности вещей. Но с непреложной ясностью это выявилось лишь с дальнейшим течением событий, лишь по мере того, как росли и ширились баррикады народных восстаний на равнинах России».

...Выйдя из Центрального Комитета, Глеб стал выполнять ту важную работу, с которой он всегда так прекрасно справлялся и которую принято называть «черновой», — он стал делать все то же, что и в Самаре.

— Вернулись к началу, — размышлял Глеб, — опять финансовые проблемы, решаемые в основном путем самообложения, провалы, шифры, транспортные и типографские налаживания, паспорта, написанные неопытной рукой, поиски «верных людей», мытарства организационных неполадок...

Глеб раз и навсегда решил посвятить себя тому, что у него всегда так хорошо получалось, — именно будничной, рядовой работе. В ней главным

было, конечно, добывание денег, которых катастрофически не хватало после захвата меньшевиками партийной кассы. Красин — Никитич дал ему однажды записку актрисе Вере Федоровне Комиссаржевской. Как раз в это время в Киеве проходили гастролы прославленного театра.

У уборной великой актрисы толпились почитатели; Глеб уже не чаял пробиться к ней, передал записку, и — о чудо! — Вера Федоровна отказывает в приеме всем, кроме него; он входит в призрачный мир театра, беседует с великой актрисой — красивой, блестящей, талантливой. Она передает ему деньги для партии...

Глеб Максимилианович впоследствии любил рассказывать об этом необычном партийном поручении.

ВО ГЛАВЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЗАБАСТОВКИ

Меж тем наступал уже 1905 год. Планомерная осада самодержавия начала дополняться предсказанным Лениным стихийным взрывом и непредвиденными для царского правительства политическими осложнениями. Глеб не уставал поражаться. Как мог Ильич заранее знать о том, что Россия ввяжется в какую-нибудь авантюру, вроде японской войны, или о том, что царь будет настолько неумен и самоуверен, что расстреляет мирную манифестацию 9 января? Видимо, вся логика развития общества, путь самодержавия, путь российского капитализма подсказывали ему, что должно произойти. И это происходило. Единоличная власть царя, не знающего жизни народа, никогда не прибегающего к его совету, бесстыжая ложь приближенных о благоденствии государства неизбежно должны были привести его к неправильному восприятию истинного положения вещей, недооценке народного гнева и возмущения и, наоборот, переоценке своей силы и могущества. Неизбежны были и военные авантюры, вызванные стремлением военщины и капиталистов захватить еще не захваченное и стремлением царя отвлечь народ от внутренних проблем небольшой, но победоносной войной.

Сообщения о боевых действиях в Маньчжурии соседствовали в газетах со скудными, неохотными сообщениями о демонстрациях и митингах. Генерал Куропаткин терпел поражения под Вафангоу, под Ляояном, армия кишела японскими шпионами, секретные приказы не были тайной для японского командования. Провал на реке Шахэ. Сдача Порт-Артура. Большевики желали царю поражения.

Глеб Максимилианович Кржижановский и его жена Зинаида Павловна участвуют в подготовке III съезда партии, участвуют на правах рядовых бойцов. Опять те же проблемы: деньги, паспорта, информация для большевистской газеты «Вперед».

Съезд состоялся, прошел успешно. На съезде были решены основные тактические задачи уже наступающей первой русской революции. Забастовки в Москве, в Иваново-Вознесенске, Туле, Твери, Нижнем, в Поволжье, на Урале, в Сибири, в Прибалтике, на Кавказе, восстание в Лодзи, героический рейд «Потемкина»... Громадная, от моря до моря, Россия просыпалась, поднималась на решительную борьбу с самодержавием, и во главе этой борьбы оказались именно большевики.

В октябре всеобщая политическая стачка охватила всю Россию.

Инженер Кржижановский, отбросив всякую конспирацию, встал во главе бастующих железнодорожников Юго-Западных железных дорог. Его поливали помоями черносотенные газетки типа «Киевлянина», его ненавидело железнодорожное начальство, его поддерживали, на него надеялись 40 тысяч железнодорожников — рабочих и служащих. Они держали в руках не только железную дорогу, но и, по сути дела, весь Киев. Его любят и уважают — после митинга в Жмеринке рабочие несли его на руках.

Поздно вечером, в двенадцатом часу ночи 11 октября забастовавшие работники службы сборов Юго-Западных железных дорог группами пришли в управление. Служащий Городец, когда все собрались, предложил выбрать председателя собрания. Единогласно — Глеб Кржижановский, ревизор. Многие выступили горячо, многие записывали речи; некоторые для того, чтобы поточнее рассказать обо всем в жандармском управлении.

Выступали мастеровые: они звали в мастерские помочь забастовщикам-рабочим. Кто-то кричал: «Поздравляю с наступившей революцией!» Глеб в своем выступлении требовал свободы слова, собраний и стачек. Митинг кончился далеко за полночь. Решили собраться завтра в управлении.

Назавтра управление было занято ухмыляющимися жандармами — упредили! Громадной толпой, — тысячи! — пошли к университету. Там собралось уже несколько тысяч киевлян. Ораторы призывали к восстанию. Их было так много, что в четыре часа дня решили перенести митинг на завтра, с тем чтобы дать выступить всем записавшимся.

Несмотря на то, что за ночь многих арестовали, митинги и сходки становились все более бурными. Кржижановский выступал на многих из них, зная уже, что его непременно должны арестовать. Они с Зинаидой старались не ночевать дома, и правильно делали.

Он организовал эту забастовку, и он же в числе четырех стал во главе ее. Стаечный комитет подобрался неровного состава, разных политических взглядов и убеждений. Восставшим киевлянам не хватало политической твердости и ясного сознания цели. Куда идти после митингов? Что делать потом? Власть в городе была практически захвачена — Глеб Максимилианович мог блокировать движение на линиях дорог, пропускать одни грузы, не пропускать другие. Киев и Жмеринка стояли твердо? Работа транспорта остановилась.

Но и охранка не дремала, она тоже принимала меры, тоже организовывалась. Из обывательских разговоров, из слухов и агентурных

данных она не только была прекрасно осведомлена о нерешительности железнодорожников, об отсутствии у них четкого плана действий, но и о том, например, что Глеб Кржижановский, готовясь к стачке, готовил с профессором Тихвинским запас бомб-«македонок».

Действительно, Глеб Максимилианович, химик-специалист, разработал технологию приготовления сильно действующего взрывчатого снаряда на базе diazоловых соединений; эти «бомбы», довольно мощные и в довольно большом количестве, хранились, ожидая своего часа, не где-нибудь, а в подвалах Киевской городской думы. Взрывчатка эта так и не была использована. Сначала в ней не было необходимости. Руководители восставшего в Киеве саперного полка предложили забастовочному комитету железнодорожников соединиться для решающего сражения, поднять *по* пути артиллеристов, взять штурмом Киевскую крепость.

«А потом что? — думал Глеб Максимилианович. — Поддержит ли восстание Россия? Готова ли она к этому?» Глухая тревога не оставляла его: чем окончится цепь этих бесконечных митингов?

Забастовочный комитет ответил согласием на предложение саперов. Но кто-то уже побежал в охранку, сообщил о новых планах. Пока идут разговоры, агитация, митинги, у артиллеристов сняли с пушек замки, увезли снаряды.

Теперь уже восставшие саперы, подойдя к казармам артиллеристов, не могли получить от них серьезной поддержки, их появление на центральных улицах юрода было встречено пулеметами, а против мирной рабочей манифестации, с песнями и знаменами двинувшейся под руководством стачечного комитета к думе, брошены были казаки.

Толпа рассыпалась, захлестнутая страхом и возмущением, мимо, сбивая друг друга с ног, бежали рабочие, солдаты, мелкие чиновники, женщины, старики.

Укрывшись в подъезде какого-то роскошного магазина на Крещатике, Глеб и Зинаида с ужасом наблюдали это побоище: когда пулемет смолк и они вышли, они увидели Крещатик, полный трупов, зонтиков, калош; Глеб держал наготове револьвер, готовый в случае надобности подороже продать свою жизнь. По Крещатику текла кровь, и прямо против городской думы ее торопливо очищали худыми метлами постоянно оглядывающиеся дворники.

Был вечер 17 октября 1905 года. День царского манифеста...

Ночью в их квартире на Трехсвятительской была взломана дверь, но жандармы никого не нашли. А наутро Глеб выступал на лестнице управления перед растерянной толпой железнодорожников. И

внимательная Зинаида, глядя на Глеба, возвышавшегося над толпой и говорившего взволнованно, понимала, что на душе у Глеба неспокойно. Рядом с Зинаидой, рядом с Глебом уже мелькали перепелиные усы. Нужно было бежать отсюда скорее, бежать в Петербург. Глеб и Зинаида с помощью железнодорожников были тайком посажены на паровоз и скрылись от пристальных взоров железнодорожной жандармерии, которой Глеб был теперь уже прекрасно известен.

...Анализируя прошедшие события, начальник Киевского губернского жандармского управления составил список из 36 лиц, «ни одно из которых не может быть терпимо на службе в Управлении Юго-Западных железных дорог ввиду доказанной их противоправительственной деятельности».

Среди них числился и Кржижановский Глеб Максимилианович. «Свидетельскими показаниями 11 лиц и другими данными переписки установлено, что он является одним из главнейших деятелей союза, состоял членом комитета местного отделения союза, на митингах... председательствовал, выступал неоднократно оратором, как на митингах, так и на лестнице в Управлении 18 октября 1905 года. В февральскую забастовку на собрании депутатов горячо призывал к всеобщему восстанию против властей. Участвовал в Жмеринском съезде... За нерозыском допрошен не был».

К счастью для Глеба, в списке нежелательных, разыскиваемых и подлежащих наказанию лиц, был и бухгалтер Люциан Хржановский. Близость фамилий навела следствие на ложный путь. Хржановский, действительно сочувствовавший большевикам, был арестован, и ему предъявили обвинения, по праву принадлежащие Кржижановскому.

Прекрасно понимая, что ищут не его, а Глеба, Хржановский тем не менее спокойно дал арестовать себя и тем на некоторое время умиротворил Киевское охранное отделение. Он сразу же сообщил об ошибке в Киевский комитет и лишь время от времени запрашивал: когда ему нужно будет признаться в том, что он не тот, за которого его принимают жандармы?

Распоряжение о признании такого рода поступило от партии через месяц, когда Кржижановские были уже в Петербурге.

Часть пятая

ИНЖЕНЕР-ЭЛЕКТРИК

Век пара — век буржуазии.

Век электричества — век социализма.

Г. М. Кржижановский

НА НЕЛЕГАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Кржижановские попали в Петербург в конце «шести недель свободы». Была отменена цензура. Газеты печатались явочным порядком. Представить такое несколько месяцев назад было просто невыносимо.

Владимир Ильич, вернувшись из эмиграции, проводил в Петербурге гигантскую работу. Зинаида Павловна и Глеб встречали его то на квартире Горького, то в редакции «Новой жизни» — легальной социал-демократической газеты. Он был напряжен и сосредоточен — шла подготовка к восстанию.

Глеб окончательно перешел на нелегальное положение, памятуя о том, что его киевские дела не могут остаться без наказания. Нужно было, как советовал Ильич, держать порох сухим и быть готовым ко всяким неожиданностям. Потеря заработка была весьма чувствительна. Глеб был заочно уволен по третьему пункту железнодорожного устава, навсегда запрещающему ему занимать какие-либо должности на железных дорогах. С другой стороны, проживание в Петербурге ему также было запрещено еще с 1900 года, и он не мог получить никакой официальной должности в каком-нибудь другом ведомстве.

Обе профессии — химика и железнодорожника — оказывались теперь в его жизни напрасным грузом. Впрочем, не совсем, ибо он широко использовал свои химические знания и киевский опыт для изготовления бомб к будущему вооруженному восстанию в Петербурге, испытывал их в финляндских шхерах вместе с Леонидом Красиным.

Встретиться с Ильичем было очень трудно. Он беспрестанно менял квартиры и адреса, и даже Надежда Константиновна не всегда могла с ним увидеться.

Глеб искал встреч с ним, старался не пропустить ни одного из его выступлений. Незабываемые минуты. Позднее Глеб Максимилианович вспоминал о выступлении Ленина на митинге в Народном доме графини Паниной. Это было в мае 1906 года.

«На трибуне последовательно сменяются одна за другой фигуры известных всему Петербургу ораторов. Выступают лучшие силы кадетов и трудовиков. И вот на той же трибуне новая фигура неизвестного широкой толпе оратора. Бросается в глаза только необычайно выпуклая линия лба и пронизывающий блеск слегка косящих глаз. Он говорит только какой-нибудь десяток минут, но вы ясно видите, что этот оратор уже вполне

завладел и по-своему зачаровал эту массу впившихся в него с напряженным выражением тысяч и тысяч глаз... Перед нами, несомненно, грозный народный трибун... За каждым словом этого оратора чувствуется такая глубокая продуманность до конца, такая страстная убежденность, которые покоряют сильнее всяких словесных красот и изысканных голосовых модуляций. Он сходит с трибуны под гром аплодисментов, переходящих в овацию, и нам приходится наблюдать, что в этом единомышленном порыве участвуют даже те, которых он только что обличал...»

По всей России, от моря и до моря, разворачивались красные знамена. И по всей России, от моря и до моря, бросали в тюрьмы, арестовывали, расстреливали, громили...

Московское восстание было потоплено в крови, Петербург был мрачен и встревожен, но недвижим — волна революции спадала.

Осенью 1906 года Владимир Ильич забежал вечером к Глебу и Зинаиде. Несмотря на огромную работу, которую Ленин проводил в последние дни, он выглядел бодрым и энергичным, оживленным.

Говорили, разумеется, о последних событиях.

— Жаль, не в нашей власти было немного оттянуть восстание — хотя бы до весны, до возвращения маньчжурской армии! Тогда все могло сложиться по-иному, — говорил Ильич.

— Важно еще и правильно отступить, — подхватывал Глеб. — Убыль в движении масс после гигантского размаха дает нездоровую почву для отдельных партизанских выступлений. Террор и разнообразные экспроприации, или, как их сейчас называют, «эксы», видимо, знаменуют спад революционного движения.

— Ты что же, предлагаешь запретить эти отдельные выступления? Неужели ты не понимаешь, что сейчас у нас, как никогда, большие возможности для организации решительных, смелых революционных «двоек» и «троек», а то и «пятков» и «десятков», которые станут когда-нибудь, может быть весьма скоро, залогом и ядром восходящей волны нового массового движения? Крестьяне не сказали своего слова. Посев этого года слишком реален. Засеяли именно те слои почвы, признать бесплезность которых — все равно что признать прекращение биения пульса гигантского организма — нашей огромной страны. Но ведь она жива! Сейчас немногие тысячи революционеров-профессионалов привели в движение сотни тысяч пролетариев и ближайших попутчиков пролетариев, а в следующий раз десятки тысяч организованных под знаменами партии приведут в движение десятки миллионов, и тогда победа будет несомненна.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ТРЕТЬЯ И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ

С Литейного на Фонтанку, из одной редакции в другую, литературная работа (вечно под псевдонимом, плохо оплачивается), сотрудничество в «Волне», «Набате», «Северной звезде». Глеб чувствовал, что эта бродячая жизнь его тяготит, что он уже в том возрасте (тридцать четыре года), когда хочется хотя бы минимальной устроенности, постоянной работы, своего угла. Когда к концу 1906 года Столыпин развернулся вовсю, когда были зажаты последние гайки и Россия погрузилась в тревожное забытие, легальные социал-демократические газеты то и дело меняли адреса, названия, запрещались к выпуску, а издания большевистского толка вообще запрещены, Глеб начал оглядываться вокруг и видел, что его положение не блестяще. Он не мог поступить на работу — это прежде всего. Третий пункт железнодорожного устава запрещал ему заниматься той профессией, какую он приобрел, — профессией железнодорожника. Химию он основательно подзабыл (разве вот химия взрывчаток?), но кто ж его возьмет не только на Охтенский пороховой, но и на любой другой завод?

Испытания «македонок» с Красиным между тем продолжались.

Было скоплено довольно много взрывчатки, и однажды, когда, удовлетворенные, возвращались они из Сестрорецка, Леонид сказал ему:

— Глебася, ты что-то у нас поистаскался, поистрепался, видно, литература сейчас кормилица плохая! Нужно бы тебе и для прикрытия, и для денег, и для полноты жизненной взять какую-нибудь инженерную работенку.

— Да какой же дурак даст? Дорожка закрыта. Ходит птичка весело по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий. А последствия — вот они! Не быть мне инженером, не быть мне крупным политиком, не быть мне литератором, не быть мне и поэтом. Кем же быть?

— Стой, не спеши, есть одна тонкость. «Общество электрического освещения 1886 года», где я работаю, ведь немецкое?

— Еще какое немецкое.

— Но немцев твоя, благонадежность, наверное, волнует слабо, как ты думаешь? Они ведь сами формируют штат, жандармов не спрашивают?

— Понял. Но я-то не электрик! Я — революционер-химик, поэт, машинист, литератор, инженер-технолог, но никак не электрик!

— Ты у нас способный. Научись. Возьмем тебя, конечно, не

руководителем, а кем бы? Ну, скажем, монтером. Сможешь концы сплесневать?

— Чего, чего?

— Ну ладно, разберешься. Опять же поближе к рабочему классу. Никому, и тебе в том числе, это не повредит.

Так Глеб был устроен электриком в «Общество электрического освещения 1886 года». Нужно было ему приобретать еще одну профессию.

Он, теперь уже электрик-кабельщик, усердно учился соединять — «сплесневывать» — концы кабелей, узнал опасную начинку трансформаторных будок, начал вникать в суть тонкой и сложной электромеханической работы.

Монтеры общества были настроены по-боевому. Здесь, среди них, Глеб почувствовал, насколько прав был Ильич, говоря о посевах, который не может не взойти. Он сам видел, и сам оставлял, и сам забирал в этих опасных трансформаторных будках много нелегальных большевистских изданий, там иногда попадались и перевязанные пачки пятисотрублевки. Это было громадное богатство, и все же богатство, на котором был водяной знак смерти: пятисотрублевки по заданию партии были экспропрированы в Тифлисе беззаветно храбрым Камо, а Красин был душой и сердцем этой операции. Постепенно, однако, номера похищенных банкнот были сообщены во все банки, и предъявлять их там для размена было равносильно самоубийству.

В 1908 году Красина арестовали. Красина нужно было выручать, и в подготовку организации побега Красина активно включился Глеб Кржижановский.

Первый план — устроить побег из Выборгской тюрьмы — осуществить, к сожалению, не удалось.

Оставалась еще одна возможность: воспользоваться законами автономного княжества Финляндского, отличными от законов российских: там, в частности, был пункт, по которому нельзя было держать в тюрьме человека без предъявления обвинения больше месяца. Все было сделано для того, чтобы еще более застопорить и так медлительную судебно-бюрократическую машину, — документы, изобличающие Красина и обрекавшие его на безусловную казнь, прибыли через два часа после того, как он, после прошествия положенного месяца, был выпущен. В тот же день Красин перебрался за границу. Тут наконец все вздохнули свободно, и радость была велика.

Красин уехал, а Глеб остался. Он стал техником, а потом и инженером кабельной сети. Это дало ему большие возможности и для революционной

работы, и для научно-технической деятельности.

Из писем Г. М. Кржижановского З. П. Кржижановской

«14 июня 1907 г...Пучу глаза на всякие электрические премудрости...

18 июня 1907 г...К зиме буду уже занятым электриком, а следовательно, буду чувствовать под собой более крепкую во всех отношениях почву... Я тут учусь, и в ученье чувствую себя человеком...»

«ОБЩЕСТВО ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ 1886 ГОДА»

В 1886 году в России образовалось «Акционерное общество электрического освещения», которое вскоре стали называть просто «Обществом 1886 года». Оно построило четыре центральные станции в Петербурге и две в Москве. Генераторы станций давали ток для освещения домов, улиц и площадей. «Общество» принадлежало в основном немецкому капиталу.

Кржижановский попал на работу в одну из цитаделей российской электрификации. Обязанности Глеба здесь, по крайней мере, по их перечню были невелики — следить за состоянием кабельной сети района и устранять неполадки. На столе у Глеба всегда лежала инструментальная сумка и клещи. То и дело ему приходилось вскакивать и бежать. То здесь, то там случались аварии, иногда крупные, с выгоранием оборудования, но чаще всего «выбивание» предохранителей. Взрывы предохранителей были вполне заурядным явлением, и Глеб, надев защитные очки и резиновые перчатки, бывало, бесстрашно вскарабкивался на табурет и начинал копаться внутри ящиков, на дверцах которых скалился выразительный череп.

— Галочка, держи меня, — просил он своего помощника, монтера Галкина.

Однажды взрыв предохранителя произошел в подстанции, примыкавшей прямо к конторе «Общества». Глеб Максимилианович с «Галочкой» вбежали, услышав звук, в контору и рассмеялись: конторщики растерянно выглядывали из-под столов.

Но напрасно было бы ожидать, что беготня по авариям заслонит от Глеба Максимилиановича осознание необходимости «учиться электричеству». Он много перечитал. И понял, что в мире электротехников отнюдь не было единства — то, что потом казалось столь очевидным, тогда внушало большие сомнения. Да, электричество — прекрасная вещь, вполне соответствующая новому, прогрессивному веку. Но его использование рождало десятки и сотни вопросов.

Какой ток: постоянный или переменный? И тот и другой по-своему хороши и в некотором смысле взаимозаменяемы. Начало XX века предлагает горы электрического ассортимента: электрические утюги, электрические звонки, электрические плиты, электрические музыкальные

инструменты, электрические силки, электрические ружья, электрические хлысты для выездки лошадей, электрические изгороди, электрические зонды для поиска пуль в телах пациентов, электрические сети для ловли рыбы, электрический стул... Эти устройства могли работать и на переменном и на постоянном токе.

«Конкуренция» токов, требующих различного оборудования, зашла так далеко, что проникла в политику, в общественную жизнь. Ловкий ход Томаса Эдисона, владельца «Эдисоновской компании» — компании постоянного тока — из Аусбурнской тюрьме Нью-Йорка производится первая казнь на электрическом стуле. Мучения убийцы Кеммслера, добываемого переменным током высокого напряжения, вызвавшие широкий общественный протест, были на руку Эдисону, поскольку компрометировали переменный ток. Эдисон внес в сенат штата законопроект, навсегда запрещающий применение переменного тока как богопротивного, опасного и аморального. Эдисон выступал на многочисленных организованных им митингах, умело вызывал энтузиазм и возмущение толпы, точно дозируя ее гнев и воодушевление.

Его союзники — в основном владельцы акций компании — подтверждали эту опасность примером: недавно, наступив на крышку люка кабеля высокого напряжения переменного тока, мгновенно была убита лошадь, да, люди действительно подвергаются громадной опасности.

Какой же выбрать двигатель — этот первичный привод, уникальный по универсальности? Двигатель постоянного или переменного тока? Если постоянного, то какой конструкции? Если переменного, то какого типа: синхронный, асинхронный, коллекторный? На какое ориентироваться напряжение — высокое или низкое? Низкое безопасно, но с его помощью нельзя передавать электроэнергию на сколько-нибудь значительное расстояние — это легко сделать с помощью переменного тока высокого напряжения.

Вообще, какую стратегическую систему принимать: систему индивидуальных блок-станций при каждом доме или строить центральную большую станцию, от которой и начинать распределение, тянуть линии, ставить трансформаторные подстанции?

Размышляя обо всем этом, Глеб решил разобраться во всех технических противоречиях, связать их с жизнью, увидеть в технических задачах отражение проблем общества, решить вопросы грядущего электроснабжения не только как чисто технические, но и как социальные, нравственные.

Изучая опыт своей компании, набираясь собственного, черпая его со

страниц иностранных технических журналов, Глеб решил написать реферат, может быть, и не реферат, а нечто вроде памятки. Как назвать эту первую его научную работу: «О природе электрического тока»? Да, начинать надо именно с этого. От физики к теоретической электротехнике, от нее к электротехнике практической — электрическим машинам, трансформаторам, потом — станции и их роль в грядущем развитии страны и мира...

...Особые надежды, по-видимому, следует связывать с многофазными токами. Этим занимались Галилео Феррарис в Турине, Никола Тесла в Нью-Йорке.

А вот Добровольский показал на Франкфуртской выставке в 1891 году простые трехфазные моторы, не имеющие коллектора. «Эти моторы обладают, — записал Глеб, — сравнительно со своими обычными соперниками — обыкновенными моторами постоянного и переменного тока — многими преимуществами, ибо они до известной степени соединяют в себе хорошие качества и тех и других... Большая простота и прочность конструкции позволяют с удобством применять моторы трехфазного тока и на палубе корабля — во всех местах, где грубое обращение с моторами неизбежно. Нетрудно, например, спроектировать и такой мотор трехфазного тока, который работал бы и при полном погружении в воду. Дальнейшая выгода в том, что значительно увеличивается расстояние передачи... Так, например, при передаче энергии в Лауффене напряжение между каждой из клемм генератора и землей было всего 50 вольт, и напряжение между проводом и землей в 160, а в некоторых случаях и в 320 раз превосходило напряжение у генератора... Одним из недостатков трехфазного мотора является неизменчивость числа его оборотов, что для многих целей, например в трамваях, совершенно недопустимо. Это, конечно, серьезный недостаток, но мы можем быть уверены, что люди, сумевшие передать 200 лошадиных сил на расстояние 180 километров, со временем решат и эту задачу».

Последняя фраза, содержащая романтическую гиперболу, относилась, безусловно, к Классону, участвовавшему в Лауффен-Франкфуртском эксперименте. Его техническим талантом Глеб неустанно восхищался. Они были однокашниками, Классон немного старше, а вот поди же ты — всемирно известный инженер Классон и пока еще никому не ведомый, начинающий инженер Кржижановский. Но у Кржижановского было преимущество — он знал и технику, и жизнь, и революцию. И возможности техники понимал гораздо шире, чем Классон.

Иногда в связи с необходимостью соединения далеких энергетических

объектов легкими нитями проводов, несущих электрический ток, Глеба посещала, например, мысль о том, что нити эти могли бы сыграть роль разветвленной системы кровеносных сосудов, разносящих энергию от нескольких источников, связанных между собой. Пока еще неявно перед ним вставал в смутных построениях единый энергетический организм страны, страны уже не разбитой на частные лоскуты, а слитой единым социалистическим хозяйством. «Постигая все глубже науку об электричестве, — как-то рассказывал он через много-много лет, — я все более и более убеждался в великих судьбах электрификации после социалистической революции».

Все эти мысли и соображения были Глебом высказаны на лекциях, которые он прочел для молодых инженеров и техников «Общества». О лекциях стало известно в Москве, и управляющий господин Классон и его помощник и советчик Старков решили, что уровень Глеба настолько высок, что пост главы кабельной сети Васильевского острова в Петербурге для него уже мелковат, в связи с чем господину Кржижановскому предлагалось новое место в Москве, место заведующего кабельной сетью города.

К 1910 году для переезда в Москву были большие основания. Помимо всего прочего, туда тянули родственные и старые, еще по Технологическому институту, связи. После забастовок электриков на бакинских нефтепромыслах и отказа их начальника, Классопа, выдать полиции зачинщиков беспорядков Классон был вынужден покинуть Баку. Предложение, сделанное ему, — занять высокий пост в Московском отделении «Общества 1886 года» пришлось тут как нельзя более кстати.

Вместе с ним переехали в Москву и Базиль с Тоней. Старков был назначен заместителем управляющего «Общества» по электрификации городских железных дорог — трамвая. Он тоже был за скорейший перевод Глеба в Москву.

И вот Глеб Максимилианович Кржижановский назначен заведующим кабельным хозяйством города Москвы. Его задача — соединить электростанции города, многие из которых мелки и разрозненны, в единую городскую электрическую сеть.

Несколько недель Глеб занимался изучением своего будущего хозяйства. С электростанции на Раушской набережной Москвы-реки, крупнейшей станции России, во все стороны тянулись тяжелые промасленные освинцованные кабели. Они вползали вблизи станции в каменные подземные тоннели, несли энергию городским окраинам, где дымили заводские трубы. Руководители «Общества электрического освещения» понимали, что именно промышленная нагрузка — будущее

станций и потенциально наиболее активный потребитель электроэнергии.

Этим признанием и этим расчетом «Общество электрического освещения» порывало с собственным названием, волочащимся за ним с прошлого века. Промышленная нагрузка привлекала владельцев «Общества» прежде всего тем, что свет электрический горит вечерами, а трубы заводов дымят круглосуточно. Можно было бы более равномерно загружать генераторы, резко повысить мощность машин, отпуск электроэнергии и соответственно прибыли. Да и будущие промышленные потребности были куда больше «осветительных».

Классон выкинул козырную карту: было объявлено во всеуслышание, что тарифы на электроэнергию для фабрик и заводов будут снижены по сравнению с обычными. Расчет оказался правильным — многие заводчики тут же решили прикрыть свои небольшие местные электростанции и подсоединиться к электрическому спруту.

Но заводы были далеко! И спрут не мог дотянуть до них своих щупалец — восемь-десять верст выходило до некоторых: не мог дотянуть, ибо напряжение распределительной сети было низко — 2100 вольт, стало быть, при той же мощности высок ток, стало быть, потери — квадрат тока на сопротивление кабеля — велики уже катастрофически, недопустимы, больше мощности уйдет на потери, чем поступит к потребителю.

Глеб понимал, что старым способом подсоединить новых потребителей, создать единую сеть нельзя. Нужно было проводить коренную реконструкцию. Это было бы и кстати — способы прокладки первых кабелей казались ему (уже тогда!) архаическими. С грустью смотрел он, например, на кабели Москворецкого моста, проложенные в асбестовых казематах, на воздушные линии, под которыми гамаками висели «защитные» сетки.

Решено было перевести кабельное хозяйство Москвы на 6 тысяч вольт — при этом напряжении потери передачи сокращались почти вдесятеро и почти во столько же раз раздвигались возможные радиусы воздействия «электрического спрута» на Раушской набережной. Пригодился петербургский опыт: Глеб блестяще знал организацию работ, умел ладить с рабочими, руководил десятниками, заботливо предохранял от опасностей высокого напряжения. Глеб разработал подробные инструкции по технике безопасности, порядок проведения работ под напряжением и без него, систему блокировок.

Глеб много читал, и это занятие, столь обычное и будничное, преисполнялось для него особым смыслом. Осваивая техническую литературу, он смотрел на проблемы как бы с высоты своего жизненного

опыта: они приобрели политические, хозяйственные, экономические, психологические, даже нравственные очертания. Например, вопрос о централизации электроснабжения. Сейчас каждый маленький заводик имеет свой пыхтящий локомотив, вращающий генератор с собственным напряжением, видом тока, частотой. Но этот генератор и локомотив для заводчика, для директора свои! Куда хочу, туда ворочу! А централизованное электроснабжение требует ликвидации нерентабельного заводского оборудования и подсоединения к какой-то центральной сети. А как будут у владельца этой централи неприятности — взрыв, забастовка или просто плохие инженеры — например, будут им недоплачивать и они начнут вредить, — тогда что? Выходит, попадать в зависимость от кого-то? Увольте! И только сильно урезанный, вдесятеро понижающий цену электроэнергии по сравнению с личной станцией — только тариф убеждает... Но локомотивчик оставим... Пусть постоит... Мало ли что...

Так, рассуждая один раз за себя, другой раз — за важного и нецивилизованного предпринимателя, третий раз — за предпринимателя современного, четвертый же раз — за рабочего, Глеб в лицах разыгрывал драму технических идеи и понимал, что техника — ценность не абсолютная, что технические идеи для разных классов общества, для разных обществ имеют разный смысл. Только сейчас он во всей глубине воспринял то, что говорил ему Старик на енисейском холодном берегу, когда обсуждали они рукопись о развитии капитализма в России. Помнил Глеб, как и потом Старик говорил, что значительную роль в деле развития отечественных производительных сил должны сыграть те компании, которые применяют все возможные способы, чтобы удешевить электричество путем концентрации.

Глеб понимал, что, увеличивая мощности центральных станций, «Общество» концентрирует пролетариат, усиливает его, делает его владельцем подлинным, а не мнимым этих великолепных машин. Вместе с рабочими «Общества» Глеб приближал и гибель капитализма. Он сейчас уже готовил и специалистов, и станцию, и кабельное хозяйство, и все, на что он мог воздействовать, к жизни при неизбежном социализме. И, как рачительный хозяин будущих богатств, прикидывал, что можно поставить лучше, грамотнее. Много переговорили они и с Классовым. Тот отдавал все силы любимому инженерному делу. Классову важно было найти идеальное техническое решение как таковое. Это был романтический рыцарь техники (на станции его звали «д'Артаньяном») и в этом смысле несколько не изменился с тех пор, как Глеб познакомился с ним в «Техноложке».

Появление Кржижановского в Москве не прошло без внимания

охранного отделения. Почти сразу же за ним было учреждено непрерывное наблюдение. Страницы этого наблюдения небезынтересны: они дают множество деталей жизни нашего героя в тот период жизни, сведений о котором почти не сохранилось. Период особенно активной слежки берет начало со следующего донесения, направленного 5 августа 1910 года начальником Московского охранного отделения департаменту полиции: «23 июля сего года в г. Москве, в квартире инженера-технолога Глеба Максимилиановича Кржижановского состоялось особо законспирированное собрание московских представителей верхов партии».

В журнале охранного отделения за 1910 год, называемом «Наблюдение за «Пробным» и «Деловой», можно увидеть наших героев со стороны — так, какими они представлялись филерам охранки. Линованная угличская бумага, старательные записи исполнительных людей. «Пробный» — это Кржижановский Глеб Максимилианович, «Деловая» — его супруга Зинаида Павловна. Вот несколько фрагментов из этого уникального в своем роде документа:

«26 июля в 10 ч. 30 мин. утра вышел с парадного хода дома Дурилина по Черниговскому переулку, квартира 25 неизвестный господин, кличка ему будет «Пробный». Отправился на Садовническую ул., дом О-ва Электрические станции, парадная, где карточка Кабель-трансформаторный отдел, откуда через 2 ч. вышел и вернулся домой.

В 2 часа дня вышел вторично и отправился туда же, пробыл 3 ч. 30 м., вышел вдвоем с неизвестным господином, тут же сели на поданную лошадь от «Каретника Петрова» и поехали ко «Пробному». Через 1 час лошади были отпущены с кучером домой, более их выхода замечено не было.

Андреев 60 к., Крылов 60 к. тр. изв. 30, Осьминин 60 к., тр. 30, Задонский 60 к. тр. изв. 30.

27 июля. В 9 ч. 50 м. утра вышел из дома, отправился на занятие... где пробыл до 1 часу дня, вернулся домой.

В 2 ч. дня вышел вторично, отправился на занятие, пробыл до 4 ч. дня, вышел, сел на автомобиль № 490 и уехал без наблюдения...

28 июля «Пробный» пошел без наблюдения по направлению на занятия, а барынька, которой кличка будет «Деловая», села в трамвай. На Театральной пл. слезла, пошла в магазин Мюр Мерилиз по Петровке ул., через 35 мин. вышла, постояла немного, опять вернулась в означенный магазин; через 15 мин. вышла с покупкой и тут же встретилась с дамой, которой кличка будет «Исправная», и трамваем поехали в верхние торговые ряды, где зашли в мануфактурный магазин Дьячкова и вышли, тут же

зашли в магазин Викулы Морозова, скоро вышли с покупочкой и трамваем поехали к «Деловой»...

31 июля. В 9 час. 45 мин. вечера вышли из дома с «Пробным», «Техником» и неизвестным господином, которому будет кличка «Твердый», и тут же взяли извозчиков и поехали в сад «Аквариум» по Садовой ул., где пробыли до 12 ч. 30 м. ночи. По выходе из сада взяли извозчика. «Деловая» и «Пробный» направились домой, а неизвестные отправились с наблюдением...

3 августа. В течение дня выхода и прихода не видали. На Николаевском вокзале отъезда «Деловой» из Москвы не замечено.

4 августа... на Николаевском вокзале отъезда «Деловой» не замечено...

5 августа. В 3 часа 30 мин. дня «Деловая» вышла из дома и трамваем отправилась на Театральную площадь в отделение городских казенных станций ж. д. Через 5 мин. вышла и тут же пошла в Международное об-во Спальных вагонов, где купила билет, затем трамваем вернулась домой... На Николаевском вокзале отъезда «Деловой» из Москвы не замечено.

6 августа. В 6 час. 30 мин. вечера «Деловая» и «Пробный» вышли вторично из дома, имели при себе вещи: небольшой чемодан, маленькую корзиночку и постельную принадлежность. На извозчике отправились на Николаевский вокзал... В 7 час. 30 м. вечера «Деловая» с отходящим поездом отправилась на Петербург под наблюдением филеров Крылова и Олейниченко...

6 августа. «Деловая» в 7 час. 30 м. вечера выехала из Москвы поездом № 8 по Николаевской железной дороге до С.-Петербурга. В пути выходила из вагона на платформу на станции Клин, где прогуливалась. Приехала в С.-Петербург 7 августа в 8 ч. 30 м. утра, где сдала свои вещи на хранение: 1 саквояж, 1 маленькую корзинку и постельную принадлежность и отправилась в дом № 36 по Баскову пер., где пробыла 3 часа 20 мин., вышла и была передана петербургским филером Семенову и Александрову...»

Две недели слежки дали результат. Упорство и труд... Но зачем Зинаида Кржижановская заходила в магазины? Не такая уж она модница. Зачем поехала в С.-Петербург? Наверное, не зря.

Конечно, основания для слежки у охранного отделения были вполне серьезные. Зинаида Павловна готовилась к поездке на II конгресс Интернационала в Копенгаген — это откуда-то стало известно. Там ее ждала встреча с Ильичем. Он остро интересовался положением дел в России. Это было нелегкое время. Ильич предпринимал гигантские усилия,

чтобы спасти партию, укрепить ее центр и с его помощью восстанавливать ослабленную нелегальную организацию в России.

Когда Зинаида вернулась, расспросам не было конца. Она рассказывала о новой тактике, о линии поведения большевиков в условиях нарастания революционной борьбы в России.

Период нового подъема совпал с митингами и демонстрациями по случаю смерти Толстого. Вышел первый номер «Зари», в Москве начала издаваться большевистская газета «Мысль», активным сотрудником которой стал и Глеб Кржижановский. Ленин опубликовал в «Мысли» несколько статей. Как жизнерадостное новогоднее пожелание прозвучала 31 декабря фраза из его статьи «Начало демонстраций»: «За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!»^[25]

ГОД 1912-й

1912 год в Московском охранном отделении был, как и другие, хлопотным. Социал-демократия повержена и, по-видимому, не оправится. Обе ее части хорошо «обслуживаются» провокаторами. На Пражскую конференцию большевиков командирован агент «Крапотка», к меньшевикам — агент «Сидор». Еще и «Вяткин» есть, отличный работник. — Ротмистр Иванов, дайте под расписку подполковнику Турчанинову, ротмистрам Белавину и Савицкому, пусть прочтут, порадуются. «Совершенно секретно. Агентурная записка о конференции РСДРП в январе 1912 года. Присутствовали: 18 чел. большевиков, представляли «заграничные верхи» партии: Ленин, Каменев, Семашко...»

Поняли, братцы, как нужно работать? Ай да «Крапотка», он же... Молчу, молчу, господа! Читаем дальше.

«...Из указаний наличного числа присутствовавших на заседании конференции представителей имперских учреждений партии явствовало, что степень дезорганизации русского «подполья», если не считать благоустроенных меньшевистских учреждений Киева и Кавказа, достигла почти повсеместно крайних пределов: разрушены и прекращают свои функции под давлением тяжелых полицейских условий даже низшие подразделения партийных организаций; вся работа мало-мальски осведомленных и остающихся на свободе партийных работников сводится лишь к формированию и руководству в среде «легальных возможностей»; мелких кружков, малопродуктивных благодаря отсутствию опытных организаторов, нелегальной и явочно-агитационного характера литературы...»

— Ну Крапотка, как все понимает! Видно, не последняя спица в колеснице. А вот что пишут сами партийцы в своей резолюции:

«В широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910-11 гг., начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д. — это есть проявление нарастающего революционного настроения против режима...»

— Ну, нашли революционеров. Студентов. Тем перебеситься надо. А как пооканчивают институты... Надоело читать этот вздор, господа.

Давайте распишемся, и...

— Нет, дочитаем. Тогда и распишемся.

«...Конференция признает безусловно необходимым участие РСДРП в предстоящей избирательной кампании в IV-ю Думу, выставление самостоятельных кандидатов нашей партии и образование в IV Думе социал-демократической фракции подчиненной, как часть, партии в целом...»

— Ясно, ясно. Давай-ка, Заварзин, выправляй бумагу. Всех подозрительных выпиши, всех активистов. До единого!

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

«...Представляя при сем справки из дел подведомственного Охранного отделения на членов Российской социал-демократической рабочей партии... инженер-технолога Г. М. Кржижановского и его жену З. П. Кржижановскую, являющихся весьма серьезными по авторитетности работниками, влияние которых обнаруживается постоянно в Москве во всех партийных начинаниях, имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что постоянное и широкое пособничество, выражающееся в пополнении партийной кассы сборами с публичных лекций... и [помощи] авторитетными советами, руководством на почве указания путей в демократических выступлениях в обход закона посредством прикрытия легальными возможностями, профессиональными союзами, забастовочным движением на экономической почве со стороны других, приводят к заключению о нежелательности дальнейшего оставления этих лиц в здешней столице... По агентурным сведениям подведомственного мне Охранного отделения на одном из последних партийных заседаний с.-д. деятель В. И. Ульянов («Ленин») отметил, что необходимо принятие самых энергичных мер к проведению в IV Государственную Думу кандидатов от РСДРП, но вместе с тем остановился на вопросе о строжайшей конспирации при предварительных обсуждениях кандидатур, дабы партия не могла бы в будущем понести серьезные неудачи, примером чего может служить прошлогоднее поражение в Москве, когда расконспирированный до начала выборов кандидат на место ушедшего Ф. А. Головина литератор Скворцов был задержан и выслан из столицы.

Вследствие изложенного испрашиваю указаний Вашего Высокопревосходительства относительно желательности запрещения... супругам Кржижановским жительства в порядке 4 п. 16 ст. положения о Государственной охране в г. Москве и Московской губернии на все время состояния таковых на положении усиленной охраны...

Генерал-майор Артамонов».

«Справка

По агентурным сведениям 1911 г., Глеб Кржижановский состоял членом первого Центрального Комитета РСДРП, сочувствует лицам с.-д. направления и ведет на этой почве партийную переписку. В последнее время он как бы отстранился от работы, но при желании может явиться одним из тех лиц, кои могли бы восстановить с.-д. партийную работу в Замоскворецком районе.

Кржижановский, состоя инженером станции Общества электрического освещения 1886 года, принимает на службу определенных социал-демократов, которые, получая место для заработка, немедленно принимаются за пропаганду с.-д. идей среди рабочих.

16 мая 1912 г.».

— Что, Заварзин, пришел от господина министра ответ насчет большевиков?

— Точно так-с. Сегодня прибыл.

— Давай сюда.

«Для применения п. 4 ст. 16 Положения об охр. нужно, чтобы указанные лица проявили в чем-нибудь определенном свою деятельность — пропаганду с.-д. идей. При этом условии к высылке их, по мере установления их преступной деятельности, препятствий не встречаю».

— Есть еще новости?

— Да, есть кое-что. «По циркулирующим в среде железнодорожных служащих слухам к дню предстоящих в Москве юбилейных торжеств ожидается всеобщая забастовка».

— Да, придется, видно, выселять большевиков. Повод найдем, не извольте беспокоиться.

...Но это было непросто. Революционеры стали опытней, осмотрительней. Думская тактика большевиков оказалась успешной — их депутаты достойно отстаивали права угнетенных. Ширилось и использование всех и всяческих легальных возможностей. Глеб активно писал в «Мысль», Зинаида возглавила женское движение. Московские большевики поручили ей принять участие в создании «третьего женского клуба», организуемого либералами. Вскоре этот клуб поменял свою ориентацию на большевистскую.

Весной 1913 года руководимые Зинаидой текстильщицы, печатницы,

швейницы, кондитеры решили отметить Международный день 8 Марта. Этот женский праздник собирались проводить в Москве впервые, и Зинаида при его организации встретила множество препятствий. Сначала ей отказали в помещении. Женские курсы на Пречистенке не захотели связываться с новым подозрительным начинанием. В конце концов нашли подвал где-то в Дорогомилове. Сидели в духоте, тесноте, при свечах и керосиновых лампах, тухнувших по недостатку кислорода. Но все было захватывающе — и чувство небывалого единства, и сознание своей силы, и какая-то неведомая прежде гордость. Зинаида сидела за председательским столом, подсказывала слова запинаящейся активистке профсоюза портных Марии Платоновой, в волнении теребившей председательский колокольчик, отчего он издавал несвоевременный звон. В конце концов Зинаида его отобрала, и Мария, облегченно вздохнув, начала говорить о том, что наболело на сердце: о равноправии, об освобождении рабочего класса, об улучшении условий труда.

...Расходились уже после одиннадцати. Зинаида шла домой измученная, уставшая. Здоровье ее постепенно сдавало. Нужно было ехать за границу, делать операцию. А она все рвалась на новые дела, организовывала празднование 1 Мая в Лосиноостровском лесу, сама разработала систему конспирации, занималась устройством вечерней школы для швейников, деревообделочников, строительных рабочих где-то в Самарском переулке (ее закрыли за неблагонадежную линию уже перед революцией), с жаром говорила о том, как тяжело живет ткачихам, портнихам... Ведь на них еще и семья и дети...

О детях... Эти разговоры всегда были печальны, ибо связаны были с болезнью Зинаиды, и заканчивались общим выводом — необходимостью тяжелой операции. Инженер Кржижановский, получающий чуть ли не 250 рублей в месяц, мог себе позволить послать жену на лечение к известному швейцарскому специалисту. Копили деньги в течение нескольких лет, и вот в 1913 году Зинаида уезжает за границу.

Операцию делал знаменитый профессор Ру. Она прошла как будто бы удачно, но профессор на другой же день уехал из своей лозаннской клиники по срочному вызову, а у Зинаиды Павловны началось заражение крови и многочисленные осложнения, отравившие всю последующую жизнь.

С недолеченным перитонитом Зинаида Павловна вернулась в Москву. Квартира на Обыденском превратилась в лазарет. Температура то и дело подскакивала до сорока, врачи призывали Глеба Максимилиановича крепиться. Говорили, что исход зависит только от крепости организма.

Положение все ухудшалось — Глеб Максимилианович понял это, когда жене стали сниться умершие — сначала отец, мать, потом Запорожец. Это был плохой признак и по тибетской медицине, и по любой другой. Глеб Максимилианович то и дело бросался к ней: жива?

— Не бойся. Я обязательно выздоровлю.

Положение ее и в самом деле стало как будто бы налаживаться, однако еще год она провела в постели.

«ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧА»

Разговаривая с Глебом о необходимости постройки в России мощных электрических станций, Классов больше всего упирал на экономические соображения, и в самом деле весьма веские.

— Разве не абсурд, что Россия — гигантская Россия — ввозит бирмингемский уголь из Англии! Подумать только, во что обходится такой уголек! В Москве в топки котлов электростанций забрасывается немного донецкого антрацита, но куда больше бакинской нефти! Это все равно что топить печи кредитными билетами, как говаривал Менделеев, и он не преувеличивал, Глеб Максимилианович!

В то же время в России много местного топлива, — продолжал Классов, — топлива черного, бурого, жидкого, белого, голубого, какого угодно! Россия не разведала и сотой доли своих природных запасов, а среди них неизбежно будет найден уголь! Потом — запасы нефти, и горючих сланцев, и масса другого. Но есть ведь запасы местных топлив уже разведанные, валяющиеся буквально под ногами, лежащие в полном смысле этого слова на поверхности!

— Возьмем водные потоки, таящие гигантскую силу течения, — подхватил Глеб, — используем этот дар богов! Волга! Енисей, Волхов — сотни широких, полноводных рек, привлеченных наконец к делу, закрутят лопасти турбин. А что мы используем сейчас? Маленькая гидростанция на Мургабе, в предгорьях Гиндукуша. Аллавердинская станция в Армении, электростанция «Белый уголь» на реке Подкумок, маленькая станция рудников Алагирского завода на речке Цейдон, где-то в ущелье вдоль Военно-Осетинской дороги, и Порожская станция на реке Сатке — это на Урале. Но ведь это речушки, а не реки, это мощностишки, а не мощности. А взять да и нацелиться на Волгу. Я размышлял об этом и пришел к тому, что это возможно! Мощность всех гидроэлектростанций России сейчас не более 16 тысяч киловатт. Чепуха! В Североамериканских Соединенных Штатах одна «Ниагара Фоллс» дает чуть ли в десять раз больше — 131 тысячу! Это только одна станция, правда очень крупная. И эта станция не потребляет ни одного грамма угля. Никаких вагонов, никаких перевозок. Есть только достаточно дешевый транспорт электроэнергии — по линиям высокого напряжения на 50–60, а скоро и на 100 тысяч вольт! А мы сидим при наших ничтожных мощностях и напряжениях.

— Не это сейчас наша главная задача, — холодно и веско вставил

Классон. В нем говорил сейчас инженер, смертельно завидующий инженерам американским, их возможностям, размаху их дел, масштабам их станций, величине используемых ими напряжений, прекрасному электрооборудованию. Зависть глодала его. Глеб воспользовался минутной паузой, чтобы продолжить:

— Конечно, нужно беспокоиться не только об источниках энергии, но и способах ее распределения. Нужно сразу же думать о том, как топливо — белое, черное или голубое — использовать на месте для того, чтобы потом передать энергию целым районам. И чем больше будут эти районы, тем лучше... Все развитие мировой электротехники в настоящее время совершается под знаком областных станций. Их господствующее влияние в области грядущих переворотов мирового хозяйства несомненно. Отстать в этой области — значит влачиться по пройденным этапам экономического развития, значит отстать в основном и определяющем. А в будущем, объединив районные станции, можно будет создать и гигантские энергосистемы — столь обширные, что, когда одни станции будут освещаться солнцем, на других будет царить ночь. Тогда исчезнет проблема «суточного графика», проблема малого потребления энергии ночью!

— Всегда вы были мастер помечтать, Глеб Максимилианович. Сейчас у нас дела более земные — утилизировать топлива, которые лежат у нас под ногами в более непосредственном смысле. Водная твердь поддерживала разве что наших библейских предков. Вернемся на землю. Возьмем, например, торфяники... (Это была новая, всепожирающая страсть Роберта Эдуардовича. Он «заболел» торфом после того, как узнал, что под Богородском продается за бесценок громадное торфяное имение. Он мечтал купить его на чье-нибудь нейтральное имя, чтобы не узнали о возможной электростанции и не взвинтили цены.) Это совсем другой разговор, реальность, здесь не потребуются гигантских капиталов, как при строительстве гидроэлектростанций, здесь топливо будет обходиться буквально в гроши...

— Но ведь и сейчас в России существуют заводчики и фабриканты, употребляющие торфяное топливо для получения электроэнергии. Возьмите самого крупного потребителя торфа — Никольскую мануфактуру Саввы Морозова, мануфактуры его брата Викулы Морозова, товарищества Елагина, Каретниковой, Рябушинских, Кувшинова, Рабенека, Егорьевскую мануфактуру...

— Это правда, но какие там мощности? Самое большое до пяти тысяч киловатт. Нужно строить крупную станцию, с разветвленной сетью мелких потребителей.

— А потом соединить эту станцию с другими мощными станциями линиями высокого напряжения, — вернулся к своей идее Кржижановский, — читали вы, что сказал доктор Вольф на собрании сельскохозяйственного союза в Эйзенахе? Он говорил, что немцы за последние пятьдесят лет создали у себя сеть железных дорог и телеграфов, которые, подобно артериям, служат делу транспорта и, подобно нервам, разносят веления народной души, ну, это типичная немецкая велеречивость. Но дальше он сказал дело: если последующие поколения пойдут в течение дальнейших 50 лет по той же дороге, то они, вероятно, увидят третью сеть — сплетение электропередач с многочисленными узлами — электрическими центрами. Эти станции будут находиться между собой в тесной связи, производя энергию при наивыгоднейших условиях и отпуская лишь столько, сколько этого действительно требуется. Нигде, говорит Вольф, не будет ни недостатка, ни излишества. Везде будет царить мудрейшая экономия, и мощь народа сделает могучий шаг вперед...

— Не нравятся мне эти рассуждения об экономии, хотя сама мысль об объединении станций в гигантские энергетические системы очень правильная и перспективная. Здесь дело не только в экономии. Построив мощную станцию, мы приобретаем великое могущество. Только кто заинтересован в таком могуществе? Найдется ли такой синдикат, который мог бы оплатить такую затею?

— Почему обязательно синдикат? Разве вы не считаете, что когда-нибудь все перейдет в руки народа, который сам сосредоточит в своих руках гигантскую власть и гигантские же богатства и сможет, не спрашивая ничьего разрешения, поступать наиболее мудрым и предусмотрительным способом?

— Вон вы куда замахнулись. Но ведь не раз мы спорили с вами на эту тему, давайте ее оставим. Лучше подумаем, где взять деньги для строительства мощной станции. Пусть топливом будет торф! Мощность — несколько десятков тысяч киловатт — сколько наберем заказов, сколько организуем потребителей. Передавать в Москву будем на напряжении 35, потом и 70 тысяч вольт — это уровень, достигнутый в Европе. А за Америкой нам пока не угнаться.

...Достать деньги оказалось куда сложнее, чем ожидалось. Руководство «Общества» проект в целом одобряло, но деньгами рисковать не желало. Русские капиталисты презрительно усмехались, как только речь заходила о «шести процентах годовых», — о таких мизерных прибылях, при дешевейшей в России рабочей силе, они давно уже забыли. Двадцать, а то и тридцать! Вот это прибыль, вот это барыш, выгодное дело, и не

подсовывайте нам, господа Классов и Кржижановский, своего прогрессивного проекта.

Деньги дали немцы. Глеб Максимилианович вместе с Кирпичниковым и несколькими другими инженерами «Общества» поехали на поезде до Богородска, потом извозчиком до 71-й версты Нижегородского шоссе, потом пешком через лес, болото, к урочищу Белый Мох. Выбирали место для будущей станции — какова роза ветров? Есть ли хоть небольшая речушка или пруд для охлаждения турбин и генераторов? Откуда брать воду? Есть ли поблизости деревни, крестьяне которых могли бы обратиться в станционных рабочих и работников торфоразработок?

Местечко, полностью удовлетворяющее этим условиям, нашли недалеко от озера Госьбуж.

Глеб Максимилианович ехал по Васютинскому проселку замороженный. Он был во власти гиблого болотного места с его таинственными фиолетовыми цветами, сырой нечистью. Безупречная синева колдовского глаза озера Госьбуж ночью, конечно, превратится в черную пропасть, над болотами загорятся синие огни, и на сосновом суходоле птица печально закричит о пропавшем своем птенце...

В Павловском Посаде, в верхних, чистых комнатах трактира сторговались с хозяевами здешних болот.

Классов уехал в Берлин прельщать немецких и швейцарских банкиров грядущими прибылями. Кирпичников засел за чертежи станции. Было решено установить четыре турбогенератора мощностью в 5 тысяч киловатт каждый.

Глебу Максимилиановичу приходилось теперь, в связи с работами на новой станции, расстаться со своим кабельным отделом. Неожиданно для себя он получил от рабочих подарки: самовар и богато украшенный серебром прощальный адрес. В нем говорилось:

«Уважаемый Глеб Максимилианович.

Вы, как администратор, были призваны стоять на страже интересов капитала. Находясь между трудом и капиталом, трудно оставаться идейным выразителем рабочих. Труд и капитал — это два враждебных лагеря, две воюющих стороны, два кровных врага, служить одному — быть врагом другому. Если при настоящих общественных отношениях для администратора невозможно быть идейным выразителем рабочего класса, то можно быть чутким, отзывчивым человеком, чем Вы и были. Часто, когда возникали осложнения между трудом и капиталом или с лицами его отдельных агентов, — мы шли к Вам, рассчитывая на Ваше содействие, и не ошибались в нем. Высокий пост администратора, занимаемый Вами, не

заглушил в Вас человека...»

Глеб, растроганный, читал подписи: Шахов, Кубяков, Кудряшов, Никитин, Пименов, Никаноров, Жариконов, Грачев, Могутинов, Кулешов, Марков, Александров. А вот выразительный крест — это, видимо, Парфенов, неграмотный каменщик. В основном-то народ грамотный — всех заставил курсы пройти, сам и лекции читал.

Вот как — признали в нем чуткого и отзывчивого. Спасибо, спасибо, друзья! Когда-нибудь вы узнаете больше...

Станцию решили назвать «Электропередача». В марте 1912 года на месте будущей стройки, куда нужно было идти ведьмовыми тропами, стояла лишь полотняная палаточка. И в ней идиллическая сцена: Классон и Радченко Иван Иванович, старый дружище, искровец, которого Глеб пристроил здесь, на «Электропередаче», пьют чай из самовара. Глушь, комарье.

— Доступ к этому месту, конечно, очень труден, — вслух размышлял, дую на чай, Классон, — особенно намучаемся весной. Что ж, будем рубить деревья, топить их в воде, на них класть узкоколейку. Между рельсами набьем земли, чтобы лошади не проваливались. Пустим вагонетки. Вдоль будущего шоссе сделаем деривационные стоки. Шаг за шагом пробьемся в чащу...

Кржижановский, назначенный директором-распорядителем станции, метался между двумя своими рабочими кабинетами — в конторе «Электропередачи» в Садовниках и в другой конторе-палатке во дворе старосты деревни Андроново Матвея Пупышева.

Но вот все первоочередные проблемы технически решены: построена станция, построена линия электропередачи до Измайловской подстанции в Москве, стала возможной совместная работа столичных станций и «Электропередачи», стало возможным начало крупнейшей энергосистемы в России. Было поставлено и оборудование — в основном от фирмы «Сименс». Ее полномочным представителем в России оказался... Леонид Красин. Вопреки протестам охранного отделения Красин работал в Москве — на этом настояла могущественная фирма. К сроку, намеченному Классоном — к 1914 году, «Электропередача» дала первый ток. Это была крупнейшая электростанция тех времен, работавшая на торфе. Она соединялась с Москвой высоковольтной линией рекордного для тех времен напряжения — 36, а потом и 70 тысяч вольт.

13 августа 1915 года «Электропередача» и электростанция «Общества» на Раушской набережной впервые заработали на одну сеть: зародилась энергетическая система Москвы.

Глеб был в этот день на вершине блаженства. Окруженный друзьями, коллегами, директор-распорядитель чувствовал себя счастливым: постройка линии электропередачи и соединение сравнительно отдаленной станции со станциями Москвы знаменовали превращение в реальность его идей о будущей объединенной энергосистеме.

Он был счастлив еще и потому, что здесь, на «Электропередаче», он был окружен товарищами по борьбе. Сколько он принял в «Общество» и на «Передачу» большевиков! Кого не смог пристроить здесь, посылал в Самару, где крупную должность занял друг детства Василий Ильин.

Здесь, в Москве, и там, на станции, сколько перебивало большевиков! Иван Радченко, Аллилуев, Смидович, Радин. Здесь и там скрывались, работали Стопани, Апенченко, Окуловы, Первухины, Богомолов, Землячка, Васильев, Кржижановский устроил на монтерскую работу брата Глафиры Окуловой — Володю, а Екатерину Окулову назначил на должность хозяйки станционных гостиниц. Когда Кржижановский привел еще и Воровского, Буссе, коммерческий директор станции, рассмеялся:

— Ну, Глеб Максимилианович, мощную вы тут социалистическую ячейку организовали. Ладно, не буду вмешиваться, не мое дело. Свергайте себе своего царя на здоровье. Важно, чтобы ваши протеже хорошо работали и обеспечивали «Обществу» должный процент прибылей. Внутренние российские дела меня не интересуют.

Пользуясь попустительством Буссе, Кржижановский набрал из надежных людей и весь штат конторы. Бухгалтеры, делопроизводители, машинистки зачислялись на работу только по рекомендациям революционеров, и прежде всего Московского областного бюро РСДРП, в котором работали Н. И. Скворцов-Степанов, П. Г. Смидович, В. А. Ногин, М. А. Савельев, Р. С. Землячка и другие испытанные товарищи, державшие связь с Ильичем через Медвежонка — Марию Ульянову.

Глеб ни на секунду не терял связей с центральными организациями партии, с большевистским подпольем. Десятки революционеров работали с ним в «Обществе электрического освещения» и на «Электропередаче», служебные помещения которых частенько становились тайниками, явочными и конспиративными квартирами.

Кое о чем охранка знала. Так, 10 января 1913 года московские жандармы докладывали в министерство внутренних дел, что вскоре ожидается приезд в Москву Петровского для встречи с Глебом Кржижановским и другими московскими большевиками.

Когда началась война, вечером собрались у Кржижановских П. И.

Лепешинский, В. В. Старков, другие товарищи по партии. Нужно было определить свое отношение к вспыхнувшей мировой войне. О выступлениях Ленина о войне еще ничего не было известно, а авторитет Плеханова, занявшего оборонческую позицию, был довольно высок. Решили в конце концов: именно теперь, в обстановке войны империалистической, работать на будущую революцию, которую эта война приближает.

Война неожиданным образом положительно повлияла на служебное продвижение Глеба Максимилиановича. Немцы были из руководства станцией изгнаны, и вместо Буссе на место коммерческого директора был назначен Кржижановский.

Эта перестановка, правда, положение «Общества» поправила мало: персонал станции непрерывно подвергался гонениям. Газетные «обличения» привели прежде всего к тому, что абоненты отказывались платить за электроэнергию. Кадетская партия заявила, что «постройка «Электропередачи» — дело, безусловно, вредное». Московская городская дума, когда станция была уже пущена, решила прекратить подачу тока в Москву.

Но тут вмешалось военное министерство — прекращение поступления электроэнергии грозило срывом работ военных заводов. Только под его давлением и при помощи министерства торговли и промышленности абсурдное решение думы было отменено. Но подозрительное отношение к «немецкой» «Электропередаче» оставалось, становясь дополнительной причиной усиленного внимания охранного отделения.

Когда летом 1916 года Кржижановский и несколько других литераторов-большевиков решили организовать в Москве «Литературное общество», состоящее в обязательных отношениях с Русским бюро ЦК РСДРП, охранка наострила уши. Вскоре для печати был подготовлен первый сборник под названием «Прилив» — в нем были статьи Ленина, Свердлова, Ольминского, Скворцова-Степанова. Сборник был немедленно конфискован, поскольку содержал статьи «явно антиправительственного» направления. Он увидел свет только после Февральской революции.

Авторитет Глеба Кржижановского среди инженеров-электриков тем временем стремительно возрастал. Он был участником электротехнического съезда в Москве, участником совещания по подмосковному углю и топливу в ноябре 1915 года, где сделал один из основных докладов: «Областные электрические станции на торфе и их значение для Центрально-промышленного района России». Второй доклад — об «Электропередаче» — сделал инженер Кирпичников. Глеб

Максимилианович смотрел далеко вперед, мыслил категориями экономических районов, энергетических систем. Он сам осознал это очень важное для него обстоятельство лишь тогда, когда получил от издательства «Сила» «Сборник трудов совещания» с собственной статьей, называвшейся так же, как и доклад. Это была первая опубликованная научная статья Кржижановского. В то время ему было сорок четыре года.

Революционная работа дала ему какой-то особый взгляд на технические проблемы: приподнятость мышления над нуждами сегодняшнего дня, умение видеть отдаленное, отметить в сегодняшнем ростки будущего, организованность и четкость, умение охватить проблему целиком, во всей ее связи с социальными, политическими, экономическими вопросами.

Глеб Максимилианович чувствовал себя накануне какой-то величественной научной работы. Логика его труда за последние годы вела к предметам и занятиям все более и более общего плана: от кабелей — к станции, от районной станции — к энергетической системе, ко всеобщей электрификации...

Именно она сможет освободить российскую землю от вековой нужды. Она даст стране электрический свет. Электрический двигатель вытянет Россию из трясины технической отсталости. Он дешев и удобен, а при централизации электроснабжения будет стоить просто гроши. Электродвигатели будут качать нефть, пахать, сеять, резать, точить, шлифовать, строгать, пилить, строить... Освободится много рабочих рук.

Глеб часто поздравлял себя с удачей — несмотря на то, что он превращал «Электропередачу» в «большевистское гнездо», провалов еще не было. Более того, в глазах полицейских чинов он был ставленником могущественной компании и поэтому в чем-то неподсудным и неподвластным. И еще — Глеб научился давать полиции взятки. В бюджете компании немцами была весьма дальновидно предусмотрена статья расходов на содержание всей той полицейско-шпионской оравы, которая должна была бы контролировать «Общество».

На пороге была уже Февральская революция.

РЕВОЛЮЦИЯ

Февральская революция застала Глеба все на том же посту — посту директора «Электропередачи», но роль его на этой станции к тому времени существенно изменилась. Борьба против немецкого засилья в российской промышленности, борьба против «Дойчер-банка», против управления немцами не только всей энергетикой страны, но и ее электротехнической промышленностью оканчивалась, и руководство «Обществом» и «Электропередачей» переходило в русские руки. Волей судеб получалось так, что Кржижановский оказывался на одном из ключевых постов российской энергетики. Вставало множество новых задач, прежде всего нужно ликвидировать права частных владельцев на те земли, которые могли бы быть использованы для строительства энергетических сооружений. Нужно было бы привести в порядок систему измерения электротехнических единиц, определиться наконец с наиболее целесообразным видом тока. Нужно окончательно решить этот вопрос в пользу трехфазного переменного тока. Глеб понимал, что Россия сейчас находится примерно на том же уровне электрификации, на каком Америка была 20 лет назад. Такое серьезное отставание было связано и с той разобщающей политикой, которую вели в России иностранные монополии. Затрачивая много денег и ресурсов на развитие электротехники и энергетики, Россия тем не менее оставалась на задворках технического прогресса. С Февральской революцией как будто бы появлялись какие-то перспективы. Проектов национализации, принятия законов, направленных на облегчение развития электрификации, было достаточно, например, проект законоположения об электропередачах, но рассмотрением и осуществлением проектов пока никто не занимался.

После революции Глеб начал работу в Московском Совете рабочих и солдатских депутатов, во фракции большевиков. Его новые обязанности — обеспечить Москву топливом, энергией — задача непростая, изо всех сил старается он не допустить развала энергосистемы Москвы, обеспечить совместную бесперебойную работу московских станций и станции «Электропередача». Он заведует в Моссовете отделом снабжения. От «Электропередачи» в Совет избирается Иван Иванович Радченко. Раушская электростанция посылает в Моссовет Петра Гермогеновича Смидовича, начальника 4-го отдела Московской кабельной сети. Иван Иванович Радченко сразу же занялся исследованием торфяных ресурсов Московской

области — других источников топлива не было с весны, а что будет осенью? Исколесив все болота Шатуры, промерив длинным железным прутом глубину залегания торфа, он выяснил, что с одного только Петровско-Шатурского болота можно брать в год 10 миллионов пудов торфа, а это вполне достаточно для обогрева Москвы. Уже в апреле у Радченко была подготовлена проектная записка. Но ее никто не рассматривал.

Москва бурлила. Многолюдные собрания, летучие митинги. Сотни тысяч людей вдруг поняли, что от их личной позиции, от их решения зависит не только собственная судьба, но и судьба всей страны.

Для Глеба Максимилиановича судьбы России начинались со станции «Электропередача». Там было беспокойно. Вокруг станции бродили злоумышленники. Они подговаривали рабочих бросить работу, сжечь торф и спалить станцию. Денег на оплату рабочих не было. Однажды, когда задолженность достигла колоссальной цифры — 2 миллионов рублей, — рабочие недвусмысленно заявили коммерческому директору, что терпение у них на исходе.

Глеб Максимилианович бросился на поезд, поехал в Москву, через третьи руки познакомился с каким-то невероятно богатым сибирским купчиной.

— Дайте два миллиона в долг. Проценты любые. Под вексель.

— Подумаю, — сказал купчина. Отказал.

С отчаяния Кржижановский бросился к профессору Киршу, уполномоченному по топливу.

— Есть у вас деньги? Дайте два миллиона! Иначе станция остановится, а то и будет сожжена.

Кирш держался неуверенно.

— Вообще-то деньги есть. Но Временное правительство отпускать их не разрешает.

— А, не разрешает! Какое же это, к черту, правительство! Москва под угрозой, а они не отпускают. Это не правительство, а...

— Погодите. Есть у вас чемодан?

Чемодан разыскали, Глеб поехал с Киршем в банк, где Кирш под свою личную ответственность приказал отпустить господину Кржижановскому два миллиона рублей. Деньги едва поместились в чемодан. Кирш, не слушая благодарностей, куда-то убежал, и Кржижановский остался со своим чемоданом на улице.

«Как же теперь?» — думал он.

Потом махнул рукой и поехал к вокзалу. Ехал в пригородном поезде,

страшно перегруженном, шумном, стоя, зажав чемодан между ног. К счастью, все обошлось благополучно — и в поезде, и на станции.

Делами московских большевиков-энергетиков руководил в основном Замоскворецкий райком партии, помещавшийся в мезонине здания на Малой Серпуховке, в студенческой столовой. Там с утра до ночи шла работа: толпились рабочие, направлялись куда-то агитаторы, готовились митинги. Глеб Максимилианович присутствовал на первом районном митинге. Это было 3 марта в здании Коммерческого института, в его актовом зале, где собрались в основном студенты. Множество разных партий, платформ, ораторов — как трудно неопытному разобраться в этой мешанине! Кадеты, эсеры, меньшевики топали ногами, когда большевик Борисов заявил о необходимости прекращения империалистической войны. С трудом сдерживал бушующие страсти зала председатель митинга, недавно освобожденный из тюрьмы инженер-экономист, работник Замоскворецкого райкома РКП (б) Константин Островитянов.

Обстановка в Москве тем временем накалялась. Работа большевиков Замоскворечья не прошла даром — к лету почти все рабочие районы шли за большевиками. С каждым днем росло влияние партии. Москва вместе со страной уверенно шла к социалистической революции. Глеб ясно ощутил это на заседании большевистской фракции Моссовета, обсуждение было бурным — дело шло к Октябрю.

25 октября пролетариат Петрограда взял в свои руки государственную власть, свергнув Временное правительство. Весть быстро долетела до Москвы, и Глеб Максимилианович узнал об этом в Замоскворецком районном комитете. Одной из серьезных забот Островитянова, руководителя райкома, была охрана электростанции на Раушской набережной, снабжавшей центр Москвы и Кремль электроэнергией. Задача была нелегкой. Коллектив станции в целом нельзя было назвать большевистским. Стойких коммунистов на станции было всего 12 человек.

Глеб Максимилианович пришел на станцию утром, когда у ворот уже стояли рабочие, никого не пропуская. На набережной бушевало людское море.

— Большевики-узурпаторы! — кричал меньшевик Епифанов.

— Станция должна быть нейтральной! — кричал кто-то. — Электричество вне политики!

«Какой нейтральной, господа хорошие, — подумал Глеб Максимилианович. — Юнкера кругом, того и гляди Кремль займут. Если им свет выключить, можно удар нанести посильнее, чем артиллерийским снарядом».

— Кржижановский пусть скажет, пустите его. Глеб Максимилианович вышел в центр круга.

Вот они и схлестнулись воочию, две реальные силы. Это уже не фракционная борьба. Здесь ты весь как на ладони, и каждое слово ставит тебя в определенный лагерь.

Он сказал, что, по его мнению, нужно разойтись. Большевики-рабочие стоят на страже высших интересов России. Им нужно помогать.

Спокойные, весомые слова Кржижановского убедили многих — постепенно народ стал расходиться.

...Несколько следующих дней были тревожны. Юнкера захватили Кремль, и отряды красногвардейцев с разных сторон окружали центр, неудержимо сжимая кольцо вокруг кремлевских стен. Глеб и Зинаида жили тогда на Остоженке, в Обыденском переулке, возле храма Христа Спасителя, на шестом этаже. Вместе с ними жили брат Зинаиды Павловны — Павел и племянница — дочь Августы Невзоровой, Милена Лозовская, по прозвищу Миша.

Проснувшись первого ноября и выглянув по привычке в окно, Глеб Максимилианович понял, что путь его на большевистскую станцию отрезан. В саду храма Христа Спасителя стрекотал пулемет, там были юнкерские отряды. Юнкера засели в одной из башен Кремля и на углу Ленивки и Лебяжьего переулка. Выходить на улицу было уже нельзя, так как в непосредственной близости завязался уличный бой. Глеб позвонил на станцию.

— Здравствуйте, это Кржижановский.

— Доброе утро, Глеб Максимилианович, говорит дежурный.

— Что нового? Кремль отключили?

— Еще с вечера. Знаете, что станцию обстреливали с Каменного моста, с автомобиля?

— Знаю, конечно. И про нобелевскую нефть знаю, что вам ее перекрыли. Это уже былшем поросло. А сейчас что?

— Только что автомобиль захватили с оружием, пытались нас атаковать. А вы дома?

— Дома, а что?

— А то, что над вами пулемет, весь седьмой этаж и крыша заняты юнкерским штабом. А вы и не знали! Сейчас вас обстреливать будем, прячьтесь.

Действительно, этажом выше ощущалась какая-то необычная возня. Там засел штаб контрреволюции. Красногвардейцы станции вместе с рабочими завода Густава Листа заняли сейчас Замоскворецкий мост,

установили посты у Балчуга, в устье Садовников, на Раушской набережной. С пожарной каланчи в Садовниках прицельно стреляли и в кремлевскую башню, и в седьмой этаж дома, где жили Кржижановские. Дом обстреливался и вдоль Остоженки и даже с чердака Софийского подворья. Град свинцовых плевков вышибал из стен красную пыль. Ревела Милена. Зазвонил телефон, она притихла. Звонили со станции.

— Ну как вы, Глеб Максимилианович?

— Ничего, стараемся. Попробуйте-ка лупануть не в те окна, куда палите сейчас, а ближе к Москве-реке. Вроде штабисты туда перебрались. И вообще, пусть звонят мне бойцы, я буду корректировать стрельбу. Только нас не прикончьте.

— А вы ложитесь на пол.

— Не могу. Должность наводчика не позволяет.

— Ну хорошо, держитесь тогда, Глеб Максимилианович!

Стрельба действительно немного переместилась, что вызвало наверху заметное беспокойство. Прогрохотали сапоги, застучали по полу колеса пулемета.

Телефон все звонил.

— Кажется, заткнулись немного, Глеб Максимилианович! Спасибо вам. Держитесь! Идем на выручку.

И вот раздалось несколько выстрелов, вскриков, в дверь громко застучали.

— Открывайте! Это мы, Глеб Максимилианович! Спасибо за помощь!
— Это подошли рабочие со станции.

— Сейчас другое дело нужно организовать, Глеб Максимилианович. Штаб контрреволюции мы, видимо, раздавили. Теперь надо успокоить жителей Москвы, рассказать им правду. Короче, нужно спешно садиться и писать прокламацию к московским жителям. Времени в обрез. Просим вас, Глеб Максимилианович!

Первая прокламация победившей в Москве социалистической революции уже через несколько часов появилась на афишных тумбах, домах и заборах Москвы...

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Революция, которой было отдано столько жизней, труда, помыслов, — свершилась. Ее победный марш по России стал триумфом Советской власти. В весеннем потоке съездов, собраний, митингов решались сложные вопросы строительства нового государства. Никто не мог подсказать освободившемуся народу конкретных форм организации новых административных, хозяйственных органов. Не у кого было занять опыта, и новое государство рождалось в живом творчестве масс, в которое так верил Ильич. Ленин, возглавивший Совет Народных Комиссаров, встал у руля советского строительства. Его соратники — тысячи и тысячи коммунистов — встали рядом с ним, осознавая и величие и трудности новой эпохи.

Теперешняя должность Глеба Максимилиановича — директора «Энергопередачи» и председателя правления станции, единственной станции, надежно и бесперебойно снабжающей новую столицу — Москву, — накладывала на него самую высокую ответственность и непростые обязанности.

Глеб Максимилианович с тревогой вслушивался в ночные выстрелы — окрестности столицы еще кишели бандитами. Он боялся за станцию, за заготовку торфа, которая могла быть сорвана, за уже запасенный торф, который можно было спалить. Однажды ночью он вскочил, схватил бумагу и перо. Написал настойчивую просьбу «господину комиссару Смидовичу» о высылке на станцию конного разезда с пулеметами.

Восемнадцатый год бродил по холодеющей Москве. На занесенных сугробами улицах стояли промерзшие дома. Издалека по черно-серым очередям, по кострам можно было узнать местоположение продовольственных магазинов. Основным средством перетаскивания нехитрого скарба и скудных порций продуктов — репы, картофеля, моркови, капусты — были детские саночки, влекомые озабоченными людьми.

Глеб Максимилианович был все-таки в привилегированном положении — у него со старых времен сохранился служебный директорский автомобиль, по его образу и веселому выражению, «храпучая раздряга». При автомобиле был и шофер. «Раздряга» со своим беспокойным владельцем носилась по Москве, и хозяйственный седок записывал, заносил в книжечку резервы, которые имелись в городе для создания будущих районных электрических станций и других

государственных сооружений. Правительство поручило ему позаботиться о будущем строительстве — Кржижановский был назначен председателем Комитета государственных сооружений. Вот покинутый деревянный дом — топливо. Вот гниющие мешки, а в них песок — бывшие баррикады, теперь — строительный материал. Разрушенные каменные дома — сколько ржавеющего железа! Миллионы пудов!

Он мечтал, голова, руки его истосковались по настоящему делу, он мечтал силой электричества вдохнуть жизнь в Москву, во всю страну.

10 января Кржижановский говорил об этом на электротехнической конференции. Конференция решила, что нужен специальный орган для руководства энергетическим строительством. Здесь много было старых знакомых и друзей — Василий Старков, Иван Радченко, — оба стали видными специалистами по торфяному делу, работали под руководством Классона. Был здесь и Винтер, старый знакомый по Петербургу, по «Обществу». Он познакомил Кржижановского с руководителем профсоюза строителей Николаем Петровичем Богдановым:

— Это, Глеб Максимилианович, «хозяин» всех ваших будущих рабочих.

Богданов был молод, энергичен. Он сразу понравился. Хорошо бы строить с ним! Но пока было не до строительства. Глеб Максимилианович заботился сейчас о том, чтобы в Москве не иссяк тоненький ручеек электроэнергии и топлива, благодаря которому город жил, ходили трамваи, работали военные заводы.

...Вопросы энергии и топлива все чаще и чаще беспокоили и Владимира Ильича Ленина, недавно переехавшего вместе с правительством из Петрограда в Москву. Он долго с любопытством осматривал Кремль, где ему предстояло жить (и выбрал там себе для жилья крохотную комнатку в здании судебных установлений). Зброшенный Кремль с двуглавыми орлами на шпилях башен, Василий Блаженный с проломленной снарядом маковкой. С тревогой и болью увидел заглодевшие за зиму дома, очереди. Городу не хватало сил, Москва требовала энергии, как Питер, как вся Россия.

Ленин взял под личный контроль судьбу каждого вагона топлива, поступающего в Москву, все сильнее беспокоился о том, где брать энергию.

Еще в ноябре семнадцатого он беседовал с Иваном Радченко. Тема беседы — торф для электростанций. Он принял и Михаила Кедрова, ведавшего демобилизацией царской армии, — нельзя ли использовать часть военнослужащих на постройке Волховской ГЭС? Несколько позже — указание Винтеру — начать подготовку к строительству Шатурской

электростанции на торфе. В январе 1918 года дано задание Графтио: подготовить чертежи разработанного им проекта Волховской ГЭС — будем строить! В апреле Владимир Ильич пишет «Набросок плана научно-технических работ», где говорит о необходимости применения электричества.

Рекомендации январской электротехнической конференции о создании специального государственного органа по энергостроительству привели к выделению из Комитета государственных сооружений — Комгосоора — «Электростроя». Эта организация будет заниматься электростанциями, электропередачами, плотинами, ирригационными сооружениями.

Новое строительство — тема майской встречи Ильича с представителем Комгосоора и «Электростроя» Глебом Максимилиановичем Кржижановским. Именно ему было доверено решать в государственном масштабе, где, когда и что строить, на что в первую очередь затрачивать народные деньги. У Глеба Максимилиановича сердце теснило от волнения и голос срывался. Дело было ответственное, и момент особый. Они не виделись со Стариком без малого двенадцать лет.

...Глеб Максимилианович пропустил вперед себя в еще незнакомый кабинет инженера Васильева.

Ленин вышел навстречу — приветлив, дружелюбен. Он поразил Глеба Максимилиановича прежде всего тем, что за двенадцать лет почти не изменился, несмотря на бурные прошедшие годы. Ни волосы, ни усы, ни заостренная бородка не были тронуты сединой. Да и морщин, насколько мог судить Глеб по первому впечатлению, особенно не прибавилось. Но вот того румянца, которым поражал Ильич всех в Сибири, уже не было, и бледность была в лице, и усталость, и ночи бессонные и тяжелые, страшные заботы, непосильные одному. Глебу Максимилиановичу показалось даже, что дело, по которому он сейчас пришел, мелко и для этого момента, и для этого человека и, возможно, несвоевременно для страны, удушаемой голодом, холодом, мором, войной, всем, что могли только принести всадники Апокалипсиса... Старик шел навстречу ему откуда-то из глубины кабинета.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, — с трудом сказал Глеб, запинаясь от волнения, от непривычности формы обращения, от охватившей его радости, что он опять рядом с ним, со Стариком. Мелькнула мысль: не забыл ли? Годов прошло много, и дистанция очень велика, и значение этого человека для истории таково, что он принадлежит как бы к другому измерению людей. Глеб ощутил тепло бесконечно знакомой ладони.

— Рад встретиться, Глеб Максимилианович, — как и раньше, с

привычным обаянием, некоторым озорством в голосе, ответил Старик и, поздоровавшись с Васильевым, сказал: — Рад познакомиться!

Ильич провел их к письменному столу, сам подвинул им кресла, повернул свое к ним.

— Ну те-с! Что интересного расскажет нам Комгосоор?

Глеба Максимилиановича так и захолонуло, так и понесло в прекрасный счастливый мир воспоминаний, в мир встреч и бесед с необыкновенным человеком.

...Воспоминания захватили его, а беседа, оказалось, идет давно, и надо уходить, и вопрос ясен — Ленин проект инженера Васильева, представленный Комгосоору и посвященный орошению долины далекой реки Чу, в принципе одобряет, но средств пока нет, придется постройку этих сооружений пока отложить, сейчас Ильичу важно знать, как осваиваются природные богатства Казахстана. Каковы перспективы? Что может дать Казахстан сегодня, сейчас для отражения вражеских сил? Нельзя ли мелиорацию сочетать с постройкой электростанций на, так сказать, даровом топливе? Найдутся ли потребители?

Тема разговора постепенно исчерпалась. Ильич не позволял расслабляться в разговоре, растекаться мыслью, заходить на второй круг беседы, и вот они уже у дверей, и Старик, прощаясь, говорит:

— Сегодня, может быть, у нас есть проблемы поважнее, чем ирригация столь отдаленных долин, но завтра... Завтра — посмотрим! Пусть ни в коем случае не забрасывает этой своей идеи, занимается ею. Это обязательно пригодится! — закончил он с убеждением. Потом Ленин еще помолчал, сказал: — Привет Зинаиде Павловне!

НА ПОДСТУПАХ К ГОЭЛРО

Не раз в тяжелом девятнадцатом году Глеб Максимилианович тревожно спрашивал Ильича, после очередного — внутреннего или внешнего — удара по Советам:

— Справимся?

И Ильич непременно отвечал:

— Справимся. Должны. Позиция наша сильна. Другой народ, может, и не справился бы. А мы справимся.

В один из дней девятнадцатого года... Клаксон внизу, легкие шаги на лестнице, звонок, у дверей — Ильич... Полон сил, улыбчив, сразу к делу:

— Даем вам, Глеб Максимилианович, охранную грамоту, восемь красноармейцев, и — марш в Самару. Погуляйте по луке, сплавайте «кругосветку», выясните: можно ли там построить электростанцию? Положение, конечно, критическое, денег мало, продуктов и того меньше, но упускать время не можем, — без энергии задохнемся, станция ведь не один год строится...

И задержался чуть, видимо, подталкивал к ответу без вопроса. И дождался, конечно.

— Да уж года четыре обязательно, а учитывая волжские масштабы... верная пятилетка... Если материалы будут, деньги, люди...

— Ну и вот, не раньше двадцать четвертого (видно, расстроился немного). Да и то если приступить немедленно. Поезжайте. И глядишь, в двадцать четвертом... летом поедем в Царевгцину, в Моркваши, а там ничего не узнать — электричество в каждой избе, книги, достаток. Никаких тебе холер, засух, никакого голода... Война кончится совсем... Ну, размечтался... Поезжайте поскорее, Глеб Максимилианович... Хотите — с Зинаидой Павловной...

И вот уже нет его, и все-таки есть он в этой комнате, остался здесь, остался после него вихрь энергии, всполошил, взмутил душу, всколыхнул похороненные когда-то с горечью мечты.

Еще в девятом году, когда Глеб писал электрическую «памятку», он ясно осознавал: электричество — мост в социализм. Уже в силу природы своего получения и распределения оно требует объединения, кооперации. Электричеству тесны рамки частных хозяйств.

Крупные, может быть, гигантские, обслуживающие целые районы электрические станции — вот магистральный путь развития энергетики, а с

ней — промышленности, всего хозяйства страны. Не нужно возить топлива: нужно использовать то, что есть на месте. Гигантские, заболоченные зеленую пространства, поросшие таинственными травами, пристанища призраков — это база для районных электростанций на торфе. Под Москвой есть хотя и плохонькие, а все-таки угли — совсем хорошо. Будем использовать их, не полагаясь на транспорт и не загружая его. На Волге — конечно же, она сама. Пугают масштабы. Никогда не строилось ничего подобного. Никогда и никто в мире не посмел коснуться такой мощи. Волга, Амазонка, Енисей несут свои водяные громады, равнодушно демонстрируя невиданную силу. Их не просто остановить. А остановишь — зальешь огромные пространства, полные жизни. Но есть и у этих гигантов слабинки — там, где стиснутые скалами, они убыстряют движение, опасаясь поимки. У Волги это в первую очередь Жигули, родные Жигули, знакомые с детства, описанные в сотнях юношеских строк.

(...И куда бы меня ни загнала судьба, всюду вижу просторы родные: темный лес на горе, пенье птиц на заре и в долине туманы седые...)

Вспомнил, как в детстве ему казалось, что он вышел из Волги. Он физически ощущал момент разрыва связей. Отрыв от влажного тела спокойной и мощной реки. Барахтанье мокрого, беспомощного на берегу. Волжская вода в волосах, в глазах, в теле. Он кричит, просыпается от вечного сна и впервые ощущает свет и тепло. С Волгой связаны первые запахи. Медуница, мята, клевер, дикая фиалка в дубовой роще. Волга подарила мир осязаний — плотную прохладу пронизываемой лучами коричневой воды, с тысячью пылинок внутри, порывистое объятие движущегося плотного воздуха, теплоту песка и терпкую зелень раздавленного в ладони листа. Не кощунство ли — вспугнуть эти бесценные воспоминания грохотом строительной техники?

Он давно уже сам ответил на эти вопросы, избрав коммунизм, борьбу, поэзию и технику. Волжская гидроэлектростанция, заливающая огнями электрических фонарей и электроэнергией огромные пространства России двадцатого, не девятнадцатого века — вот образ, встававший перед ним. Счастливый и свободный труд — вот жизненный идеал, в осуществлении которого хотел бы участвовать.

Первый проект строительства крупной электростанции в районе Самарской луки он выдвинул еще до 1910 года. Тогда это было скорее упражнение изошренного технического ума. Обман природы! Самарскую луку Волги тетивой пересекает река Уса, впадающая в Волгу у Морквашей. Другой конец тетивы не доходит до Волги всего на полтора километра. Желая использовать большой перепад уровней Волги и Усы возле

Переволок, Глеб придумал тогда прокопать между Волгой и Усой в этом месте деривационный канал и поставить турбины. Проект этот был хорош тем, что не требовал постройки плотины. Но и мощность турбин, конечно, была невелика. Потом оказалось, что многие самарцы думали об электростанции на луке. Студент Богоявленский защитил даже на эту тему в 1907 году дипломный проект.

Идею волжской электростанции инженеры и техники Самары обсуждали на заседании Самарского отделения русского технического общества — СОРТО на Дворянской улице. Сошлись на проекте более дорогостоящем — построить плотину в районе Жигулей, там, где Волга стиснута зелеными холмами. Этот проект имел только один недостаток, но коренной: земли, на которых должна была быть построена станция, принадлежали графу Орлову-Давыдову, и на заседании общества присутствовало, разумеется, заинтересованное лицо — управляющий именьями.

— Подумайте, господа, — тихо сказал он, оперевшись на плохонькую трибуну, — разве граф позволит осуществлять в его владениях столь сумасбродные проекты?

Тут загредел гром, вспыхнула синяя молния, задрожала земля, и за спиной управляющего в сиянии орденов, в перекрещении шпаг возник в лавровом венке сам граф — чуть левее и пониже портрета императора. Померцал, померцал и потух. И притихли инженеры. Разошлись — ничего не сделаешь.

А в оливковую Италию, в благодатный Сорренто полетело письмо на архиерейском бланке: «Ведомство православного исповедания епископа Самарского и Ставропольского. Конфиденциально. Дешеша. Италия. Сорренто, провинция Неаполь. Графу Российской империи его Сиятельству Орлову-Давыдову. Ваше Сиятельство, призывая на Вас Божию благодать, прошу принять мое Архипастырское извещение: на Ваших потомственных исконных владениях прожектеры Самарского технического общества совместно с богоотступным инженером Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электрической станции. Явите милость своим прибытием сохранить Божий мир в Жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии.

С истинным Архипастырским уважением имею честь быть Вашего Сиятельства защитник и богомолец Епархиальный архиерей Преосвященный Симеон — епископ Самарский и Ставропольский. Самара, июня 9, 1913 г.».

Но граф ничуть не перепутался, а обрадовался — его земли возрастут

в цене! И нужно лишь подождать того, кто даст больше.

Уже во время войны, в 15-м году, Глеб, директор «Электропередачи», крупнейшей в России электростанции на торфе, познакомился с группой банкиров и инженеров из союзных стран, рассказал о сумасбродной волжской идее с тайной надеждой, не согласятся ли вложить деньги в волжское предприятие. Иностранцы колебались, выгоды желали, риска не хотели, интересовались техническими деталями. Каковы возможные потребители электроэнергии: не слишком ли бедные? Какова стоимость рабочей силы — правда ли, что впятеро дешевле, чем в Европе? Сколько требуют хозяева за земли?

После решительного разговора, отказавшись от приглашений к ужину, Кржижановский поспешил домой на Остоженку; вталкивая впереди себя в квартиру морозное облако, вбежал в кабинет, написал письмо верному самарскому другу Василию Ильину.

«Москва, 23 ноября 15 г. Милый Василий! Под большим секретом сообщаю тебе следующее: мне удалось войти в контакт с группой капиталистов, имеющих в своем распоряжении до 20 больших гидравлических станций в Италии и др. странах. Я заинтересовал их «нашим» предприятием на Волге. Надо ковать железо, пока горячо. Они пробудут в России только десять дней. Пришли мне неотлагательно сведения, которые тебе удастся только собрать относительно существующей и предполагаемой промышленности в Самаре и на протяжении 100 верст около Самары. Не раздобудешь ли где-либо в земстве или каком-нибудь учреждении подробную карту Волги (около Усы) с Усой. (Особенно важно знать земли по Усе, в чьем владении они находятся.)

Кое-какие сведения относительно мощности Волги я уже имею...

На этом деле мы бы с тобой поработали и оказали бы услугу всему краю. Можно заварить крупную кашу — тогда быть бы мне с тобой на долгие времена. Жарь, дружище, всюю! Жду!!! Твой Глеб».

В ответ две телеграммы от Василия. В одной то, что и было известно: земли все графские, к ним не подступишься. Поэтому следующая телеграмма Василия уже не так радовала:

«Против Самары весенний максимум шесть шесть десятых сажени средний максимум пять половиной сажени Переволоках весной от уровня Волги до уровня Усы приблизительно двадцать сажени течения Усы весной в ней вода разливается до Усоля верст на семь берег Переволок рыхлый известняк Ильин».

Цены, запрашиваемые графом, стали теперь уже, в преддверии постройки (в уникальном его положении, когда он может разрешить, а

может — и нет), просто немислимыми. Иностранцы ускользали в приближении серьезного разговора. Ну что ж. Никто не хочет рисковать такими большими первоначальными затратами. А может быть, иностранцы учуяли в морозном московском воздухе и нечто иное — тревожное, как надпись огненная на валтасаровом пиру, — день последний приходил кому-то в России, и ставить на этого, уходящего...

Чутки, видимо, оказались длинные носы иностранцев, и граф не раз, наверное, посетовал, что подорожился: все отобрали, слова доброго не сказали.

И только после революции самарские энтузиасты развернулись по-настоящему: собрались, обсудили новые возможности, записали в тезисах своих протоколов (от 18 апреля 1918 года): «Направление Волги в Самарской луке дает полную теоретическую возможность использования части воды для гидравлических установок... Необходимо немедленно сделать предварительные изыскания по Самарской луке с целью выяснения всех подробностей течения, уровней реки, установления отметок и т. д.».

Энергия самарцев была ключом: в Самарском губсовнархозе тут же спаялась группа энтузиастов — инженеров, строителей, экономистов: братья Богоявленские, Гаврилов, Ленников, Лукьянов. Партийцы самарские тоже этого дела не выпустили из сферы архиважных и архисрочных: привлекли к себе инженеров, оформили организационно как «Комиссию по электрификации Волги в районе Самарской луки». Комиссия вернулась к более дешевому (и все же очень дорогому!) проекту деривационного канала.

А Самарский губсовнархоз предложил свои услуги по финансированию строительства.

Тут дела пошли как по маслу — быстро привлекли техников, чертежников, порылись в архивах, нашли множество данных о поведении Волги за последние сорок лет: и скорость течения, и расходы, и разливы; откуда-то с полок пыльных добыли старые и новые планы луки — оказалось, многое уже известно! Даже геологические данные строения берегов, как выяснилось, были раньше, но по ненадобности никогда не востребованы. Многие и сами собрали.

В июле девятнадцатого (кругом война, разруха, голод отчаянный) добрались самарские энтузиасты до Москвы попутными неверными поездами, с оружием, с рулонами чертежей, с папками невыразительного вида. И вот 8 июля Центральный Электротехнический совет заслушал доклад комиссии по оценке их труда. Председатель комиссии Кржижановский, члены — Графтио и Мышенков. Постановили:

«Исследования самарской комиссии представляют значительный государственный интерес...» Электротехнический совет не забыл записать и о необходимом выделении средств для дальнейших изысканий в жигулевском районе.

...Вот Кржижановские снова в Самаре. У них — документ, подписанный Председателем Совнаркома В. Ульяновым, в котором говорится, что он, В. Ульянов (Ленин), лично знает подателей документа — Глеба Максимилиановича и Зинаиду Павловну Кржижановских как старых партийных работников и просит все советские власти, особенно военные, оказывать им всяческое содействие...

Приехав в Самару, Глеб Максимилианович сразу же отправился с запиской Ильича к председателю губкома Ю. К. Милонову.

Через много лет старый большевик Милонов вспоминал об этом событии: «Он приезжал... по личному поручению Владимира Ильича Ленина, чтобы осмотреть место сооружения задуманной им еще до Октябрьской революции гидроэлектростанции. Перед поездкой на предполагаемую строительную площадку зашел в губком. Стройный, статный, он сразу же произвел неизгладимое впечатление. Лицо с высоким лбом мыслителя и с живыми внимательными глазами... Голос приятный, глубокий баритон. И сразу возникло ощущение, что знаешь Кржижановского давным-давно, и желание всячески ему помочь...»

Пока помощи, однако, большой не требовалось — разве что достать лошадей для поездки на луку. Милонов выделил лошадей из каких-то одному ему известных резервов.

Отправились на луку втроем: Глеб Максимилианович с женой и инженер Лукьянов.

И вот из Самары сначала по Дворянской, мимо Струкачей, к Волге. Вверх по-над Волгой, по пыльной, не однажды окропленной кровью дороге, вышли к Цареву кургану — пригодится как строительный материал, щебенка для дамбы, кругом леса — тоже не последнее дело в строительстве, люди бредут по обочине дороги — вот и рабочие славные, научим, увлечем! Весь район предполагаемого строительства осмотрели, проверили ранее добытые Лукьяновым данные.

Приехав в Москву, Глеб тут же сделал сообщение в Совнаркоме. Рассказал об энтузиазме самарских товарищей, говорил о том, о чем мечтал давно, — о станции, о том, что есть и чего не хватает...

Обсуждения велись очень активно, и стало ясно самарцам: Волга должна стать местом постройки гигантской станции: немного смущало гидростроителей то, что она вырисовывалась слишком уж гигантской,

невиданной в мире, требующей от страны колоссального напряжения и больших средств. Сможет ли страна поднять сейчас такую стройку? Верили: рано или поздно — сможет.

Часть шестая

ВЕРШИНА ЖИЗНИ

...Мы переживаем такие великие дни, в которые люди проходят как тени, но дела этих людей остаются как скалы...

Г. М. Кржижановский

РАЗГОВОР В КРЕМЛЕ

В 1918 и позднее — в 1919 году о многом хотел бы спросить Глеб Максимилианович Ильича, но не мог, не смел отвлекать его от важнейших дел. Их встречи были короткими, деловыми, краткость их не позволяла говорить о личном. Беседы носили все более и более технический уклон, а Ленин от встречи к встрече становился все задумчивее.

Глеб Максимилианович, конечно, знал причины. Одна из главных — ожерелье кризисов, которое на слабом горле молодого Советского государства пристраивала старая жизнь. Продовольственный кризис, не прекращаясь, уступал место по остроте кризису топливному, тот — транспортному. Страшной зимой с 19-го на 20-й в холоде и голоде жила красная столица, заваленная по крыши сугробами. Встали трамваи. Электричество едва поступало, дров для отопления не было. Останки печей и труб разобранных на дрова рубленых московских домов образовали вдоль улиц ровные ряды скелетов.

К концу 1919 года Российская Федерация, в течение двух лет не пополнявшая нефтяных запасов, истратила последнюю цистерну нефти. Топлива не хватало даже «Электропередаче» — не раз Кржижановский обращался за помощью к Ленину. Топливный голод достиг апогея, когда в самом конце декабря Ленин вызвал Кржижановского в Кремль для доклада о положении дел с так называемыми «местными» топливами. За несколько часов до этого Глеб Максимилианович рассказывал Старкову о бедственном положении с топливом на «Электропередаче», а тот ему — на московской электростанции. Теперь нужно было подробнее рассказать об этом Ильичу.

— Ну, Глеб Максимилианович, как будем выбираться из кризиса? Может, не так страшен черт, каким нам его изображают добросовестные старые спецы, привыкшие к определенному шаблону и мысли, и действия?

Кржижановский видел, что Ильич не может смириться, не верит в безнадежность положения, уверен, что еще есть неучтенные возможности, которые можно найти. Глеб Максимилианович, честно говоря, не видел решения. Его мысль фиксировала лишь некоторые частности, которые, должно быть, как-то связаны между собой в стройной системе; он чувствовал необходимость пересмотра традиционного топливного баланса, переключения с привычных дров, угля на некачественные угли, торф, сланцы. Он, наконец, понимал, что проблема топлива не может быть

решена сама по себе, а должна быть связана с тысячами других проблем, которые также витали в воздухе, но решались каждая — отдельно: недостаток продовольствия, нехватка транспорта, ничтожные запасы сырья на текстильных фабриках. Каждый новый кризис усугублял предыдущий.

За что ухватиться, как связать все проблемы в одну — главнейшую, как поднять на ее решение народ, истомленный войной, окруженный врагами? Повышение производительности труда — вот что сейчас главное. Ведь именно так писал Ильич в своих «Очередных задачах». А все это упирается в электричество, в его возможно более широкое применение.

Ленин слушал его с большим вниманием.

Глеб Максимилианович говорил о том, что необходимо расширять торфодобычу, и в первую очередь для электрических станций. Электроэнергия — это и свет, и тепло, и сила. Это то, чего так не хватает сейчас. Будет электричество — будет и высокая производительность труда. Будет электроэнергия — сократится потребность в топливе, транспорте, появится продовольствие. На что опираться, планируя увеличение производства электроэнергии? В первую очередь на торф.

— Мы не можем рассчитывать на быструю поправку в направлении угля и нефти, — горячо говорил Кржижановский. — Восстановление донецких копей, борьба с транспортной разрухой — работа ряда лет. Дальнейшее «налегание» на дрова грозит государству специфическими бедами, связанными с обезлесением громадных площадей. Подмосковный уголь представляет достаточно капризное топливо: он содержит много золы и серы, выветривается при хранении, малокалориен. Надежда на сланцы пока остается надеждой. Ясно, что следует отнестись с особым вниманием к тем перспективам, которые открывает использование торфа... Может быть, торф не выдерживает конкуренции с дровами как топливо? Отнюдь нет. По существу, это топливо выше лучшего дровяного...

Ильич задумчиво сидел в плетеном кресле. Глеб заметил, что поразивших его в прошлый приход толстых фолиантов о Китае и Индии на столе пет: их место заняли трактаты о войне и небольшая книжка Сукачева «Болота».

На столе нелишним напоминанием о текущем кризисе молочно светились свечи. Кржижановский говорил негромко, Владимир Ильич невольно наклонился к нему, чтобы лучше слышать, и вся их беседа на сугубо техническую тему проходила в столь интимной, дружеской обстановке, что Глеб вспомнил старые времена, далекие встречи со Стариком, когда они говорили о вещах более личных, но ему странным образом казалось, что именно сейчас, в холоде и голоде красной столицы,

два человека, разговаривающие на «вы», куда ближе друг к другу, чем когда-либо раньше. И это наполняло его душу восторгом. Желание бороться, уверенность в победе, нечеловеческая энергия вскипали в крови — что делает с людьми волшебная сила общения!

Он продолжал с воодушевлением рассказывать Ильичу о торфе, увлекался, начинал фантазировать, в романтическом ключе поведал о наступлении мхов, мириадом растений на живое пространство страны; о гигантском оршинском мхе, заболачивающем низины между Москвой и Питером, который мог бы бесперебойно снабжать всю Николаевскую железную дорогу отличным топливом. Он говорил о том, что топливо лежит буквально под ногами. Давно пора пересмотреть топливный баланс страны, обратившись к местным топливам — их запасы неограниченны!

Владимир Ильич не прерывал. Заинтересовавшись ходом мыслей Глеба, он лишь коротко спрашивал:

— А рабочая сила?

— А жилье?

— А текстильные заводы?

— Трудовые армии?

И Глеб Максимилианович, волнуясь, говорил уже не только о том, что передумано было ранее, но и о том, что возникало прямо сейчас, в ходе беседы.

— Да, Владимир Ильич, это все нужно продумать. Не исключена торфяная повинность. В общем и целом краткосрочную работу на торфе, совпадающую с лучшим временем года (май, июнь, июль), мы можем сравнительно легко сделать одной из самых гигиенических отраслей труда. Те трудности, которые противостоят нам в этом отношении при работе в рудниках и угольных шахтах, не могут идти и в какое сравнение. При дальнейшем сокращении рабочего дня труд на торфу может стать из проклятия благословением. При четырех часах работы можно и два часа пожертвовать на дорогу, а для вывоза торфа все равно придется прокладывать много новых узкоколеек. Таким образом, возможно будет использовать существующие жилища при фабриках... Нам надо объявить пролетарский поход на торф!

— Вы ничего не сказали про перевозки.

— Да, при всех достоинствах торфяного топлива оно в объемном отношении неудобно для транспорта. Выражаясь технически, воздушно-сухой торф не теплоплотен. Но и здесь прогресс техники идет навстречу. Путем превращения на месте тепловой торфяной энергии в энергию электрическую мы можем по легким воздушным проводам высоковольтных

электропередач разносить эту энергию по любым радиусам на расстояние свыше 100–150 верст. Районные электрические станции — вот последнее и важнейшее слово практической электротехники. Линии электропередачи высокого напряжения — лучший способ рационализации транспорта. Условия Советской России во многих отношениях чрезвычайно облегчают и упрощают нашу задачу. Частная собственность ставила колоссальные преграды использованию естественных источников энергии и прокладке многоверстных электропередач.

— Очень интересные вещи вы рассказываете, Глеб Максимилианович. Положение-то с топливом у нас действительно отчаянное. Может быть, выход для нас — это электрификация, и ее первый шаг — станции на торфе... Нужно подумать.

Едва Глеб Максимилианович прибыл домой, в Садовники, едва рассказал Зинаиде Павловне обо всем, едва сел за стол в кабинете, как на тихой улочке раздался мотоциклетный грохот и в парадную дверь постучали. Кржижановскому была доставлена следующая депеша от Ленина:

«Глеб Максимилианыч!

Меня заинтересовало Ваше сообщение о торфе.

Не напишете ли статьи об этом в «Экономическую Жизнь» (и затем брошюрой или в журнал)?

Необходимо обсудить вопрос в печати.

Вот-де запасы торфа — миллиарды.

Его тепловая ценность.

Его месторождение — под Москвой; *Московская область*.

Под Питером — поточнее.

Его легкость добывания (сравнительно с углем, сланцем и проч.).

Применение труда *местных* рабочих и крестьян (*хотя бы по 4 часа в сутки для начала*).

Вот-де база для электрификации *во столько-то раз* при теперешних электрических станциях.

Вот *быстрейшая* и *вернейшая-ре* база восстановления промышленности; —

— организация труда по-социалистическому (земледелие + промышленность);

— выхода из топливного кризиса (освободим *столько-то* миллионов кубов леса на транспорт).

Дайте *итоги* Вашего доклада; — приложите карту торфа; — краткие

расчеты суммарные. Возможность построить торфяные машины быстро и т. д. и т. д. Краткая суть экономической программы.

Необходимо *тотчас* двинуть вопрос в печать...

Ваш Ленин.

P. S. В случае надобности запрягите Винтера, но давайте статью скорее»^[26].

Кржижановский тотчас засел за статью по торфу.

Нужно было написать статью программную и в то же время популярную, понятную широкому читателю, статью оптимистическую! Что в данных объективных условиях было нелегко сделать, конечно. Заметят ли главную идею связи выхода из топливного кризиса с электрификацией?

Заявление смелое, и, если бы Ильич его не поддержал, конечно, Глеб Максимилианович на такой отчаянный ход не решился.

Статья Кржижановского «Торф и кризис топлива» вышла в «Правде» в той самой рубрике, которая была открыта в ноябре письмом ЦК РКП (б) «На борьбу с топливным кризисом», написанным, конечно, Лениным.

Но рядом со статьей Кржижановского, отражающей в целом суть доклада Совнаркому и, конечно, беседы с Лениным, была напечатана на ту же тему — тему борьбы с топливным голодом — и статья Ю. Ларина, псевдоним Лурье, члена Высшего Совета по перевозкам от ВСНХ. В статье «Дрова и главки» Ларин, казалось, не писал ничего необычного, рассуждал о том, что главки республики не заботятся о заготовке дров — и все же Глеб Максимилианович почувствовал непримиримое противоречие их позиций. Дело было в том, что Ларин по-деловому, спокойно говорил исключительно о *дровах*; не обращаясь к завтрашнему дню, он объективно *звал назад*.

Статья Кржижановского вызвала мощную реакцию, поток писем и конкретных предложений. Чувствовалось, что она попала в цель, что она *злободневна*. И в то же время Глеб Максимилианович ощущал некоторую неудовлетворенность: основная идея о связи всех планов восстановления и развития страны с электрификацией и постройкой электрических станций на местном топливе, широким применением электричества в промышленности, хотя бы на тех же торфяных разработках, — вот эта идея и осталась где-то на задворках статьи, не была понята большинством. Выступление в газете требовало недвусмысленного продолжения, и по совету Ленина Глеб Максимилианович засел за следующую статью, которую решил назвать «Задачи электрификации промышленности». В статье выпукло и вполне определенно было подчеркнута, что лишь уровень электрификации определяет истинный уровень развития промышленности,

и он же является мерилom совершенства промышленных предприятий. Электрификация — это революция не только в энергетическом смысле, но и в технологическом.

Неизбежность, рациональность, своевременность электрификации именно сегодня! Чтобы приблизить эту еще слишком смелую для многих идею, Глеб Максимилианович решил дать в конце статьи наметки плана еще более дерзкого — он хотел резко и далеко раздвинуть сами пределы электрификации за технические, физические и химические горизонты...

«Мы, — говорилось в статье, — подходим к последней грани. За химической молекулой и атомом — первоосновами старой химии — все яснее обрисовываются ион и электрон — основные субстанции электричества; открываются ослепительные перспективы в сторону радиоактивных веществ. Химия становится отделом общего учения об электричестве. Электротехника подводит нас к внутреннему запасу энергии в атомах. Занимается заря совершенно новой цивилизации». Оставил статью Ильичу для просмотра. И буквально через несколько часов — история повторяется — Садовники, мотоциклет, самокатчик из Кремля, пакет от Ленина:

«Глеб Максимилианович!

Статью получил и прочел.

Великолепно.

Нужен ряд таких. Тогда пустим брошюркой. У нас не хватает как раз спецов с размахом или с «загадом».

Надо 1) примечания *пока* убрать или сократить. Их слишком много для газеты (с редактором буду говорить завтра).

2) Нельзя ли добавить *план* не технический (это, конечно, дело *многих* и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20–30 (30–50?) станций, чтобы нам всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса;... (*примерно* перебрать Россию всю, с *грубым* приближением). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10(20?) лет сделаем Россию «электрической».

Я думаю, подобный «план» — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, Вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10–20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем

электрической. Доработаемся до стoльких-то (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? черт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще *примерную* карту России с центрами и кругами? Или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10–20 лет.

Поговорим по телефону.

Ваш *Ленин*

23. I.

Р. С. Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то может быть будет возможна через 5—10 лет? может быть на Урале возможна?

Не сделать ли особой статьи о «государственном плане» сети электрических станций, с картой, или с примерным их перечнем (числом), с перспективами, способными централизовать энергию всей страны?

Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо, и мы поговорим»^[27].

Но и после сокращения статью невозможно было печатать — слишком велика, почти в печатный лист. Редакция согласилась поместить только тезисы статьи, и Глеб Максимилианович, понимая трудности газеты — иногда она выходила лишь на двух полосах, — согласился на публикацию сокращенного варианта, которому дано было название «Конспект статьи Г. Кржижановского «Задачи электрификации промышленности».

Пора было заняться требуемым Ильичем «Планом» и обязательно — специально для крестьян — раскрыть значение электрификации для сельского хозяйства.

31 января в «Правде» появляются «Тезисы к вопросу об электрификации» Г. Кржижановского, а еще через день — его же «К плану районных станций России».

Еще через день — это просто чудо какое-то — выходит в свет брошюра Г. Кржижановского, содержащая полные тексты всех четырех статей!

Владимир Ильич сделал все, чтобы брошюра вышла именно к I сессии ВЦИК 7-го созыва, потому что только там он мог отменить неправильное решение, принятое ВСНХ вопреки его мнению.

На недавнем заседании III Всероссийского съезда советов народного хозяйства Ильичу пришлось выступить против председателя ВСНХ Рыкова. Тот трактовал план государственного развития России как задачу

узковедомственную, которая должна тихо и спокойно решаться советскими учреждениями. Он совершенно упускал из виду организующую, вдохновляющую, поднимающую народ на борьбу роль электрификации, трактуя ее исключительно как техническое действо. Этим Рыков фактически противодействовал хозяйственному обновлению России. Рыков говорил убежденно, с воодушевлением. Он сыпал цифрами. Теряющие надежду обрести даже ту хилую технику, которой обладала Россия до войны, делегаты удовлетворялись старыми рубежами. Разговоры об электрификации показались им в этих условиях преждевременными. Была принята резолюция Рыкова.

Как только съезд совнархозов был закрыт, на страницах «Правды» одна за другой разорвались, как дальнобойные снаряды, статьи Г. М. Кржижановского, написанные по прямому заказу Ильича. Ленин спешил, и Глеб Максимилианович должен был ограничиться скорее «тезисами».

В противовес Рыкову Глеб Максимилианович писал в своих статьях, что «...электрическая энергия является могучим орудием в борьбе пролетариата на экономическом фронте», а «...природные условия России гарантируют здесь верный успех». Он писал о том, что электрификация не только возможна, но и необходима, что именно она — предпосылка победы социалистической системы хозяйства над капиталистической. Более того, в статьях были даже намечены районы электрификации, различающиеся по уровню и традициям хозяйства: Северо-запад — с центром в Петрограде; Центрально-промышленный — с центром в Москве и Южный — с центром в Донбассе. Сеть электрических станций должна была покрыть Россию.

Сессия ВЦИК открывалась 2 февраля, и Ленин хотел обратиться к делегатам с призывом начать широкую пропаганду идей электрификации на местах. Для этого он собирался использовать брошюру Кржижановского «Основные задачи электрификации России».

Вечером 25 января Глеб Максимилианович принес Ленину полный текст будущей брошюры. Обсуждая ее, они засиделись допоздна. Как только Кржижановский ушел, Ленин решил просмотреть брошюру еще раз.

Расскажем о том, что произошло дальше, воспользовавшись воспоминаниями управляющего делами Совета Народных Комиссаров Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

...Два часа — глухая ночь.

Ленин подошел к телефонному аппарату, вызвал управляющего делами Совнаркома.

Владимир Дмитриевич страшно испугался, решив, что случилось что-то с Владимиром Ильичем, и помощь требуется немедленная. Сломя голову

бросился к Совнаркому... Обстановка ночного покинутого учреждения была необычна. Никого нет кругом, тишина, везде потушен свет. Ильич у себя, жив, здоров, несколько утомлен. Он нервно ходил по кабинету.

— Извините, Владимир Дмитриевич, за поздний звонок, за беспокойство. Дело очень срочное. Кржижановский, как вы видели, принес брошюру. Ее нужно срочно двинуть в печать. Электрификация теперь чрезвычайно необходима. Как бы нам поскорей вызвать интерес к ней?

— Может быть, напечатать брошюру к сессии ВЦИКа? — спросил Бонч-Бруевич, понимая, куда клонится дело. — Тогда можно было бы сагитировать делегатов, они поняли бы значение электрификации для страны и разнесли это по своим уголкам, познакомили массы населения, особенно пролетарского, с этим огромным новым фактором...

— Вот именно. Я так и думал...

— Но у нас остается...

— Пять дней...

— Поэтому...

— Нужно приступить к делу немедленно...

— С чего же начнем?

— Давайте подготовим рукопись для типографии, а завтра с утра вы займетесь печатанием.

Владимир Ильич дал Бонч-Бруевичу рукопись для разметки, а сам стал сокращать ее...

В половине четвертого утра работа была окончена. Прощаясь, Бонч-Бруевич сказал, что с утра он попытается мобилизовать крупные типографии и тогда книга, а в ней 122 страницы, будет выпущена в срок. Сказано это было, как можно предположить, без особой уверенности.

— Но не забудьте, пожалуйста, — сказал, прощаясь, Ленин для того, видимо, чтобы окончательно лишить Бонч-Бруевича покоя, — нужно будет напечатать карту электрификации не просто черно-белую, а в пять красок, со всякими там отметками, значками, географическими названиями, чтобы всем было сразу ясно, что у нас должно быть через несколько лет по плану электрификации.

(В пять красок?! Выпустить бы в одну!)

Бонч-Бруевич не смог дома заснуть, уже к семи утра был в 17-й типографии, бывшей Кушнерова, холодной, без дров, но, на его взгляд, самой надежной. Владимир Дмитриевич вызвал членов заводского комитета, главу его Бокова, стал держать речь о важности электрификации и срочности поручаемого типографии задания. Его речь членам ячейки заводского комитета понравилась, и уже к вечеру, несмотря на то, что в

помещении был мороз, наборщики вручную (наборные машины не работали), стоя у касс в ватных пальто, отогревая литеры собственным дыханием, смогли набрать книгу целиком. К вечеру Бонч-Бруевич привез верстку «целиком и полностью» в Кремль. Туда же был немедленно вызван Глеб Максимилианович. Кржижановский стал править корректуру, а Бонч-Бруевич отправился наблюдать за печатанием карты. Здесь его ждала, однако, неудача — карта к сроку не поспевала.

Через десять лет после описываемых событий В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал:

«...все-таки в кустарной мастерской, ручным способом, отпечатали эту карту. И когда утром, придя на съезд, я стал раскладывать 585 экземпляров — по одному экземпляру на каждый стул, Владимир Ильич, пришедший рано, заглядывал с трибуны и наблюдал, как там — берут ли эту карту и разложена ли она везде».

2 февраля открылась сессия ВЦИКа, где Ленин должен был впервые публично заявить об идее электрификации, о тех больших надеждах, которые с нем связывает.

— Мы должны, не ослабляя нашей военной готовности, — сказал Ленин на сессии, — во что бы то ни стало перевести Советскую Республику на новые рельсы хозяйственного строительства... И чтобы показать населению, и в особенности крестьянству, что мы имеем в этом отношении широкие планы, не из фантазии взятые, а подкрепленные техникой, подготовленные наукой, — для этого, я думаю, мы должны провести, — я надеюсь, что ЦИК одобрит это, — резолюцию, предлагающую ВСНХ и Комиссариату земледелия в соглашении между собой выработать проект по вопросу об электрификации России. Мне удалось благодаря помощи Государственного издательства и энергии рабочих типографии бывшей Кушнерова, теперь 17-й государственной типографии, добиться того, чтобы в очень краткий срок была издана брошюра Кржижановского «Основные задачи электрификации России»... Автор брошюры совершенно прав, когда эпиграфом для нее избрал изречение: «Век пара — век буржуазии, век электричества — век социализма». Мы должны иметь новую техническую базу для нового экономического строительства. Этой новой технической базой является электричество. Мы должны будем на этой базе строить все...

Рыков, председатель ВСНХ, был недоволен. Он чувствовал, куда склоняется мысль Ленина. Это была атака на его, рыковские, идеи составления плана восстановления хозяйства.

На сессии ВЦИКа Рыкова уже не поддержали, речь Ленина и брошюра

Кржижановского сыграли свою роль., В резолюции было сказано:

«...Наряду с ближайшими, насущнейшими неотложными первоочередными задачами по устройству транспорта, устранению кризисов в топливе, продовольствии, в борьбе с эпидемиями, организацией дисциплинированных армий труда — для Советской России впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства». Ленин толковал вопросы первого плана социалистического строительства в неотрывной связи с электрификацией.

ВЫСОКАЯ ПРОЗА

Для начала Глеб Максимилианович решил собрать нескольких видных энергетиков. Это собрание на Раушской набережной, в здании 1-й Московской городской электрической станции, потом получило название «Совещание по вопросу электрификации России». Было 11 февраля 1920 года.

Решили избрать комиссию из шести человек по разработке программы дальнейших работ. Следующую встречу назначили на вторник, 17 февраля, в помещении электроотдела ВСНХ.

Рассказывая Зине о только что прошедшем собрании, по сути дела неподготовленном, Глеб Максимилианович понял, что, только столкнувшись с реальными трудностями организационного порядка, он начал осознавать сложность задачи.

Начать с самой цели работ. В резолюции ВЦИКа говорилось о том, что ВСНХ совместно с Народным комиссариатом земледелия должен разработать проект постройки сети электрических станций и в двухмесячный срок внести таковой на утверждение в Совнарком.

Задача поставлена как будто довольно узкая. Если рассматривать электрификацию только как постройку станций, то, может быть, и достаточный срок. Но ведь с Ильичем говорили они совсем о другом — электрификация не цель, а средство, символ и стержень восстановления и развития всего хозяйства. Для того чтобы знать, где и что построить, нужно иметь прогнозы, планы развития отраслей хозяйства. Как будет развиваться промышленность? Как будет развиваться сельское хозяйство?

Разработка плана постройки станций требовала знания будущего России и предвидения того, какой она станет при социализме, как социализм будет выглядеть не в лозунгах, а в конкретных хозяйственных проявлениях, в образе жизни, в отношениях между городом и деревней.

Перед Глебом Максимилиановичем вставала задача вслед за Ильичем представить себе социализм. Высший по сравнению с капитализмом общественный уклад требовал прежде всего повышения производительности труда, лучшей его организации. После завоевания власти пролетариатом, экспроприации экспроприаторов и подавления их сопротивления задача создания высшего общественного уклада выступала на первый план. Весь государственный экономический механизм должен был быть теперь, по мысли Ильича, прозвучавшей в речи на VII съезде

партии, а потом и в его докладе на V Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, превращен в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы миллионы людей руководствовались одним планом. VIII съезд партии подтвердил, что одной из кардинальных задач Советского государства выступает максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану. Делегаты съезда внесли эту мысль и в Программу партии. Они представляли уже себе в своих мечтах светлое коммунистическое завтра. Задачи, которые социалистами прошлого ставились абстрактно, теперь переходили из плоскости теории в плоскость практического воплощения. Делегаты понимали, что воплощение это займет много времени — целую историческую эпоху. Города Солнца нужно было не только завоевывать, но и строить, и перестраивать заново.

Глеб Максимилианович думал о том, как, в сущности, бледно и абстрактно представляли себе мыслители прошлых веков конкретные пути к социализму и сам его образ. Ильич правильно как-то сказал, что не может припомнить ни одного известного ему социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и техники и знаний из орудия капитализма в орудие социализма.

Ни один из утопистов не смог силой мысли полностью прорвать тенета грядущих веков, выхватить из грядущего цельный, яркий образ строя, к которому нужно стремиться. Но основные, самые общие принципы ими подмечены точно. Свобода. Обязательный и почетный труд. Гармония развития. Социальное обеспечение. Всеобщая грамотность. Охрана здоровья обществом. Доброжелательность. Но поголовная уравниловка, о которой говорили прожектеры левацкого толка, пугала его, как пугали когда-то предложенные одним из утопистов «свободные принципы брака», при которых из колонн мужчин и женщин старейшины избирают по нехитрым признакам супружеские пары: высокому — коренастую, толстому — худую, уроду — красавицу. Сколь убоги были представления о справедливости и любви! А кое-кто и сейчас, в XX веке, хотел бы такого социализма.

Социализм оказывался одновременно и прозаичней и возвышенней всех прежних представлений. Социалистическое общество в произведениях утопистов возникало внезапно, как остров в море или

твердь в путешествиях по времени. Его не надо было завоевывать. Никто — ни Мор, ни Кампанелла — не мог научить, как строить социализм.

Глеб понимал мысль Ильича. Не только электрификация! Дело в том плане, который неизбежно потянет за собой строительство станций. Изучение грядущих потребностей на основе того, что мы хотели бы видеть при социализме, даст прогнозы развития хозяйства, его различных областей. Знание этих потребностей, прогнозов рождало план. План! Это невозможно было раньше, в условиях частного капитала.

Ясно, что такая резкая, конкретная постановка вопроса придется далеко не всем по вкусу. Пусть будет просто электрификация.

Следующее совещание, вернее, уже «Заседание комиссии по электрификации промышленности и сельского хозяйства России» состоялось в электроотделе ВСНХ, в комнате без мебели, в громадной когда-то квартире, занятой теперь различными советскими учреждениями, но улице Мясницкой, в доме 24.

Было 17 февраля, два часа дня, за окном — оканчивающаяся зима, в комнате холодно. Кто-то притащил из других комнат стулья, расселись. Глеб Максимилианович внимательно всматривался в лица будущих электрификаторов России. Каждый из них — отличный специалист, сложная личность, свой характер, свои мотивы.

Вот Графтио. Сухое лицо, точеный мужественный профиль. Благородные морщины мыслителя. Короткое, когда-то модное суконное пальто, знавшее, видимо, лучшие времена. Он автор прекрасных проектов гидроэлектростанций. Его станции должны были работать на Иматре, Свири, Волхове. Но нигде не работали, ибо не были построены — этому препятствовали могущественные тресты. Пронюхав откуда-то про его проект Волховской ГЭС, могущественное «Общество 1886 года» мигом скупило по дешевке земли вокруг Волхова: строить станцию стало невозможным. Станция на Волхове для Графтио — дело его жизни, его мечта и надежда. Он пока не испытывает никаких особых чувств к рабоче-крестьянскому правительству, хотя считает, очевидно, что, задумав строить крупные станции, правительство обнаруживает и здравый смысл, и полет мысли. Впрочем, посмотрим...

На стульчике, подмяв его под себя, сидит грузный Круг — потомок вывезенных Петром немцев. Беззаветно любит Россию. Его политическая платформа пока еще путанна, противоречива, в чем-то несозвучна Советской власти, но он всегда будет рад разрабатывать проблему электрификации России (кое-что он уже в этом направлении сделал).

Вот Угримов, Каменский, Дубелир, Лапиров-Скобло...

Члены комиссия испытывают пи отношению к Глебу Максимилиановичу большое уважение как к крупному специалисту и известному хозяйственному руководителю, как к человеку честному и порядочному.

Но ему еще предстоит сделать из них единомышленников...

Глеб Максимилианович стоял у печки, в середине комнаты.

— Я был у Ленина, — начал он. — Комиссия по электрификации, как один из важнейших органов, может рассчитывать на самую' широкую поддержку государственной власти...

Из протокола заседания 17 февраля 1920 года

«Г. М. Кржижановский.

...Тов. Ленин предполагает, что мы набросаем не только в общих чертах программу станционного строительства, но и программу развития промышленности. По мнению т. Ленина, электростанции будут направлять всю хозяйственную работу... и совершенно определено, что все промышленные судьбы России связаны со строго проведенным планом электрификации, с успешной реализацией этого плана.

...Утверждается комиссия в составе следующих лиц...

Закрытой баллотировкой избирается президиум в составе трех лиц: Г. М. Кржижановского, Б. И. Угрюмова и А. Г. Когана...»

Заседание окончилось без четверти пять.

— Итак, Государственная комиссия по электрификации России. Название невыносимо длинное и неудобное, нужно сократить.

— Как вам нравится ГРЭК?

— Почти что турок.

— ЭЛЕРОС? КОПЭРО? КОМЭРО?

— Ха-ха. Комэро. А если так: ГОСКОПЭЛЬ?

— Правильно. Теперь все государственное. В том числе — капель.

— КОМПЭРО? КОМПЭЛЕРО?

— Поздравляю, кабальеро.

— Господа, есть идея! Назовем комиссию ПОСКО-ДО — пошли скорей домой!

— Шутник вы, оказывается, Карл Адольфович.

— ГОСУДАКЭР? Опять шучу.

— ГОСКРЭЛ? ГОЭЛРО? ГОРЭЛ?

— ГОЭЛРО? Это, пожалуй, неплохо! В меру коротко, в меру загадочно.

— Государственная комиссия по электрификации России. ГО-ЭЛ-РО.

— Генрих Осипович, вы — гений аббревиатуры.

(Академик Графтио впоследствии с удовольствием вспоминал об этом эпизоде и очень гордился тем, что именно ему пришло в голову слово ГОЭЛРО.)

Полетели дни, рассыпались листочками. Остались от них живые воспоминания разных людей и сотни страниц протоколов, сухих протоколов на блеклой местами бумаге, с выцветшими буквами... Эти протоколы были утеряны, потом найдены, бережно восстановлены, вот они:

Из протоколов ГОЭЛРО

«24 февраля. Заседание открывается в 2 часа 25 мин. сообщением т. Кржижановского о том, что в президиуме ВСНХ состав комиссии по электрификации России утвержден в том составе, который намечен группой совещания 17 февраля... Официальное название ее — Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО)...»

...Глебу Максимилиановичу особенно запомнился день, когда обсуждались работы по электрификации сельского хозяйства, проводимые Народным комиссариатом земледелия. Докладывал профессор Угримов. В наркомате, как получалось по его сообщению, работа проводилась в трех направлениях: бюро пропагандировало идею сельской электрификации, пыталось устроить опытную станцию с применением электричества на Бутырском хуторе и в подмосковном имении Машкино и, наконец, планировало создание специальных показательных станций...

Угримов кончил и победно оглядел присутствующих, которые одобрительно зашумели.

— Ну, Борис Иванович, дело с электрификацией сельского хозяйства у вас в наркомате, чувствуется, пойдет далеко! Широко развернулись! (Слышались реплики такого рода.)

Но Глеб Максимилианович оставался мрачен. Разве о таких работах мечтал Ильич? Разве они приведут нас к нашей цели — даже через сотню лет? Он поднялся и сказал:

— Спасибо, Борис Иванович. Прекрасно, конечно, что пропаганда у вас в Наркомземе поставлена, и что выставка на пароходе есть, и что показательные хозяйства намечены. Нет одного — ясного, определенного взгляда на сущность и цели электрификации сельского хозяйства. Вся ваша программа — это ряд отдельных заданий, не связанных общим направлением. А перед тем как составлять программу, необходимо заглянуть в будущее. Как Наркомзем представляет себе будущее хозяйство?

В виде ассоциации крестьян? Или в форме кооперативных объединений? Или в виде советских хозяйств? Может быть, Наркомзем предполагает, что хозяйство по всей необъятной России с ее различным жизненным и хозяйственным укладом можно втиснуть в однообразную схему? Именно крупные районные электрические станции, несущие кругом волны тепла, света и культуры, должны стать культурным рычагом для подъема духовной жизни крестьянства. Работа Наркомзема, опирающегося на собственные слабые силы электрификации, ни к чему действительно крупному не приведет...

Глеб Максимилианович продолжал и почувствовал, что растерянность, поначалу сквозившая в лицах, стала сменяться теплотой понимания. Его поддержали, сначала робко, приведя несколько примеров того, как именно крупные энергетические установки становились опорными пунктами сельской электрификации. Потом выступил Круг.

— Трудно рассчитывать на сколько-нибудь широкую электрификацию земледелия, пока все в руках мелких хозяев, — сказал он.

Его поддержал и Лапиров-Скобло:

— Нам нужно заботиться не только об источниках энергии, но и потребителях ее.

«Растут люди, растут», — думал Глеб Максимилианович, нарочно не вступая теперь в дискуссию, зная, что неумолимая логика предмета подведет электрификаторов к правильному подходу к их делу. Направлять развитие России нужно на основе ленинского плана. Нужны сейчас и фантазия, и воображение, и способность увидеть в сегодняшнем дне ростки будущего. Нужно думать сразу о многом; охватить все стороны жизни и быта — вопросы здоровья людей, их культуры, развитие форм хозяйствования, возможные изменения в жизни населения. Электрификаторам предстояло выяснить и, возможно, предсказать, где будут найдены залежи полезных ископаемых, где нужно будет построить завод или комбинат. Нужно был-о знать, к какому выводу придут крестьяне — будут ли объединяться, или же решающую роль сыграют новые советские хозяйства. Электрификаторы убеждаются в необходимости научных прогнозов, в необходимости овладения теорией, уже созданной и Марксом, и Ильичем, и великой революционной практикой времени.

Из протоколов ГОЭЛРО:

«28 февраля 1920 года.

...т. Кржижановский указывает на необходимость особого оттенения программы-минимум. Что касается программы в целом, то для большей

наглядности ее нужно разбивать на три главных пункта: а) Использование существующих электрических станций в целях снабжения электроэнергией прилегающих районов; в) Составление общего плана электрификации России по отдельным районам и пунктам; с) План электрификации сельскохозяйственной и лесной промышленности; вообще всей промышленности; железных дорог, водных путей и грунтовых дорог...»

«9 марта 1920 г. Слушали:...доклад В. В. Старкова о комплектах оборудования типовых районных станций. По обсуждению постановили: принять основной тип районной станции предельной мощностью 40 000 квт. Мощность оборудования каждого агрегата — 10 000 квт...

Слушали:...доклад Графтио о Свирском и Волховском строительствах...»

«13 марта 1920 г. Слушали: О составлении обзора по отдельным отраслям промышленности на десятилетний срок... Об утверждении программы работ комиссии ГОЭЛРО...»

Вечером, после заседания, Глеб Максимилианович направился в Кремль, чтобы показать Ильичу «заявление ГОЭЛРО» — программу работ комиссии, написанную им и только что утвержденную.

Ильич выслушал Глеба Максимилиановича внимательно, но все же чувствовалось, что не весь он тут, рядом, — его занимали другие думы...

— Что скажете, Владимир Ильич?

— Очень важный документ, своевременный. Должен еще над ним подумать. Не все понимают его важность. Рыков, например, точно не понимает. Война кончается. Нужно увлечь народ великим делом. Такой зимы, как была эта, нам больше не выдержать...

Кржижановский ушел, оставив Ильича в раздумьях. Ленин начал перечитывать «заявление ГОЭЛРО» и подумал, что в заявлении многого не хватает. Нужно будет не раз, наверное, обсудить план работ с Глебом Максимилиановичем. Он потянулся за ручкой и написал записку коменданту Кремля П. Д. Малькову:

«13. III.1920

Тов. Мальков!

Прошу дать распоряжение часовым в *Спасских* воротах пропускать в Кремль и из Кремля товарища

Глеба Максимилиановича *Кржижановского*

Пр. СПК В. Ульянов (Ленин)»^[28].

На следующий день самокатчик доставил Кржижановскому письмо.

«Глеб Максимилианович!

Просмотрев заявление ГОЭЛРО, подумав над вчерашней беседой, я прихожу к выводу, что оно сухо.

Мало этого.

Нельзя ли Вам написать или Кругу (или еще кому) заказать статейку такого рода, чтобы

доказать

или хотя бы иллюстрировать

а) громадную выгодность

б) *необходимость* электрификации

Примерно:

I. Транспорт.

Восстановить по-старому — надо α миллионов (по довоенным ценам) или α топлива + β рабочих дней.

А для восстановления на базе электрификации

a — x млн. рублей

a — y топлива + (β — z) рабочих дней.

Или *то же* $\alpha/\alpha + \beta$ но с эффектом во столько-то раз больше прежнего.

II. Паровые силы.

Если восстановить промышленность по-старому, нужно затратить больше, чем для восстановления на базе электрификации.

III. Земледелие.

Восстановить, скажем, +5 млн. плугов и конных упряжек.

Стоимость этого по-старому и при электрификации?

Это — *примерно*. Я думаю, толковый спец в 2 дня сделает такую работу (если захочет исполнить добросовестно), взяв либо цифры довоенной статистики (немного, совсем немного итоговых цифр), либо расчет *грубо приближительный* («в порядке первого приближения» к *первому приближению*^[29]).

Закажите это. Может быть, Вы себе закажете *материал*, а напишете сами или *дадите интервью*, я пошлю интервьюера. Тогда мы получим *канву* для пропаганды. А это важно.

Прочитав, позвоните по телефону.

Ваш Ленин»^[30].

Из протоколов ГОЭЛРО

«16 марта 1920 г...Слушали... VIII. О составлении общей программы

для отдельных обзоров...

...Что касается центра тяжести обзора, то такой должен лежать не в прошлом, а в будущем, то есть, чтобы при изложении было соблюдено по возможности, чтобы исторический материал прошлого не подавлял настоящего, и особенное внимание должно быть направлено на те перспективы, которые ожидаются в будущем...»

Из стенограммы заседания ГОЭЛРО.

28 марта 1920 года

«...Г. М. Кржижановский... Метод электрификации при существующей разрухе есть тот метод, который мы будем рекомендовать. После грандиозной разрухи здание строить так, как оно было, не приходится. Нам, может, выгоднее построить одну электрическую магистраль, чем возобновлять 10 других дорог...

...Мы должны сказать народу: «Перед вами полоса тягчайших лет. Вы должны сделать героическое напряжение. Вы недавно сумели совершить такое напряжение на военном фронте. Гораздо более трудная задача — проявить такую же помощь народного творчества на фронте экономической разрухи. У нас один фундамент — это сочувствие народных масс. Нам нужно апеллировать к труженику, который может нас вывезти на своих плечах... Вот единственный в мире случай, когда творческая мысль может на основании научных соображений воплотиться в жизнь. Мы должны нарисовать народу программу в целом. Пусть эта программа будет дана в порядке первого приближения, но перспективы этого широкого плана должны быть нарисованы...

Сводя все вышеизложенное, я подчеркиваю — еще никогда не было таких возможностей, которые сейчас есть. Мы сейчас имеем руины, но за всей разрухой проглядывает другое начало, начало планомерного творчества».

Из протоколов ГОЭЛРО

«...3 апреля. Профессор И. Г. Александров прочел членам комиссии свой доклад «О программе экономического развития Юга России». В основу программы положен проект использования Днепра (порогов его) как источника энергии и условий судоходства на нем, вплоть до устройства морского порта в Александровске...»

Станция на Днестре, по расчетам Александрова, должна была иметь мощность полмиллиона киловатт — невиданный масштаб!

Глеб Максимилианович был восхищен докладом. Как точно в нем

нащупан «центр вибрации будущей жизни»! Станция откроет перспективы развития рудникам Кривого Рога, шахтам Донбасса. Она даст живительный импульс развитию электрометаллургии, машиностроения. Будем делать автомобили, а быть может, и аэропланы... Для протяженной России первостатейную роль играют проблемы транспорта. Александров смотрит вперед, говорит о сотнях тысяч киловатт, когда Криворожский бассейн полностью запущен, а обескровленный Донбасс с трудом выдает первые вагоны угля...

И потом — как замечательно использовал Александров отмену частной собственности на землю! Он предлагал одну плотину вместо трех и этим поднимал уровень Днепра так высоко, что сразу затоплял все пороги. Сделать это при капитализме было невозможно — не позволили бы собственники прибрежных земель.

Многие ополчились на планы электрификации:

— Все планы уже были раньше! Вот пример — план послевоенного развития русской промышленности, разработавший ректором Московского технологического института профессором Гриневецким. Он все предусмотрел!

Конечно, труд профессора Гриневецкого был весьма солидным исследованием, с серьезными экономическими выкладками, свидетельствующими о прекрасном знании предмета. Кржижановский снял с этажерки его книгу «Послевоенные перспективы русской промышленности», совсем недавно изданную в Москве. Еще раз посмотрим, что предлагает Гриневецкий.

«...Осью экономической политики должно стать восстановление и развитие транспорта, в том числе: восстановление рельсового транспорта, восстановление водного и гужевого транспорта, развитие рельсовых путей. Финансирование — за счет частного и концессионного капитала...» — бросилось в глаза Глебу.

Вот и размежевались. Такой путь нам не подойдет. Это путь реставрации капитализма. Восстановление хозяйства на основе старой техники — это латанье дыр, приводящее Россию к роли' приатка Европы. И конечно, в книге нет ни слова об электрификации, являющейся осью нового промышленного и сельскохозяйственного возрождения. Нет ни слова о первоочередном производстве средств производства, о важнейшей роли преобразования всей жизни страны, всего народного хозяйства. С реставраторами капитализма нам не по пути. Можно взять у автора фактический материал — он достаточно добротен, использовать его. Но совеем не в тех целях, о которых мечтал профессор Гриневецкий.

...Ленину удалось разоблачить перед делегатами IX съезда партии суть выступлений противников электрификации. В резолюции съезда было записано:

«...Текущие хозяйственные задания... должны представлять собой не простую сумму потребностей и нужд, но должны с железной последовательностью вытекать из всего хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху».

Кржижановский радовался, наблюдая, какой мощный отзвук рождает у работников ГОЭЛРО ленинская идея о том, что в электрификации России самое главное — это вызвать соревнование и самодеятельность масс.

Ему было приятно видеть, как тянутся к ГОЭЛРО специалисты, тянутся не из-за денег и пайков, а из-за чего-то неизмеримо более важного и высокого. Он был счастлив, видя, как в результате работ членов комиссии, из отдельных прогнозов рождаются одухотворенные планы построения нового мира.

Из протоколов ГОЭЛРО

«...13 апреля. Кржижановский информирует собрание о состоявшемся 10 апреля сего года в президиуме ВСНХ совещании представителей комиссариатов, отделов и главков по вопросу об условиях, на которых могут быть приглашены немецкие рабочие и техники. Потребность России в квалифицированных рабочих громадна... Так как продовольственные условия не позволяют пригласить большое число рабочих, намечено пока пригласить пятьдесят тысяч квалифицированных рабочих и небольшое количество инженеров, которых распределить по возможно большему числу предприятий в качестве ударных групп... В более привилегированное положение по отношению к русским техникам немецкие ставиться не будут... условия предстоящей работы здесь им известны, существующие для русских рабочих производственные условия, продовольственные условия немецких рабочих удовлетворяют...»

Это заседание оставило у Глеба Максимилиановича чувство досады. Почему мы опять должны ориентироваться на немцев, на их аккуратность? Неужели нет в России своих инженеров и техников? Он стал перебирать в уме организации, еще «не охваченные» комиссией, и вспомнил профсоюз строительных рабочих, с представителем которого — Богдановым — его как-то познакомил Винтер на одной из электротехнических ассамблей. Приехав домой, он тотчас позвонил Богданову. Тот с радостью откликнулся, и уже на следующий день в ЦК Союза строительных рабочих собралась большая группа инженеров-строителей. Конечно, не все они

симпатизировали Советской власти. Горячие споры, ядовитые реплики. Замечательные специалисты, сидевшие перед ним в клубах табачного дыма, были умны, наблюдательны и дальновидны. Обмануть их было практически невозможно. Можно было только увлечь, «распропагандировать». Кржижановский чувствовал себя провозвестником великой идеи, как когда-то в Петербурге, в рабочих кружках. Здесь было и легче и труднее. Легче потому, что уровень образования этих людей был близок к его собственному — у них вообще было много общего. Труднее потому, что он должен был увлечь их чем-то уж очень высоким. Тем, что затмит разруху, голод, холод, болезни, дикие цены и ничтожную покупательскую способность рубля — затмить все это, заставить про все это забыть, увидеть за всем этим не конец, а начало!

— Многие из вас, сидящих здесь инженеров, — начал Кржижановский, — замечательные специалисты. Но беда в том, что сидите вы над проблемами, весьма далекими от вопросов конкретного строительства. Займитесь решением жгучих проблем современности, связанных с разработкой плана ГОЭЛРО. Каждому специалисту найдется интересная, увлекательная и притом, заметьте, сугубо практическая работа...

К концу своей речи он почувствовал, что побеждает... Недоверие и скепсис покинули лица инженеров. Их увлекли скупая и точная инженерная аргументация, факты, призыв к действию, творчеству... ГОЭЛРО получила новую мощную поддержку.

Из протоколов ГОЭЛРО

«...24 апреля. Слушали... II. Сообщения ответственного руководителя сельскохозяйственной секции — Б. И. Угримова и сотрудников секции о плане и направлении работ, ведущихся секцией...

е) А. В. Успенский в своем докладе «Обзор сельского хозяйства в Западной Сибири и возможность его электрификации» после описания территории в топографическом отношении с приведением данных о населении, промышленности и о лесных и горных богатствах, о сельском зерновом хозяйстве, животноводстве...»

8 мая инженер Август Адамович Вельнер представил доклад о водных силах Ангары. Он указывал на удачное расположение села Братское, выше его по реке — озеро Байкал — связь с Восточной Сибирью и Енисей — с его громадными возможностями, там и железная дорога и железо, и уголь, и золото. Там можно соорудить несколько мощных станций, энергии хватит на все...

Мечтатели с упоением считали сотни тысяч, миллионы киловатт, оперировали миллионами золотых рублей, миллионами бочек цемента, миллионами пудов железа...

Ничего этого у молодой республики не было и в помине, но Глеб Максимилианович не гасил энтузиазма.

— Мечтайте! Мечтайте! Проектируйте! Не построим сегодня — построим завтра.

Из протоколов ГОЭЛРО

«22 мая Г. М. Кржижановский сообщает о присутствии командированных из Петрограда представителей работников по Северному району А. А. Горева и А. С. Шварца и предлагает заслушать их доклад о работах групп...

Переходя к выяснению возможности использования запасов энергии в районе, докладчик отмечает, что дешевизна получаемой энергии позволяет надеяться на возникновение ряда химических производств...

Вторым крупным потребителем энергии может явиться производство алюминия. В Тихвинском районе вблизи водных путей имеются мощные залежи бокситов и там же залежи серного колчедана, необходимого для производства серной кислоты...

Возникает также вопрос о постройке грузового флота и вероятном развитии в Мурманске судостроительной промышленности в большом масштабе...».

«12 июня... Доклад М. А. Шателена об удовлетворении нужд деревни в электрической энергии с помощью устройства стандартизованных гидроэлектрических установок...».

«19 июня... Слушали доклад Г. О. Графтио «Электрификация Кавказа». Г. М. Кржижановский отмечает ценность доклада и считает, что в общем установлена правильная точка зрения... край имеет громадное экономическое и политическое значение. Проект должен быть составлен в таком духе, чтобы перед всем населением Кавказа была ясна мысль Советской России о перспективах развития этого края...».

...В июне Глебу Максимилиановичу и Зинаиде Павловне нужно было получить большевистские партийные билеты, и тут возникли неожиданные трудности. Один из членов парткомиссии с недоумением смотрел, как Глеб Максимилианович пишет в графе «Год вступления в партию» цифру «1893».

— Простите, товарищ Кржижановский. С какого года вы в партии?

— С тысяча восемьсот девяносто третьего. Месяца не помню.

— Но ведь в девяносто третьем еще и партии-то не было!

— Для кого не было, а для некоторых уже была.

Вопрос разрешился лишь тогда, когда от Владимира Ильича в Замоскворецкий райком партии поступил отзыв о Г. М. Кржижановском и З. П. Невзоровой-Кржижановской. На основании его рекомендации в графе «Год вступления в партию» Глебу Максимилиановичу была проставлена цифра «1893», а Зинаиде Павловне — «1895».

Из протоколов ГОЭЛРО

«26 июля. Заслушаны доклады: 1) А. Е. Лосицкого «Районирование сельскохозяйственной промышленности», 2) Л. Н. Литошецко «Экономические условия электрификации сельского хозяйства»...

Г. М. Кржижановский. Нужно резко разделить два доклада. Один относится непосредственно к нашей программе и чрезвычайно важный — это доклад т. Лосицкого. Что касается второго доклада, то это очень интересный доклад, но идущий вразрез с нашими другими докладами. Мы резко расходимся с докладчиком и с точки зрения техники и экономики и понимания судеб сельского хозяйства.

Наша агрономическая группа является в целом сторонником создания социалистического типа хозяйства... Мы проектируем электрификацию земледелия не такую, как предполагает т. Литошенко, а считаясь с полным преобразованием народного хозяйства...

Л. Н. Литошенко... строит свой доклад на том положении, что основную ставку надо делать на крепкого крестьянина, т. е. на кулака-предпринимателя. В общем доклад дает однобокую картину современного положения и в целом противоречит всей работе экономической группы ГОЭЛРО.

...Закрывая собрание, председатель сообщает о предложении перенести заседание ГОЭЛРО на электрическую станцию «Электропередача», где налицо все условия для успешного окончания доклада Совнаркому».

Предложения о доработке докладов на «Электропередаче» было встречено профессорами с энтузиазмом. Москва плавилась от необычайной жары, весенние прогнозы метеоролога-неесимиста сбывались: наступило одно из самых засушливых лет в Центральной России.

На «Электропередаче», куда их доставила «храпучая», было лишь чуть прохладнее — небо серое над головой — раскалено, горячее ископаемое под ногами проминается — разогрето. Тревожное было лето, и тревожное красное солнце тонуло у края горизонта в синей дымке.

Расположились в коттедже, отнесенном подальше от шума и суеты станции, поделили комнаты, наладили столы, свет, застелили постели, окна — настежь. Июльский болотный комар, уже не такой жгучий, ночные стражницы, совки во главе летучей ночной рати, жужжа, трепыхаясь, мягко стуча о стекла своими легкими тельцами, не давали заснуть...

Непонятными горожанину звуками наполнилась ночь: хлопали крылья, кто-то стонал на болоте хрипло, по-человечьи, дробные мелкие галопы под полом сменялись зловещей тишиной.

Тревожно ломались сучья, шуршала сухая трава, мгла не несла покоя и прохлады.

Глеб Максимилианович ощущал тревогу физически: глухой стук крови. Он долго ворочался в темноте, пока не начало светать. Но и светало тревожно: слишком быстро. Он вскочил, поняв, что это не рассвет. Где-то невдалеке горели вполнеба торфяники. Пожар!

Захлопали двери, раздался одинокий крик, потом шумы торопливого вставанья, беготни.

— Глеб Максимилианович! — кричал кто-то.

Он не стал выяснять, кто зовет, только крикнул:

— Главное — портфели берегите!

Он побежал к правлению. Угроза нависла над станцией, питавшей Москву, над материалами ГОЭЛРО.

Бежал к телеграфу правления, к знакомому куполу, хорошо видному ему в отсветах пожара. *«Станция величайшей опасности мы не можем гарантировать ее бытие Кржижановский»*, — дрожащими буквами записал он текст телеграммы.

Члены комиссии, быстро погрузив драгоценные материалы на «храпучую» и дождавшись, пока машина не скроется из вида, стали тушить пожар вместе с рабочими станции. Борьба продолжалась весь день. К вечеру пришло подкрепление. Ленин прислал два отборных полка с саперным оборудованием, лемехами, прикрепленными к военным повозкам. Тушили всю ночь, к утру пожар стал отступать, разваливаться, оборачиваясь дымящими углями и горячей гарью земли...

Все вздохнули с облегчением. Станция спасена! Москва спасена! Планы и доклады комиссии тоже спасены!

«Скорее всего диверсия, — размышлял Глеб Максимилианович. — Еще много врагов вокруг».

Комиссия вернулась в Москву.

Из протоколов ГОЭЛРО

«31 августа... Сообщение о поступлении в комиссию обзоров работ по отдельным отраслям промышленности. Все работы, за исключением обработки животных веществ и обзора химической промышленности, сданы...»

«14 сентября... Заслушано сообщение инж. Поспелова о работах Сибирской группы инженеров Сибисполвод по обследованию водных сил Сибири...»

Обзоры и планы, составляемые комиссией, тотчас публиковались в издаваемом ГОЭЛРО Бюллетене, первым читателем которого, конечно же, был Владимир Ильич. Он внимательно следил за направлением работ и подправлял комиссию в тех случаях, когда она, по его мнению, брала неточный курс.

26 сентября Денин послал Глебу Максимилиановичу записку по поводу пятого выпуска Бюллетеня ГОЭЛРО:

«...в целых пяти №№ «Бюллетеня» мы имеем только «схемы» и «планы» далекие, а близкого нет.

Чего именно (точно) не хватает для «ускорения пуска в ход существующих электрических станций»?

В этом гвоздь. А об этом ни слова.

Чего не хватает? Рабочих? Квалифицированных рабочих? Машин? Металла? Топлива? Чего другого?

«План» добыть, все не хватающее надо *тотчас* составить и опубликовать.

26/IX. Ленин»^[31].

Из протоколов ГОЭЛРО

«28 сентября...После всесторонних прений, по предложению председателя, был принят как первоочередной следующий конкретный план постройки районных станций».

«12 октября...ГОЭЛРО постановило предложить всем работникам... сдать не позднее субботы 16 октября все без исключения материалы ГОЭЛРО, как оригиналы, так и вторые экземпляры...

Постановлено дополнить сводную карту нанесением на нее районов предполагаемой постройки мелких электрических станций для обслуживания сельского хозяйства...»

«...19 октября...За небольшими исключениями, все материалы налицо...

Необходимо сооружение новых электрических станций (до 30 в течение первых 10 лет), которые при развернутом действии дадут свыше 6

млрд, квт.-ч. Кроме станций общего пользования, нам в наследие досталось еще до 600 частных электрических станций мощностью до 1,5 млн. квт с ежегодной отдачей до 2 миллиардов квт-ч... ГОЭЛРО в качестве первоочередной задачи выдвигает задачу объединения и приспособления для работы на общую сеть и пуск в ход этих бывших частных станций...

Но речь должна идти не столько о восстановлении, сколько о пересоздании промышленности. Необходимо предусмотреть механизацию и широкую электрификацию. Задачей выработки государственного плана является установить соотношения. К 1 декабря будут выпущены сокращенные сводные доклады по районам, дающие правильное представление о намеченных линии и плане. Для объединения этих работ составляется общий сводный доклад, состоящий из 13 глав...»

Из письма В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому «6/XI.

Г. М.!

Это очень важная вещь. Комиссия наша (куда ведь Вы вызваны? постановлением предыдущим?) состоится *завтра* (или 8/XI утром).

Надо внимательно обсудить заранее проект (прилагаемый) подкомиссии.

Не вошло вовсе ГОЭЛРО!

По-моему, это неправильно: чего стоят все «планы» (и все «плановые комиссии» и «плановые программы») *без плана электрификации?* Ничего не стоят.

Собственно говоря, ГОЭЛРО и должно быть единым плановым органом при СНК, но так прямо и грубо это не пройдет, да и неверно будет. Надо обдумать (спешно, до завтра), как следует поставить вопрос...»^[32]

Из протоколов ГОЭЛРО

«9 ноября 1920 г.

Слушали: I. Информационное сообщение председателя о беседе с т. В. И. Лениным о порядке характера печатаемых трудов ГОЭЛРО, докладов по электрификации отдельных районов. Одобрены работы-доклады по Волжскому и Северному районам. Желательно доклады по всем районам по возможности представить в том же виде, как последний, с указанием конкретных мер по выполнению намеченного плана электрификации в ближайшие годы...»

Должность председателя комиссии ГОЭЛРО обязывала Глеба Максимилиановича просматривать и подписывать всевозможные финансовые документы. Даже они казались ему исполненными высокого

смысла.

К сентябрю общие расходы комиссии, в которой работало около двухсот лучших российских инженеров и техников, составили два с небольшим миллиона рублей. Пять миллионов, отпущенные сразу на работу комиссии, не были израсходованы. Дело оказалось совсем не в деньгах, и в этом Глеб Максимилианович усматривал признаки психологического перелома.

К сентябрю, например, потеряла смысл широко ранее использовавшаяся система так называемого «пожетонно-го» вознаграждения для членов комиссии — то есть оплата их присутствия на каждом отдельном заседании. Пожетонное вознаграждение не понадобилось. Увлеклись инженеры, видимо, тем, что вознаграждало их лучше всяких денег. Увлеклись работой по преобразованию России.

Были в ведомостях и совсем мелкие детали, которые тоже, однако, были показательны.

«Государственному магазину за пять аршин кальки... 325 руб,

то же, за гуммиарабик, два флакона туши... 150 руб,

Шереметовой, за гуммиарабик... 90 руб,

Смильго, за ленты для пишущих машин... 1750 руб,

Смирнову, за сургуч... 875 руб.

(Какие безумные цены кругом! Спички — сто рублей, свеча — пятьсот, фунт муки — тысяча.)

Петроградскому государственному складу № 4 за денатурированный спирт ... 33 руб. 63 коп.

(Только здесь сохранились еще копейки, на государственном складе. Вокруг — тысячи и миллионы.)

Механику Оглы — за починку двух пишущих машин... 5000 руб.

Телеграмма срочная... 150 руб.

(Как ощущается разница цен! То, что предлагает государство — обходится дешево; то, что продается «по договоренности», повинуюсь рыночной стихии, — неимоверно дорого. Но уже ощутима рука государства, препятствующая взвинчиванию цен, уже есть государственный сектор.)

Оплата перевода: «Электрификация шведской страны» — 1200 руб. за строчку...»

Вот кому заплатили поистине по-королевски — переводчику! Это — за срочность. Нужно будет перечитать перевод, рассказать Ильичу о том, что пишет инженер Свен Любек.

Ленин очень интересовался электрификацией в других странах, но не

очень-то верил в то, что из этих затей что-нибудь получится.

— Почему, Владимир Ильич?

— Да потому что у них социализма нет. А мы социализм протащили уже в повседневную жизнь... У нас — власть советская.

13 ноября в кабинет Кржижановского в ВСНХ заглянул крестьянин Сергей Курков. Он был у Кржижановского частым гостем по делам строящейся в подмосковном селе Кашире небольшой электростанции. Станция была маломощной, но важной — она была из *первых*, строящихся в соответствии с планом ГОЭЛРО и при помощи ГОЭЛРО.

Сергей на этот раз ничего не просил.

— Готова станция. Завтра открываем электрическое освещение. Приезжайте. Вот и для гражданина Ленина приглашение. Хотели бы видеть на великом празднике кашинских крестьян инициаторов электрификации. Вы у него бываете. Его присутствие весьма желательно.

— Хорошо, Сергей, передам.

Ильич дал согласие приехать.

Ленина очень увлекали возможности автоматизации, централизованного управления волей тысяч людей и мощностью миллионов механизмов. Глеб Максимилианович поражался той прозорливости, которую порой проявлял Ильич в сложнейших стратегических вопросах техники.

Однажды Глеб Максимилианович принес ему карту намечаемых к постройке по плану ГОЭЛРО станций. Вокруг каждой станции была в масштабе проведена окружность радиусом около сотни верст, обозначавшая возможный район обслуживания потребителей. Ленин долго и внимательно изучал карту и вдруг сказал:

— Кольца не получается.

Глеб Максимилианович поразился. Действительно, намечаемые к постройке станции иногда были далеко друг от друга, и их «круги» в некоторых местах не пересекались между собой. Объективно это означало, что преимущества всеобщей электрификации не будут использованы полностью — не было кольцевания станций в энергетическую систему, сулившую большие выгоды. Ильич тут же это заметил и предложил увеличить радиус окружностей (это зависит как будто от напряжения?) или наметить в промежутках между окружностями дополнительные станции.

Ильич как-то попросил Глеба дать почитать ему какой-нибудь учебник электротехники. Тот притащил двухтомник, написанный весьма популярным автором. Через некоторое время Ильич с негодованием вернул книги, заявив:

— Я такого идиота читать не буду.

— Что случилось?

В ответ Ленин прочитал длиннейшую цитату из этого труда, где автор, пытаясь быть популярным и понятным, сравнивал движение электронов с переселением народов. Это показалось Ильичу страшно неуместным.

Он не очень жаловал «киловатт».

— Посудите сами, Глеб Максимилианович, как сможет полудиккий крестьянин где-нибудь в российской глубинке представить мощность в один миллион семьсот пятьдесят тысяч киловатт, которую вы наметили для российских электростанций? Много это или мало? А сколько это будет, к примеру, «машинных рабов» или «работников»?

Глеб Максимилианович при этих словах призадумался.

— Вообще-то, — сказал он, — в сопоставлениях киловатта с человеческой силой много условного... Впрочем... если все-таки на это решиться, то, взяв карандаш, — тут он действительно вытащил из внутреннего кармана пиджака карандаш, а потом и бумагу, и логарифмическую линейку, чем привел Ильича в восторг, — можно подсчитать, — он задвигал бегунком, — ...что работу одного киловатта мощности можно сравнить с работой не менее 20 рабочих. Следовательно, — быстро прикинул на линейке Глеб Максимилианович, — общую мощность электростанций ГОЭЛРО можно сравнить с физическими усилиями 35 миллионов человек. Это, конечно, очень грубо и ориентировочно. Скорее всего эта величина преуменьшена.

— Выходит, в результате ностройки намеченных станций число работающих в нашей стране как будто бы сразу возрастет на тридцать пять миллионов! Вы не ошиблись, Глеб Максимилианович?!

Ленин часто спрашивал о работниках ГОЭЛРО, многих знал лично, вызывал к себе.

— Ну, Глеб Максимилианович, как работают ваши буржуазные специалисты?

— Стараются, Владимир Ильич. Увлеклись планом постройки станций — не давали им в старой России развернуть свои таланты. А потом этот план оказался тесно связанным с оценкой будущих потребителей — с прогнозом будущего развития промышленности, сельского хозяйства. Здесь — переход к размышлениям о судьбах России, о ее будущем. Как правило, приходят к правильным выводам. Приходят к коммунизму через технику, через станции, через технико-экономические сопоставления. Послушали бы, как ратуют они теперь за социалистическое хозяйство в деревне! Теперь наши «буржуазные спецы», можно сказать, с пеной у рта готовы

сражаться за советские хозяйства с полным применением электрификации...

Ильич считал необходимым вынести результаты работы ГОЭЛРО по электрификации на обсуждение VIII Всероссийского съезда Советов, который должен был состояться в декабре, и встретил этому противодействие. Он как-то сказал Глебу Максимилиановичу, что не так легко было поставить на съезде вопрос об электрификации — была серьезная оппозиция.

Из протоколов ГОЭЛРО

«16 ноября 1920 г...2. Слушали сообщение Г. М. Кржижановского о предстоящем докладе на Всероссийском съезде Советов — 20 декабря об итогах работы (Государственной) Комиссии по электрификации России. В основу доклада Г. М. Кржижановский предполагает положить мысль, что-в основу плана государственного хозяйства России должна быть положена государственная электрификация страны».

«23 ноября 1920 г. 1. Г. М. Кржижановский подтверждает свое сообщение о необходимости доклада съезду Советов 20 декабря с. г. и сообщает, что по настоянию В. И. Ленина программа доклада должна быть в соответствии с работами ГОЭЛРО расширена.

Г. М. Кржижановский предлагает, кроме обзоров планов электрификации районов, включить:

1) Введение, содержание, общую характеристику электрификации как основы государственного хозяйственного плана.

2) Электрификация как средство выхода из кризиса топлива

3)»» производства

4)»» транспорта

5)»» рабочей силы.

После доклада съезду должен выйти полный отчет о работах ГОЭЛРО...»

Чего только не было в этих итоговых документах работы ГОЭЛРО, в этих папках, которые Глеб Максимилианович ласково поглаживал по их зеленым картонным переплетам?

Вот Север. Здесь все данные о нем. О мощности рек, о возможности производства алюминия, списки и характеристики лесов, болот — все взято на учет! Соображения о рациональной эксплуатации лесов, сведения о нефтеносном районе в Ухте, еще недостаточно обследованном, но необычайно перспективном, о возобновлении чугуноплавильного

производства в Олонецкой губернии, о будущем Мурманского порта и электрификации Мурманской железной дороги...

Центр России. Общее описание, карты, схемы топливоснабжения, определение потребной мощности станций, использование существующего стационарного хозяйства, соображения о будущем развитии Москвы — написаны не мечтателями, а техниками — Поливановым и Классовым. Читается как фантастический роман Жюль Верна!

Юг. Здесь, конечно, все затмевает гигантская, невозможная раньше плотина на Днепре, превращающая Александровск в морской порт и весь юг России в цветущий край. Дерзкий проект! Выдюжим ли, российские техники?

Урал. Кавказ. Сибирь. Туркестан.

Отдельные обзоры по электрификации транспорта, промышленности, сельского хозяйства, кустарных промыслов. Здесь все — от развития машиностроения и металлургии, от сверхмагистралей и электрических судов до прогнозов мукомольного производства, производства молока, фруктов и овощей — внешняя и внутренняя торговля...

Для того чтобы наполнить эти картонные папки, двести инженеров России должны были представить в мечтах социализм. И поверить в него!

Владимир Ильич просмотрел материалы ГОЭЛРО, дал свои замечания. Члены комиссии засели за исправления. Кржижановский не спал двое суток. Круг сидел подряд тридцать часов без сна и еды, да и другим пришлось потрудиться. Когда все было готово, встал совсем непростой вопрос: как это все напечатать? По мысли Ильича, труд по электрификации России должен быть вручен каждому делегату съезда Советов.

Этот труд, хотя и сокращенный и урезанный, оставляющий многое за скобками, все равно был огромным по объему — 50 печатных листов. А был уже декабрь, оставалось в лучшем случае дней девятнадцать-двадцать.

Ленин оказал в издании трудов большую помощь. Он сделал так, что рабочие пяти типографий, которые должны были бы одновременно набирать и печатать текст, получили дополнительный паек. Он распорядился о выдаче типографиям дров.

Из протоколов ГОЭЛРО

«14 декабря 1920 г.

Обсуждался вопрос о дальнейшей деятельности... Дальнейшую работу ГОЭЛРО Г. М. Кржижановский представляет себе следующим образом: чтобы уничтожить ведомственность и работать по единому хозяйственному плану, нужен новый орган, который должен стоять при

Совнарком; орган этот вырабатывает общеплановую систему хозяйства, имеет постоянное наблюдение за исполнением.

Орган этот есть видоизмененная и пополненная комиссия ГОЭЛРО».

В конце ноября лондонская «Таймс» опубликовала интервью с писателем Гербертом Уэллсом, недавно посетившим Россию и встречавшимся с Лениным. Наряду с весьма лестными характеристиками большевистского правительства, «самого бесхитростного правительства в мире», «самого честного, трудолюбивого и пуритански чистого», наряду с обвинениями Запада и «бездарной эмиграции» в бедах России Уэллс, человек прямой и искренний, написал:

«Ленин хотя и отрицает, как правоверный марксист, всякие утопии, — в конце концов сам вдался в электрическую утопию... Можно ли вообразить более смелый проект в обширной плоской стране с бесконечными лесами и неграмотными мужиками, с ничтожным развитием техники и с умирающей промышленностью...»

Ленин, узнав о мнении Уэллса, немного расстроился.

— Не вовремя, — сказал он. — Лет через десять Уэллс, фантаст и мечтатель, приедет сюда, увидит все собственными глазами, убедится в нашей правоте. Но нам тогда это будет так неважно. А сейчас он мешает увлечь массы. Не хватило воображения у Уэллса. Но у делегатов съезда — уверен — хватит!

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Утром 22 декабря со всех концов Москвы двинулись к Большому театру делегаты VIII Всероссийского съезда Советов.

Глеб Максимилианович влился в эту людскую реку, шагал среди незнакомых, но близких ему людей. Он мог бы поехать на автомобиле, но не сделал этого: хотел еще раз продумать доклад. Не слишком ли учен? Сложен? Загроможден цифрами? Как отнесутся к этим научным изысканиям люди, бодро шагающие рядом с ним?

«Поймут, — думал он. — Может быть, даже лучше поймут, чем некоторые профессора и фантасты. Они нам верят...»

Было холодно даже для декабря. Игра стихий вызывала необычайное небесное явление: солнце встало в тумане, его поддерживали красные столбы. В прозрачной дымке светились розовым светом покрытые инеем дома и деревья. В груди Глеба Максимилиановича нарастало волнение...

Из тихого розового утра появлялись на ступенях Большого театра резкие тени. Делегаты предъявляли мандаты, проходили в маленькое нижнее фойе, регистрировались, встречали знакомых, рассказывали о родных местах, о товарищах, о новых потерях. Зал был переполнен. Съезд открылся.

...Все встали, грохоча стульями и сапогами, стояли молча, тихо, когда вспоминали погибших.

Выступил Ленин. Многие видели его впервые — портреты были редки.

— Мы здесь присутствуем, — говорил он, — при весьма крупном переломе, который во всяком случае свидетельствует о начале больших успехов Советской власти. На трибуне Всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так долго, а больше будут говорить инженеры и агрономы.

Ильич говорил о возрождении страны, о том, что надлежит поставить на новые рельсы всю промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Неожиданно в его руках оказалась книга. Глеб Максимилианович легко узнал в ней труды комиссии ГОЭЛРО — «План электрификации».

Увесистый том в 672 страницы, с колоссальным числом схем и

графиков был издан в срок. К книге прилагалась «Схематическая карта электрификации России», напечатанная в несколько цветов, — вызывающая типографская лихость!

Ленин продолжал:

— Мы имеем перед собой результаты работ Государственной комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан. Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне нетрудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии.

Зал замер.

— Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она не годна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники...

Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны... Мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно...

Долго не смолкали в зале бурные аплодисменты...

День 26 декабря должен был стать для Глеба Максимилиановича и для всех стоящих за ним великим днем триумфа или провала. Перед заседанием на него накатывалось необычайное волнение.

Дощатый (прощупывались стыки и щели) стол Президиума был установлен на столь хорошо знакомой (правда со стороны зрительного зала) сцене. Кумачовая скатерть нависала над просцениумом, выделялась огнями рампы в полумраке зала, где светили красные нити недопитанных электрических ламп.

Рядом со столом была устроена импровизированная кафедра, тоже покрытая кумачом, рядом стоял столик для стенографистки.

...Продолжались прения по докладу Ильича. Когда один из выступающих проходил прямо перед Президиумом к кафедре, Глеб Максимилианович вдруг узнал его... Это же Дан! Боже мой, сколько лет прошло с тех памятных — весьма памятных — встреч в Женеве. Неприятных встреч времен раскола партии. Дан погрузнел, погрубел, постарел. Это уже не тот денди, которого знал Глеб. Сейчас на нем китель военного врача. Выступает от меньшевиков.

— Полоса новых войн... Господство принуждения и насилия — это такие вопросы, по которым агрономы и инженеры не могут сказать решающего слова. Разве важно — много или мало у нас электрических ламп? Агрономам и инженерам рано на политическую трибуну...

Все это было так естественно для Дана, что Глеб Максимилианович даже не разозлился. Съезд великодушно добавил Дану время, но отношение к нему было явно недоброжелательным.

За предложенную им резолюцию голосовал всего один человек — он сам.

За Даном выступил эсер Вольский, за ним беспартийный питерский рабочий Юхневич.

Вот с заключительным словом выступает Ильич. Он, конечно, не может пройти мимо выступлений Дана и Вольского.

— ...Партии меньшевиков и эсеров... представляют такую группировку разношерстных частей, такой постоянный переход одной части к другой, который делает из них вольных или невольных, сознательных или бессознательных пособников международного империализма... Ни меньшевики, ни эсеры не говорят: «Вот нужда, вот нищета крестьян и рабочих, а вот путь, как выйти из этой нищеты...»

Съезд продолжался. Неуклонно, неудержимо приближалась очередь Кржижановского. И вот Михаил Иванович Калинин обращается в его сторону. Глеб Максимилианович внезапно теряется. Он знает лишь, что надо двигаться к кафедре. Поднялся, под взглядами тысяч настороженных глаз прошел позади Президиума. Глеб Максимилианович вдруг понял, что он забыл продумать формулу обращения к залу. Товарищи? Граждане? Решил сразу приступить к тексту.

Из стенограммы доклада Кржижановского

«Передо мной стоит чрезвычайно трудная задача — в краткий предоставленный мне срок развить громадную тему электрификации нашей страны... Я отмечу лишь самое существенное. Нам приходится спешно заняться основными вопросами хозяйства великой страны в очень трудное и очень сложное по переплетающимся в нем событиям время. Оно может быть охарактеризовано как переходное время от частнохозяйственного строя, строя капиталистического, к хозяйству планомерно-обобщественному, социалистическому...»

...Позже участники съезда вспоминали, что Глеб Максимилианович выглядел неважно: у него был усталый вид, глаза и щеки ввалились, резко обозначились на бледном лице морщины.

В зале было сыровато и холодно. Делегаты выдыхали пар, сквозь который призрачным красным светом нерезко светили люстры (чтобы осветить театр, был выключен центр Москвы, даже в Кремле осталось лишь несколько шестнадцатисвечовок). Зал был насторожен и внимателен.

Из стенограммы

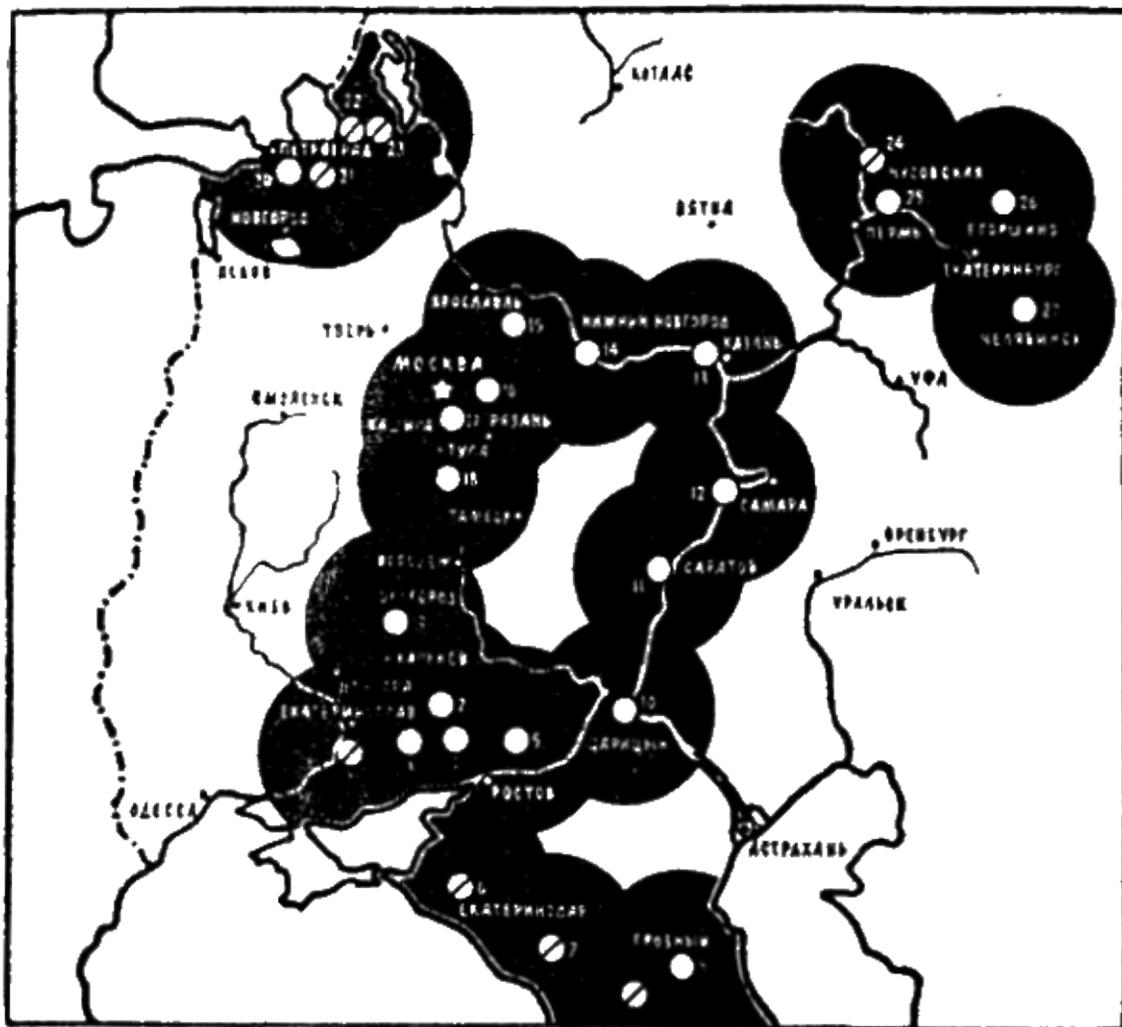
«...Почему, говоря о новом хозяйстве, приходится так решительно и определенно остановиться на его электрификации? Дело в том, что электричество — это та новая сила, которая народилась в старом паровом хозяйстве капиталистического мира не в дружелюбном соседстве с ним, а как сила, решительно подрывающая его основы. Благодаря электричеству является возможным подход к такому овладению силами природы, к созданию таких могучих производственных центров, которые уже не мирятся с частной собственностью. Там, где идет вопрос о том, чтобы громадные реки заковать в каменные одежды и построить такие станции, которые будут влиять на жизнь целых районов страны, где дело идет о хозяйственном объединении этих районов в целостное народное хозяйство, — там территориальная собственническая грань не может не мешать...

И обратно: страна, стряхнувшая гнет частной собственности, получает возможность свободного подхода к источникам природной энергии и может не считаться в своих проектах и планах с прихотливой игрой частных интересов. Ошибочно, и более того, преступно было бы не использовать это наше преимущество в предстоящей нам трудной борьбе на экономическом фронте...»

Глеб пока не чувствовал контакта с аудиторией, ему было одиноко на трибуне. Но недалеко был Ильич, и Глеб поймал его взгляд — он улыбался, кивал головой, подбадривая.

Из стенограммы

«...Для всех ясно, что здесь мы прежде всего должны напрячь усилия, чтобы в быстрейший срок ликвидировать нашу послевоенную экономическую разруху с ее кризисами транспорта, продовольствия, топлива, производственного оборудования и рабочей силы... Как бы ни размышлять на эту тему, в последнем счете всегда окажется, что лишь подъем производительности народного труда является той конечной инстанцией, к которой мы все должны стремиться...»

Карта ГОЭЛРО.

Он понял, стоя у кафедры, сколь слаб его голос. Он говорил громко, но тускло-золотое пространство зала никак не заполнялось звуком.

— Тише, тише, — доносилось из зала, и Глеб Максимилианович увидел, как на задних рядах партера, на ярусах во множестве появляются «звукоуловители» — свернутые рупором газеты, приставленные к ушам.

Он продолжал:

— Переходя к конкретному плану электрификации РСФСР, я предлагаю вам обратить внимание на ту карту, которая находится перед вашими глазами. Здесь отмечены те 27 основных районных электрических

станций, сооружение которых в течение ближайшего десятилетия мы считаем совершенно необходимым для проведения плана электрификации страны.

Он взял в руки кий, только вчера добытый для него в бильярдном зале бывшего «Метрополя», и почувствовал, как в зале началось движение, свидетельствующее об обостренном внимании. Он поднес кий к большой карте России, свешивающейся с колосников, и в этот момент карта осветилась, а свет в зале сделался совсем слабым (инженер Смирнов манипулировал за сценой). Кржижановский указал на район Донбасса.

— Вот станция № 1, в Штеровке. Вы видите, как вспыхнула лампочка, отмечающая пункт расположения этой станции. Вот станция № 2, в Лисичанске. Световой сигнал отмечает перед вами эту станцию № 2...

Указка Глеба Максимилиановича скользила по карте, и сообразно называемым им станциям на карте зажигались цветные огни. Казалось, что он сейчас управляет и залом; поднося указку к определенным участкам карты, а на самом деле к городам, районам, губерниям, он сеял волнение в различных группах людей, сидевших в зале, которым произносимые им названия говорили так много...

Из стенограммы

«...Но особо важное значение приобретает для всего южного района и для Донецкого бассейна гидроэлектрическая станция № 3 около Александровска. Сооружением мощной плотины на Днепре у Александровска мы можем достигнуть такого подъема воды, что он перекроет знаменитые Днепровские пороги, а получающийся при этом напор воды даст возможность создать здесь крупнейшую гидроэлектрическую станцию России, мощность которой будет постепенно подниматься с 200 тыс. л. с. до мощности свыше 800 тыс. л. с. С перекрытием порогов Днепр превратится в водную сверхмагистраль...»

Удивительная, волшебная атмосфера театра, уютная теплота рядов, загорающиеся на сцене цветные огоньки будущей счастливой жизни завораживали. Стояла тишина, и ему уже почти не приходилось напрягать голос.

Из стенограммы

«...Красные линии, проходящие через ряд станций, намеченных нами к сооружению в Донецком бассейне, показывают вам, каким образом мы думаем электрифицировать существующие железнодорожные линии, соединяющие Кривой Рог через Александровск — Чаплино — Никитовку

— Лихую с Царицыном. Эта широтная электрическая сверхмагистраль свяжет бассейны водных сверхмагистралей Днепра и Волги и даст выход донецкому антрациту на Волгу...»

Глеб Максимилианович показывал по карте, следуя с юга на восток — к Волге, оттуда, поднимаясь вверх, попадал в центральный промышленный район...

«...В центре России, в радиальном направлении мы создадим с наименьшими затратами электрическую сверхмагистраль, значение которой в разрешении наших топливного, продовольственного и транспортного кризисов трудно переоценить. Эта электрическая сверхмагистраль и та магистраль в широтном направлении, которая связывает Волгу с Днепром, внесут решительный переворот в дело транспорта наших основных топливных и хлебных грузов и вместе с тем дадут линию электропередачи для электрического орошения наиболее важных районов страны...»

Он рассказывал о северо-западе, о Петрограде, о Волхове, чувствуя благодарное внимание зала. Говоря о новых местностях и городах, указывая все новые и новые точки на карте, он приобретал себе и новых сторонников.

— ...В районе Урала намечается Кизеловская районная станция, находящаяся на наиболее важных угольных копях Уральского района. Вся металлургия Урала работает на древесном угле, а ближайшие районы лесов уже в значительной степени истреблены. Придется приложить все усилия для подъема добычи местных уральских углей, которыми и предстоит покрыть тепловые нужды тамошних заводов, оберегая древесный уголь исключительно для металлургических надобностей. Кизеловская районная станция находится уже в постройке, и мощность ее предполагается довести до 40 тыс. квт...

Зал был молчалив и серьезен. Временами Глеб Максимилианович слышал, как стучит механизм его серебряного «Мозера». Казалось, само Время, подгоняя маленькое сердце часов, спешило попасть в резонанс сердцам сидящих в зале людей и бьющемуся с ними в унисон сердцу оратора. Никогда раньше Кржижановский не был в столь глубоком контакте с тысячами людей.

Это был самый великий момент его жизни.

Глеб Максимилианович выхватывал из зала знакомые лица. Вот Александров, Графтио, Богданов, Винтер. Где-то на верхотуре, на ярусах, его секретарь и машинистка Маша Чашникова...

За столом Президиума сидел Ильич, внимательный, ободряющий, рука

с блокнотом на спинке плюшевого красного кресла; Калинин, забывший про председательский колокольчик. Сосредоточенны молодые лихие командиры Фрунзе и Ворошилов.

— Нам не вернуть наших погибших братьев, и им не придется воспользоваться благами электрической энергии, — заканчивал он. — Но да послужит нам утешением, что эти жертвы не напрасны, что мы переживаем такие великие дни, в которые люди проходят как тени, но дела этих людей остаются как скалы...

Он кончил.

Зал сначала молчал, а затем взорвался громом рукоплесканий.

...Маша Чашникова, в валенках, в зимнем теплом пальто, сидя на шестом ярусе, пригрелась. Она последние дни сильно недосыпала и в тепле, темноте, под голос Глеба Максимилиановича, слабо доносившийся откуда-то снизу, задремала... Проснулась от мощных звуков. Все делегаты съезда стояли и пели «Интернационал». В зале было по-прежнему темно, и только светилась на сцене большая карта России с ее будущими электростанциями...

Весь мир насилья мы разрушим... —

пел неумелый, но мощный хор...

...а затем...

Мы наш, мы новый мир построим... —

продолжал хор, делая на этих словах неосознанное ударение. Эти строчки приобретали сейчас реальный, легко постигаемый и разумом и сердцем смысл.

Сходя с трибуны, Глеб Максимилианович подумал, что он счастлив.

Был объявлен перерыв. В фойе была устроена выставка, рассказывающая об электрификации, там выделялись боевые лозунги: «Здоровый паровоз — гвоздь революции!», «Молот впереди, винтовка позади!»

В комнату Президиума непрерывным потоком входили старые (десятки лет не выделись с иными!) друзья. Принесли ворох записок, и Глеб Максимилианович с нетерпением разворачивал их. Записки были в основном делового характера: «Сообщите о литературе по

электрификации...»

«Имеет ли теория Эйнштейна отношение к электрификации? Если да, то какое?..»

«В какой степени эксплуатируется Ниагара?..»

«Каковы запасы торфа и подмосковного угля? Оправдывают ли себя такие постройки, как Шатурка или Каширка, при имеющихся залежах?..»

«Каким же образом, т. Кржижановский, Советская Россия, не имея ломаного гроша в кармане, осуществит сей грандиозный проект, требующий громадных капиталов? На иностранный капитал, конечно, рта разевать не приходится...»

Были записки и скептические, полные неверия. Некоторые делегаты ехидно говорили о «пролезших на съезды «спецах», «утопиях» и «рождественских елках».

На следующий день Кржижановский с удивлением прочел в «Правде» статью «Предварилка и съезд Советов (к биографии тов. Кржижановского)»:

«Кое-кто после выступления на съезде тов. Кржижановского не прочь поворчать. «Еще новость: спецы уже теперь на съезд Советов пролезли, рождественскими елочками да лампочками очки втирают, а мы сидим, ушами хлопаем».

Так вот, для охлаждения разгоряченного воображения таких товарищей, а также и для пользы дела, мы даем некоторые штрихи из биографии *первого инженера*, выступившего с докладом на съезде Советов.

...Когда он был еще в Нижнем, там он написал работу о реорганизации промыслов, которая была написана с таким блеском, что тогдашний министр земледелия Ермолов повелел разыскать автора, где бы он ни находился.

Каково же было удивление и гнев царского служаки, когда он узнал, что адрес талантливого инженера — «предварилка»!

Всем известно, что царское правительство тоже стояло за натуральное премирование выдающихся русских граждан: им «даром» давали квартиру с решеткой (охраняет от воров), парашу и баланду.

Затем тов. Кржижановский (тоже в порядке премирования) был сослан в Сибирь (по процессу «декабристов», по которому был сослан туда же и Владимир Ильич), где и «прожил» на иждивении попечительного начальства три года...

После ссылки очутился в Самаре, где работал на железной дороге и одновременно в центре тогдашней русской организации старой «Искры».

На 2-м съезде партии тов. Кржижановский был выбран членом Центрального Комитета...

...В 1905 году был председателем забастовочного комитета Юго-Западных железных дорог.

Конечно, после подавления революции ему пришлось получить увольнительный билет. Тов. Кржижановский переехал в Питер, избрал своей специальностью электротехнику...»

— Зинуша! Посмотри, что тут про меня пишут. Не иначе как Владимир Ильич постарался — дал задание.

— Не сомневайся.

Воскресным утром члены рабочей комиссии для выработки резолюции по докладу об электрификации России — их было человек семь — собрались у Калинина, в Кремле. Глеб Максимилианович приветствовал их радостный и возбужденный.

— Ну, товарищи, работать нам, видимо, придется немного. Я привез проект резолюции, написанный Владимиром Ильичем.

Прочли вслух. Помолчали. Решили принять за основу. Проголосовали — единогласно. Посидели еще, почесали затылки, поразмыслили, потом разом все рассмеялись.

— Что можно тут добавить? Здесь все есть. Ильич обо всем подумал.

...VIII съезд Советов принял программу постройки светлого социалистического будущего на основе самой передовой в мире техники.

И тот же съезд поручил Наркомату внешней торговли за золото приобрести за границей косы, топоры, серпы...

Кругом расстилалась громадная разоренная, голодающая, раздетая и разутая Россия...

Делегаты разъезжались в приподнятом настроении. Они ехали *преобразить* страну, имея для того ленинский, научный *план*, руководство к действию, которого раньше не было.

— Даешь электрификацию! — слышалось с болот Шатуры, Каширы, с холодных берегов седого Волхова — с самых крупных строек страны. Энтузиазм, сознание ясной перспективы воодушевляли строителей — раздетых, разутых, недоедающих, недосыпающих...

Вся страна пришла на помощь стройкам. Собрали оборудование для депо и кузницы в Волхове, рабочие-паровозостроители дали тут же девять только что отремонтированных паровозов, путейцы проложили сорок верст рельсов, матросы-речники пригнали 24 баржи, строители помогли построить жилье, лесопилку.

Развернулись работы на Волховстрое. Были заказаны генераторы —

четыре за границей, в Швеции, а четыре — дома, в России. На Волховстрой прибыла новая техника. Поехав туда осенью двадцать третьего года, писатель Алексей Толстой с восхищением написал: «...У каменного откоса работает машина. Туловище ее — вагон с трубой, из которой валят клубы дыма, внутри пытит машина. Трещат шестерни. Из вагона высовывается длинный железный нос на цепях, поперек носа ходит палец вверх, вниз, в стороны. На конце пальца — зубастый ковш величиной с комод. Вся эта штука называется экскаватор. Я думаю, она может даже писать стихи».

ХРОНИКА ВРЕМЕН ПЕРВОГО ГОСПЛАНА

Ильич видел, что Глеб Максимилианович переутомился, а когда узнал, что после съезда он слег, забил в колокола, с кем-то договорился, куда-то позвонил, а потом объявил: здоровье Кржижановского — это дело не только его, это в известном смысле — государственное имущество, его нужно беречь. Поэтому, уважаемый Глеб Максимилианович, настоятельно просим провести месяц в уединении, в подмосковном санатории «Архангельское».

(Зима в Архангельском... сугробы волнистой пеленой лежат...)

Кржижановским досталась комната на втором этаже с большим эркером, выходящим в сад. Глеб Максимилианович согласно строгому предписанию не работал, что-то мурлыкал про себя (стихи), но оставаться в бездействии не мог: он размышлял о том, на что его давно наталкивал Ильич: десятки комиссий, разрабатывающих от разных ведомств план восстановления хозяйства страны, фактически уже прекратили свое существование за полной бесполезностью. Сделать общегосударственной план, исходя из старых представлений, было невозможно. В план ГОЭЛРО с самого начала была заложена основополагающая ленинская идея. Она связывала Советскую власть с коммунизмом через широко понимаемую идею электрификации.

Электрификация виделась мостом в коммунизм. (Создавали план ГОЭЛРО в основном электрики. Кое-кто возмущался: «Почему в вашей комиссии нет ни одного политэконома?») Этот вопрос Глеб Максимилианович любил, так как имел на него замечательный ответ: «Как нет? А Карл Маркс?») Члены ГОЭЛРО составили основу плана развития страны на десять-пятнадцать грядущих лет. Теперь нужно было следить за тем, чтобы наметки этого плана превращались в практические дела — нужно было организовать его выполнение.

План ГОЭЛРО был, по существу, долгосрочным планом работы всей страны, планом построения материальной базы социализма. Он был *планом*. Позднее, через десять-пятнадцать лет, привыкнут к тому, что жизнь страны подчинена планам, что они заранее составляются, что каждый год авторитетные комиссии просматривают: все ли идет как надо? Не нужна ли помощь? Потом, через многие годы, планы стали таким обычным и необходимым атрибутом нашей социалистической жизни. План — это закон, путеводная нить. Без него огромный и сложный хозяйственный

организм страны просто не сможет работать.

Но тогда, в 1921 году... Планирование хозяйства многим казалось утопией. Такой же неосуществимой, как сказки Кампанеллы.

(Сейчас трудно даже Лобразить специфические трудности тех лет. самого слова «план» не существовало тогда в том естественном для нас смысле, как мы воспринимаем его сейчас, — в смысле программы действий на определенный период. Слово «план» приближалось тогда по своему содержанию скорее к понятиям «эскиз», «набросок», «схема». «План» развертывался скорее в пространстве, чем во времени.)

Глеб Максимилианович иногда чувствовал себя избранником судьбы. Когда впоследствии он вспоминал о тех днях, душа его пела и слова сами собой становились в строчки...

(Морозный день. Кругом все тихо. Вся в снежных лапах ель стоит. Сорока бойкая, притихнув, на самой маковке сидит. Все залито лучами солнца. Алмазов рассыпъ на снегах... Чу... скрип полозьев, гул мотора (в те годы он так редок был), и суматоха в коридорах: «К нам Ленин, Ленин сам прибыл». — «Привет! Меня не ожидали? Застал врасплох, как видно, вас? Посмотрим, как вы отдыхали! Я времени имею час...» И в комнате здесь — номер пятый — набросок Лениным был дан, каким, учтя войны утраты, быть должен первый наш Госплан...)

Ленин приехал в санаторий навестить Кржижановского и посоветоваться с ним. Ему было важно увидеться с Глебом Максимилиановичем до заседания Совета Труда и Обороны, назначенного на 18 февраля. Там должен был обсуждаться проект о Государственной общеплановой комиссии.

Вот почему Владимир Ильич решил выкроить время и поехать на своем специально переоборудованном автомобиле, скорее своеобразных автосанях, по заваленной гигантскими сугробами дороге в Архангельское. Он хотел знать, как отнесется Глеб Максимилианович к мысли о назначении его председателем Государственной общеплановой комиссии, к наметкам состава будущей комиссии. Через час Ленин уехал.

Как он и ожидал, на заседании СТО многие его предложения по Госплану встретили кое у кого возражения.

— Кржижановский не администратор.

— Нужно сначала разработать *методику* составления плана. Главное — не спешить.

— Съезд Советов не *утвердил* плана ГОЭЛРО. Он только *одобрил* его.

— Я слышал, что в плане ГОЭЛРО есть ошибки!

Ленин решил, что нужно обратиться к массам. Эта необходимость

стала очевидной после того, как в «Экономической жизни» появились «тезисы» Милютина. За день до заседания СТО В. П. Милютин сделал в Социалистической академии доклад, в котором говорил о плане ГОЭЛРО как необоснованном плане строительства электростанций, проведенном без достаточного анализа. Вот теперь, считал Милютин, пришла пора поручить специалистам разработать «методологию» и на ее основе начинать составлять настоящий план.

19 февраля «тезисы» Милютина опубликованы «Экономической жизнью». В этот же день Ленин отправляет Глебу Максимилиановичу секретное письмо:

«Г. М.!

Просмотрите, примите к сведению. Верните секретно тотчас.

О плане Милютин пишет вздор. Самая большая опасность, это — забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства.

Это опасность великая. Ее не видит Милютин.

Очень боюсь, что, иначе подходя к делу, *и Вы не видите ее.*

Мы нищие. Голодные, разоренные нищие.

Целый, цельный, настоящий план для нас теперь — «бюрократическая утопия».

Не гоняйтесь за ней.

Тотчас, не медля ни дня, ни часа, по кусочкам *выделить* важнейшее, минимум предприятий и их поставить.

Поговорим об этом лично до Вашего доклада.

Подумайте.

Ленин»^[33].

На следующий день в «Экономической жизни» была напечатана полная нападок на план ГОЭЛРО статья Ю. Ларина.

В ответ на эти выступления в «Правде» появляется статья Ленина «Об едином хозяйственном плане»^[34]. Ленин пишет о тяжелом впечатлении, которое производит статья и разговоры на тему о плане. «Пустейшее говорение», «литературщина», «рассуждения о том, как надо подойти к изучению вместо изучения данных и фактов». Статьи Крицмана, Ларина, «тезисы» Милютина, речи «ответственных товарищей». «Скучнейшая схоластика вплоть до болтовни о законе цепной связи». Живого дела нет. Более того — есть высокомерно бюрократическое невнимание к тому живому делу, которое уже сделано и которое надо продолжать. Он

напоминает об истории создания ГОЭЛРО, о решении сессии ВЦИКа, где черным по белому говорилось именно о «научной выработке государственного плана всего народного хозяйства». «Кажется, ясно? — спрашивал Ленин, — можно ли не понять этих слов, этого решения нашей высшей власти?» Плодом «невежественного самомнения» он называет саму мысль о том, что может быть другой единый хозяйственный план, кроме плана ГОЭЛРО, не менее невежественным самомнением — мысль о том, что возможна иная Общеплановая комиссия в РСФСР, кроме ГОЭЛРО.

Через три дня, 25 февраля, Ленин пишет Кржижановскому в Архангельское:

«...Вам надо создать в *Общеплановой* комиссии *архитвердый* президиум (обязательно без Ларина), чтобы организаторы и твердые (способные дать полный отпор Ларину и *стойко* вести тяжелую работу) люди *помогали* Вам и *сняли с Вас* работу *административную* (в Цека указывалось, что Вы ведь, собственно, не администратор). Президиум, может быть, два помощника Ваши, один секретарь и т. п. Вы должны быть «душой» дела и руководителем *идейным* (в особенности отшибать, отгонять *нетактичных* коммунистов, способных разогнать спецов)...»^[35]

8 марта 1921 года начался X съезд РКП (б). Съезд рассмотрел вопрос о замене продразверстки продналогом, решительно переводил страну с рельсов военного коммунизма на рельсы новой экономической политики. Это неизбежно должно было внести коррективы и в работу Госплана.

Во время работы съезда идея создания Госплана на базе ГОЭЛРО получила много сторонников, в частности, ее поддержал Сталин. Прочтя «План электрификации», он написал Ленину:

«...Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технико-производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянской массы (тудармии)? Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной...

Мое мнение:

1. Не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане.

2. Начать немедленный практический приступ к делу.

3. Интересам этого приступа подчинить по крайнем мере 1/3 нашей работы...

4. Так как у работников ГОЭЛРО, при всех их хороших качествах, все же не хватает здорового практицизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то обязательно влить в «плановую комиссию» к ним людей живой практики, действующих по принципу «исполнение донести», «выполнить к сроку» и пр.»...

Первые атаки на новый Госплан как будто бы были отбиты. Нужно было приступить к конкретным делам — подбору людей, учету сделанного и несделанного, организации выполнения планов.

5 апреля состоялось первое заседание Государственной общеплановой комиссии. Глеб Максимилианович выступил на нем с программной речью. Стенограмма этой речи была тотчас послана Владимиру Ильичу. Отзыв поступил довольно суровый:

«Г. М.!

Возвращаю Вашу речь.

Главный недостаток ее: слишком много об электрификации, слишком мало о *текущих* хозяйственных планах.

Не на том сделано главное ударение, на чем надо.

Когда я имел перед собой коммунистических «вумников», кои, не читав книги «План электрификации» и не поняв ее значения, болтали и писали глупости о плане вообще, я должен был носом тыкать их в эту книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может.

Когда я имею перед собой *писавших* эту книгу людей, я бы стал косом тыкать их *не* в эту книгу, а *от нее* — в вопросы *текущих* хозяйственных планов.

Займитесь ими теперь, господа профессора! Ваша электрификация in alien Ehren!^[36] Ему же честь, честь. Написали 1-ое издание. Подправим, выпустим 2-ое. Спецы такой-то подкомиссии напишут дюжину декретов и постановлений о преподавании электричества и плана электрификации и т. п. Мы это утвердим.

А общеплановая комиссия государства *не* этим сейчас должна заняться, а немедленно изо всех сил взяться за *текущие* хозяйственные планы.

Топливо *сегодня*. На 1921 год. Сейчас, весной.

Сбор хлама, отбросов, мертвых материалов. Использование *их* для обмена на хлеб.

и тому подобное.

В это надо ткнуть «их» носом. За это их засадить. Сейчас. Сегодня.

1—2 подкомиссии на электрификацию.

9—8 комиссий на текущие хозяйственные планы. Вот как распределить силы на 1921 год.

Ваш Ленин»^[37].

Задачи, поставленные Лениным, приходилось решать срочно, сейчас же. Здесь очень помог Глебу Максимилиановичу его новый сотрудник, Станислав Густавович Струмилин. (Он прошел многие стадии профессионального и политического образования, из тех, что прошел и Кржижановский: «реалка», потом Санкт-Петербургский технологический институт, «Союз борьбы», «предварилка». В юности бит нагайками на демонстрациях; став ученым, стремился сбросить «науку доктринеров» и поставить на ее место «науку революционеров». В царской тюрьме объявил голодовку и, наблюдая свое угасание, с любопытством записывал в дневнике данные о состоянии своего организма — справедлив ли в таких условиях «закон Вебера — Фехнера»? Его перу принадлежат записи ощущений, сделанные непосредственно перед смертью, но он был спасен. Затем — «Искра», Париж, Петербург, мятежные настроения против «фракционной грызни». Он выстрадал свой подход к коммунизму. Сам Струмилин говорил, что на своих «тропах к коммунизму» он шел многотрудным, не всегда кратчайшим путем.)

Струмилин сразу пришелся по душе Глебу Максимилиановичу своей цепкой научной хваткой, образованностью, романтическим восприятием действительности и ее перспектив.

— Отчего мы первые у врат социализма, Глеб Максимилианович? — спрашивал он у Кржижановского. И решил написать на эту тему статью.

Врата социализма нужно было еще открывать, нужен был ключ — впрочем, оба они единодушно считали, что ключ этот имеется — план ГОЭЛРО. Нэповский капитализм, развитие рынка никак не могут сбить ритм железной поступи. Воплощение плана было сопряжено с решением множества проблем. Когда они возникали, романтически настроенный Струмилин изучал их с безжалостностью хирурга.

Как в условиях нэпа составить продовольственный план на 1921–1922 годы? Как учесть в строгом расчете расширяющуюся рыночную стихию? Отмена крайне тяжелой продразверстки приводила к необходимости установления более мягкой нормы обложения крестьян продналогом. А Поволжью — это уже было ясно — грозил жесточайший неурожай. Чтобы города не задохнулись, остальные районы страны, выходит, нужно было

обложить даже большей повинностью, чем в прошлом году! Статистические данные об урожаях были не то что неточны — просто неправильны, их нарочно искажали. Они не могли быть надежной основой планирования. Но Госплан смог сделать невозможное — хлеба было заготовлено *больше*, при *меньшем* налоге — 400 миллионов пудов.

Трудности усугублялись головокружительным падением курса советского рубля. Чуть не основным бюджетным ресурсом экономики была денежная эмиссия — печатание денег. Эмиссия была неизбежна, ибо без нее не свертывался бездефицитный бюджет. Но уже довольно скоро доход от выпуска новых денег перестал себя экономически оправдывать. Нужно было готовить денежную реформу.

Ильич бомбардировал записками:

«...Вопрос об основных чертах государственного плана не как учреждения, а как *плана* стоит неотложно.

Теперь Вы знаете продналог и другие декреты. Вот Вам политика. А Вы подсчитайте поточнее (на случай разных урожаев), сколько это может дать.

Еще неизмеримо спешнее: топливо. Сорван сплав.

Неурожай при такой весне, сорвет подвоз.

Пусть Рамзин и К° дня в два даст мне краткие итоги: 3 цифры (дрова, уголь, нефть)...

К четвергу утром. В зависимости от этого буду решать о внешней торговле. Закажите сегодня. Поговорим завтра.

Привет! Ленин»^[38].

Комиссия взялась за работу. Важно было сразу же хорошо налаживать статистику. Параллельно Госплан окунулся в проблемы топливного и продовольственного планов. Был организован Главтоп и специальный аппарат, контролирующий движение продовольствия. Работать было отчаянно трудно. И в то же время легко, ибо каждый шаг комиссии направлялся рукой Владимира Ильича, и можно было в трудную минуту прибегнуть к его мудрому совету.

Кржижановский постоянно ощущал заботу Ильича о Госплане, заботу лично о нем, Кржижановском, Ленин писал ему:

«...По секрету:

В Питере открыт новый заговор. Участвовала интеллигенция. Есть профессора, не очень далекие от Осадчего. Из-за этого куча обысков у его друзей и *справедливо*.

Осторожность!!!» [\[39\]](#)

Он помогал Кржижановскому бороться с яркими врагами первого Госплана, например с Лариным, которого они давно уже между собой прозвали «нахалом». Ларин не унимался.

Не выполняя никакой самостоятельной работы, он поднимал такой словесный звон, такую трескотню, что невольно отвлекал и других от настоящих дел. 9 июня Ю. Ларин опубликовал в «Правде» статью под названием «Тайны советской промышленности», где подвергал работу Госплана резкой и несправедливой критике.

«Деятельность Госплана, — утверждал Ларин, — приобрела академический характер... Госплан не дает конкретных предложений...»

Ленин, прочтя статью Ларина, тут же написал Кржижановскому секретное письмо.

«...«Нахал» архиловок. Боюсь даже, что он сознательно использовал мое письмо. Надо обдумать *стратегически*.

Не сделать ли так:

1) Через две-три недели дать обзор *фактов* работы, а в примечании презрительно против неработающих коммунистов?

2) Поспешить с индивидуализацией заданий. *Не медлить*.

3) «Нахалу» дать именно такое задание и

4) Параллельно *то же* задание человеку более дельному, деловитому, осторожному...» [\[40\]](#)

Кржижановский, прочтя статью Ларина, очень расстроился. («Прочитав статью, я почувствовал легкий укус в пятку...») Решил сообщить Ленину о намерении Середы (тоже ужасно злого на пустозвонного Ларина) написать ему вежливо-ядовитое письмо от группы членов Госплана с предложением поделиться своими «мудрыми» соображениями относительно методологии работы Госплана. На Пленуме его выстегать как следует и опубликовать стенограмму заседания. План Кржижановского — напечатать контрстатью и назвать ее «Нашим критикам». Как лучше поступить?

Написал именно в таком духе, приложил сводку последних достижений (увы, пока не блестящих) на фронте электрификации для делегатов-коминтерновцев и стал ждать ответа. Он поступил в тот же день.

«Гл. М.!

План Середы (насчет «укуса» и пр.) и Ваш, пожалуй, оба хороши. Надо сделать и то и то...» [\[41\]](#)

И Глеб Максимилианович засел за статью «Нашим критикам».

Первый ее вариант Ленину не понравился:

— Вышло нехорошо или совсем не вышло... Неверный тон и «ход»... в пользу врагов... Лучше пока помолчать в печати.

Кржижановский тоже понял, что статья не получилась.

Наваливались новые дела. Было уже не до статьи, нужно было работать все энергичней и энергичней, постоянно наращивая темп. 4 июля Ленин послал Кржижановскому письмо под названием «Мысли насчет «плана» государственного хозяйства».

«Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии. Реализовалась из наших планов ничтожная доля. Над планами смеялась жизнь, смеялись все.

Надо это в корне переделать.

Рассчитать на худшее...»^[42]

Он предлагал провести «архибыстро» плановый расчет на реальной почве, «засадить 70 % членов Госплана за работу по 14 часов в сутки (пусть наука потерпит: пайки дали хорошие, надо заставить работать)»^[43]. Дальше Ленин предлагал, чтобы каждый работник Госплана лично следил за работой тридцати крупнейших предприятий.

«Потрудитесь за 30-ью следить неослабно. Вы отвечаете за это... Следить неослабно, это значит *отвечать* головой за рациональное употребление топлива и хлеба, за максимум заготовки того и другого, максимум подвоза, экономию топлива (и в промышленности и ж. д. и т. д.) ...»^[44]

Закончил письмо, как бы советуясь: «Вот мои мысли о Госплане. Подумайте. Поговорим...»^[45]

Конечно, проходило все не так гладко, как хотелось, все было пока необкатанным, несогласованным. Одно из заседаний Госплана было посвящено восстановлению Донбасса. Установили причины тяжелого положения — последствия войны, продовольственная политика, тарифы; разработали меры, чтобы поднять металлургию и химию; наметили наиболее крупные, технически совершенные рудники — для первой очереди восстановления. Мелкие и средние копи — сдать в аренду частным предпринимателям. Связали с проблемами земледелия, орошения земель путем использования шлюзов реки Донца. Разработали меры снабжения продовольствием, изменили тарифы, ввели премиальную систему оплаты для технической персонала... Опубликование этих материалов вызвало протесты некоторых деятелей: границы районов, рассматривавшихся Госпланом, не соответствовали сложившимся административным

границам. Во весь рост вставала проблема разработки принципов районирования.

В конце августа Ленин увидел, что Кржижановский опять страшно переутомился. У него был план отправить Глеба Максимилиановича куда-нибудь подальше от Москвы, чтобы они с Зинаидой Павловной отвлеклись и отдохнули. Видя, что Кржижановский не соглашается уезжать на отдых, Ленин стал действовать официальным порядком и направил в Оргбюро ЦК РКП (б) записку: «Прошу *обязать* председателя Госплана тов. *Кржижановского* выехать с Красиным в *Ригу*, дабы там в санатории, или на квартире частной, пробыть *1 месяц* для лечения и отдыха. Я очень прошу провести это сегодня, ибо я убедился, по должности Председателя Совета Труда и Оборона, что председатель Госплана *почти надорвался*. Его *ремонт необходим и неотложно* необходим.

Без решения Оргбюро ничего не добиться.

Пр. СТО В. Ульянов (Ленин)»^[46].

Единственное, что смог выхлопотать Кржижановский, — это разрешение не ехать в Ригу, а остаться отдыхать под Москвой. Ильич прикидывал, куда бы послать, припоминал места, которые узнал, когда ездил в сторону Каширы (там строилась станция), и уверенно назвал Ледово, бывшее помещичье имение, где теперь находилась одна из дач для отдыха работников и руководителей Каширстроя. Кржижановский согласился с тайной надеждой, что неотдаленность Каширы от Москвы позволит ему наведываться в Госплан и, уж во всяком случае, быть в курсе событий. Но он не учел, однако, настойчивости Ленина, который 3 сентября направил начальнику Каширстроя Цюрупе наставление:

«Мне сообщили, что Вы взяли устроить у себя на отдых т. Кржижановского. Возлагаю на Вашу ответственность, чтобы отъезд в Москву в течение месячного отпуска Вы ни в коем случае не допускали...»^[47].

Глеб Максимилианович и Зинаида Павловна тихо зажили в уединении. Скромный быт разделяла здешняя крестьянка Фима Калачева.

В Лецове на досуге Глеб Максимилианович, памятуя слова Ильича о целесообразности ответа «нашим критикам», вновь взялся за перо и вывел первые строки нового варианта:

«...Нужно иметь решимость публиковать несовершенные вещи, нужно отказаться от заслуги сделать все, что можно было сделать, сказать все, что можно было сказать... Подходя к изучению труднейших проблем нашего

хозяйства, мы, конечно, были весьма далеки от той мысли, что в «плане первого приближения» нам удастся исчерпать эти вопросы с достаточной полнотой...» — так он начал...

Глеб Максимилианович решил с помощью фактов и цифр говорить с теми, кто не верит или делает вид, что не верит, прикрываясь «методологической» трескотней от настоящего дела. Он призывал всех отвлечься от сегодняшнего момента, «от детских болезней» нового хозяйства и посмотреть на судьбы России в их исторической перспективе.

В Ледове его навестил Ильич. Он приехал посмотреть, как идут дела на Каширстрое, но как бы «инкогнито», не желая, чтобы рабочие и руководители, увидев его там, отвлеклись от дела в самый острый, напряженный момент — строительство приближалось к концу. Его на этот раз сильно интересовал предстоящий VIII Всероссийский электротехнический съезд, который вскоре должен был открыться в Москве. Ильич придавал съезду большое значение, понимая, что в эти дни в Москве соберется цвет русской инженерии.

Пужинали вместе, наступала ночь, пришла пора расставаться. Глеб Максимилианович пожаловался на то, что он тут в безделье и неведении погибает от скуки, даже газет не доставляют сюда разболтавшиеся почтовики.

— Вы только не обижайтесь на почтовиков, — прощаясь, рассмеялся Владимир Ильич. — Не такая уж у нас разболтанность. Газет вам не доставляют по моему распоряжению. Врачи сказали — полный покой. Так что поживите еще недельку без газет...

1 октября в Москве открылся VIII съезд русских электротехников, первый после революции. Изголодавшиеся по общению инженеры приехали со всех концов страны — прибыло около тысячи делегатов и около 500 гостей.

О чем шел разговор на съезде?

О крупных проблемах: о стратегии развития районов, об их будущей хозяйственной жизни. И о проблемах мелких, но важных: о действии искрового разряда на стекло, об электродвижении российских судов, об использовании реки Свири, о сигнализации и устройствах безопасности, о роли бензиновых автомобилей в местном транспорте и о многом другом.

Большой интерес вызвали сообщения на общие темы: Иоффе — о свойствах материи; Миткевича — о природе электрического тока; Лебединского — о прогнозах в науке и технике.

Глеб Максимилианович чутко реагировал на тот скеп-тицизм, который выражали по отношению к плану ГОЭЛРО некоторые участники съезда.

Инженер Лаговский утверждал, например, что масштабы лесного грузооборота по Волге преувеличены. Он говорил, что сам недавно был на Волге, и ничего, что подтверждало бы радужные прогнозы комиссии, не увидел.

Вигура, делегат Наркомпути, говорил: «Нужен срок более двадцати лет».

— Ни материалов, ни денег, ни достаточного количества рабочих, — так закончил свое пронизанное скептицизмом выступление профессор Артемьев.

Рядом с Кржижановским в президиуме съезда сидел представитель Украины Басков. Кржижановский поразил Баскова своим спокойствием. Слушая выступления противников электрификации, молодой горячий Басков бушевал, а Кржижановский только улыбался. Баскову казалось, что при таком разброде мнений крупных инженеров, при действительно бедственном состоянии хозяйства России съезд должен был зайти в тупик.

Но академичные доклады строгих профессоров не произвели на делегатов съезда сколько-нибудь глубокого впечатления. Зато они с энтузиазмом восприняли бодрое и жизнеутверждающее слово Кржижановского.

Он говорил о том, что нельзя идти по пути постройки мелких станций — пути, заведомо бесперспективному, не реализующему преимуществ нового строя, экономически нецелесообразному. Он ратовал за путь объединения, централизации, укрупнения, он говорил о том, что нельзя разделять электротехнику, гидротехнику и теплотехнику, ибо они являются сторонами одного и того же — энергетического — процесса. Эти мысли стали впоследствии характерными для советской энергетической школы, которая впервые приобретала свое конституционное оформление.

Настроение съезда стало подниматься. Ряд инженеров горячо поддержал Кржижановского.

— А здорово, — сказал в перерыве Басков Кржижановскому, — что вопрос сейчас ставится не о том, как заштопать ту или иную дыру в разрушенном хозяйстве страны, а о широких реальных перспективах будущей жизни! Вот и наметился, обозначился в хозяйственной, а значит, и в нашей, инженерной, деятельности поворотный пункт.

— Вот вы и скажите об этом с трибуны.

— А я и хочу сказать. И еще о многом другом. — И показал Глебу Максимилиановичу список вопросов, на которых он хотел остановиться.

— Но даже ради соседства с вами за столом президиума я не смогу вам дать больше десяти минут, а вы небось не уложите.

— Пари!

— Коробка шоколадных конфет вас устроит?

— Идет! — сгоряча сказал Басков, а потом ужаснулся: ну где это он достанет коробку шоколадных конфет? Остается одно — выиграть.

Кржижановский, слушая Баскова, вычеркивал из списка один пункт за другим и одновременно посматривал на часы, где оставляло мимолетный след неумолимое время.

Вечером Басков был приглашен к Кржижановскому домой, где ему за победу над временем был вручен приз — шикарная коробка шоколадных конфет загадочного происхождения. (Прислал из Берлина Базиль.)

На съезде происходило интереснейшее психологическое явление: к концу его уже не члены комиссии ГОЭЛРО звали за собой массу инженеров-электротехников, а, наоборот, электротехническая общественность страны в целом, истосковавшаяся по настоящему, большому делу, заставляла некоторых членов комиссии ГОЭЛРО изживать еще оставшееся у них неверие в возможности осуществления дерзких проектов.

Чувствуя, что в настроении съезда наступает перелом, Глеб Максимилианович понял, что ему необходимо встретиться с Лениным. Он отправился в Кремль. Постоянные беседы с делегатами съезда убедили Кржижановского в том, что в этот переломный момент большое значение имела бы поддержка съезда со стороны Председателя Совета Народных Комиссаров. Ленин решил направить делегатам съезда приветствие, но, написав его, усомнился — не будет ли это излишней помпой?

«Г. М.!

Если одобрите, верните, я дам переписать и пошлю (кому? Вам?). Колеблюсь, стоит ли вообще? Не *лишний* ли «парад»? Есть ли польза *деловая*?

Ленин»^[48].

В своем приветствии Ленин писал о том, что, несмотря на трудности электрификации в теперешних российских условиях, дело электрификации идет вперед.

Делегаты съезда горячими аплодисментами приветствовали послание Ленина. Они с воодушевлением завизировали именем съезда техническую сторону плана электрификации, окончательно утвердив его. Большинство электротехников страны активно и вдохновенно включились в осуществление плана ГОЭЛРО.

К концу 1921 года Госплан начал вставать на ноги. Ленин всячески поощрял и поддерживал работников плановой комиссии, и у некоторых

могло сложиться впечатление, что в Госплане созданы «тепличные условия», при которых можно «предаваться наукам и искусствам».

«На самом деле, — вспоминал Г. М. Кржижановский, — нигде так остро не чувствовалась громадная диспропорция между нашими возможностями и нашей действительностью, между теорией и практикой, как именно при обобщающей работе Госплана. Многим и многим из нас, работавшим в Госплане, в свою очередь, чисто оперативная работа представлялась настоящим отдыхом, если принять в соображение то постоянное чувство неудовлетворенности и тягостных недоделок, которые на каждом шагу приходилось испытывать в первый период борьбы за плановое хозяйство... Особенно же мучительна была недостаточность хозяйственных и плановых ресурсов в пору таких тяжелых переживаний, какими наполнен был весь 1921 год... Неоднократно часами приходилось мне беседовать с Владимиром Ильичем на самые разнообразные темы, связанные с работами Госплана, и вместе с ним отступать от тех прямых и правильных линий, которые намечались его исключительно прозорливым умом, ибо почва для их реализации требовала добавочной работы такого своеобразного агента, каким является само время...»

Субстанция непостижимого времени стала обретать тогда полные плоти и жизни образы: голода — и планов благоденствия, разрухи — и будущих светлых городов, истерических призывов спасти Петроград, разбирая набережные, — и спокойного лозунга людей, действительно возводящих Волховскую ГЭС:

«Время неудержимо мчится вперед, спешите трудиться...»

К концу года у Глеба Максимилиановича уже сформировались в голове теоретические схемы, которых следовало бы придерживаться при решении хозяйственных проблем РСФСР. Он составил конспект будущей книги по теории плановой работы и отослал его на суд Ильичу.

В конспекте была отражена главная идея — сочетание научного подхода к планированию с опытом самих трудящихся масс. Ленин немедленно ответил радостной (как показалось Глебу Максимилиановичу) запиской:

«Г. М.! Прочел и очень, очень одобряю. Как можно скорее готовьте, диктуйте...»^[49]

На глазах рождалась теория планирования. Она начинала вторгаться в жизнь, преломляясь в планах, и жизнь подправляла ее. Госплан разработал меры по концентрации промышленности, установил принципы твердых цен, разработал систему хозрасчета для топливных отраслей и транспорта. Он разработал принципы осуществления денежной реформы, и Глеб

Максимилианович одним из первых увидел золотые и серебряные новые советские червонцы, рубли и полтинники, заменившие наконец «лимоны» — миллионы дензнаков. Твердый рубль давал в зыбкой почве сложнейших товарно-денежных отношений первый твердый островок, первую почву для сбалансированного в соответствии с планом государственного бюджета.

Ленин по-прежнему помогал Госплану, остерегал Кржижановского от напрасных волнений в связи с нападками Троцкого, всюду твердящего о «банкротстве наших плановых органов», от нападков Ларина, все не оставлявшего разговоров о «методологии».

Госплан становился на ноги.

ДРУЗЬЯ УХОДЯТ...

Как-то после пленарного заседания СТО, где обсуждался главный отчетный доклад Кржижановского о работе Государственной плановой комиссии, Ленин предложил Глебу Максимилиановичу поехать вместе с ним на машине за город подышать воздухом. Была уже полночь. Ленин выглядел смертельно усталым. Кржижановский стал горячо убеждать отдохнуть где-нибудь в деревне. Ленин в ответ с некоторой горечью сказал, что ему, к сожалению, трудно отдохнуть по-настоящему, оставаясь где бы то ни было незамеченным, а как славно было бы пожить некоторое время попросту, в «нетях»!

Глеб Максимилианович, как и большинство близко стоявших к Ленину людей, видел, что он чрезмерно переутомляется. С весны 1922 года Владимира Ильича стали мучить бессонница, головные боли. Врачи говорили о необходимости длительного отпуска и серьезного климатического лечения. Они не догадывались, как далеко зашла болезнь.

Но Ильич по-прежнему много работал, вмешивался во все, понимая, что «без тройной проверки дело заснет», и тормозил, вызывал, бомбардировал неповоротливых и безответственных письмами, телеграммами, телефонными звонками. Он активно интересовался ходом работы по разработке богатств Курской магнитной аномалии. Глеб Максимилианович старался поменьше беспокоить его, зная, что он вот-вот должен будет выехать отдыхать в Горки. Но накануне отъезда, 6 апреля 1922 года, Владимир Ильич отправил Глебу Максимилиановичу послание:

«Г. М.!

Вчера Мартенс мне сказал, что «доказана» (Вы говорили «почти») наличие невиданных богатств железа в Курской губернии.

Если так, не надо ли *весной уже*

- 1) провести там необходимые узкоколейки?
- 2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электрической станции?

Если сие соображение не кажется Вам излишним, на-пшпите о нем Мартенсу (и мне 2 слова)...

Ваш Ленин»^[50].

С Курской аномалией дела шли с переменным успехом. Сначала буром извлечены были из недр образцы, свидетельствующие о гигантских запасах железа прямо в центре России!

Потом долото пошло легко, быстро погружаясь в мяг-гие отложения древнего моря, и Губкин, один из самых пылких энтузиастов, разочарованно глядел на рыбные костистые отпечатки в керне. Кости эти не предвещали ничего хорошего. Такие породы железо обычно не сопровождают.

В Госплане его встретил Кржижановский.

— Ну что, говорят, ты стал у себя в КМА рыбку ловить?

Губкин усмехнулся.

— Ловлю. А вот уху будем расхлебывать вместе.

К счастью, вскоре бур своим тяжелым ходом засвидетельствовал об изменении подземной обстановки — руда под Курском все-таки была.

Успехом Глеб Максимилианович считал и то, что к этому времени идея электрификации России стала получать поддержку наиболее дальновидных и прогрессивных ученых Запада. Крупнейший американский электротехник Чарлз Протеус Штейнмец написал Ленину письмо, предлагая свою помощь в деле электрификации России, и Ленин в начале апреля написал ему ответ.

Кржижановскому очень хотелось поделиться со Штейнмцем некоторыми своими мыслями:

«...Наши экономисты сделали ряд детальнейших подсчетов для оценки сложившейся ситуации. Вполне естественно, что при этом они разделились на два лагеря: людей, смотрящих вперед, так сказать, «приемлющих» революцию и ее завоевания, и на антагонистическую группу из той человеческой породы, которая психологически настолько связана с прошлым, что уже является неспособной к беспристрастному объективному исследованию...

...Если схоластически подсчитывать статистический материал, характеризующий те раны, которые нанесли нам империалистическая и гражданская войны, то легко прийти к самым безотрадным выводам. Диалектическое мышление приводит к совершенно другим результатам... Исследуя тернии действительности, мы все более убеждаемся, что разум мировой, внешним образом рационалистически настроенной интеллигенции, является поистине разумом Фомы неверующего...»

Кржижановский писал о «разуме Фомы неверующего», но и его пылкая вера не раз подвергалась испытанию. Голодным, тяжелым был четвертый год революции. Бесконечная борьба, работа на износ, непосильный труд подтачивали силы всех, кто работал рядом. Жаловался на сердце инженер Классон, писал невеселые письма торгпред Старков, все время прибаливал нарком Красин. Если бы не приказы Ленина, дважды в

год силой заставлявшего Кржижановского отдыхать, он просто не выдержал бы нагрузки. Только себя Ильич не берег. Однажды, резко встав с кресла, он ухватился за руку Глеба — закружилась голова.

— Сейчас пройдет, — шептал Глеб Максимилианович, поддерживая его.

— Да нет, Глеб, — сказал вдруг спокойно и печально Ильич: — Это первый звонок.

Лето 1922 года Владимир Ильич провел в Горках.

26 мая он почувствовал себя плохо. Профессор В. Н. Розанов, приехавший в Горки по вызову Марии Ильиничны, впоследствии писал: «В этот день грозный призрак тяжелой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем. Все это, конечно, поняли, близкие почувствовали, а мы, врачи, осознали...»

Но поверить в это никто не мог.

Г. М. Кржижановский — В. И. Ленину

«Дорогой В. И. Пересылаю коробочку лекарств для апробации Ваших докторов.

Я знаю следующее: 1) Это очень распространенное средство (в Германии), равносильное питанию яичным желтком или приему лецитина, 2) впрыскивается по 1-й ампуле в день».

Через несколько дней Владимир Ильич передал, что лекарство, как он и ожидал, было осмеяно его докторами.

Могучий организм Ленина не мирился с болезнью, боролся с ней. К осени Владимиру Ильичу стало значительно легче.

2 октября 1922 года Ленин вернулся к работе и мог с удовлетворением отметить, что за время его почти четырехмесячного отсутствия социалистическое строительство шагнуло вперед. В газетах сообщалось: трудящиеся Тифлиса участвовали в воскреснике на строительстве Земо-Авчальской электростанции; в Петрограде открыта первоклассная хирургическая больница имени Софьи Перовской; в Бежице открыт новый рабочий факультет с техническим, биологическим и общественно-экономическим отделениями; в Брянске открыт Дом просвещения; разбиты новые скверы в Москве; здесь же, в Москве, проходит II Всероссийский съезд железнодорожников и водников. Дзержинский призывает «внести дух новаторства» в дело транспорта.

Как радовались все, когда Ильич вернулся! Он снова занял свое место на заседаниях Совнаркома, мгновенно вникал в проблему, тут же предлагал

решение и окончательную резолюцию. Его удивительным образом преображали очки, которые ему предписано было носить. В речи чувствовалась непривычная неуверенность.

Глебу Максимилиановичу, остро ощущавшему состояние Владимира Ильича, приходилось быть очень осторожным, потому что в минуты «передышек» Ленин с необычайным энтузиазмом, не думая о здоровье, снова бросался на решение наиболее сложных хозяйственных проблем.

«Поправляется, скоро вообще все пройдет», — думал Кржижановский с надеждой, но трезвый беспощадный ум его говорил иное...

Действительно, вскоре наступил новый приступ болезни. Для Глеба Максимилиановича было ясно, что Владимир Ильич чувствует себя накануне ухода. Однажды Кржижановский получил от Ильича записку, больно резанувшую его сердце. Там была фраза: «Когда меня не будет...»

Всю зиму Владимир Ильич был прикован к постели.

(Какое горе — тяжело болен он. Как мы могли его не уберечь? Как может быть недугом он сражен? Врач говорит: идет о жизни речь... Мое дежурство... Трудно оторваться от милых черт любимого лица, высоким лбом нельзя не любоваться... Нет, смерти не сломить бесстрашного борца!.. Совсем больной, в печали зимних дней он мне роднее стал. Еще родней.)

Глеб Максимилианович вспоминал через много лет: «На службе величайшей в мире революции он сжег все свои силы, он спалил напряженными думами свой гениальный мозг. Незадолго до своего последнего смертельного заболевания, едва оправившись от предыдущего болезненного припадка, он как-то говорил мне со смущенной улыбкой: «Да, мне кажется, что я брал на себя слишком большую нагрузку...» Он говорил это в вопросительном тоне. Умирая, он еще сомневался в том, достаточна ли его ставка, ставка самой жизни».

Следующий приступ вызвал паралич, стойкое поражение речи. Организм Ильича, казалось, успешно, хотя и медленно, боролся с пожиравшим его тяжелым недугом — обширнейшим склерозом мозговых сосудов. Появились надежды на выздоровление, Владимир Ильич стал заново учиться ходить, говорить: его гигантская воля, казалось, побеждала...

...Темным январским утром на квартире в Садовниках раздался резкий ранний звонок... Глеб Максимилианович бросился к аппарату, взял трубку, а потом бессильно выронил ее...

Кржижановский не знал, что делать. Он впал в состояние какой-то прострации и не мог ни думать, ни двигаться, ни работать...

Через полвека после этого бесслезный референт Кржижановского Мария Васильевна Чашникова вспоминала:

«На другой день после печального известия я, как всегда, пришла утром на квартиру Глеба Максимилиановича. Он сам открыл мне дверь. Взглянув на его лицо, я была поражена, как оно изменилось за одни сутки: седины прибавилось, глаза потухли и покраснели, щеки ввалились: «Да он совсем больной», — подумала я. После узнала, что Глеб Максимилианович всю эту ночь провел в Горках.

Глеб Максимилианович сказал, что будет диктовать, и я села за машинку. Он начал диктовать статью, посвященную памяти Владимира Ильича. Слова произносил с трудом, монотонным голосом. И вот после двух-трех фраз он замолчал, облокотился на доску камина, закрыл лицо руками и вдруг зарыдал. В этих рыданиях чувствовалось такое беспредельное горе, что слушать их не было сил. Я вскочила, хотела бежать к Зинаиде Павловне, но вспомнила, что она с утра уехала к Надежде Константиновне. А рыдания, рвущие душу, все усиливались. Что предпринять? И вдруг меня осенило. Я потихоньку подошла к Глебу Максимилиановичу, начала его дергать за рукав и приговаривать: «Глеб Максимилианович, успокойтесь, надо работать, ведь газета ждет, вы обязаны написать о Владимире Ильиче». И это подействовало, понемногу он пришел в себя. Наконец повернулся ко мне и, тяжело вздохнув, сказал: «Да, надо работать». И тихо добавил: «Не уберegli мы его, сгорел, и так рано...»

Была ночь, многие ближайшие сотрудники Ильича приезжали попрощаться с ним. Была ночь, но уже брезжило жестокое январское утро.

У гроба Ильича сменялся караул. Наступила очередь Кржижановского, Смолянинова и Горбунова. В глубоком молчании, в глубокой печали стояли они, прощаясь с вождем. На груди у Горбунова, прибывшего с фронта, светился орден Красного Знамени. Повинуясь какому-то захватившему его безотчетному чувству, Горбунов внезапно снял орден и положил его на грудь Ленина...

— Он в этом не нуждается, — тихо сказал Кржижановский.

Горбунов не ответил. Смолянинов тихо рыдал, отвернув лицо. Орден остался на груди вождя...

(Казалось, нам природа вторит: мороз дыханьем леденил, когда народ с великим горем вождя и друга хоронил. Как будто в мире уносилось с ним вместе все тепло от нас. И в мгlistом воздухе сгустилась слеза миллионов глаз... И день и ночь костры пылали. Людей потоки без конца, прощаясь, запечатлевали черты любимую лица...)

26 января статья Кржижановского о Ленине была опубликована в «Правде» — она стала началом его «Ленинианы» — удивительного по искренности и любви документа эпохи.

«...Он еще так близок к нам, он еще так среди нас, что почти нет никакой возможности отойти мысленно на такое расстояние, чтобы окинуть глазом все то основное, существенное, что исходило из хрупкого человеческого материала и вопреки ему будет жить века... Встреча и работа с Владимиром Ильичем — это могучее и теплое ильичевское крыло, которое было распростерто над нами, вот это и было наше самое дорогое счастье... Никогда еще в истории человеческая личность не была поднята на законнейшем основании так высоко. Ни на минуту не закружилась у Владимира Ильича голова и не пало на него от практики власти ни одного малейшего пятнышка... Этот пламенный и стремительный борец сжег себя в неустанной борьбе. Ни на минуту не покидая своего сторожевого поста, судорожно набрасывая своей парализованной рукой последние мысли, по-прежнему ярким светом озаряющие пути пролетарской революции. До Конца, до последнего вздоха...»

Он не умер — эта мысль гнездилась у него где-то в подсознании, уживаясь с железной логикой, с ежедневными и ежечасными печальными доказательствами, Ильич мерещился ему в толпе. Заходя в Кремль, Кржижановский ловил себя на мысли о неизбежной встрече.

Весной он поехал в Горки и, войдя в парк, увидел, как поднимается трава, только что примятая его инвалидным креслом. Он не мог поверить, что это игра воображения, следы прошлой осени, припорошенные снегом и сейчас проявляемые солнцем. Темная аллея, по которой они несли на руках его гроб к станции, возвращала Кржижановского к действительности, и он прощался с этим местом печали...

Он ехал на поезде назад, в Москву, и вдруг на маленькой станции в толпе, штурмующей вагон, а может быть, просто в толпе обычного станционного люда увидел знакомый силуэт.

Кржижановский пробежал всю станцию, потом обратно, сопровождаемый своими спутниками, — не было никого...

В соответствии с документом, выданным ему теперь Дзержинским, он мог в любое время дня и ночи посетить Мавзолей и побыть рядом с Ильичем.

Смерть Владимира Ильича пробила мощную брешь в строю друзей.

Поколение Ленина, спалившее себя в огне революции, покидало землю...

В следующем году умер в советском торгпредстве в Берлине Базиль —

Старков. Классов, бесконечно любивший его, написал тогда горькие фразы: «Обычная российская скверная черта — нежелание экономно расходовать свои силы и чрезмерная перегруженность отдельных лиц при сравнительно пассивной массе... Старков жег свечу с двух концов... Чрезмерная добросовестность, чрезмерное сознание своего долга сократили ему жизнь. Жаль...»

Через год прямо на заседании топливного комитета, подводившего первые итоги выполнения плана ГОЭЛРО, уронив голову на руки, умер Классон. Несмотря на провозглашаемые им гигиенические принципы, его свеча, тоже палимая с двух сторон, горела, оказывается, слишком быстро.

Глеб Максимилианович и Надежда Константиновна пошли на траурный митинг. Когда Кржижановский стал говорить о нем — о благородном рыцаре техники, Надежда Константиновна заплакала, — возможно, вспомнила тот далекий день, когда она у Классона познакомилась с Владимиром Ульяновым, когда все они были так прекрасно молоды. А сейчас пятидесятилетние стали уходить из жизни — она оказалась для них слишком насыщенной, слишком полной событиями...

В 1926 году не стало и Дзержинского.

В апреле 1921 года Дзержинский был назначен на должность народного комиссара путей сообщения, одновременно оставаясь председателем ВЧК и народным комиссаром внутренних дел. Кржижановский вспоминал развороченные мосты, под железные опоры которых подведены избушки срубы, кривые рельсы, перекосы полотна, мешочничество, воровство грузов, движение поездов скорее по вдохновению, чем по расписанию, бесконечные крушения, неувязки с работой промышленности, — то, что досталось в наследство «железному рыцарю революции». А он и тут выдержал, организовал работу так, что уже к январю 1924 года транспорт мог без особого напряжения удовлетворять запросы народного хозяйства. Глеб Максимилианович вспоминал, как выпрямлялся Дзержинский, выпрямлялся во весь свой высокий рост, как углублялись на лбу и в уголках рта его морщины, розовело от волнения обычно бледное лицо. Дзержинский победил транспортный кризис.

Зинаида Павловна в эти годы тоже стала сдавать, но еще работала вместе с Надеждой Константиновной, была ее первой помощницей. В 1928 году она почувствовала себя особенно плохо. Глеб Максимилианович повез ее к известному врачу, тот вынес вердикт: положение очень серьезное, нужно немедленно бросать работу.

После консультации Зинаида Павловна, утомившись, быстро заснула.

Глеб Максимилианович долго сидел за столом, выводил на листочках слова любви и печали.

«...5.IV.28 10 ч. вечера. «Консультация». Болезнь. Об одном молю тебя, голубка. Не бросай меня ты сиротою. Сгину, пропаду во мраке ночи без тебя, без глаз твоих лучистых...»

Он дежурил у ее постели как сиделка.

Здоровье Зинаиды Павловны в конце концов выправилось, но требовало постоянной заботы. Глеб Максимилианович чуть не насильно заставлял ее выезжать на лечение. И тогда вслед Зинаиде Павловне летели заботливые письма:

«...вагон наш тем плох, что, когда едет вперед салоном (а из Таганрога он идет таким образом), его здорово продувает. Из Таганрога в салоне тебе запрещается ехать! Береги себя. Береги себя. Береги себя...»

Иногда, когда была возможность, Глеб Максимилианович отдыхал вместе с Зинаидой Павловной в Архангельском. Скоро туда стала приезжать и Надежда Константиновна, которой было тяжело оставаться в Горках. Кржижановские всячески опекали ее, приглашали гулять, собирать грибы — в Архангельском был старинный тенистый парк, речка Десна, лес невдалеке. Глеб Максимилианович, большой мастер грибной охоты, показал ей свои заповедные леса, пытался развлечь быстро приходившими на ум стихотворными строчками... Они бродили по дорожке, ведущей к Калужскому шоссе, — по «Невскому проспекту», и Глеб Максимилианович что-то заговорщически бормотал себе под нос. Изредка слышалось:...В лесу прохладно, ручейков слышны хрустальные мотивы... Нет, не то... Пригорок, три могучих ели, знакомцы старые... Тоже не то...

...Будь ты семи пядей в науках, но, свой не наметавши глаз, найдешь грибов одну-две штуки. По четверги гриба за час. Грибов уменье скрыться — тонко. У каждого здесь норы свой. Лишь простодушные опенки не дорожат своей судьбой... И в эту ночь все будет сниться, что вновь ты баловень судьбы. Что стоит только наклониться, везде — грибы, грибы, грибы!

Лес кончался, они выходили в поле, наступал вечер. Глеб Максимилианович вскидывал голову и декламировал: «В вечерних небесах расцветные эмали закатных облаков...»

Темнело. На небе зажигались вечные звезды — безмолвные свидетели кратких земных судеб...

(Так годы шли... Над миром засияли чудесных красных зорь мятежные огни. Скажите, руки чьи их миру зажигали? Мир не забудет их.

Скажите, кто они?)

Часть седьмая
НАУЧНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЗНИ

Жизнь... не поэзия, а лаборатория будущего, наша задача — быть честными, сведущими химиками.

Г. М. Кржижановский

ПЯТИЛЕТКА

Однажды он понял, что всей своей жизнью, ее сложившейся не вдруг мелодией, он неуклонно прибавался к берегам науки. Его наукой оказалась, возможно, важнейшая — научное строительство жизни. Он строил будущее на строго научной основе, и эту научную основу приходилось разрабатывать на ходу, выхватывать из мрака несуществующего новые понятия, новые термины, новые представления, оперировать ими, творить сначала новый мир теории, в этом мире теории получать ранее неведомые выводы и испытывать их жизнью. Наука соединялась с живым творчеством масс, рождая невиданную миром практику. Он не смог бы только определить эту науку, дать ей какое-то конкретное название. Может быть, наука социалистического планирования? Конечно, да. Но это узко. Он чувствовал, что наука, которую он творит, шире, поскольку не только охватывает планирование и разработку его теории, но имеет дело и с организацией науки о планировании, созданием ее, созданием ее институтов, руководством ее людьми. Это было *научное строительство жизни*.

Глеб Максимилианович навсегда распрощался со своей непосредственной инженерной практикой. С 15 февраля 1922 года Кржижановского по его же просьбе освободили от должности руководителя «Электропередачи» — слишком много было других дел. Прежде всего требовал заботы Госплан.

Работа на основе плана ГОЭЛРО поставлена была высоко. XIII съезд РКП (б) в мае 1924 года поручил Центральному Комитету «сделать все возможное для проведения в жизнь всего плана электрификационных работ». Последнее поручение Глеб Максимилианович мог полностью адресовать себе — его избрали членом Центрального Комитета партии.

Глеб Максимилианович чувствовал свою личную ответственность за судьбу страны. Позже он вспоминал, как в страдные, критические для крестьян дни он переживал как личную вину и неумеренный зной, и несвоевременную мокропогодицу.

Госплан не пользовался никакой официальной властью, и многие руководящие работники, зная это, всячески отбивались от его опеки и рекомендаций.

Центральный Госплан не признавали. Крупнейшие хозяйственные ведомства, даже ВСНХ, Наркомпуть, Наркомзем упорно боролись за свою

полную самостоятельность. Даже Комиссия использования и Осотоп — тоже организации без больших прав — косо посматривали на Госплан, видя в нем в лучшем случае скромного попутчика. Сказывалось отсутствие мечты, перспективы. А без этих «неофициальных» компонентов любое хозяйственное творчество в построении социализма неминуемо привело бы в конце концов в тупик. Бюрократический покой и неторопливость, отсутствие яркой цели потушили бы энтузиазм масс. Нельзя было решать вопросы машиностроения, транспорта, сельского хозяйства, культуры, образования отдельно. Жизнь тесно увязывала все ипостаси. Решать вопросы более общего характера, чем узкоотраслевые, предстояло Госплану.

Например, вопрос районирования, разбивка страны на крупные, экономически обоснованные, порой не совпадающие с административной структурой районы. В Госплане на основе анализа данных промышленности, сельского хозяйства, климатических условий, географии разработана рациональная сетка районов. Юридическое обоснование было сложным, наталкивалось на препятствия, оформление затягивалось, и Глеб Максимилианович мог во время очередной проволоочки предаваться раздумьям о том, действительно ли районирование является научной работой. Требуется ли того, что составляет сущность науки, — творчества?

Разбивка на районы не всегда подчинялась сухой логике фактов, изучению, статистике. Производство, запасы природных ресурсов — сложившаяся практика хозяйства — это, конечно, районообразующие факторы. У каждого района было свое лицо, но «проявить» его было нелегко. Глеб Максимилианович, решая вопросы районирования, чувствовал необыкновенный творческий подъем. Он тонко ощущал специфику района и прозорливо предсказывал его будущее. Ухватываясь за какой-то невидимый еще другим кончик, путем тщательного анализа обнаруживая «нерв хозяйственной жизни», он, говорил:

— Здесь точки роста. Здесь будет развитие. Вот что нужно беречь и поддерживать в этом уголке страны.

Районирование было проблемой непростой, а размещение производительных сил и того сложнее. Где строить дороги? Города? Электрические станции? Где развивать промышленность? При решении этих вопросов приходилось спорить, убеждать. Нужно было, например, развивать Урал, Сибирь, осваивать громадные пространства. Но ряд руководителей Украины приводили свои доводы: высокая стоимость работ в необжитых районах, суровый климат, большие объемы перевозок угля и руды.

Кржижановский решительно возражал:

— Нельзя закрывать глаза на то, что Урал — это хребет нашей обороны. Товарищи украинцы должны это учитывать и знать, что то строительство, которое будет уместно поставить на Урале, неуместно на Украине.

Он всячески пропагандировал и поддерживал идею Великой Сибирской сверхмагистрали, которая бы резко приблизила к центру богатства Сибири и Дальнего Востока.

О трудностях планирования в те времена можно судить хотя бы по тому факту, что Россия издавна считалась страной органического дефицита топлива (через много лет оказалось, что СССР — богатейшая в этом отношении страна, не имеющая себе равных). Нужно было как можно скорее собрать данные, направить экспедиции, выявить истинные возможности страны.

Установки Госплана в этом отношении не всегда встречали понимание. Более того, часто им активно противодействовали. Генеральная линия на концентрированный удар именно в индустриальной области, и в первую очередь в сфере ее энергетического баланса, резко критиковалась, например, переведенным на работу в ВСНХ СССР Троцким. Став членом Президиума ВСНХ, Троцкий тут же направил председателю ВСНХ Дзержинскому письмо, в котором предостерегал против бурного развития промышленности, предсказывая ужасающий кризис через два-три года. Он не чувствовал разницы между капитализмом и социализмом. Вставший на его позиции Каменев сформулировал эту мысль в виде категорического императива: реже шаг! Они не верили в возможность построения социализма в одной стране.

Финансовое ведомство возглавлял в то время Сокольников. Когда на заседании Совета Труда и Оборона 18 сентября 1925 года обсуждался доклад Госплана о контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1925–1926 годы, он предложил уменьшить средства, выделяемые по госбюджету на развитие промышленности на 100 миллионов рублей. На эти деньги он предлагал развивать сельское хозяйство, продавать его продукты, а на вырученные деньги покупать необходимое оборудование.

Не окончились разноречия и в толковании самого слова «план». Хотя еще при жизни Ильича были намечены подходы к составлению пятилетних планов, многие были против них, против планов, обусловленных какими-то сроками. Член плановой комиссии Попов, например, говорил, что Госплан — это учреждение, которое не должно связывать себя календарными сроками, что оно должно намечать лишь тенденции развития. Ларин

утверждал, что план есть система экономической политики, не более.

Кржижановский, яростно сопротивляясь таким толкованиям, говорил: «В наш бюджет мы включили национализированную промышленность и транспорт. Следовательно, наш бюджет широко охватывает контуры всего нашего народного хозяйства, и этот бюджет предreshает необходимость в полной мере считаться с календарными сроками и цифрами».

Кржижановский отверг идеи некоторых госплановцев вместо пятилетнего плана установить в различных отраслях страны различные сроки выполнения заданий — 6 месяцев, 8 месяцев и так далее.

XIV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1925 года, дал установку настойчиво проводить ленинский план социалистической индустриализации страны. Съезд провозгласил борьбу за победу социалистического строительства в СССР основной задачей партии. Советская страна была одинока в капиталистическом окружении, она должна надеяться только на себя и ни от кого не зависеть.

Цель — построение социализма. Курс — индустриализация.

Роль плановых органов теперь резко возростала. Нужно было покончить с разбазариванием средств, бороться со стихийным строительством, преследующим местные цели, уносящим силы и средства. Усиление планового начала во всей хозяйственной жизни страны становилось все более необходимым. Вот когда народное хозяйство страны сделалось по-настоящему объектом изучения Кржижановского и его сотрудников по Госплану.

Теперь требовался коллективный разум. Ни один ученый на свете не смог бы решить всех проблем управления хозяйством громадной страны. Образно говоря, каждый по-прежнему играл на одном инструменте, как и раньше, исследуя, делая выводы в своей сфере. Но эти инструменты звучали теперь в общем оркестре. Должен был быть и «дирижер» — человек, способный направить, подсказать, связать отдельные направления поисков. Вот чего требовала от ученого-руководителя крупнейшего масштаба плановая работа: предсказать ход событий, учесть многообразие связей! Возвыситься над обыденными представлениями! Постоянно видеть конечные цели процесса и управлять им! Таким было коллективное творчество ученых-революционеров. Невозможно было сказать, кто автор той или иной идеи — они рождались в общении людей, они витали в воздухе.

Составление плана было сложнейшей научной задачей, и не даром в ней основной тон задавали ученые, многие из которых уже тогда имели или получили позднее академический ранг: И. М. Губкин, И. А. Александров, Г.

О. Графтио, С. Г. Струмилин, М. А. Павлов, И. П. Бардин.

Кржижановский привлекал к обсуждению плана партийных работников, профсоюзы, хотел, чтобы инициатором планов был сам народ.

...9 марта 1926 года. Завтра — I Всесоюзный съезд Президиумов Госпланов союзных республик. Глеб Максимилианович готовится к выступлению, набрасывает тезисы.

Он в кабинете один. Тихо. Часы. Лампа. Ослепительно светится бумага. По ней скользит «рондо».

«...Заканчивается весенний период строек... Наконец сбита ледяная кора послевоенной экономической разрухи... Мы выровнялись с уровнем довоенной экономики. Но ведь не этот уровень был нашей целью в революции! Более того, задержка на этом уровне означала бы крушение наших надежд. Мы уже давно видим другие небеса и другую землю. Лето и плодоносящая осень нашего строительства еще впереди... Здесь, на земле Советского Союза, мировая экономика вершит великую историческую перемену — переход к обобществленному хозяйству, социализму. Это — великий качественный сдвиг, ради которого принесено миром трудящихся столько тяжких жертв. Борьба за такой качественный сдвиг ведется — об этом уже никто, не спорит — под знаком борьбы за плановое хозяйство...»

Он писал о необходимости нового плана — перспективного, Генерального плана народного хозяйства, о скорейшем втором издании плана ГОЭЛРО, оплодотворенном обильнейшим фактическим материалом. Только перспективный план даст возможность избежать тех ошибок, просчетов, о которых так любят говорить враги. Да, просчеты были. Мы брали динамику развития той или иной области хозяйства до революции и экстраполировали данные на наше время. Этого нельзя делать! У нас совсем другой мир — более энергичный и динамичный. Была ошибка — не учли продналог, не знали, как учесть. Сейчас это устранено. Была ошибка — недооценивали роль хозрасчета, считая его временной мерой. Сейчас хозрасчет — основа планов.

Немало было ошибок, но все они были сделаны людьми действия, все они были исправлены творчеством масс.

На съезде Струмилин делал доклад о «пятилетней перспективной ориентировке Госплана СССР», пока еще робком эскизе будущей пятилетки. Впервые, кроме контрольных цифр на год, была предусмотрена разработка пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства. По лестницам контрольных цифр страна подтягивалась к первой пятилетке.

Тогда это слово многие слышали впервые.

Кржижановского спрашивали: почему именно пятилетка? А не трехлетка? Не семилетка?

Он снова и снова объяснял: здесь не было магии цифр. Пять лет — средний срок крупного строительства. Строительства крупного завода, крупной электростанции. Пять лет дают возможность выявить среднюю урожайность.

Это был простой хозяйственный расчет, поиск целесообразности. Кржижановский определил задачи пятилетнего плана так: организация внутреннего рынка, строительство хозяйственного комплекса, который обеспечил бы и оборону, и дальнейший хозяйственный подъем «своею собственной рукой».

В Госплане началась прикидка первых вариантов пятилетки. Они были неудачны. Незначительное число натуральных показателей, конкретных объектов строительства. Слишком много статистики, мало полета. Недооценка возможностей социалистического государства. Минимализм. План был отвергнут. Отвергли и попытки максималистского, явно нереального плана.

В декабре 1927 года XV съезд партии обсудил директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства — плана первой пятилетки. Выступил Кржижановский. Он сказал, что «обходные маневры» Госплана окончены. Плановым руководством охвачен весь государственный сектор, опробовано регулирование мелкотоварного хозяйства, имеются значительные успехи в изучении экономики страны. Съезд одобрил план.

Новый пятилетний план был четко продуман. Индустрия, транспорт, сельское хозяйство в соответствии с законами плановой науки, только еще открываемыми, развивались в заранее определенных целесообразных пропорциях, неведомых стихиям рынка. Идеи социалистического строительства, заложенные Ильичем, получали в этом плане материальное воплощение.

Многим эти пропорции были не по душе. Вскипали противники: слишком велики темпы индустриализации. Сколько можно энергетики? Сколько можно этих тяжелых станков-гигантов, заводов, полных гремящего железа и огня? Почему не текстильная промышленность? Почему не сельское хозяйство? Не нужно зажимать частников.

(Весна сменялась весной, и обновлялся жизни ход. Победоносной чередой за годом Октября шел год. Не миновали нас печали, нелегок был наш переход; от старых берегов отчалив, не всяк до новых доплывет...)

Да, мир изменялся, но многие его лики казались неподвижными.

Однажды Глеб Максимилианович решил пройтись с Зинаидой Павловной по Кузнецкому мосту. Они шли по старой московской улице. Вывески здесь с прежних времен сменились. Вот «Коммунар», но напрасным делом было бы заходить сюда не то что комсомолке, но и жене председателя Госплана. «Коммунар» заменил французские лавки, вместо немецких бисквитных распространяют ароматы кофе кооперативные кондитерские. Медленно сдает свои позиции Кузнецкий мост. По обеим сторонам улицы — лучшие ткани, роскошные, тонкой кожи дамские туфельки на хрустальных подставках, французские духи, каскады «шелк-полотна туркестанского» смешиваются с «индиго заграничным» и «коверкотом английским» и отражаются в тяжелых зеркалах витрин. Изящество, роскошь.

И вдруг, словно сигнал из другого мира, из другой жизни, в витрине рядом с пудрой, замшей, лайкой, простая красная косынка.

— Это символ, — сказал Глеб Максимилианович, — символ нашего великого наступления.

Интересное время! Вот вывешен календарь, и в нем мирно соседствуют праздники разных эпох: День пролетарской революции и Вознесение; День низвержения самодержавия и Духов день. На всем, на всем следы перехода.

Перехода к социализму...

Не так уж далеко отсюда, на Красной Пресне, строится новое здание советского универсального магазина — универмага. Строится из своего кирпича, продаваться здесь будет свой, советский товар. В нем по-хозяйски будет чувствовать себя советский покупатель. Такие же универмаги выросли и в других районах. Везде появляются магазины государственных кооперативов. Это были реальные победы, победы планирования, победы социализма.

На здание Центросоюза объявлен архитектурный конкурс — его выиграл французский архитектор Корбюзье. Он приехал в Москву и читал лекции о «городе будущего». Кржижановский заинтересовался, пошел: на экранах Корбюзье город приобретал плоть — город завтрашнего дня виделся в геометрической простоте стиля, в обилии воздуха, простора, света. Стены домов, окружающие улицы прошлого, должны были распастись и уступить место прямым как стрела широким магистралям, по обе стороны которых, отступя от дороги, стоят в зелени геометрически правильные фигуры — кубы, параллелепипеды, в некоторых из них по 20–30 этажей — это дома будущего. Иногда прямоугольность жилых конструкций нарушается куполами — это, по-видимому, планетарии — один начал строиться сейчас и в Москве, на Садово-Кудринской.

Корбюзье, как и Кржижановскому, удалось представить себе мир завтрашнего дня.

В эти дни Госплан посетил известный американский экономист Стюарт Чейз. Он был поражен. «Шестнадцать человек проделывают в Москве самый смелый экономический эксперимент, какой когда-либо был известен в истории. Эти шестнадцать человек, представляющие ответственный перед Советом Народных Комиссаров президиум Государственной плановой комиссии, называемой Госпланом, определяют основные моменты экономического будущего для 146 миллионов людей на шестой части земной поверхности на пять лет вперед... Представьте себе, что завтра вас попросят отправиться в Вашингтон, сесть за стол в правительственном учреждении, взять перо и бумагу и составить инструкцию для железнодорожных компаний, сталелитейных заводов и каменноугольных копей, для нефтяной промышленности, для министерства финансов, банков и крупных торговых фирм, для фермеров, парходных обществ и автомобильных предприятий, по которым они в течение пяти лет действия плана должны распределять свои капиталовложения в сырье, планировать производство и сбыт. Даже Генри Форд отступит бы перед такой задачей. Путешествие на Луну показалось бы обыкновенным смертным не более невозможным».

Стюарт Чейз был одним из тех, кто *понял*. Большинство же западных комментаторов соревновались по отношению к пятилетнему плану в злословии.

Но социализм уже наступал по всему фронту.

С 1 октября 1928 года страна отсчитывает время пятилетками. В мае 1929 года Кржижановский докладывает в Большом театре о первой пятилетке V Всесоюзному съезду Советов.

«То, что сейчас демонстрируется перед вами, создано громадным коллективом... Пятилетний план воспринял руководящие идеи творцов коммунизма, марксизма. Он вырос на громадном хозяйственном опыте нашей страны».

Кржижановский хотел наглядно, в доступных образах и цифрах, показать новые возможности Советского государства.

«Что показывают нам простые, точные научные расчеты? Уже один факт перехода в общественную собственность орудий и средств производства дает нам громадную экономию. Простые и много говорящие цифры: крестьянство... вследствие устранения помещиков и землевладельцев экономит из года в год свыше 300 млн. руб. Устранение непроизводительного потребления верхней пасти общества, буржуазной

верхушки, тузов капиталистов, по самым осторожным подсчетам, дает не менее 600 млн. руб. годичной экономии. Освободившись от грандиозной зависимости по уплате военных и всяческих других иностранных долгов, в которых запуталось царское правительство, мы будем иметь из года в год экономию не менее 500 млн. руб. Уничтожив огромную пиявку — военное хозяйство царской России, где хищения господствовали как ни в одной другой хозяйственной области, поставив нашу оборону на совершенно иные рельсы, мы экономим из года в год не менее 500 млн. руб. Подсчитайте общую сумму — это не менее 2 млрд. руб. в год, это около одной седьмой части всего годичного довоенного народного дохода. Вот что дала нам Октябрьская революция, вот какие огромные материальные средства мы получили как добавочные средства для развертывания хозяйства, причем для совершенствования на новой, более совершенной основе, на основе планового режима».

Он говорил о поразительном совпадении научной мысли, ее предвидения с опытом хозяйственной жизни. О необходимости поиска полезных ископаемых — будет изучено 200 новых геологических структур. Пусть из них 5 процентов окажутся «счастливыми» (он вводил удачу в расчеты, ибо был в ней уверен...).

Говорил о Волховстрое, уже дающем Ленинграду дешевую электроэнергию («Правда» позже писала: «Может или не может быть осуществлено социалистическое строительство в СССР? Да! Вот в болотной глуши на берегу полупустынной реки засверкал тысячами огней изумительный по силе положительный ответ»).

Он еще раз напомнил об определяющей роли электрификации:

«Будем крепко держаться за электровооруженность, о которой старик Энгельс говорил с такой удивительной прозорливостью, что она как бы замыкает круг полезных превращений энергии... В электричестве мы действительно имеем мощное орудие строительства социализма...»

Кржижановский говорил о сельском хозяйстве, о тех перспективах, которые открывает использование «стальных слонов» — тракторов в коллективизации. О Великой Сибирской сверхмагистрале.

Впервые, говоря о планах, он прямо сопрягал их с вопросами социальными — вопросами образования и культуры:

«Отметим прежде всего, что страна наша имеет такой прирост народонаселения, какого не знает капиталистический Запад. При населении в 150 млн. человек ежегодный его прирост равен у нас 3,5 млн., тогда как население всей Европы — 370 млн. человек — дает прирост в год только 2,5 млн. Уже этот гигантский рост населения создает затруднения в

реализации основного права советских граждан — права на производительный труд...» Он ставил вопрос о преодолении безработицы.

«Вопросы о кадрах теснейшим образом переплетаются с вопросами всей культурной работы. Владимир Ильич говорил, «победить с народом темным, неграмотным нельзя», и поэтому прежде всего приходится себе задать вопрос: как мы поведем в это пятилетие борьбу за грамотность?.. Мы хотим начиная с 1929/30 г. приступить к введению всеобщего обязательного начального обучения, охватить школой всех детей в возрасте от 8 до 11 лет, пропустить через особые школы все 3 млн. переростков (12–15 лет). Мы хотим ликвидировать неграмотность среди городского и сельского, мужского и женского населения в возрасте до 40 лет, а среди рабочих — возрасте до 50 лет... При таких условиях процент грамотности по всему Союзу к 1932/33 г. поднимается выше 80 %... учебники, популярные технические книги — вот что должно быть выдвинуто на первый план. Число киноустановок должно быть увеличено с 8 тыс. по всему Союзу до 50 тыс. с лишним к концу пятилетки. Количество зрителей в кино должно вырасти до 1,5 млрд.

В этом деле мы должны поставить перед собой определенную задачу: изжить за пятилетие иностранные отравляющие трудящихся кинофильмы, дать им такие, которые поднимали бы их культурно и воспитывали бы их в нашем социалистическом духе...»

Кржижановский заканчивал:

«...Как ни несовершенно изложение мною плана, думаю, что я все же показал вам, что такой политический план, о котором говорил Владимир Ильич и который действительно может мобилизовать около себя миллионы, вы теперь имеете в своих руках. Прошу осветить карту. Дайте электростроительство, дайте топливо!

Транспорт!

Металл!

Текстиль!

Химию!

Дайте всю строительную программу пятилетия!..»

Карта первой пятилетки, карта будущего, карта социалистического строительства расцвела разноцветными огнями в глубине сцены. Когда в конце она засветилась вся, зал взорвался аплодисментами...

Од выходил из Большого театра. Был солнечный майский день. Казалось, радовалась вся страна. Он улыбался. Сверкал полированными боками «паккард». Такой снимок сделал своим «кодаком» бойкий фотограф.

Он вернулся домой. Как хорошо было бы обсудить события этого великого дня с Зинаидой! Но она была в это время на лечении в санатории в Крыму.

Из писем З. П. Кржижановской-Невзоровой

Г. М. Кржижановскому

Мухолатка, 16 мая 1929 года. «...Сегодня у тебя, Глебушок, открылся съезд, шумят витии и пр., а у нас тишина, пустыня и безмятежность... Полюсы!..»

Мухолатка, 18 мая 1929 года. «...По моим расчетам, Глебушок, сегодня ты должен делать доклад... Завтра надеюсь получить очередную телеграмму — мою отраду. Пятилетка в полном ходу. Везде и всюду о ней. Очень трудно сказать что-нибудь такое, чего уже не пропели на все лады... как тебе уложиться в 2–3 часа? И интерес, очевидно, большой. Ведь 300 ораторов записалось. Это очень и очень знаменательно...»

Мухолатка, 27 мая 1929 года. «...Вчера наконец получили газеты от 24-го с описанием твоего доклада. От волнения у меня в горле стоял ком и не могла заснуть без лекарства. Телеграмма твоя совсем не передала действительности... Как рада, как рада!.. Сделано большое, большущее дело. Эх, жаль только Старика нет. Вот бы был доволен!»

...Когда в первый раз после съезда Кржижановский увидел Сталина на одном из кремлевских совещаний, тот издали поприветствовал его и прислал записочку:

«Глеб Максимильянович! Говорят, что доклад на Съезде Советов СССР получился у Вас великолепный. Приветствую! Ст.».

Впрочем, очень скоро отношения между Сталиным и Кржижановским стали осложняться. Началось это, очевидно, давно, но ярко проявилось после раскрытия в стране крупных контрреволюционных организаций: «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Союзного бюро РСДРП». Активные противники социализма орудовали рядом с Кржижановским, в том числе и в Госплане. Важнейшие хозяйственные организации страны — Госплан, ВСНХ, Госбанк, Центросоюз — оказались зараженными предательством великого дела.

Кржижановский бодрился, но удар был тяжелым и неожиданным. Он понимал, что при таких условиях неизбежны подозрения и по отношению к нему. Он написал записку председателю ОГПУ Менжинскому: «На основании тех материалов, которые идут от ОГПУ насчет Госплана, я чувствую себя совершенно дезавуированным в собственных глазах... Но

подавать в отставку у нас не принято. Что тут делать?»

Менжинский на том же листке карандашом ответил: «В таком же положении находятся все учреждения и Н. Фин, и Н. Торг, и Н. Зем, и НКПС и т. д., словом, все учреждения, дававшие Вам цифры, — вплоть до ЦСУ и т. п. Надо стиснуть зубы и подобрать работников честных — продолжать работу».

Но все же Глеб Максимилианович решил уйти из Госплана. Он сообщил об этом Сталину. Тот сказал:

— Уходить, по-моему, не нужно. Но если уж решили, уходите не совсем — оставляйте, по крайней мере, на вешалке Госплана свою шляпу...

10 ноября был подписан приказ об освобождении Кржижановского согласно его просьбе от обязанностей председателя Госплана Союза ССР с оставлением его заместителем председателя Госплана Союза ССР.

Кржижановский некоторое время еще работал в Госплане. Он хотел заглянуть в завтрашний день, узнать, что будет через 10–15 лет. Этого же требовали и интересы государства, которому нужны были дальние рубежи. Это мог быть «второй план ГОЭЛРО». Но нет, так не стоит. ГОЭЛРО неповторим, как сама история, как время, меняющее и людей и планы.

Предложение создать долгосрочный перспективный план не получило поддержки. Более того, это предложение, настойчиво выдвигаемое Кржижановским, стало вызывать раздражение.

Глеб Максимилианович решил уйти из Госплана совсем.

— Почему вы оставили Госплан как раз в тот момент, когда там началась такая интересная работа, — планирование по пятилеткам? — спросил Кржижановского его заместитель по новой работе — Энергоцентру — Юрий Николаевич Флаксерман.

— Остаться было невозможно, — прямо ответил Глеб Максимилианович, — председатель Госплана должен пользоваться абсолютным доверием и пониманием самого высшего руководства. Этого нет. И споры надоели. На словах все признают необходимость наращивания энергетики. Все понимают: можно купить, заказать за границей и привезти все — металл, машины, топливо, хлеб. Необходимы только средства. Но купить электроэнергию нельзя — она не продается. Все понимают, что любая задержка в темпах электрификации вызовет замедление развития народного хозяйства. А лишь доходит дело до распределения ресурсов, упрекают в пристрастии: почему не «металлофикация»? Почему не «машиностроение»? Почему вы, Глеб Максимилианович, именно энергетике даете наибольшие темпы развития?

Не потому ли, что вы сами энергетик? Неприятная тема. Не будем говорить об этом...

Новым председателем Госплана был назначен Валериан Владимирович Куйбышев. Понимая сложное моральное состояние Кржижановского, он издал по Госплану приказ, в котором высоко оценил заслуги Глеба Максимилиановича, и направил ему открытое письмо следующего содержания:

«Дорогой Глеб Максимилианович!

Решением Правительства Вы назначены руководителем Энергоцентра — органа, оперативно осуществляющего и воплощающего в жизнь ленинский план электрификации. В течение 10 лет Вы были руководителем Государственной Плановой Комиссии, выросшей из Государственной Комиссии по электрификации России. Ваши заслуги в создании ГОЭЛРО, составленного Вами под непосредственным руководством Ленина, были отмечены высшим органом пролетарской диктатуры — ЦИКом СССР, наградившим Вас орденом Ленина. Верный ученик Ленина, Вы соединяете в себе широкий научно-теоретический кругозор с революционным энтузиазмом большевика, отдавшего 40 лет своей жизни делу рабочего класса.

Расставаясь с Вами, дорогой Глеб Максимилианович, Президиум Госплана уверен, что Вы и впредь останетесь неутомимым борцом за окончательную и полную победу планового начала во всем народном хозяйстве и на новом боевом посту обеспечите быстрый, решительный перелом и подлинно большевистские темпы электрификации».

Кржижановский подвел черту под своей деятельностью в области планирования статьей «Научное строительство жизни»:

«Как ни скромны наши достижения по действительному плановому охвату нашего хозяйства, перспективы этих работ в настоящее время обрисовываются перед нами с чеканной ясностью. Стихия «вещей», лежавшая до сих пор в основе экономики, какое бы бешеное сопротивление она ни оказывала, находится в явном отступлении перед волей человека. Целевые ставки во всех трудовых процессах приобретают характер все более и более непосредственной защиты прав трудящихся на достойное человеческое существование. От утопии — к науке, к действительному высвобождению человеческой личности от тяжких материальных пут».

НАУКА ПЛЮС ПРАКТИКА

Его новая должность — председатель Энергоцентра, или Центрального энергетического управления ВСНХ, — органа «верховой энергетической власти» страны.

Главная задача сейчас — Днепрострой. Его решили строить в 1926 году, несмотря на многочисленные предостережения.

Все сомнения позади. Партия и правительство приняли решение о постройке гигантской плотины в «Волчьей горле» Днепра у запорожского острова Хортица. 15 марта 1927 года на днепровской скале «Любовь» взвился алый флаг с надписью: «Днепрострой начат!» На следующий день на площадке работало пятнадцать строителей.

«Теплая южная весна радовала всех. Стук топоров, визг пил, рокот первых электродвигателей и локомотивов сливался с песнями строителей, которые они принесли на берега Днепра со всех концов страны. Здесь, на берегу Днепра, началась новая жизнь», — вспоминал Г. Д. Цюрупа.

Вся страна хотела строить Днепрогэс.

— Что лучше — дома строить или рязи вязать? — спрашивали у доброго плотника, покинувшего свои края и своим ходом добравшегося до Днепра.

— Домов мы понастроили, слава те господи, как грибов. А тут новое, во сне не виданное. Заманивает, понятно.

Газеты полнились сообщениями о размахе работ, о небывалом энтузиазме.

«Вся молодежь — на социалистический час! 24 марта 1930 года после 8 часов работы вся молодежь работает дополнительно один час».

«На Днепрострое убраны все столы — чтобы не было возможности заседать».

«На Днепрострой отправлены генераторы завода «Электросила» — крупнейшие в мире».

«На стройке работают 60 паровозов, 200 платформ, 90 думпкаров, 12 паровых экскаваторов, 30 паровозных подъемных кранов».

«Ударная бригада по ремонту механизмов добровольно снизила себе расценки по сборке подъемных кранов на 18 процентов».

Выпускники институтов страстно желали попасть на самую главную энергетическую стройку страны. Но системы распределения молодых специалистов еще не существовало. Две девушки, окончившие

гидротехнический факультет Одесского политехнического, не смогли устроиться на стройку — девушки! Они решили поехать в Москву к Кржижановскому. Но их постигла неудача — он приболел. Его секретарь Чашникова посоветовала пойти к Глебу Максимилиановичу домой.

Несколько раз подходили они к парадному в Садовниках. Стало темнеть. Никто не выходил из дома (на это была надежда). Тогда они решились. На звонок вышла пожилая женщина (Зинаида Павловна), сказала, что Глеб Максимилианович болен, но записку ему передать можно. Девушки быстро нацарапали послание на случайном листке, женщина удалилась, а через несколько минут в переднюю вышел, кутаясь в теплый халат, и сам Глеб Максимилианович. Он, судя по всему, хотя и недомогал, но очень был доволен. Пригласил просительниц к себе.

Потом девушки вспоминали: уютный кабинет, большой письменный стол, кожаный диван, стеллажи. Кржижановский, приветливо расспрашивающий их о студенческой жизни в Одессе, о планах на будущее. Он дал им два письма (зеленые чернила, размашистый почерк) — Винтеру и Веденееву.

— Кто-нибудь обязательно в Москве.

Над электрификацией взял шефство комсомол. Секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев и руководитель комсомольского штаба электрификации Стеклов заручились поддержкой Глеба Максимилиановича. По их просьбе он отправился на строительство Дубровской электростанции, первой в Советском Союзе, построенной целиком на отечественном оборудовании.

Детище первой пятилетки изобиловало остроумными техническими решениями. Прошло всего полтора года после укладки первого бетона, а станция уже дала ток! Это были невиданные темпы!

Флаксерман, руководитель пусковой комиссии Энергоцентра, вспоминал, что в 1931 году было введено три четверти мощностей, предусматривавшихся планом ГОЭЛРО. Программа этого года имела исключительное значение для индустрии и сельского хозяйства страны в целом. В третьем году пятилетки полностью выявилась решающая роль энергетики. Расширение Штеровской и ввод Зуевской станций позволяли увеличивать добычу угля в Донбассе, Магнитогорская и Кузнецкая обеспечивали пуск двух металлургических гигантов — это служило материальной основой индустриального машиностроения. Сталинградская ГРЭС, построенная скоростным методом всего за шестнадцать месяцев, дала силы тракторному заводу. Глеб Максимилианович сумел превратить Энергоцентр в центральный штаб энергетического строительства страны. По всей стране развернулось великое соревнование под лозунгом

«Пятилетку — в четыре года!» — и Кржижановский радовался тому, что идея о пятилетке как творчестве масс воплощается в жизнь.

Первый план ГОЭЛРО был выполнен.

Страна получила 1750 тысяч киловатт энергетических мощностей, введенных в соответствии с планом ГОЭЛРО. Это произошло в апреле 1931 года.

Рапорт об этом подписывался в кабинете Кржижановского.

Рапорт направлялся Центральному Комитету.

Великий момент! Всем хотелось продлить его, Глеб Максимилианович сам понимал это, не спешил. Он смотрел на присутствующих в кабинете единомышленников, друзей, коллег. Но здесь не было одного человека, которому происходящее подарило бы минуты счастья. Не было Ильича...

Глеб Максимилианович посмотрел на окно, его распахнули. Весенняя Москва шумела внизу, Москва суровой бедности первой пятилетки, но уже неразутая, нераздетая и неголодная.

— Если бы был жив Ильич, — с горечью сказал Кржижановский.

Кржижановский хотел, чтобы Энергоцентр смотрел вперед. Он мечтал о втором плане ГОЭЛРО. Он всячески поддерживал выступления в печати по этому вопросу. Флаксерман написал статью в газету «За индустриализацию». Основная идея — выпустить «второй том» ГОЭЛРО. Он уже опубликовал в журнале «Проблемы экономики» «Черновые наброски заданий к генеральному плану электрификации», где указывались общие показатели роста всего народного хозяйства на 10–15 лет вперед с примерным перечнем электростанций. Глеб Максимилианович подсказал автору не только название этой статьи, но и ее основные положения.

В Энергоцентре собралась большая группа энтузиастов, предлагавших дерзкие проекты. Некоторые сотрудники пришли с Глебом Максимилиановичем из Госплана, например, способный экономист Борис Кузнецов. Он в то время разрабатывал рациональную схему «Единой высоковольтной сети — СССР» — прообраза будущих энергетических систем. Многие приходили с проектами гигантских электростанций на сибирских реках, на Волге. Волжскую станцию, так же как и единую высоковольтную сеть, и электростанции на реках Сибири, можно было включать в перспективный план развития энергетики.

Энергоцентр имел собственный институт — Научно-исследовательский институт энергетики и электрификации. Кржижановский предложил возглавить институт Кузнецову и не ошибся. В институте стал культивироваться, как и во всем Энергоцентре, интерес к прогнозам, к перспективному планированию и разработке промышленно-

экономических комплексов.

Это стало одной из ярких черт зарождающейся школы Г. М. Кржижановского.

Призывая своих сотрудников «учиться мечтать», он в то же время следил за тем, чтобы они не отрывались от реальности.

— Часто при рассмотрении наметок на вторую пятилетку, — рассказывал В. Ю. Стеклов, — Г. М. Кржижановский сдерживал наш размах, когда в течение ближайших пяти лет мы хотели воплотить в жизнь все наши мечты... К их числу следует отнести сооружение мощных ветряных электростанций, солнечных установок большой мощности, использование термоэлектрических установок...

Дерзких проектов хватало и без ветряных двигателей. В группу Стеклова постепенно стекались «мечтатели»: инженер Мальшев, разрабатывающий проекты мощной ГЭС на Ангаре, Рудницкий, ратовавший за ГЭС на Енисее, Лубны-Герцик, предлагавший каскад ГЭС на Иртыше. Приходил в огромной шляпе с широчайшими полями черноволосый великан с горящим взглядом.

— Грузинский поэт Паоло Яшвили, — представился он. Паоло был общественным ходатаем от Грузии: он предлагал построить там несколько крупных станций.

Заходил священнослужитель в рясе, с крестом — Флоренский, он был выдающимся электротехником, и его проекты поражали виртуозностью инженерного решения.

Руководил плановым отделом Кукель-Краевский — энтузиаст энергетики. В свое время он был направлен на дипломатическую службу, но, не переехав границу, стал бомбардировать наркомат письмами: не разрешат ли ему остаться, заняться энергетикой? Разрешили.

В Энергоцентре Кржижановский проводил в жизнь свои идеи о централизации энергоснабжения больших городов путем постройки крупных теплоэлектроцентралей — ТЭЦ.

В связи с городскими ТЭЦ он однажды чуть не поссорился с Цюрупой, назначенным управляющим Мосэнергостроем. Цюрупа начал свою деятельность с вопроса о строительстве Фрунзенской ТЭЦ, начатом на Бережковской набережной с довольно сложными грунтами, с которыми никому не хотелось связываться. Цюрупа решил перенести строительную площадку куда-нибудь на левый берег Москвы-реки, мотивируя это тем, что именно на левом берегу будет основная тепловая нагрузка станции. В Энергоцентре его поддержал теплофикатор Таннер-Танненбаум. Он-то и поставил перед Кржижановским вопрос о перенесении строительства в

другое место. Отправились осматривать возможные места постройки цугом на четырех машинах, впереди — темно-зеленый «паккард». Таннер-Танненбаум предлагал построить станцию на берегу Москвы-реки в Лужниках, Цюрупа — между университетскими клиниками и Новодевичьим монастырем. Там площадка была очень небольшой, но Цюрупу это не смущало, он предлагал снести не нужный никому монастырь. Кржижановский возмутился, его поддержали молодые инженеры. Новодевичий монастырь был спасен. Станцию оставили на прежнем месте, грунты оказались вполне преодолимыми, ТЭЦ была не только построена, но и расширена против имевшегося проекта вдвое.

Кржижановский проработал в Энергоцентре немного — всего год. Вскоре его назначили председателем Комитета по высшему техническому образованию.

Все решали кадры. А кадров не было. Был построен гигантский тракторный завод, но запустить его не могли несколько месяцев: не хватало токарей, слесарей, фрезеровщиков. Не хватало инженеров-механиков, энергетиков, техников. Не хватало «красных капитанов».

Высшая школа в те годы бурно развивалась, но в этом развитии не было научно обоснованной системы. В высшей школе, как считал Кржижановский, царствовала стихия.

Старые вузы, подчиняясь законам инерции, сохраняли еще традиции классического преподавания, в новых же институтах, которыми, пользуясь свободой организационного творчества, спешило обзавестись любое мало-мальски важное ведомство, где не было помещений, традиций, преподавателей, творилось что-то невообразимое. «Дальтон-план» и прочие перлы новомодной педагогики рождали лентяев. По вине молодых специалистов произошло несколько крупных аварий. Глеб Максимилианович понимал, что, в сущности, они не виноваты — какие знания они могли приобрести в институтах без лабораторий, без помещений, без преподавателей, без продуманных учебных планов и программ? Встречались директора институтов не то что без высшего, без всякого образования. Подвойский, теперь один из инспекторов ВКВТО, привез анекдот:

— Какой вуз окончили?

— Никакой.

— Тогда в каком вузе преподаете?

Система высшего образования не удовлетворяет страну, которая только что подвела итоги первой пятилетки. Советский Союз располагает уже прочной собственной тяжелой индустрией и ее ведущим звеном —

машиностроением, рассуждал про себя Глеб Максимилианович. Мы теперь укрепили обороноспособность нашей страны. Мы с уверенностью в собственных силах смотрим на бурю, вызванную мировым кризисом, развертывающуюся за нашими рубежами. Теперь мы можем ставить новые задачи. Во второй пятилетке нам предстоит вести борьбу за завершение технической реконструкции нашего хозяйства, за построение бесклассового общества. Именно из этих задач и вытекает огромная значимость нашей борьбы за квалифицированные высшие технические кадры. Поход за освоение новой техники — центральная задача пятилетия. Владимир Ильич в свое время подчеркивал теснейшую связь подъема хозяйственной работы с задачами трудящихся. Гигантский плуг пятилетки преобразовал массив трудящихся, создал чрезвычайно благоприятные предпосылки для борьбы за подъем производительности труда, выдвинул героев социалистического соревнования и ударничества. Настала пора, опираясь на позиции, которые завоеваны нами по всей линии хозяйственной работы, прийти к разрешению проблем создания необходимых для нас высших технических кадров.

Прежде всего, конечно, следовало разобраться с самой системой вузов. Всего их насчитывалось около пятисот. Нужно было начать с уничтожения карликовых и параллельных. В Наркомземе, например, было 82 вуза; буквально за несколько недель работы оказалось вполне возможным и целесообразным сокращение их числа до 25. Учебные заведения укрупнились, окрепли.

Этот пример дал возможность Глебу Максимилиановичу найти образ того, что творится на ниве высшего образования: персимфанс! Ансамбль без дирижера, где каждый играет на своем инструменте без знания основ гармонии! Научное строительство жизни здесь явно отсутствовало. Каждый из вузов нужно было обследовать, каждому дать паспорт — путевку в жизнь, право на воспитание и образование молодежи. Предстояло рассмотреть и переработать 800 учебных планов, более 20 тысяч программ!

Везде нужно было найти организующую идею, стержень преобразований и реформ, и Глебу Максимилиановичу предстояло выработать теоретические основы этих процессов.

Многое уже ему было ясно. Он считал, что инженер — это прежде всего творец и борец. Карликовые вузы, чрезмерно узкие специализации превращали инженера в беспомощного ремесленника.

«Инженер должен настолько овладеть сущностью ведущих дисциплин в своей профессии, — писал он, — чтобы стоять не под ними, а над ними,

чтобы быть хозяином положения, не растеряться при трудных обстоятельствах...

Здесь приходится идти двумя путями: во-первых, надо... обеспечить для всего нашего инженерства действительное освоение тех математических, физических и химических дисциплин, а в соответствующем случае и дисциплин биологических, которые составляют то, что я назвал бронированным минимумом.

Во-вторых, преподавание специальных дисциплин должно быть пронизано диалектическим методом, опираясь на который можно и для самых узких специалистов проложить дорогу для их широкого общего развития».

Диалектический метод оказывался действенным орудием не только в научном определении задач этой новой области, но и в решении их. Обучать методам решения задач, а не давать шпаргалку ответов!

Кржижановский призывал держаться подальше от профессиональной замкнутости. Внимание к пограничным дисциплинам! Свет идет от сопредельных знаний! Техническая физика, техническая химия, биотехника — вот дисциплины будущего.

Впереди был непочатый край проблем. Комитету предстояло дать научные рекомендации по следующим вопросам: Сколько часов в день должен работать студент? Должен ли он посещать лекции? Сдавать экзамены? Выполнять дипломный проект? В каких единицах или баллах должны оценивать его знания? От чего должна зависеть выплата стипендии? Кто должен учить студентов? Как присваивать ученые степени и знания? Не нужно ли ввести в вузах ученые советы?

Из стенограммы заседания Президиума ВКВТО по уточнению номенклатуры специальностей 28 ноября 1930 года.

«...Гуртовой. Номенклатура дважды официально рассматривалась, подвергалась обсуждению на широких собраниях специалистов...

Некоторые предлагают: автомобили и тракторы разделить. Подвижный состав железных дорог профессор Шелест предлагает разделить: дать отдельно паровозы, тепловозы и электровозы с 6-летним сроком обучения, а ВСНИТО предлагает создать специальности:

- 1) паровозное и тепловозное хозяйство,
- 2) вагонное хозяйство.

Кржижановский. Это безобразие. Где головы посыпались, там давайте создавать науку. Ведь это может знать каждый техник, вагоны и вагонное хозяйство — не такое уж сложное дело — я сам был осмотрщиком вагонов.

Знаю всю простую технику этого дела. Вполне достаточно техника в вагонном хозяйстве.

Гуртовой. Я знал, что сегодня нам влетит.

Кржижановский. Нет вагонной науки. Нет и не может быть. А если берем такие вещи, как тепловозы и паровозы, и объединяем в одну науку, будет уж слишком широко. Вагон — это коробка... Сцепные приборы те же, что и на паровозе. Тормоза и автосцепка такая же.

Гуртовой. Вагоны не есть наука, но это есть до некоторой степени научная величина.

Кржижановский. Отсюда и получается — бесцельная загрузка памяти студентов ненужным хламом...»

Когда в 1936 году Кржижановский покидал комитет, он испытывал удовлетворение: дело высшего технического образования вставало на ноги, на научную основу.

Он мог радоваться еще и потому, что возвращался к любимой энергетике.

Энергетики его за эти годы не забыли. Сотрудники издательства, выпускающего книги и журналы по энергетике, оказывается, все это время копили деньги на самолет. Авторы отказывались от гонораров. Сотрудники — от завтраков. Редакции журналов «Вестник кочегара» и «Машинист» вызвали другие журналы на соревнование по сбору средств на самолет У-2. А самолет, оказалось, предназначался для передачи 1-й Московской областной объединенной школе инструкторов, летчиков, парашютистов и планеристов Московского областного совета Осоавиахима и был назван «Глеб Кржижановский».

Вручение самолета школе состоялось 6 июля 1934 года на аэродроме около станции Первомайская. Шел дождь. Директор издательства передал формуляр на новый самолет инструктору. На борту самолета действительно была крупная надпись: «Глеб Кржижановский».

— Глеб Максимилианович, ваш самолет в воздухе...

Несмотря на дождь, самолет летал над аэродромом, из него вываливались, раскрываясь цветками, парашютисты. Уже в девять вечера «совершали облет», то есть катали на самолете ударников, активистов Осоавиахима. Со стороны летного поля, уже скрытого летним вечером, раздавался здоровый стук мотора, веселые возгласы...

Его постепенно оставили одного, и он уехал, очень этим обрадованный. В свете фар «паккарда» обжигались крылатые жители лета.

Он вспомнил, как два года назад, когда его поздравляли с шестидесятилетием, энергоиздатовцы говорили, что подарок за ними. Вот

оно что, подарок к шестидесятилетию! Шестьдесят лет. Он и не замечал, как идут годы!

В ШТАБЕ НАУКИ

В 1929 году, впервые вступая под своды академии, Глеб Максимилианович подумал о том, что, может быть, в этот момент осуществляется одно из страстных желаний Ильича.

В далеком восемнадцатом, когда Украина была под гетманом Скоропадским, когда немцы хозяйничали в российских просторах, когда Москва потеряла связи с окраинами, была отрезана от сырья, топлива, когда реальность Советской власти ощущали лишь немногие жители центра России, уже тогда Ильич задумывался о том, как «собирать камень за камушком» прочный фундамент социалистического общества, о будущем хозяйстве нашей страны. Он хотел предложить Российской академии наук составить план экономического подъема России. Но не могла обветшавшая академия удовлетворить высоким нормам ленинского «Наброска плана научно-технических работ» — она была еще слаба!

В этой работе Ленин предлагал обратить особое внимание на электрификацию промышленности и транспорта, применение электричества к земледелию, на использование непервоклассных сортов топлива — торфа, угля низких сортов — для получения электрической энергии с наименьшими затратами, на добычу и перевоз горючего, на использование энергии воды и ветра. Не под силу были пока еще эти задачи старой академии, не могла она перестроиться так быстро.

Кржижановский писал о «Наброске плана научно-технических работ» так: «В то время еще никакой группировки научных работников вроде организованной гораздо позднее Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) и в помине не было. А между тем стоит только перечитать строки этого наказа, чтобы видеть, что, по существу, здесь уже поставлены основные вехи грядущих фундаментальных работ и как много приходилось учиться работникам науки и техники у Ленина в области революционного преобразования всей нашей экономики и техники на основе общего гениального, научного, продуманного плана».

Хотя Ильич работой академии был удовлетворен не в полной мере, он всячески противился ее реформации.

Однажды, услышав, что у одного молодого, весьма уважаемого коммуниста-астронома есть план реорганизации академии, он очень встревожился, потребовал к себе Луначарского (академия была в ведении Наркомпроса) и, лишь когда тот сказал, что никакого серьезного значения

планам такого рода не придается, несколько успокоился.

— Жаль, некогда сейчас вплотную заняться академией, — говорил он тогда Глебу Максимилиановичу. — Нужны осторожность, такт, знания. А сейчас у нас куда более проклятые вопросы. Боюсь, найдется какой-нибудь смельчак, наскочит на академию. Можно представить, сколько посуды перебьет!

И вот теперь, в 1929 году, выборы в состав академии сорока двух новых членов. Среди них впервые избраны члены партии — Г. М. Кржижановский, И. М. Губкин, М. И. Покровский. Это были поистине «большие выборы», как их называли в академии.

Кржижановский сразу же был избран вице-президентом академии. Президенту — геологу Карпинскому — было уже под восемьдесят. Новичку вице-президенту порой приходилось брать на себя всю полноту академической власти.

Когда Глеб Максимилианович ближе познакомился с делами академии, оказалось, что и сама наука тоже нуждается в перспективном планировании. Говорить о широком фронте работ не приходилось. Попытка Кржижановского воздействовать на академиков через Госплан, конечно, способствовала консолидации ученых вокруг актуальных народнохозяйственных проблем, но этого было далеко не достаточно. Необходимо было, не полагаясь на уже имеющиеся, создавать в академии новые научные направления, привлечь ученых технического профиля, соприкасающихся с насущными проблемами страны.

В академию впервые были избраны представители техники: С. А. Чаплыгин, Г. М. Кржижановский, В. Ф. Миткевич, И. М. Губкин. Эта группа должна была сыграть роль ядра, вокруг которого пойдет сплочение будущего технического отделения академии.

Кржижановский волновался: как примут его академики? С волнением составил конспект первого выступления на академической сессии. Карпинского не было — болел. С подозрением выслушивали академики — члены старинного и замкнутого клана новые слова, непривычно взрывавшиеся в академической тишине: «захват командных высот», «индустриализация», «энергетика, электроэнергетика, теплофикация», «комбинированное производство», «планово-социалистическое хозяйство», «массы на нашей стороне», «диалектический метод».

Некоторые громко вздыхали, слушая эти кощунственные слова в храме чистой науки. Но Кржижановский умел завоевывать сердца — он увлекал истиной, конкретностью, мечтой. Он видел, что инерция академиков велика. Будут, конечно, противодействовать введению планирования

научно-исследовательских работ. Будут ссылаться на высокую миссию науки. Свободный поиск. Непредсказуемость и непланируемость открытий.

Действительно, открытия запланировать невозможно, но определять наиболее целесообразные направления поиска можно и должно! Он хотел бы постепенно ввести академию в пятилетний ритм страны.

Он ясно осознавал, как много в его научном подходе, в его мировоззрении заложено Владимиром Ильичем. Он наизусть помнил, часто цитировал слова Ильича, обращенные к работникам науки:

— Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»... изменении... В-4-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»^[51].

Он свято следовал этим ленинским заветам. Все его научное творчество было посвящено решению насущнейших задач страны, наука была для него прежде всего средством строительства социализма.

Академический устав требовал ежегодного представления отчетов каждого о сделанной работе. Он стал составлять отчет за первый год работы, 1930-й.

Статей — 22, в том числе в «Правде», «Известиях», «Экономической жизни» — о пятилетнем плане, о проблемах планирования. Брошюр и книг выпущено три: о построении социализма, о проблемах построения генерального плана.

За год сделано 22 доклада: о Ленине, о хозяйственном строительстве, о текущем моменте, о темпах пятилетки, о генплане.

Является ли то, что он делает, научной работой? Да, является. Это научное строительство жизни.

Он стремился и свою жизнь строить по науке, вкусить от радостей творчества, семьи, дружбы. Они были достаточно пожилыми, чтобы заводить новых друзей. Оставались в основном старые — Крупская, Ленгник, Ольминский, Кон, Красиков, Лепешинский. Самой близкой оставалась Надежда Константиновна. Ей было за шестьдесят, она много работала, на все не хватало времени. Зинаида Павловна ее бесконечно любила.

Однажды, критически осмотрев далеко не новое платье Надежды

Константиновны, Зинаида предложила ей:

— Надюша, надо бы тебе новое платье сшить, это лоснится.

— Зиночка, не могу я по-магазинам ездить, — ответила Надежда Константиновна и тут же со смехом вспомнила, как однажды пошла в магазин (в ГУМ) новую шляпу купить — так все продавцы и вся публика сбежались. Ей покупала теперь Мария Ильинична, Медвежонок по самарской кличке, за глаза.

Часто они отдыхали вместе в Архангельском. В 1933 году поехали в разные места — Надежда Константиновна, как всегда, в Архангельское, Кржижановские — в Крым.

В Мухоматке можно было отвлечься от суеты, подумать о важном. Самым важным оказывалась их жизнь в этом мире, и покой был составляющей счастья. Глеб Максимилианович остро почувствовал, как прекрасна природа и как много времени можно посвятить ее созерцанию — всю жизнь! Есть такие счастливицы. Счастливицы? Может ли созерцание, наблюдение составить полное счастье жизни? Может быть. Его характер, его представления о научном строительстве требовали действия, вторжения, активности. Он мог понимать созерцание только как одну из составляющих счастья, может быть, необходимую.

Они послали Надежде Константиновне письмо, полное новых неожиданных открытий таинств природы. Скоро пришел ответ.

«Дорогая Зина, спасибо за письмишко. Это замечательно, что вы так хорошо отдыхаете. Тут дождь и вообще мерзопакость порядочная. Работается плохо что-то. 2-го переезжаю в город, даже м. б. 1-го. С первого тут пустыня аравийская... Сговорились, было, что я буду заведовать библиотечным сектором, но тотчас же провели положение совсем несуразное — теперь в библиотеках будут брать залогов за каждую книжку. Это смешной бюрократизм. Надо 10 чел. бухгалтеров при каждой библиотеке заводить... Не знаю, что день грядущий мне сулит. Ну, посмотрим... Вот и вы. Новой публики не прибывает, старая разъезжается... Ну, бывайте здоровы. Шлю горячие приветы и жму лапы.

Н. Крупская 30/VIII. 33 г.»

Кржижановский многое успел сделать в академии и прежде всего помог ей выйти из состояния замкнутости, рассыпного строя, самотека, слить ее задачи с задачами страны. Он способствовал переводу академии в ведение СНК СССР, переводу ее учреждений и Президиума в Москву, принятию нового устава, основал Отделение технических наук, ввел

ежегодное планирование работ. И еще: его усилиями в 1931 году был создан Энергетический институт Академии наук СССР, директором которого он стал.

В системе академии появились и другие институты технического профиля. *

Работа в качестве вице-президента отнимала массу времени и сил. За 1937 год ему удалось опубликовать всего пять статей. Это его не расстраивало. Его личные статьи были малой частью того, что он делал в академии. Последняя взяла на себя выполнение десяти важнейших народнохозяйственных тем. Работал Совет по изучению производительных сил — СОПС. Казалось уже немыслимым решать без академии стратегические вопросы развития страны. Это была и его заслуга. Он развернул работы и в Энергетическом институте. Сначала, до переезда в Москву, институт помещался в здании Биржи на стрелке Васильевского острова, в Москве было лишь его небольшое отделение. После перевода центральных учреждений академии в Москву институт обосновался прямо против особняка Президиума в Нескучном саду — на Большой Калужской улице. Два кабинета Кржижановского, таким образом, сильно приблизились друг к другу.

Институт создавал фундаментальный труд «Основы электроэнергетики СССР». Решались проблемы энергетики в третьей пятилетке, вопросы газификации и теплофикации, изучения энергетических ресурсов.

Идеи ЭНИНа о развитии энергетики в третьей пятилетке не получали, однако, поддержки высшего руководства. С декабря 1930 года Председателем Совнаркома стал Молотов. Он же был назначен Председателем Совета Труда и Оборона.

В третьем пятилетнем плане, составленном под руководством Молотова, была фраза, которую все энергетики восприняли с болью и тревогой:

«...В строительстве тепловых электростанций перейти к небольшим и средним электростанциям в 25 тыс. квт и ниже».

Это решение, направленное на деконцентрацию, объективно отбрасывало советскую энергетику на несколько лет назад. Энергетики единодушно называли такую установку «гнилой».

Кржижановский был категорически против такого резкого поворота в политике строительства электростанций, отбрасывающего страну назад. Как можно перейти к небольшим и средним электростанциям в 25 тыс. квт и ниже в то время, когда электросиловики уже «закрутили» крупнейший в

мире турбогенератор в 100 тысяч киловатт? Может быть, это решение продиктовано высшими, неясными даже ему интересами? Он заставлял себя думать, что это решение объясняется капиталистическим окружением, бушующим вокруг острова социализма военным психозом. Но нужно еще доказать, что мелкие станции не так уязвимы, как крупные. Но они дороже, и намного. Они вызывают распыление сил и средств.

Он с душевной болью наблюдал, как начали пересматриваться проекты всех электростанций, уже строящихся и намеченных к строительству в 1939 году и последующих годах, как в них мощные агрегаты в 50 и 100 тысяч заменяются на машины в 12,5 тысячи киловатт.

Вот как описываются последующие события в историческом сборнике «Профсоюз энергетиков», «...тревожные опасения сбылись. При отставании выработки электроэнергии от роста потребностей на нее в 1937–1940 годах в ряде экономических районов страны образовался дефицит энергетических мощностей, энергетика стала сдерживать быстрые темпы промышленного производства. Положение создалось угрожающее, но ответственность за это Сталин взвалил на тех самых людей, которые предупреждали его о возможных последствиях неправильного курса в электрификации страны...»

Начались придирки и к Г. М. Кржижановскому, которые шли в основном по «академической» линии.

Его упрекали в том, что он поддерживал знаменитого математика — академика Лузина, который и вправду был человеком нелегким. Но Кржижановский отвлекался от соображений «уживаемости» академика, видя в нем громадный талант, уважая его как создателя математической школы — «Лузитании», зная его полную лояльность.

Его обвиняли в том, что он разрешил опубликовать за границей книгу своего помощника профессора Вейца.

Намекали на то, что он как-то причастен к истории с «мамонтом», неразложившиеся останки которого были якобы обнаружены где-то на севере, а потом оказались останками выброшенного на берег кита.

Все это было именно придирками, и причина их лежала совсем в другой плоскости. Ю. Н. Флаксерман в своей книге о Г. М. Кржижановском так объясняет сложившуюся обстановку: «В конце 30-х годов обнаружили письма Глеба Максимилиановича, в которых он нелестно отзывался о Сталине. Этого было достаточно для осуществления ряда репрессивных мер. Его буквально терроризировали, вызывали на допросы, предъявляли одно за другим нелепые обвинения... Были приняты все возможные меры, чтобы светлое имя Г. М. Кржижановского было предано

забвению. Поселок при Кизеловской ГРЭС, называвшийся Кржижановск, был преобразован в город Кизел, плановый институт имени Г. М. Кржижановского при Госплане СССР переименован в экономический институт. Все это делалось для того, чтобы принизить заслуги Г. М. Кржижановского. В декабре 1940 года исполнилось 20 лет со дня утверждения плана ГОЭЛРО. Готовился сборник «20 лет ГОЭЛРО». К составителям сборника было предъявлено требование изъять из всех статей имя Г. М. Кржижановского.

Но сделать это было просто невозможно... Сборник так и не увидел света».

Тридцать девятый год был тяжелым. Его впервые (с 1924 года) не выбрали членом Центрального Комитета. Его, ссылаясь на проводившийся им якобы «зажим молодых кадров», сместили с поста вице-президента Академии наук.

Да, 39-й год был годом больших потерь. Умерла Надежда Константиновна.

Еще три дня назад, в воскресенье, Глеб Максимилианович и Зинаида Павловна Кржижановские вместе с Верой Рудольфовной Менжинской, Николаем Леонидовичем и Анной Ивановной Мещеряковыми, Петром Ананьевичем Красиковым и Софьей Павловной Шестерниной пришли проведать и поздравить Надежду Константиновну накануне ее семидесятилетия. Вспоминали молодость, встречи в Сибири, подполье, шифрованные письма, написанные Надеждой Константиновной в «Искру». Было просто и радостно. Когда разъехались, ей стало плохо, срочно отвезли в больницу. На третий день ее не стало. Прах Н. К. Крупской был замурован в кремлевской стене, сразу за Мавзолеем. У Кржижановских не стало самого старого, самого верного, самого любимого друга. Они переживали ее смерть так тяжело, что Чашникова всерьез задумала насильно отвезти их куда-нибудь подальше от Москвы. И как только представилась возможность, осуществила это. Договорилась с Управлением Делами и увезла их в Гаспру...

Вернувшись, Кржижановский вплотную занялся ЭНИНом. Он стремился сделать Энергетический институт штабом энергетической мысли, способным в какой-то мере компенсировать отсутствие энергетического генплана.

В Энергетическом институте по-прежнему жили будущим, работали ради него: исследовали проблемы дальних передач на постоянном и переменном токе высокого напряжения; объединения энергетических систем в Единую энергетическую систему СССР; поднятия на новый

уровень тепловых электростанций путем использования пара сверхвысоких параметров; комплексного использования топлива — и как топлива, и как сырья для дальнейшей переработки; новых энергетических схем для промышленности, сельского хозяйства, транспорта, городов.

Иногда Кржижановский задумывался над тем, существует ли его личный, отдельный от работ института, академии, Госплана научный вклад в энергетику? И приходил к выводу: да, существует, хотя он никогда особенно не подчеркивал его, предпочитая коллективное творчество.

Он знал, что за всеми его научными достижениями стоит диалектический метод, воспринятый им прежде всего у Ильича; именно он позволил ему подняться над констатацией фактов и делать крупные, определяющей важности научные обобщения. Это прежде всего идеи ГОЭЛРО — концентрация производства и централизация распределения энергии, рассмотрение социальной и хозяйственной деятельности в единстве, целостности и развитии. Само понятие энергетики, как триединства электротехники, гидротехники и теплотехники ведет начало с работ ГОЭЛРО. С ним навсегда связаны идеи Единой энергетической системы и Единого энергетического баланса. Он не мог бы перечислить всего того, что сделал в энергетике сам. Тем более обширным было то, что сделала его школа, воспринявшая его основные мысли и идеи.

НАУКА — ФРОНТУ

Раньше, до войны, он любил отдыхать и лечиться в Карловых Варах. Здешние минеральные источники хорошо помогали его слабым, как оказалось, почкам.

Но здесь, за границей, он наблюдал и такое, что заставляло его сердце сжиматься, — он видел осложнение международной обстановки, чувствовал, что планета катится по наклонной плоскости к войне, и не остановить ее. Теперь Германия — шаг за шагом, уступка за уступкой — вооружена до зубов, и поздно было вспоминать о тех временах, когда осадить Германию, захватившую Эльзас, можно было, по словам Черчилля, полком французской полиции.

Кржижановский возвращался домой встревоженным, говорил о своих опасениях друзьям: видят ли они, знает ли Сталин?

Его мучила тревога. Зинаида Павловна опять была в санатории на лечении — ее здоровье сдавало. Сам он остался в Москве и тоже болел. Написал ей письмо, отправил. Потом решил написать еще одно — сложилось стихотворение (бумаги под рукой нет, на своем директорском бланке):

Зине

*Мой милый друг, сегодня я
Обширное письмо тебе отправил,
А это шлю вдогонку:
Для писем, как для сердца, нет ведь правил...*

Отправил и это письмо. Потом записал: «...Лежу в постели, недуг грызет меня, и на этот раз, кажется, всерьез и надолго».

Было И марта 1941 года. Беспокойство и опасения не оставляли его. Предчувствуя возможную войну, он начал вводить в институте оборонную тематику. Связался с военными, выяснил, какие технические проблемы в области энергетики представляют сейчас наибольший интерес для обороны.

Однако разрабатывать рабочие проекты не пришлось. Началась война.

Когда ужасная весть, которая, впрочем, для многих не была неожиданной, достигла института, сотрудники собрались в актовом зале. Митинг открыл Кржижановский.

— Вы видите теперь нашего врага и повадки его. Это вероломный зверь, для которого нет ничего святого. Только силой можно унять его. Все силы — на разгром фашистского зверя. Товарищи! Отдадим все свои знания и опыт делу уничтожения фашизма.

Митинг был коротким. Сотрудники расходились по своим лабораториям, прикидывая: как можно использовать в войне свой опыт и знания? Искренне завидовали «таинственным» лабораториям № 1 и 2, которые наверняка уже внесли свой вклад в дело обороны. И все думали: что теперь будет с институтом? Нужны ли будут их исследования? Не лучше ли на фронт, к оружию?

Правительство распорядилось иначе. ЭНИН, как и большинство институтов, решено было сохранить. Это была частичка мозга страны, той интеллектуальной силы, которую нельзя заменить никакой другой. Институт был переведен в Казань. Вскоре началась эвакуация, и Кржижановские, заперев свой дом, простились с ним.

— Неужели навсегда? — плача, спрашивала Зинаида.

— Мы выдержим и победим, — говорил Глеб Максимилианович, — другой народ, может быть, и не выдержал бы. Но мы выдержим. Ты вспомни девятнадцатый и двадцатый годы — как страшно было, что погаснет жалкий огонек жизни, — а он не погас, разгорелся. Так и теперь будет.

В Казани разместились в помещениях университета.

Приезжающие сначала останавливались в большом актовом зале, где отец когда-то защищал кандидатскую диссертацию. Теперь здесь, во всю ширину зала, были расставлены кровати. Постепенно обитатели зала покидали его, уплотняя местных жителей. Ночью в Казани было уныло — действовали законы затемнения.

Разместились в общем удачно, хотя теснота была страшная — здесь было множество организаций и даже президиум академии. Выяснилось, что впопыхах не взяли кое-какого оборудования, необходимого для работы. Остро ощущалось отсутствие институтской библиотеки. Нужно было организовать доставку оборудования из Москвы.

15 августа Глеб Максимилианович вместе с сотрудниками ЭНИНа Телешовым, Рамзиным, Худяковым, Костериным пошел в Казанский горком партии. Его доклад был по-военному короток:

— Энергетический институт Академии наук СССР приступил к работе

в городе Казани. Коллектив сотрудников считает себя мобилизованным и готовым оказать помощь электростанциям и предприятиям города Казани и всей республики.

Сотрудники академии начинали привыкать к новому месту, обживать. Нужно было превращать этот край в мощную военно-промышленную базу страны и мобилизовать на это все ресурсы.

Как-то Глеб Максимилианович простудился на октябрьском резком ветре, слег. Рано утром к нему пришел Худяков. Он подсел к постели, поинтересовался здоровьем, рассказал о делах и наконец спросил о том, что больше всего беспокоило:

— Отстоим Москву?

Глеб Максимилианович не удивился вопросу, слушал внимательно, потом сказал тоном абсолютной и непоколебимой уверенности:

— Не падай духом. Да, положение тяжелое. Враг подошел близко. Начало войны не в нашу пользу. Большие потери. Немцы под Москвой. Но я твердо убежден — я много думал об этом — фашизм не может победить. Чем дальше они проникают в глубь нашей страны, тем скорее выдохнутся и погибнут. Советские люди, что бы ни случилось, никогда не покорятся врагу и разгромят его.

Много было сделано для поднятия местной энергетики и промышленности. Разработали перечень неотложных мероприятий по повышению уровня энергоснабжения и топливоснабжения основных промышленных центров Башкирии. Спроектировали небольшие гидростанции для равнинных рек. Электрики занялись вопросами грозозащиты необычных объектов. Как, например, защитить от удара молнии аэростат воздушного заграждения? Да еще втиснуться в требования военных, в злосчастные 12 килограммов? Да не нарушить устойчивости аппарата, не ухудшить его аэродинамических характеристик? Уложились, сделали. Война. На испытательном полигоне в защищенный эниновцами аэростат ударила сильная, широкая молния — и аэростат выдержал!

Научились защищать от ударов молнии нефтяные озера.

Разработали ускоренный способ сушки порохов, способ необычный: порох сушился при температуре 250–300 градусов. Создали новый тип «зажигалки», или зажигательной авиабомбы, предназначенной для сбрасывания из кассет самолетов на танковые и автомобильные колонны противника. Старший научный сотрудник Г. Н. Худяков трижды выезжал на фронт для опробования нового оружия, для оценки боевых характеристик бомбы. Однажды его самолет подбили, и он пролежал два месяца в госпитале. Потом снова фронт, снова самолет и новая катастрофа: они уже

возвращались на базу, когда отказали моторы. Скоростной бомбардировщик быстро и неудержимо приближался к земле. Шансы на спасение были мизерные. Худяков — выпрыгнул без парашюта в нижний люк передней остекленной кабины. До земли оставалось примерно полкилометра...

Его нашли через шесть часов в снегу, в крови, рядом с обломками бомбардировщика и горелой черной землей. Худякова обнаружил путевой обходчик станции Сырт. Худяков оказался жив, слабо стонал. Но нетранспортабелен — все тело было перебито. Вызвали паровоз с вагоном, с трудом уложили, доставили в Оренбург.

Кржижановский, узнав о случившемся, тут же позвонил в оренбургский госпиталь.

— Нужно спасти героя! — требовал он, не слушая врачебный вердикт: безнадежен (перелом шейных позвонков, частичный паралич, множественные переломы конечностей, внутренние кровоизлияния).

— Безнадежен, — повторяли они Глебу Максимилиановичу, но он верил в выздоровление, не переставал обращаться к друзьям-профессорам:

— Неужели вы допустите, чтобы такой герой умер?

Худякова спасли.

Катастрофа прервала на время работу над бомбой, но специалисты института уже предлагали военным, и те принимали с радостью боевую горючую жидкость, которой можно было поджигать танки; «фотобомбу», сбрасываемую ночью над объектами противника и безжалостно высвечивающую громадные площади, нахватывающую из темноты беготню и беспокойство, секретные объекты, запечатлеваемые тут же аэрофотосъемкой. Разработаны были газогенераторы для автомобилей и тракторов, работающие на странном топливе — соломе.

Лето 1942 года Кржижановские провели в Боровом — поразительно красивом месте Северного Казахстана.

Добираться было сложно — сначала до станции Боровое и затем километров тридцать лесом. Поселили Кржижановских в большом доме, где жили академики, в помещении бывшего санатория. В каждой палате — семья. Глеб Максимилианович с утра был в движении — он весело приветствовал здешнее «правительство» в лице Марии Федоровны Андреевой, галантно ухаживал за всей женской половиной колонии, начиная с Зинаиды Павловны. Глеб Максимилианович лихо надевал наискось берет и увлекал большую компанию в долгие далекие походы за грибами, за ягодами. Он писал здесь много стихов и щедрой рукой раздаривал их. Был по-прежнему энергичен, жизнерадостен, быстр. И все

же возраст — ему было уже семьдесят — брал свое. Он начал жаловаться, что его «голове холодно».

— Голова требует больше тепла, — заявил он. (На самом деле не хотел, чтобы видели его лысину.) Зинаида Павловна достала тогда у супруги академика Зелинского выкройку «академической» шапочки, сшила, и Глеб Максимилианович стал ее постоянно носить, отчего приобрел (с учетом седой бороды и усов) типичный «академический» вид.

...Однажды ночью они с Зинаидой Павловной выскользнули из «пансионата» и углубились в темноту леса. Слетал за ними мягкой тенью большой мохнатый филин, и жутковат был хозяйский мах его шумных крыльев. Они смотрели из уютной темноты леса на тайную жизнь ночной дороги, чувствуя себя участниками захватывающего спектакля. Затихала дорога, затихал филин, только листья шуршали и шевелились нежные перышки на круглой голове птицы. Вдруг возникали где-то чуждые этой размеренной жизни бешеные ритмы. Стрелами проносились куда-то по дороге собаки. Шуршанье быстрых лап, сбитое дыханье, поспешное бегство птицы, шум свалки, деловой лай вдали. Через несколько минут черные тени несутся обратно, и с ними исчезает нервность ночи. Затихает дорога, большим шумным листом падает на нее старый знакомец филин...

Покой Борового навевал мысли об отдыхе, но как только наступало утро и день, требовавшие действия, Глеб Максимилианович уже не мог остановиться — он был деятелем по натуре, так же как иные рождаются созерцателями.

Они покидали Боровое осенью. Скорое и неизбежное расставание окрашивало цветами печали и поросшие мхом древние скалы, и болото, и отражения на воде, и облака (легко воссоздает мечта видения волшебных снов), и блики солнца на еловых стволах, и стадо на закате, и туманную степь с близкой будкой, и подсолнухи с большими ядреными семечками, и стог, и телегу, и волны, и лодку, и быка. До свидания, Тихая бухта, Чебачье озеро, гора Синюха! Встретимся ли? Уж очень мы все стары, хоть и храбримся.

В сорок третьем в Казани в институте появился новый аспирант — Валерий Попков. Глеб Максимилианович, только что вернувшийся из Борового, поймал его в коридоре. Валерий шел из фотокомнаты, неся в руках еще мокрую пленку осциллограммы.

— Я вижу, голубчик, что вы умеете обращаться с фототехникой, — сказал ему Кржижановский, предварительно осведомившись: кто такой и откуда взялся, — нельзя ли вас попросить проявить и мою пленку?

Валерий взялся, но от волнения пленку, нащелканную при помощи

«лейки» в Боровом, засветил. Глеб Максимилианович сначала расстроился, потом стал расспрашивать Валерия о работе, о том, чем увлекался до войны. Попков в то время занимался важными исследованиями в области высоких напряжений, и Глеб Максимилианович, заслушавшись его, забыл об испорченной пленке.

Потом он часто навещал Попкова в комнату, где тот компенсировал недостаток необходимого оборудования лихостью в обращении с очень опасным высоким напряжением. Сначала в дверь просовывалась голова Кржижановского, которая весело спрашивала:

— Ну как, Фарадей, тебя здесь еще не убило?

Расспрашивал с большим интересом, как идут дела, — это было крайне важно для будущих дальних электропередач постоянного тока. Но он глядел и дальше, видя в этой работе возможность расширения самого понятия «энергетика».

— Вы знаете, голубчик, — говорил он Попкову, — возможно, ваша работа имеет более широкое значение: если познать законы движения нэнов и электронов и научиться управлять ими, то, может быть, когда-нибудь эти «субстанции электричества» станут инструментом непосредственного воздействия на обрабатываемые материалы вместо современных механических инструментов. Представляете себе, насколько энергетически выгодным был бы такой процесс с минимумом трансформации энергии?

Он уже предугадывал наступление эры электронноионных технологий.

В Москву вернулись к концу сорок третьего. Жадно слушали фронтовые сводки. Как он и ожидал, предположения о могуществе немецкой авиации оказались несостоятельными. Электростанции, оцетинившиеся зенитками, прикрытые истребителями, оказались лакомым, но твердым орешком. Охота германских летчиков к легким победам была отбита. Теперь они предпочитали ночные воровские рейды. Стала ненужной дорогостоящая система камуфляжа, срезки дымовых труб — все это было рассчитано на дневные налеты. Ночные налеты бомбардировщиков, нацеленные на станции, прерывались плотнейшим заградительным огнем, за ними всегда готовы были поохотиться юркие советские перехватчики. За всю войну ни одна станция не была выведена из строя с воздуха.

Кржижановского радовали эти вести, лишь одно огорчало — сколько можно было сэкономить сил и средств, если бы все это заранее знать! Как недаленовидно поступали те, кто перед войной спешно разукрупнял станции и строил мелкие установки!

Захватывая советские территории, а потом отступая, гитлеровцы,

разрушая, не делали различия между большими и малыми станциями, обходившимися при строительстве дорожке. Всего было разрушено более 600 электростанций общей мощностью около 6 миллионов киловатт. Среди них ДнепрогЭС, Зуевская ГЭС, Дубровская ГРЭС — станции, на которые было положено столько труда и столько энтузиазма: все приходилось начинать чуть ли не с начала. Велики были жертвы войны, велика была цена победы сорок пятого года. У Кржижановских война отняла Антонину Максимилиановну, сестру, многих родственников и друзей.

Еще в Казани почувствовал Глеб Максимилианович, как плохие условия жизни сказываются на слабом здоровье Зинаиды Павловны. Сотрудники замечали его переживания, старались хоть чем-нибудь помочь. Но Зинаида Павловна медленно уходила из жизни. По вечерам, когда он работал в кабинете, она сзади подходила к креслу, обнимала его, ворошила волосы, потом тихо отходила: «Не буду мешать» — и смотрела на него со стороны. Он по-прежнему, если не больше, любил ее. Обеспокоенный, звонил, а то и приезжал с работы: поела ли она?

В 1947 году на семидесятипятилетие Глеба Максимилиановича, собрались гости. Состоялось чествование и в Отделении технических наук. Зинаида Павловна тихо сидела в президиуме, улыбаясь, думала о чем-то своем. Пел Козловский.

Через год она умерла. Это было для Глеба Максимилиановича такое горе, что Мария Васильевна Чашникова и домработница Евдокия Афанасьевна, боясь нехорошего, выкрали из письменного стола его небольшой револьвер.

Осознав происшедшее, он отвернулся к стене, плакал горько и безнадежно. Он пролежал много часов, перестал пить и есть. На похороны его не пустили.

Чашникова попыталась утешить его:

— Глеб Максимилианович, поднимитесь, крепитесь. Ведь фактически она уже несколько лет назад ушла из жизни...

Он вскочил, красноглазый, ужасный в своем гневе. Никогда Мария Васильевна не видела ничего подобного.

— Да знаете ли вы, — закричал он, — да знаете ли вы, сударыня, что я все время жил этой женщиной! И последние годы — да, и они тоже — были для меня радостью, которую никто не может понять, одно ее прикосновение могло вернуть меня к жизни, успокоить, исцелить... Никак не ожидал от вас...

Зинаиду Павловну похоронили на Новодевичьем кладбище, когда-то защищенном им от разрушения. Немного не дожили до золотой свадьбы...

Несколько месяцев Глеб Максимилианович провел в больницах и санаториях. Домашние считали, что именно тогда, в сорок восьмом, перенес он свой первый инфаркт...

Однажды ему приснилось, что он, маленький мальчик, стоит на берегу Большой Реки и задумчиво смотрит в несущиеся под его ногами воды...

ПОСЛЕДНЕЕ

Он старался не поддаваться времени и постоянно внушал себе и другим мысль о том, что здоров и бодр как обычно. Редко жаловался и старался не болеть. Лысину прикрывал камилавком. Оставлял палку в машине, ходил преувеличенно бодро, грудь колесом, легко взбегал по лестнице. Редко носил очки, хотя в них нуждался.

Однажды, когда он шел в институт и заговорил по своему обыкновению с детьми, один симпатичный малыш, осмелев, спросил:

— Дедушка, а у вас брови настоящие?

Глеб Максимилианович засмеялся, с трудом уже наклонился и дал пощупать малышу свои удивительно пышные, кустистые седые брови Деда Мороза. Он все-таки немного расстроился. Дедушка, конечно. Дедушка без внучат.

Сразу после войны в десятой и одиннадцатой книжках «Нового мира» за 1945 года попалась Глебу Максимилиановичу на глаза повесть Татьяны Логуновой «В лесах Смоленщины». Повесть потрясла его. Героиня комсомольского подполья, партизанка, расстрелянная фашистами (пуля прошла через рот, вышла через шею), выжила и написала книгу о пережитом, о том, как рейдом она прошла с отрядом через немецкие тылы, сея панику среди гитлеровцев, творя народный суд. Глеб Максимилианович узнал откуда-то, что Логунова поступила в Московский университет на исторический факультет и живет в общежитии.

Он разыскал ее, послал за ней машину, свой роскошный «ЗИС-110», Логунова пришла в большом овчинном тулупе, явно ей не по размеру, волнистые волосы по плечам, румянец. А уже майор, инвалид войны, тяжелая контузия, многочисленные ранения. Глеб Максимилианович с восхищением смотрел на нее, обрушился с расспросами о ее жизни, об учебе в университете. Логуновска рассказывала долго. Было видно, что ей здесь нравится. Ей нравился восторженный Глеб Максимилианович, окружавшие его люди, ученая атмосфера кабинета. Глеб Максимилианович решил показать ей достопримечательности квартиры:

— На этом кресле не раз сидел Ленин.

— Здесь создавались документы ГОЭЛРО.

Он показывал ей маску Ильича, сделанную Меркуровым, письма вождя, портреты известных людей с автографами, картины знаменитых художников.

— Все, что есть в этой квартире, ваше, — сказал он неожиданно. Он не бросал слов на ветер. Кржижановский решил удочерить отважную партизанку, но этого тогда никто не понял.

Много часов проговорили они в тот день. Когда Таня ушла, Глеб Максимилианович попросил Зинаиду Павловну купить ей одежду, все необходимое. Зинаиде Павловне Таня тоже необычайно понравилась, и вскоре девушка стала частым гостем Кржижановских, близким и любимым. Отца ее повесили фашисты, мать убили, никого не осталось у Логуновой, и Глеб Максимилианович после долгих разговоров с Зинаидой Павловной предложил Татьяне:

— Хотим с Зинаидой Павловной тебя удочерить... Как смотришь?

Таня растерялась, покраснела, ничего не сказала, быстро ушла. Кржижановские были растеряны: неужели обидели? Оказывается, да. Потом Логунова постаралась сказать Кржижановским это таким образом, чтобы, в свою очередь, не обидеть их. Они, конечно, расстроились. Глебу Максимилиановичу приходилось теперь «ловчить»: как уговорить Таню переехать в комнату, которую удалось ему для нее выхлопотать как для инвалида, героя войны? Как заставить принять в подарок нехитрую мебель, все необходимое для самостоятельной жизни? Таня по-прежнему почти все время проводила у Кржижановских.

После смерти Зинаиды Павловны дом опустел. Глеб Максимилианович занялся непривычными заботами — надо заказать памятник, надгробие для Зинаиды Павловны. Кому? Как это делается? Он ничего не знал.

В это время в академический санаторий «Узкое», где он лечился, шофер доставил новое действующее лицо последних лет жизни Кржижановского — скульптора Кенига. Кениг лепил Плеханова, и художественный совет потребовал, чтобы кто-нибудь из лично знавших Плеханова людей подтвердил портретное сходство. Таких людей оставалось уже очень немного. Павел Кениг, сорокалетний скульптор, имел для академического санатория весьма вольный вид, не говоря уже о том, что голову Плеханова он нес в перекинутом за спину мешке. Анатолий, шофер, боялся, что Кржижановский его выставит. Глеб Максимилианович, напротив, принял Кенига очень любезно, долго рассматривал его работу.

— Как вы угадали, что у него была такая печаль в глазах? — Присмотревшись, добавил: — У Плеханова глаза сидели глубже. Кроме того, какая-то неустойчивость в нем была... Галантен до чрезвычайности... Зинуше ручку целовал...

Тут Глеб Максимилианович прослезился, а Кениг почувствовал непреодолимое желание лепить Кржижановского, дать его образ таким, каким он сейчас увидел его: и залегшие сразу от носа глубокие борозды, и рельефные, пергаментного цвета круговые мышцы рта, и мудрые печальные глаза, и резкие носогубные складки, и густые пряди седых бровей, перечеркивающие глаза.

Глеб Максимилианович перехватил его взгляд, подтянулся и сказал:

— А не можете ли вы сделать надгробие моей жене?

Кениг надгробиями не занимался, но подумал: сделаю! Решили так: пусть будет скромная плита из красного гранита с портретом, а рядом с ней — каменный свиток со стихами, которые напишет Глеб Максимилианович.

Когда работа была закончена и Глеб Максимилианович хотел, как полагается, заплатить Павлу, тот категорически отказался. Тогда Глеб Максимилианович преподнес ему «министриабельный» портфель свой (вручен ему при назначении в Энергоцентр) с полным собранием сочинений Пушкина. Кениг был очень тронут. Больше всего он, конечно, хотел бы сделать бюст Глеба Максимилиановича, но тот по-прежнему категорически возражал.

— После шестидесяти лет нельзя на порог пускать художников и скульпторов, — говорил он, — лепить надо молодых академиков. Недавно на академической сессии совсем молодой парень доложил такое! Переворот в строительном деле! Вот его и нужно лепить. Или знаешь еще кого — Таню Логунову! Героиня, красавица! А меня не нужно. Только когда умру, сделай мне тоже надгробие, рядом с Зинушей.

Павел Кениг сделал бюст Логуновой, с орденами, в гимнастерке. Она, позируя, стеснялась и получилась мрачной.

Кржижановский по-прежнему был директором Энергетического института. Президент Несмеянов и главный ученый секретарь Топчиев переслали ему в феврале 1956 года копию решения общего собрания Академии наук СССР об утверждении его директором на новый срок.

Он не давал сотрудникам передышки, стремясь постоянно держать их в ритме жизни страны.

— Читали сегодня «Правду»?

— Знаете, что сейчас нужно для Госплана?

— Идет хребтовый год, а вы и дальше намерены сидеть в болоте? — спрашивал он сотрудников, нацеливая их на самые жгучие энергетические проблемы.

Всегда обращенный к будущему, он терпеть не мог, когда кто-то пытался почитать на лаврах. Как-то принесли ему на утверждение отчет, в

котором в числе прочих достижений значился разработанный в годы войны газогенератор для автомашин и тракторов, работавший на соломе. Он возмутился и начертал поперек листа: *пора уняться с этим «соломотрясом», есть дела поважнее.*

Строительство мощных электростанций на Волге вызывает необходимость разработки высоковольтных линий электропередачи постоянного и переменного тока — этим занимаются и московская и ленинградская группы отдела общей энергетики. Нужно экономить топливо на тепловых электростанциях — в институте работает целая лаборатория по пару высоких параметров. Есть лаборатории, где изучаются комплексное энергетическое использование топлива, газификация, энергетический баланс, теоретические основы энергетики.

Когда он узнал о работах по атомной энергии, проводящихся в Советском Союзе, он почувствовал гордость за страну, за ее науку. И немного возгордился сам — он это предвидел! Многие большие ученые, в их числе Резерфорд, Эйнштейн, Бор, Иоффе — не верили в энергетическую ценность внутриатомных связей, а Кржижановский, еще в 1920 году в холодной Москве написал:

«Мы подходим к последней грани. За химической молекулой и атомом — первоосновами старой химии — все яснее обрисовывается но и электрон — основные субстанции электричества; открываются ослепительные перспективы в сторону радиоактивных веществ. Химия становится отделом общего учения об электричестве. Электротехника подводит нас к внутреннему запасу энергии в атомах. Занимается заря совершенно новой цивилизации».

Он с удовольствием перечитал эти фразы в сборнике своих избранных произведений, изданных в 1957 году. Мечта привела его туда, где разум еще чувствовал свое бессилие. Едва узнав о работах Курчатова, создающего реактор, Глеб Максимилианович зажегся идеей создать атомную электростанцию. Он понимал, конечно, что исследование реакторов будет проходить в специальных центрах, но знал и то, что атомная энергетика есть лишь частный случай энергетики общей, ее часть и ее порождение.

Он организовал в институте исследование элементов атомных электростанций. Первая в мире атомная электростанция, пущенная в 1954 году, была плодом и его мысли.

Наступала очередь развернутого использования атомной энергии, которое, по мнению Кржижановского, должно было знаменовать наступление века коммунизма.

Он не переставал мечтать и о том, о чем когда-то мечтал с Ильичем,

добиваясь пересечения кругов вокруг районных станций — о максимальном их объединении.

Может быть, в шестой пятилетке окажется наконец возможным осуществить давнюю мечту энергетиков — создать Единую энергетическую систему европейской части СССР? Может быть, новыми линиями, еще более высокого напряжения — 400, 500, а может быть, и 750 тысяч вольт — удастся связать Куйбышевскую и Сталинградскую ГЭС с Центральной, Южной, Уральской энергосистемами? Одновременно можно приступить к созданию Единой энергетической системы Центральной Сибири, простирающейся от Иркутска до Новосибирска. Эта система будет питаться энергетическими гигантами на Ангаре, Енисее, Оби, Иртыше, на мощных тепловых станциях, построенных вблизи углей Кузнецка и Черемхова.

А потом — от таких дерзких проектов захватывало дух — можно было бы объединить энергетические системы европейской части СССР и Центральной Сибири линиями сверхвысоких напряжений в единую высоковольтную сеть, Единую энергосистему страны!

Много тревог и волнений доставлял директору его институт; но разве не стоили они той радости, которую он получал, видя, как сбываются его мечты?

Развертывались большие работы по покорению Ангары. Вступила в строй действующих Иркутская ГЭС — сибирский ДнепрогЭС. Ниже, по течению своенравной Ангары, недалеко от Падунских порогов, начато строительство крупнейшей в мире Братской ГЭС. Ее мощность должна была составить 3 миллиона 200 тысяч киловатт — вдвое больше, чем весь план ГОЭЛРО. На Енисее началось строительство Красноярской ГЭС, которая по мощности превзойдет даже Братскую. А еще есть Обь, Тунгуски.

Особое счастье он испытывал оттого, что завершается покорение Волги, осуществляется мечта, манившая его чуть не полвека. (Мечты энергетиков исполняются медленно.)

К восьмидесятипятилетию ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. Вручал звезду Климент Ефремович Ворошилов, приехал для этого домой.

Однажды Стеклов привел к нему начальника строительства Куйбышевской ГЭС Комзина. Комзин рассказал о перекрытии Волги, о мировых рекордах укладки бетона, о работе в тридцатиградусный мороз, о том, как обмороженные не уходили, лезли в пургу на обледенелые мачты, о том, как машинист паровоза, чтобы остановить сорвавшийся поезд с

бетоном, ложился со шпалой на рельсы. Через пять лет после начала строительства первый агрегат дал ток...

Они ушли, он остался, одинокий старик. Он ходил по кабинету. Как хотел бы он сейчас побродить по машинному залу станции, о которой так давно мечтал, подойти к каждому из двадцати агрегатов, побродить по вечерней плотине, где, наверное, так свеж ветер с Волги.

Мечты сбываются — у селения Братское строится гигантская станция. Работают над проектом Саяно-Шушенской ГЭС.

Мечты сбываются, и энергосистемы районов соединяются мощными линиями электропередачи — рождается энергетическая система Советского Союза, а может быть, всех стран социализма?

Мечты сбываются: строятся атомные электростанции, которые он когда-то предвидел.

На путь строительства социализма вступили страны Европы и Азии. Огни социализма манят мир. Мечты сбываются...

Сбывались его мечты. Но все меньше оставалось тех, кто был свидетелем их дерзкого появления... Бесконечно грустно было ему от сознания этого.

Близкие, преданные люди старались предупреждать малейшее его желание. Не было ничьей вины, что этих желаний было так мало.

Когда ему выделили академическую дачу, он сказал: жаль, что нет фруктовых деревьев. Через неделю шофер Анатолий Петрович Сливенко где-то закупил и с помощью институтских посадил на участке большие — пятнадцатилетние — яблони, груши, вишни. Глеб Максимилианович поразился взявшемуся откуда ни возьмись саду, был доволен, но, казалось, не получил от этого той большой радости, которую ожидали.

Другой раз у него возникла идея построить на участке «наблюдательную башню». Анатолий Петрович смог сделать и это: выписал металлические конструкции, рассчитал, соорудил башню. Наверху ее была сделана беседка, продуваемая ветрами, в которой стояли кресло и плетеный столик. Глеб Максимилианович сидел там часами. Читал. Смотрел на новое здание университета, которое было оттуда видно. Спускался, задумчив.

К нему были внимательны: Моссовет предлагал перенести трамвайную остановку подальше от дома, где он жил в Москве, чтобы не было так шумно — на остановку выходили окна кабинета; Глеб Максимилианович отказывался: как можно делать это из-за одного человека?

Несмотря на глубокую старость, он жил полной жизнью. В

институтском шкафу, в аккуратных папках хранились не только технические бумаги. О чем только не переписывался он со своими избирателями с тех пор, как они в Кинельском сельскохозяйственном округе в 1937 году впервые выдвинули его кандидатуру в Верховный Совет!

Вот они, эти папки, шершавые корешки, а в них мозаика самой жизни. Он писал об орошении Заволжья, о приусадебном землепользовании, о выделении земель под выпас скота, о неправильном обложении налогом, о преобразовании начальной школы в неполную среднюю, об улучшении оборудования школы в селе Царевщина, о стипендии студентам, о помощи ставропольскому детдому, советовал школьнику, как выбрать профессию и институт. Он писал о пересмотре судебных дел, о помилованиях, о розысках, об устройстве на работу, хлопотал о дополнительных отпусках для горняков, о выплате квартирных расходов для командированных, об оказании медицинского обслуживания, о выпуске газет. Советовал, где лучше искать ящик с письмами В. И. Ленина, зарытый на острове против города Куйбышева, уточнял факты из истории партии, помогал разыскивать пропавших без вести, восстанавливать в партии несправедливо исключенных, получать жилье, публиковать статьи и книги.

Он получал много писем, чаще от совершенно незнакомых людей. Однажды почта принесла солдатское письмо без марки. Писал военнослужащий П. И. Сериков: «Убедительно прошу Вас, если будет время, напишите мне в виде воспоминаний о Владимире Ильиче (если можно, желательно подробнее)».

Мельчайшие подробности жизни Ильича, их знакомства и дружбы интересовали множество людей, более того, были необходимы им.

(...Густеет сумрак... Бег неумолимый свершает время. Какими бурями гонимый я рвусь по-прежнему вперед?.. Редет круг родных, любимых. Тех, кто живут неистребимо в заветных мыслей глубине... Я многих вижу лишь во сне...)

Написать автобиографию. Да, нужно, пока не поздно. Пока не поздно! Рассказать о Старике. О партии. О революции. О социализме — как нелегко было его строить. О друзьях. О жене — соратнице по борьбе. (Листьями осени золотой прикрыта могила, потускневшая надпись в стихах видна, часть автобиографии, не собрать воедино всех слов, не изменить ничего в каменных строках.) О первом пятилетием плане — он составлял его, первый план в мире, лицо социализма. Об электрификации России. Рассказать о жизни своей — событий хватило бы на десятки жизней — и тайн, и выстрелов, и славы, и опалы...

Его революция — в кропотливой пропаганде, в арестах, в негромкой потасовке слов, в тонкостях определений и формулировок, в вязи формул, в белокожем свечении ватмана. Его письменный стол — в баррикаде революции, а в толстых томах составленных им документов не меньше фантазии, чем в самых пылких его же революционных стихах.

(...Как мчится жизнь! Уходят год за годом. Слабеют силы. Старость — мой удел. Таков закон: и счастью, и невзгодам — всему, всему положен свой предел. А мысли вдаль по-прежнему несутся, загадку жизни сиясь разгадать... По силам ли? Пусть по углам смеются над нами те, кто не умел мечтать. Пора, пора мне подвести итоги... На свиток дней былых взглянуть...)

Он начал писать новые воспоминания В. И. Ленине. Писал легко, вдохновенно. За несколько недель написал статью «Ленин юных лет». Всего за год-полтора закончил воспоминания «Ильич», «Ленин и наука», «85-летию со дня рождения В. И. Ленина», «Ленин и ГОЭЛРО», «О Ленине», «Ленин — вождь трудящихся всего мира», «Прост, как правда», «Ленин и электрификация», «Эскизы к портрету В. И. Ленина».

Как-то Глеб Максимилианович получил письмо от Глафиры Окуловой. С того времени, когда она была Зайчиком и провалилась в Москве, она прожила сложную и интересную жизнь. Член революционного правительства Сибири, участник подавления левоэсеровского — мятежа, комиссар на фронте, затем партийная и преподавательская работа. Годы пощадили ее, она в числе теперь уже очень немногих прошла все испытания. Окулова работала в Музее Революции старшим научным сотрудником и собирала материалы о нем, Глебе Максимилиановиче Кржижановском, создавала там его личный фонд.

Ее заветным желанием было восстановить карту ГОЭЛРО. Сможет ли он вспомнить эту карту, столь существенную веху в жизни страны и в его собственной жизни. Оказалось, нет, не может.

«Вряд ли можно было бы сейчас воспроизвести карту точно в том виде, как она была, — ответил он. — Да и вообще делать это вряд ли следует — будет подделка... А память моя не такова, чтобы спустя 32 года воспроизвести тогдашние краски. Могу сообщить товарищам, желающим воспроизвести «карту ГОЭЛРО» лишь «взгляд и нечто», а это не то, что требуется...»

А однажды он получил письмо от Сильвина! Это была необычайная радость:

«Дорогой Глеб Максимилианович! Вы, вероятно, помните, что в нашем молодом кружке 90-х гг. Вас и меня считали самыми слабыми,

тщедушными людьми с коротким веком, и вот поди ж ты! Живу я уныло, в сентябре умерла моя Оля, и я до сих пор не могу привыкнуть к полному одиночеству. Жму крепко руку, желаю всякого счастья, какое только возможно в нашем возрасте. С дружеским приветом.

М. Сильвин».

Думал ли он о смерти? Наверное, думал, как и все старики. Но не боялся ее. Один раз, когда был в институте, вдруг подумал: с его смертью дом займут новые жильцы, которые могут не сохранить все как было, а это нужно было сохранить обязательно. Он взял из пачки свой директорский бланк и крупно написал на нем: «Духовное завещание». Он ни о чем не просил после смерти. Часть денег оставлял родным, остальное — квартиру, обстановку, дачу, оставшуюся часть денег — завещал Академии наук.

«...Позволю себе лишь пожелать, — в заключение писал он, — чтобы была взвешена возможность сохранения этой кв. № 4 в виде некоторой исторической ценности; здесь бывал Вл. Ильич Ленин, здесь был написан и обсужден весь план ГОЭЛРО...»

Лето 1958 года, предпоследнего года своей жизни, он провел на даче — настояли врачи. Он часто ощущал недомогание. Стал бояться сквозняков. Спал мало, как и все старики, — жизнь проходила, и нельзя было тратить ее на сон. Нельзя поддаваться старости.

Решительно вставал, делал гимнастические упражнения, быстро завтракал — жареная картошка, немного рыбы, стакан апельсинового сока, — обходил свой двор, гулял, раздумывая. Старался много читать, чтобы не упустить что-нибудь важное.

Из научных журналов последнее время он выписывал «Вестник Академии наук» и «Атомную энергию». Но не только здесь искал он задачи, которые требовали решений. Внимательнейшим образом он прочитывал «Правду», «Известия», «Литературную газету», «Вечернюю Москву», журналы «Коммунист», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Огонек». Он выписывал и другие издания, пытаясь выловить в прессе важнейшие проблемы страны, Москвы, Земли.

Он часто бил тревогу, когда обнаруживал, что намечается или уже имеется где-нибудь отставание от уровня мировой науки, что выявляются новые пути, пока еще недостаточно продуманные в институте. Ничего не упускал он, экономно освободив ум от частностей жизни. Он думал о главном — о великих проблемах Земли и человечества. К нему часто приезжали из института его друзья и коллеги.

— Каждый день как свадьба, — ворчала домработница Евдокия Афанасьевна.

В сентябре он почувствовал себя особенно плохо. Звенигородский врач не смог существенно облегчить его страданий, и Анатолий Петрович отвез его в московскую больницу. Предоставили там большую палату с приемной. Евдокии Афанасьевне и Чашниковой были выписаны согласно его желанию постоянные пропуска, Его навещали Попков, Стеклов, сотрудники института. Приходили проведать старинные друзья Буденный и Ворошилов.

Он засыпал теперь часто, надолго, и ему снилась Волга. Он чувствовал реальность смерти, и это почти не страшило его — он был готов войти в воды Большой Реки, поглотившей всех его друзей и родных — отца, мать, жену, Старика, сестру, Базиля, Надежду Константиновну...

Однажды, когда рядом были Чашникова, Попков и Стеклов, он странно затих: им показалось, что все кончено. Сбежались врачи. Но тут Глеб Максимилианович пошевелился, открыл глаза, слабо улыбнулся им. Он забылся опять и, слабея все больше, погружался в странный мир воспоминаний и предчувствий. Может быть, в эти последние три дня он представлял себе Волгу, вспоминал, как когда-то вышел из нее в этот мир борьбы и вдохновения. Теперь она куда-то уносила его в своих теплых струях, навсегда соединяя с теми, кто уже сошел с ее берегов. Он вздохнул в последний раз.

— Не забывайте меня, — можно было прочесть в полудвижениях губ.
Было 31 марта 1959 года.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО

1872, 24 (12) января — Родился в Самаре.

1889 — Окончил Самарское реальное училище и поступил в С.-Петербургский технологический институт.

1891 — Член марксистского кружка студентов-технологов.

1893 — Первая встреча с В. И. Лениным, участие в создании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С этого года исчисляется партийный стаж Г. М. Кржижановского.

1894 — Окончание С.-Петербургского технологического института, работа в Нижнем Новгороде.

1895, январь — Возвращение в Петербург, работа в лаборатории Александровского завода. Активное участие в революционной деятельности.

В ночь с 8 на 9 декабря — арест.

1895–1897 — Предварительное заключение в Петербурге.

1897–1899 — Пересыльные тюрьмы Москвы, Красноярска, ссылка в село Тесь Минусинского уезда Красноярской губернии. Встречи и переписка с В. И. Лениным, находившимся в ссылке в селе Шушенском.

1899 — Участие в совещании 17 ссыльных социал-демократов в селе Ермаковском. Женитьба на З. П. Невзоровой.

1900 — Начальник железнодорожного депо станции Тайга.

1901 — Встреча с В. И. Лениным в Мюнхене по вопросу создания групп «Искры» в России.

1902 — Организация центра «Искры» в Самаре. Избирается членом Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП.

1903 — Заочно избран членом ЦК РСДРП на II съезде партии. Переезд в Киев. Поездка к В. И. Ленину в Женеву.

1904–1905 — Подготовка III съезда РСДРП.

1905 — Руководитель забастовочного комитета Юго-Западных железных дорог.

1905–1906 — Работа в печатных большевистских изданиях.

1907–1909 — Монтер, инженер, заведующий кабельной сетью «Общества электрического освещения 1886 г.», Петербург.

1909 — Пишет первую научно-техническую работу «О природе электрического тока».

1910 — Заведующий кабельной сетью Москвы.

1912–1922 — Руководитель первой в России районной электроцентрали на торфе («Электропередача»).

1913 — Проект постройки электростанции на Волге.

1915 — Доклад об использовании местных видов топлива. Первая печатная работа.

1917 — Заведующий отделом Моссовета. Участие в предоктябрьском совещании московских большевиков.

1918 — Председатель Комитета государственных сооружений ВСНХ.

1919 — Председатель Главэлектро ВСНХ.

Осень — поездка по поручению В. И. Ленина на Волгу для изучения вопроса о возможности постройки Волжской ГЭС.

26 декабря — историческая беседа с В. И. Лениным об электрификации страны.

1920, февраль — председатель Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО).

23 декабря — доклад о ленинском плане электрификации России VIII Всероссийскому съезду Советов.

1921–1931 — Председатель Госплана.

1922 — Делегат Гаагской конференции.

1923–1926 — Ректор Московского механического института имени М. В. Ломоносова.

1924–1939 — Член ЦК ВКП(б).

1925–1931 — Член Редакционного совета Большой Советской Энциклопедии.

1927–1930 — Председатель Комитета по сооружению водной магистрали Волга — Дон.

1927–1930 — Председатель Комитета по стандартизации при Совете Труда и Обороне.

1927–1937 — Член ВЦИКа и ЦИК СССР.

1927–1931 — Член Технического совета Днепростроя.

1929 — Избирается действительным членом АН СССР и АН УССР.
Май — делает доклад о первом пятилетнем плане на V Всесоюзном съезде Советов.

1929–1939 — Вице-президент АН СССР.

1930, декабрь — Награжден орденом Ленина за исключительные заслуги в области электрификации СССР.

- 1931–1932 — Председатель правления Энергоцентра СССР.
- 1931–1959 — Директор Энергетического института АН СССР.
- 1932–1936 — Председатель Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР.
- 1933–1936 — Выход в свет сочинений Г. М. Кржижановского в 3-х томах.
- 1933–1937 — Председатель Всесоюзного совета научно-инженерных и технических обществ (ВСНИТО).
- 1937–1945 — Депутат Верховного Совета СССР.
- 1945, июнь — Награжден орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».
- 1953, сентябрь — Награжден орденом Ленина.
- Октябрь — Награжден орденом Ленина за выдающиеся заслуги в деле электрификации народного хозяйства СССР.
- 1955 — Делает доклад «Ленин и электрификация» на сессии Академии наук, посвященной 85-летию со дня рождения В. И. Ленина. Пишет воспоминания о В. И. Ленине.
- 1956, март — Награжден орденом Ленина за участие в революции 1905 года.
- 1957, январь — Присвоено звание Героя Социалистического Труда. Выход книги Г. М. Кржижановского «Избранное».
- 1959, 31 марта — Смерть Г. М. Кржижановского.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Эльвира Эрнестовна Розенберг, мать Г. М. Кржижановского.

Самара. Фото конца XIX в.

Глеб Кржижановский в детстве.

Глеб Кржижановский с сестрой Антониной, 1882 г.

Здание Самарского реального училища.

Глеб Кржижановский — реалист.

Дарю тебе мое - отъ родима мати:
 Дари мене, речеши, ево адити,
 Тебе въ сердце моею милою
 А нощю бъше мило ^{свѣтъ} паря и мило

Чтѣи аще, нечаеши, етрадомъ твою
 Милотини мило въ мое сердце,
 Чтѣи сердце милоу оми попраши
 А вранѣ поразиши сердце!

Чтѣи радости вѣсели оми днѣ
 Правди, аще, мило ^{дойу оми} посещени
 А на вранѣ фити даи оми
 Чтѣи е. милоу ^{тепнѣи} и милоу ^{вранѣ} аще.

Мелодично
 Въ
 Мелодично

Юношеское стихотворение Кржижановского. Автограф.

Село Большая Царевщина. На первом плане — дом Солдатовых.

Петербург, 90-е гг. XIX в.

Глеб Кржижановский — студент Петербургского технологического института.

Г. М. Кржижановский, 1893 г.

М. И. Бруснев.

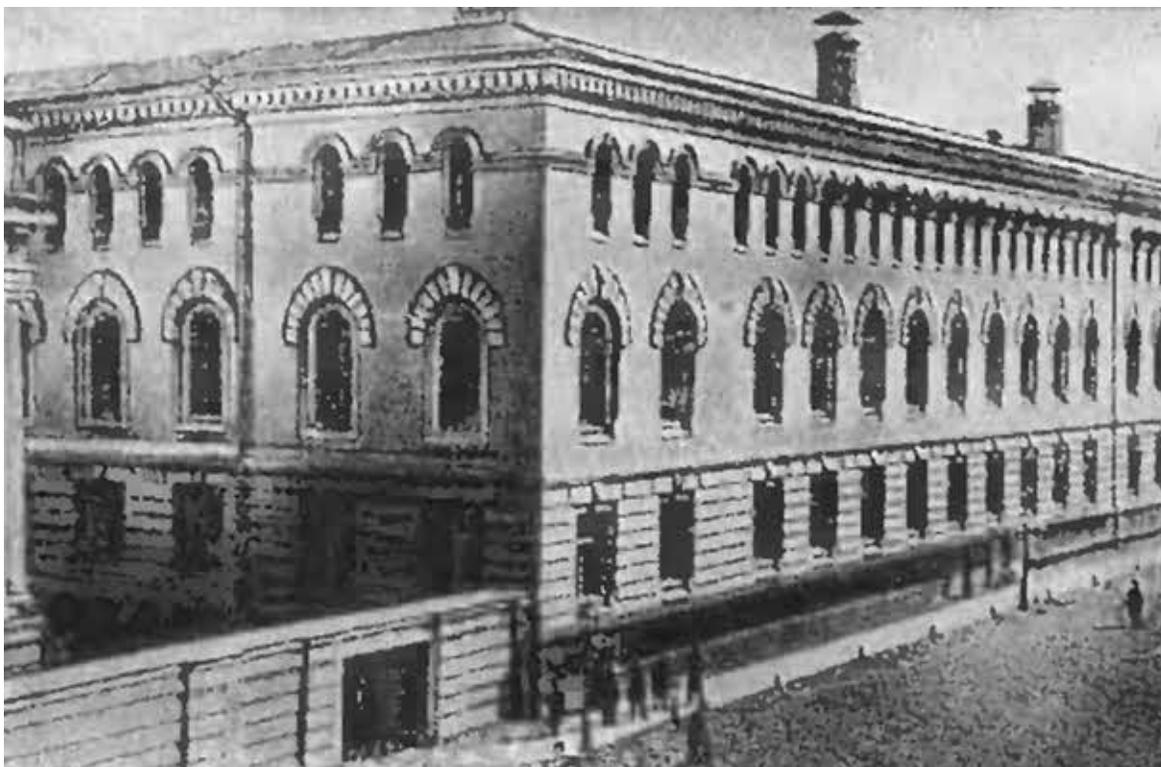
С. И. Радченко.

М. А. Сильвин.

Г. Б. Красин.

Дом предварительного заключения в Петербурге.

Кржижановскій Глебъ Максимиліковъ, инженеръ-технологъ, привлеченъ къ дознанію при С.Петербургскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи по дѣлу о преступномъ кружкѣ "соціалъ-демократовъ", содержится подъ стражей съ 9 Декабря 1895 г.

Дознаніемъ установлено, что Кржижановскій принималъ участіе въ распространеніи среди рабочихъ революціонныхъ изданій и въ организованіи рабочихъ кружковъ. Онъ платилъ за квартиру рабочихъ Порфирія Михайлова, Волюкина и Царькова и руководилъ такимъ же кружкомъ Меркулова, куда вводилъ для пропаганды по соціалъ-демократической программѣ новыхъ руководителей, а именно Ульянова и Лиховскаго; склонялъ рабочаго Царькова устроить тайный рабочій кружокъ на Бибирской сторонѣ, устроилъ конспиративную квартиру на Васильевскомъ островѣ у рабочаго Ивана Сехорова, гдѣ происходили его свиданія съ различными рабочими и сходки, и посѣщалъ тайныя собранія рабочихъ, происходившія въ Сентябрѣ 1895 г. въ Огородномъ переулкѣ, въ квартирѣ рабочихъ Зинovieва и Карамышева.

Дознаніе производствомъ окончено и съ 23 Сентября 1896 года находится на разсмотрѣніи въ Департаментѣ Полиціи.

Министръ Юстиціи, согласно съ заключеніемъ Прокурора Судебной Палаты, предлагаетъ выслать Кржижановскаго

подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на три года.

Октябръ 1896 г.

Жандармская справка о Г. М. Кржижановскомъ.

Члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Слева направо: стоят — А. Л. Манченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев; сидят — В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов-Цедербаум.

В. И. Ленин в 1895–1896 гг.

Г. М. Кржижановский. Снимок Московского жандармского управления.

З. П. Невзорова — слушательница Высших женских курсов.

Пароход «Святой Николай».

Мише
Отвечая на твои записки.
Ма с Зинай вернулись
в церковь села Тресинского
С нами "в паре" никого
не было.
В.И. венчал, венчался,
в церкви села Шумяковского
Родки и где окруженный
Схаркова не помню.
Во всяком случае твои
предположения о
траве не соответствуют
действительности.

Факсимиле письма Г. М. Кржижановского М. А. Подвойской.

Варшавянка

Визри враждебныя висты
над нами,
Плешчю ешчэ мае зноўка
жыць,
Из бай ракавой мы вернем
е вразили
Наше еще судьбы бохвалее
йдут.

Но мы надришем
Гардо и силе
Знамя борьбы
За радочее дело,

Слова «Варшавянки». Автограф Г. М. Кржижановского.

Дом на Сафьяновской заимке.

М. И. Ульянова и Д. И. Ульянов.

В. П. Арцыбушев.

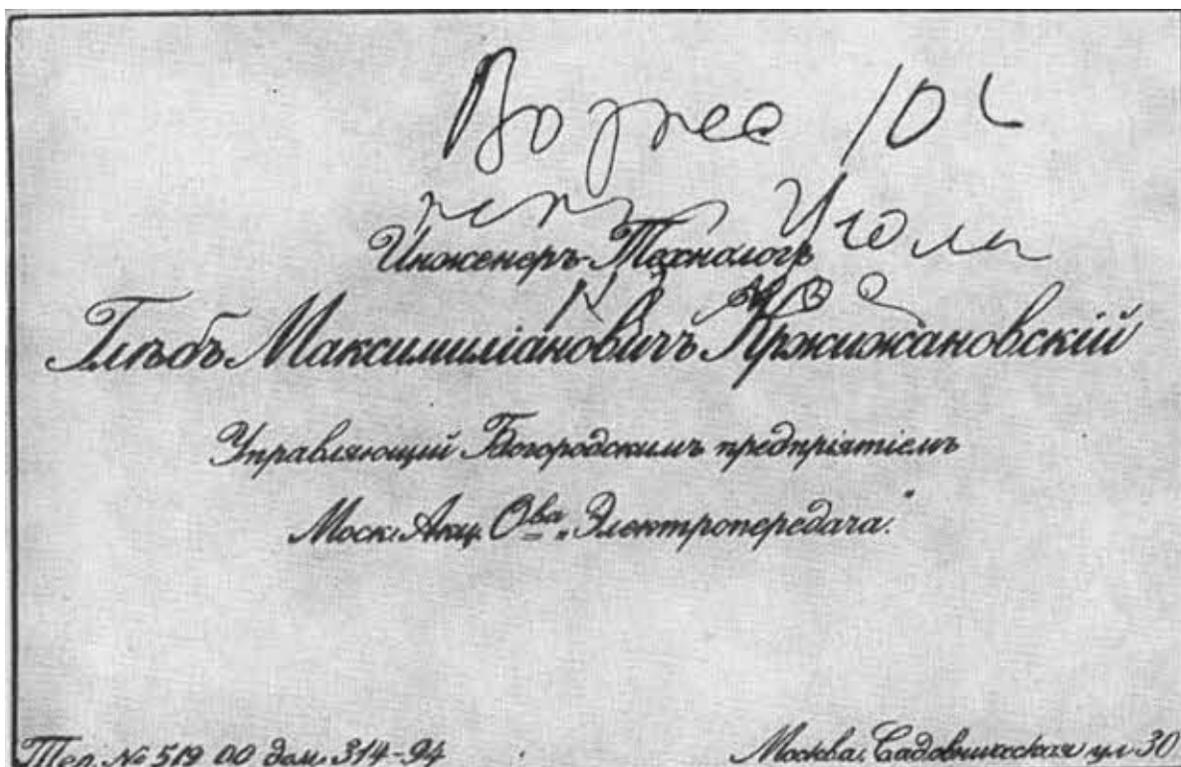
Г. М. Кржижановский среди работников службы тяги Юго-Западных железных дорог.

Фотография Г. М. Кржижановского, переданная им жене в тюрьму.

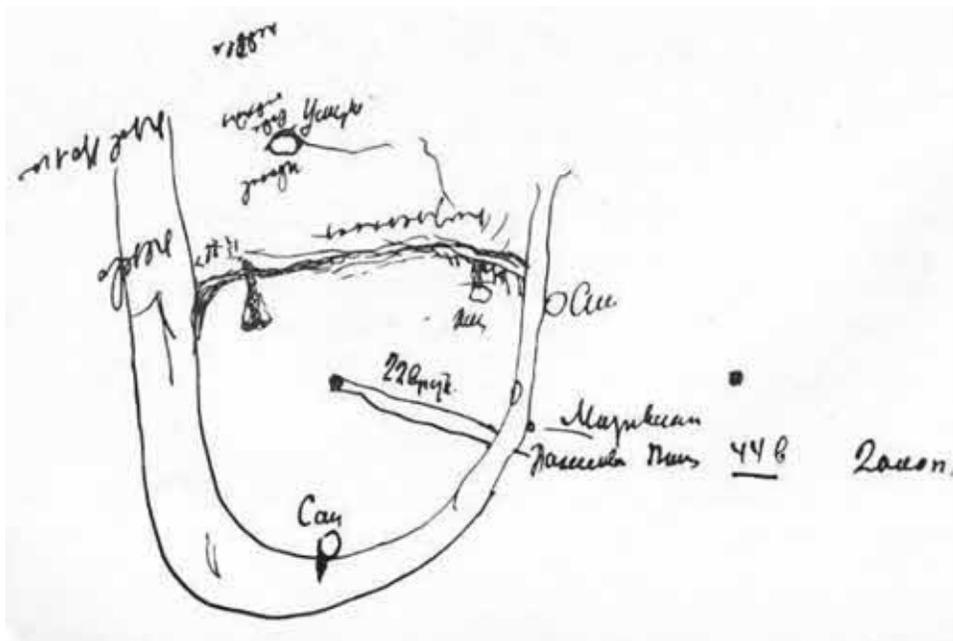
Инженер Г. М. Кржижановский.

Визитная карточка инженера Г. М. Кржижановского.

Строители «Электрпередачи».

В. И. Ленин, июль 1920 г. Москва.

Увед Максимовича!
Меня отпустили в Царское со-
общение о Гурье.
Не кажется ли тебе, что он
зрит в "ЖК Штурм" (и журнал
революционный или в журнал)?
Необходимо обсудить вопрос
в печати.
Что же такое Гурья - штурм?
Его Гурья - чужие.
Его международные - над Моск.
Вот; Моск. вестник
Мат. Нидерланд - пожарное
Его Гурья - добывание (судно
Гурья с ульем, свинцом и ирон).
Примечание Гурья незрелых

Автограф письма В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому.

Г. М. Кржижановский среди старейших членов партии.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Г. Кржижановский.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИИ.

*„Век пара — век буржуазии,
Век электричества — век социализм“*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва — 1920 г.

Титульный лист брошюры «Основные задачи электрификации России».

Обложка книги «План электрификации СССР».

Дом отдыха «Архангельское».

Р. С. Ф. С. Р.

„Пролетарии всех стран, соединитесь!“

Г. М. Кржижановский.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ Р. С. Ф. С. Р.
И РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ОБЩЕПЛАНОВОЙ КОМИССИИ (ГОСПЛАНА).

ВЫПУСК I.

Вступление. Работы секций: учета и распределения, топливной, транспортной, промышленной, сельскохозяйственной и секции по районированию.

МОСКВА

Декабрь—1921 г.

Обложка брошюры «Хозяйственные проблемы РСФСР и работа государственной общеплановой комиссии».

Г. М. Кржижановский. Москва, 1928 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 24

Президент сего, тов.

*Кржижановский
Максимович*

избран членом Центрального Комитета Российской
Коммунистической Партии (большевиков), избранным
на *девятнадцатом* съезде партии.

Секретарь ЦК

[Handwritten signature]

Членский билет члена ЦК РКП(б) Г. М. Кржижановского.

З. П. Невзорова-Кржижановская, 1928 г.

ПОСТОЯННЫЙ ПРОПУСК

г. *Кржижановский*

на право беспрепятственного

прохода в мавзолей В. И. ЛЕНИНА

во всякое время.

*Председатель Комиссии ЦИК СССР
по увековечению памяти В. И. Ленина*

В. В. Луначарский

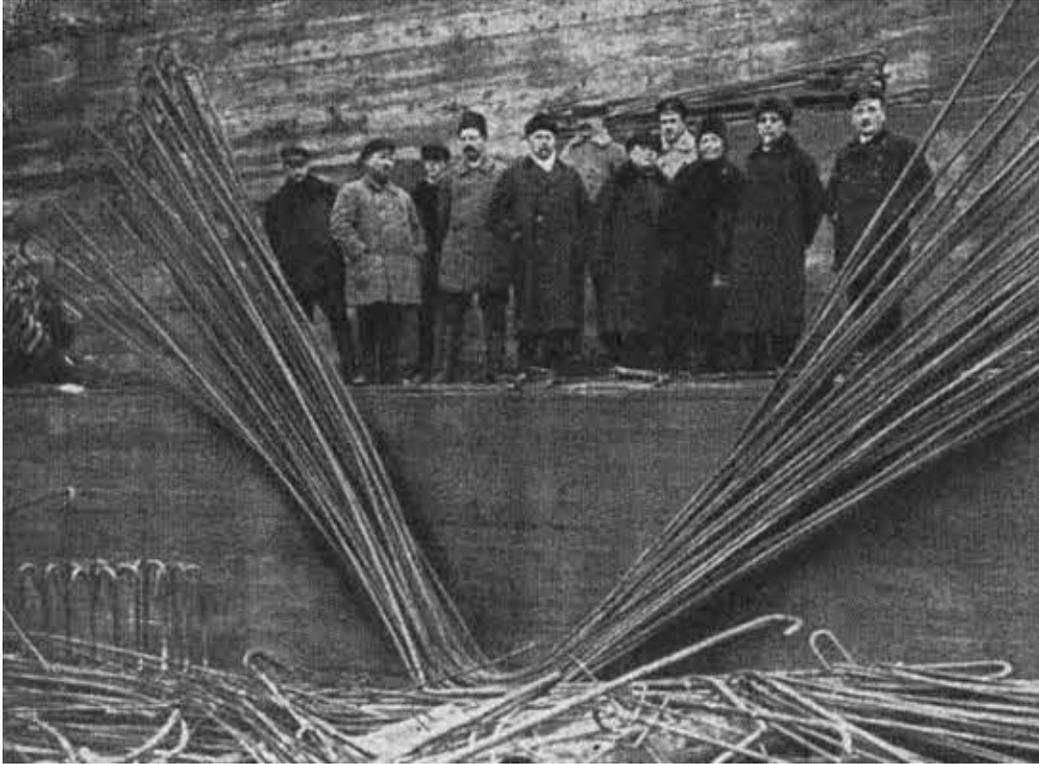
Пропуск Г. М. Кржижановского.

Г. М. Кржижановский, 1931 г.

Г. М. Кржижановский.

Г. М. Кржижановский на строительстве Свирской ГЭС.

Г. М. Кржижановский после доклада о первом пятилетнем плане на V Всесоюзном съезде Советов, май 1929 г.

*Участники совещания в Народном комиссариате тяжелой промышленности по вопросу использования научных открытий в народном хозяйстве. Слева направо: сидят — Г. К. Орджоникидзе, А. П. Карпинский, А. Д. Архангельский, А. В. Винтер; стоят — Э. В. Брицке, Н. П. Горбунов, Г. М. Кржижановский, И. М. Губкин, Б. Е. Веденеев.
Москва, 1930 г.*

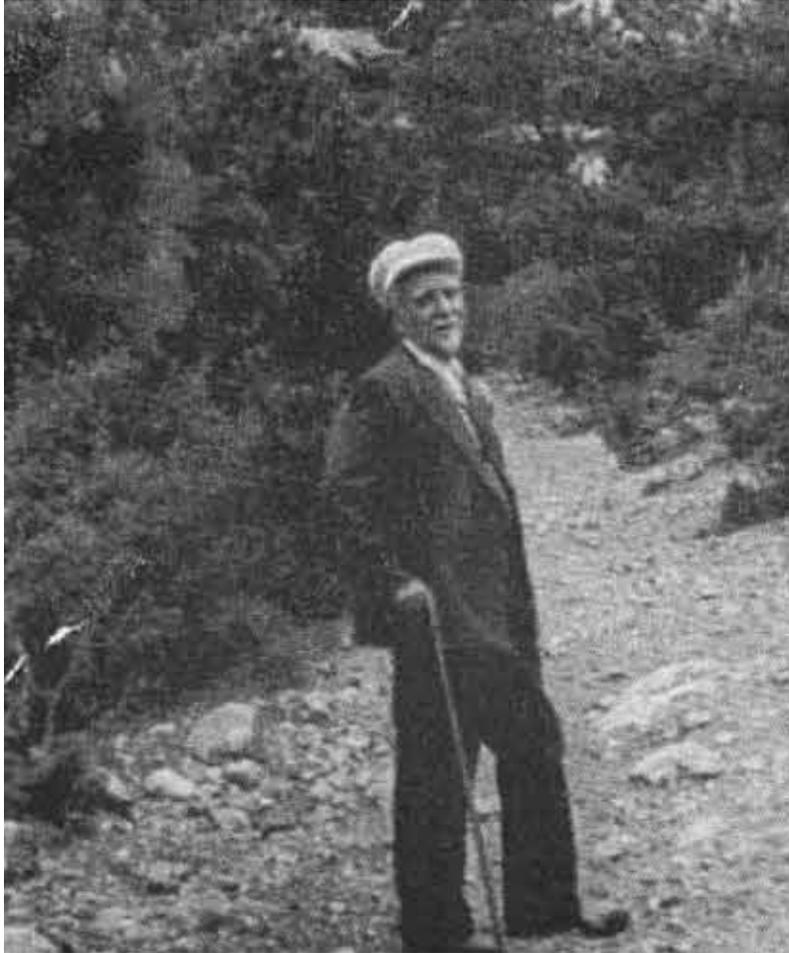
Г. М. Кржижановский в домашней обстановке.

Г. М. Кржижановский, 1939 г.

З. П. Неворова-Кржижановская и Г. М. Кржижановский в гостях у Н. К. Крупской, 1939 г.

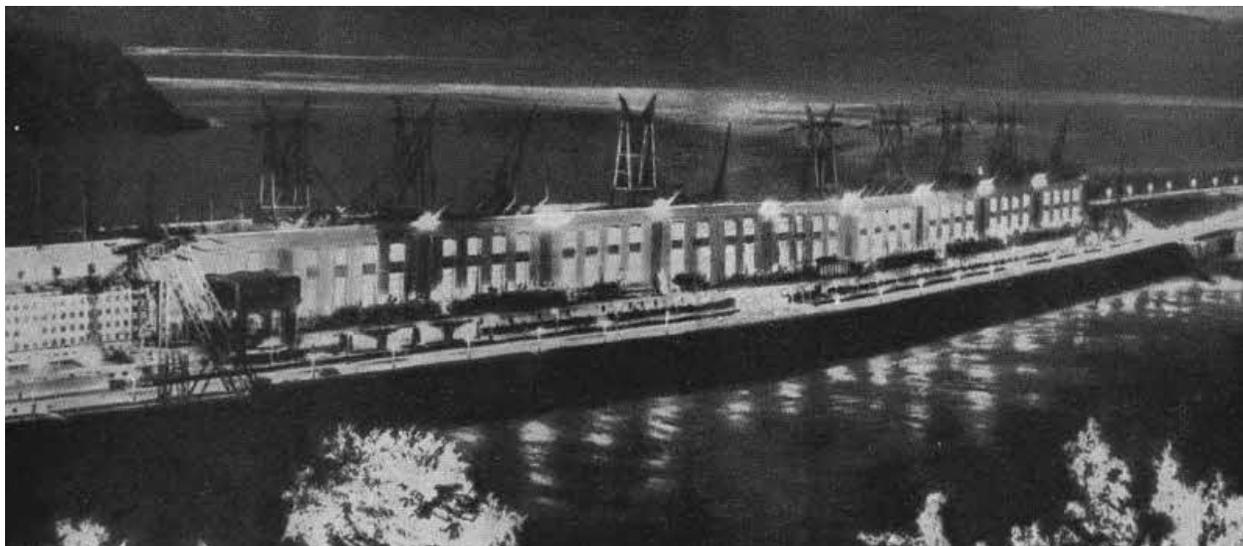
Г. М. Кржижановский на отдыхе в Гаспре, 1940 г.

Г. М. Кржижановский в домашней обстановке.

Г. М. Кржижановский в последние годы жизни.

Ночной пейзаж Волги в районе Волжской ГЭС имени В. И. Ленина.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И.*, Полн. собр. соч.
Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1–7. М., Политиздат, 1970–1978.
Ленинский сборник. Т. XXIII, XXIV, XXXVI, XXXVII.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., Госполитиздат, 1954.
Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900–1903 гг. М., «Мысль», 1969.
Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. М., Политиздат, 1968–1969.
Ленин. Петербургские годы. По воспоминаниям современников и документам. М., Политиздат, 1972.
Ленин. Сибирская ссылка. По воспоминаниям современников и документам. М., Политиздат, 1975.
Кржижановский Г. М. Великий Ленин. М., Политиздат, 1971.
Кржижановский Г. М. Мыслитель и революционер. М., Политиздат, 1971.
Кржижановский Г. М. Шу-шу. Из воспоминаний о В. И. Ленине. М., «Детская литература», 1967.
Кржижановский Г. М. Сочинения в 3-х т. М., — Л., Энергоиздат, 1933–1936.
Кржижановский Г. М. Избранное. М., Госполитиздат.
Глеб Максимилианович Кржижановский. Жизнь и деятельность. М., «Наука», 1974.
Виноградов Л. К., Степанов В. Н. Жизнь — подвиг! М., Госполитиздат, 1960.
Попов Ф. Г. Летопись революционных событий. Куйбышев, 1969.
Стеклов В. Ю. В. И. Ленин и электрификация, М., «Наука», 1970.
Стеклов В. Ю. Глеб Максимилианович Кржижановский (К 100-летию со дня рождения). М., «Знание» 1972.
Товарищи в борьбе. Составитель Г. Е. Хаит. Красноярское книжное издательство, 1972.
Труды ГОЭЛРО. Документы и материалы. Соцэргиз, М., 1960.
Флаксерман Ю. Н. Глеб Максимилианович Кржижановский. М., «Наука», 1964.

В книге читатель найдет много ранее не публиковавшихся архивных материалов и фотографий. Успешный поиск этих материалов и работа с ними были бы крайне затруднены, если бы не активное содействие работников Центрального партийного архива НМЛ при ЦК КПСС — В. В. Аникеева и Н. В. Орловой, Центрального Государственного архива Октябрьской революции и центральных органов власти — Б. И. Каптелова, Центрального государственного архива народного хозяйства СССР — В. В. Цаплина и А. А. Новиковой, работников архивов городов Куйбышева, Горького, Красноярска, Киева, Томска, Казани, Тюмени, Тобольска — А. С. Прокопенко, Э. С. Шариковой, В. М. Брожек, В. А. Харламова, Г. И. Браво-Животовской и других товарищей, которым автор выражает свою самую искреннюю признательность. Много дало автору изучение фондов Музея Революции в Москве, Дома-музея Г. М. Кржижановского в Москве, Народного музея Г. М. Кржижановского в г. Куйбышеве, что стало возможным благодаря доброжелательной помощи сотрудников этих музеев С. В. Вашлаевой, Е. В. Лисиновой, О. Т. Вороновой, А. Г. Голоднова, Л. А. Зерчанинова и других товарищей. Неоценимую помощь в формировании образа Г. М. Кржижановского оказали беседы автора с людьми, лично знавшими его, — А. А. Зворыкиным, Е. А. Зерновой, Е. В. Ильиным, Б. М. Кедровым, П. В. Кенигом, И. Р. Классовом, И. С. Козловским, О. В. Костенко, Б. Г. Кузнецовым, Э. Г. Орджоникидзе, Т. П. Салтыковой, Т. А. Логуновой, А. Б. Маркиным, Ю. К. Милоновым, М. А. Подвойской, В. И. Попковым, Е. А. Сазоновой, М. И. Сидоровым, А. П. Сливенко, В. А. Спейшером, В. Ю. Стекловым, Ю. Н. Флаксерманом, Г. Н. Худяковым, М. В. Чашниковой, А. В. Чечеткиным, а также с куйбышевским краеведом В. Н. Арнольдом. Особую благодарность автор выражает профессорам П. В. Волобуеву, М. Н. Розанову, А. А. Чеканову, А. А. Чернухину и старшему научному сотруднику ИМЛ при ЦК КПСС С. М. Гончаровой за просмотр рукописи и сделанные по ней ценные замечания, а также Т. Б. Карцевой, вложившей в книгу не только много труда, но и сердца.

INFO

К27

Карцев В. П.

Кржижановский. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 383 с., ил. портр. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; Вып. 9 (605).

В пер.: 1 р. 70 к. 150 000 экз.

ББК 66.61(2)8

ЗКП 1(092)

К 70302-085/078(02)-80 263-80 4700000000

ИВ № 1863

Владимир Петрович Карцев

КРЖИЖАНОВСКИЙ

Редактор *А. Неверов*

Серийная обложка *Ю. Арндта*

Художественный редактор *А. Степанова*

Технический редактор *И. Соленов*

Корректоры *Г. Василёва, Е. Самолетова*

Сдано в набор 12.06.79. Подписано в печать 17.03.80.
А01483.

Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 20,16+17 вкл. Учетно-изд. л. 23,2. Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.) Цена 1 р. 70 к. Заказ 745.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии. 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

notes

Примечания

1

Выделение *р а з р я д к о й*, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом. (не считая стихотворений).
— Примечание оцифровщика.

Из мемуарного сочинения Г. М. Кржижановского. — *Примеч. авт.*

А. А. Якубова. — *Примеч. авт.*

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 64–65.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 66–67,

Имеется в виду книга «Развитие капитализма в России». — *Примеч. авт.*

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 455.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 185.

Бунд — мелкобуржуазная националистическая организация, объединявшая главным образом евреев-ремесленников западных областей России. С 1901 года являлся носителем Национализма и сепаратизма в рабочем движении России, занимал оппортунистические позиции, поддерживал «экономистов», меньшевиков, вел борьбу против большевизма. — *Примеч. ред.*

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 247.

Там же, с. 284.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 296–297.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 304.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46. с. 308–310.

Там же, с. 314.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 317–318.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 326–327.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 338.

В описании сна использована неопубликованная рукопись Г. М. Кржижановского. — *Примеч. авт.*

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 336.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 354–356.

Речь идет о книге В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». —
Примеч. авт.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 358.

Там же, с. 360–361.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 75.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 105.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 62–63.

Ленинский сборник, т. XIV, с. 299.

Глеб Максимилианович пояснял потом, что эта фраза является дружеским подтруниванием Ильича над его привычкой злоупотреблять выражением «в порядке первого приближения». — *Примеч. авт.*

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 159–160.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 289–290.

Ленин В. И. Полн. собр. соч, т. 52, с. 1.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 76.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 339–347.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 81.

В полном почете! (*нем.*)

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 128–129.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 141–142.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 250–251.

Ленин В. И. Полн. собр. соч, т 52, с. 269–270.

Там же, с. 270.

Ленин В. И. Полн. собр. соч, т. 44, с. 63.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 63.

Там же.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 143.

Там же, с. 168.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 249.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 101.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 227–228.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.